ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Смертельный холод

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.
Publishers Weekly

Annotation

Роман «Смертельный холод» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. В деревне Три Сосны, что к югу от Монреаля, произошло невероятное убийство. Смерть настигла Сесилию де Пуатье на заснеженной поверхности замерзшего озера, где она вместе с другими болельщиками наблюдала за матчем по кёрлингу, а орудием убийства стал металлический стул, подсоединенный к источнику тока. Кто-то тщательно продумал и спланировал убийство, не оставив жертве ни малейшего шанса. Старшему инспектору Арману Гамашу из полиции Квебека нечасто приходится сталкиваться со столь изощренным и жестоким преступником. Но чем заслужила эта женщина такую ужасную смерть?

Луиза Пенни
Смертельный холод

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается моему брату Дугу и его семье —
Мэри, Брайану, Розлин и Чарлзу,
которые показали мне, что такое
настоящее мужество. Намасте*

Глава первая

Если бы Си-Си де Пуатье знала, что ее убьют, то, наверное, купила бы своему мужу Ришару подарок на Рождество. Наверное, она бы даже съездила на праздник в школу, где училась ее дочка, – в Женскую школу мисс Эдвардс, или «жопскую» школу, как любила говорить Си-Си, поддразнивая свою необъятных размеров дочку. Если бы Си-Си знала, что конец близок, то осталась бы на работе, а не проводила время в самом дешевом номере, какой мог предложить отель «Риц» в Монреале. Но ей было известно лишь об одном конце, находящемся поблизости, и он принадлежал мужчине по имени Сол.

– Ну и что ты думаешь? Тебе нравится?

Она установила книгу на своем белом животе.

Сол уже не в первый раз посмотрел на книгу. В течение нескольких последних дней Си-Си каждые пять минут доставала из своей громадной сумочки эту книгу. На бизнес-встречах, за обедом, во время поездок в такси по заснеженным улицам Монреаля Си-Си вдруг наклонялась и торжественно выпрямлялась, держа в руках свое творение, словно являла миру еще одно непорочное зачатие.

– Мне нравится фотография, – сказал Сол, понимая, что это оскорбляет ее.

Он сам сделал этот снимок. Он знал, что она ждет и даже просит от него какого-то поощрения, но больше не желал гладить ее по головке. И еще он спрашивал себя, как долго сможет находиться близ Си-Си де Пуатье, не превращаясь в нее. Не в физическом смысле, конечно. Ей было сорок восемь – на несколько лет меньше, чем ему. Она была стройная, гибкая и в хорошей форме, с невероятно белыми зубами и невероятно светлыми волосами. Прикасаться к ней было все равно что прикасаться к ледяной глыбе. В этом была своеобразная красота и хрупкость, которая казалась ему привлекательной. Однако имелась и опасность. Если Си-Си сломается, расколется, то и его разорвет в клочья.

Но дело было не в ее внешности. Глядя, как она ласкает свою книгу – с большей нежностью, чем когда-либо ласкала его, – он спрашивал себя, не проник ли ее внутренний лед и в него, может быть во время секса, и не замерзает ли он сам теперь изнутри. Он уже и без того не чувствовал своего сердца.

В пятьдесят два Сол Петров только-только начал замечать, что его

друзья уже не такие блестящие, не такие умные, не такие стройные, какими были когда-то. Честно говоря, большинство из них начало утомлять его. Да и они, общаясь с ним, случалось, красноречиво позевывали. Они обрастали жирком, лысели, становились скучными. И он подозревал, что такие же трансформации происходят и с ним. Его не очень огорчало, что женщины теперь редко заглядываются на него, или что он начал подумывать, не поменять ли горные лыжи на беговые, или что семейный врач назначил ему УЗИ простаты. Все это он мог принять. Беспокоило и пробуждало Сола Петрова в два часа ночи другое: тот же голос, что в детстве нашептывал ему, будто под кроватью живут львы, теперь уверенно шептал, что людей от него тоска берет. Сол глубоко дышал темным ночным воздухом, пытаясь убедить себя, что с трудом сдерживаемые зевки его визави за обедом сегодня объяснялись выпитым вином, или magret de canard[1], или обволакивающим теплом в монреальском ресторане, куда они явились в своих практичных зимних свитерах.

А ночной голос все продолжал ворчать, предупреждая Сола о подстерегающих его опасностях. О неминуемой катастрофе. О том, что он слишком много говорит, о том, что он перестал быть интересным, о том, что люди вокруг него слишком часто закатывают глаза. О том, что его собеседники украдкой поглядывают на часы, выжидая удобного момента оставить его. О глазах, обводящих комнату в отчаянных поисках более занимательной компании.

И потому он позволил Си-Си соблазнить его. Соблазнить и проглотить, и, таким образом, лев из-под кровати переместился в постель. Сол начал подозревать, что эта поглощенная собой женщина наконец поглотила себя целиком, поглотила своего мужа и даже свою кошмарную дочурку, а теперь принялась поглощать и его.

В ее обществе он уже стал жестоким. Начал презирать себя. Но не с такой силой, с какой презирал ее.

– Это блестящая книга, – сказала Си-Си, игнорируя его. – Нет, правда. Кто от такого откажется? – Она помахала книгой перед его лицом. – Люди ее просто глотать будут. Вокруг столько людей с расстроенной психикой. – Она и в самом деле повернулась и уставилась через окно их номера на стоящее напротив здание, словно высматривая «своих» людей. – Я сделала это ради них. – И она взглянула на Сола широко раскрытыми, искренними глазами.

«Неужели она верит в это?» – спросил он себя.

Он, конечно же, прочел ее книгу. «Клеймите беспокойство» – так она ее назвала, как и компанию, созданную несколько лет назад, и название это

звучало как насмешка над самой Си-Си, которая была настоящим комком нервов. Не знающие покоя руки, постоянно что-нибудь разглаживающие и распрямляющие. Короткие резкие ответы, нетерпение, часто переходящее во вспышку ярости.

Хотя Си-Си де Пуатье и имела безмятежную, словно замороженную внешность, вряд ли слово «спокойствие» могло у кого-то ассоциироваться с нею.

Она предлагала свою книгу всем подряд, начиная с ведущих нью-йоркских издательских домов и кончая печатниками почтовых открыток в захолустной деревеньке Сент-Поликарп на шоссе между Торонто и Монреалем.

Все они отвечали отказом, сразу распознавая в рукописи беспомощную мешанину из смешных доморощенных философствований в обертке из недопеченных буддистских и индуистских учений, извергнутую женщиной, которая, судя по фотографии на обложке, поедает своих детей.

– Какое тут, к черту, просветительство, – сказала Си-Си Солу в своем монреальском офисе в тот день, когда получила пачку очередных отказов. Она разорвала их в клочья и бросила на пол: пусть уборщица подметает. – Я тебе говорю, мы живем в каком-то вывернутом наизнанку мире. Люди жестоки и бесчувственны, они живут, чтобы обманывать друг друга. Ни любви, ни сострадания не существует. А вот это, – она разрезала воздух своей книгой, словно молотом из древних мифов, направленным на беспощадную наковальню, – это научит людей быть счастливыми.

Слова, произнесенные низким голосом, были насыщены злобой. Она решила издать книгу за собственные деньги, причем так, чтобы та вышла перед Рождеством. И хотя в книге было много рассуждений о свете, Солу показался любопытным и исполненным иронии тот факт, что в свет эта книжонка вышла перед зимним солнцестоянием. Перед самым темным днем года.

– Как, ты говоришь, называется издательство? – не смог удержаться он. – Ах да, вспомнил. Никто не хотел ее печатать. Наверно, это было ужасно. – Он задумался на мгновение, не зная, повернуть ли нож в ране или нет. Да ладно, чего церемониться. – Ну и что ты при этом чувствовала?

Ему показалось или она действительно поморщилась?

Но ее молчание красноречиво продолжалось, на лице застыло бесстрастное выражение. Всего того, что не нравилось Си-Си, просто не существовало. Включая ее мужа и ее дочь. Включая все неприятные вещи, любую критику, любые резкие слова (если они не были сказаны ею самой), любые эмоции. Сол знал, что Си-Си живет в своем собственном мире, где

она идеальна, где она может скрывать свои чувства и неудачи.

Сколько еще нужно времени, чтобы этот мир взорвался? Сол надеялся, что будет поблизости и увидит, как это происходит. Поблизости, но на безопасном расстоянии.

Она сказала, что люди жестоки и бесчувственны. Жестоки и бесчувственны. Не так давно он заключил с ней фрилансерский контракт как ее фотограф и любовник, и тогда ему казалось, что этот мир – прекрасное место. Каждое утро он просыпался рано и начинал новый день в новом мире, где не было ничего невозможного, и он видел, как прекрасен Монреаль. Он видел, как люди улыбаются друг другу, заказывая капучино в кафе, покупая свежие цветы или французские длинные батоны. Он видел, как дети собирают упавшие каштаны, привязывают к ним веревочки и играют. Он видел, как пожилые дамы прогуливаются по Мейну.

Он не был слеп или глуп – он замечал бездомных мужчин и женщин, замечал избитые лица в синяках, говорящие о долгой пустой ночи и еще более долгом дне впереди.

Но в глубине души он верил, что мир – прекрасное место. И его фотографии отражали это, они улавливали свет, блеск, надежду. И тень, которая неизбежно бросала вызов свету.

По иронии судьбы именно это качество и привлекло внимание Си-Си и навело ее на мысль предложить ему контракт. Статья в одном журнале, написанная в типично монреальском стиле, говорила о нем как о «крутом» журналисте, а Си-Си всегда хотела иметь только лучшее. Вот поэтому они всегда снимали номер в «Рице». Тесный жуткий номер на одном из нижних этажей без вида из окна и без шарма, но все же – «Риц». Даже шампуни и канцелярские принадлежности Си-Си выбирала так, чтобы подтвердить свою репутацию, и по той же причине она выбрала его, Сола. Она использовала все это – и даже его, Сола, – чтобы доказать что-то непонятное людям, которым было все равно. По прошествии какого-то времени все это выбрасывалось. Как был отброшен в сторону ее муж, как игнорировалась и высмеивалась ее дочь.

Мир был жестоким и бесчувственным местом.

И теперь Сол верил в это.

Он ненавидел Си-Си де Пуатье.

Сол встал с кровати, оставив Си-Си разглядывать ее книгу, ее истинного любовника. Он посмотрел на нее – она то расплывалась перед его глазами, то снова обретала четкость. Он наклонил голову к плечу, подумав, что, наверное, опять выпил слишком много. Но ее очертания снова стали размазанными, а потом снова резкими, словно он смотрел

сквозь призму на двух разных женщин: одну – красивую, гламурную, жизнерадостную, и другую – жалкую крашеную блондинку, сплошной комок нервов, ощетинившуюся и грубую. И опасную.

– Это что? – спросил Сол.

Из корзинки с мусором он извлек папку. Ее назначение было очевидным – портфолио художника. Оно было красиво и тщательно переплетено и напечатано на специальной пухлой бумаге. Сол открыл портфолио – и у него перехватило дыхание.

Внутри находилась серия работ, наполненных светом, словно излучающих сияние с великолепной бумаги. У Сола защемило в груди. На картинах был изображен прекрасный и в то же время уязвленный мир. Но по большей части это был мир, в котором все еще существовали надежда и утешение. Художник явно видел этот мир каждый день, жил в нем. Как и Сол, когда-то живший в мире света и надежды.

Работы казались простыми, но на самом деле были очень сложными. Изображения и цвета наслаивались один на другой. Для достижения желаемого эффекта, видимо, было потрачено немало часов и дней.

Сол вгляделся в одну из этих работ. Величественное дерево, воспарявшее в небеса, словно устремлялось к солнцу. Художник сфотографировал его и каким-то образом сумел передать ощущение движения, но так, что зритель при этом не оказывался дезориентированным. Нет, работа была изящная, успокаивающая и, самое главное, сильная. Кончики ветвей как будто растворялись или становились нечеткими, словно даже в их уверенности и целеустремленности была крохотная доля сомнения. Это было блестяще.

Все его мысли о Си-Си были забыты. Сол забрался на дерево, чуть ли не ощущая его грубую кору на ладонях; он словно опять сидел на коленях у дедушки и прижимался к его небритому лицу. Как художнику это удалось?

Сол не сумел разобрать подпись. Он перелистал остальные страницы и ощутил, как на его замороженном лице медленно появилась улыбка, как его ожесточенное сердце помягчело.

Может быть, если ему удастся избавиться от Си-Си, он вернется к своей работе и будет делать вот такие вещи.

Он выдохнул всю темноту, которая скопилась в нем.

– Так тебе нравится? – Си-Си помахала перед ним своей книгой.

Глава вторая

Кри осторожно надела костюм, стараясь не порвать белый шифон. Рождественские праздники уже начались. Она слышала, как ребята из младших классов распевали: «Его колыбель в яслях вместо крова», хотя ей подозрительно слышалось «корова». Уж не относится ли это к ней? Не смеются ли они все над ней? Она прогнала эту мысль и продолжила одеваться, тихонько напевая себе под нос.

– Кто это? – раздался в переполненной шумной комнате голос мадам Латур, учительницы музыки. – Это кто там напевает?

Лицо мадам, напоминающее яркую птичку, выглянуло из-за угла, за которым Кри изо всех сил старалась одеться без посторонней помощи. Кри инстинктивно попыталась прикрыть костюмом наготу своего полуобнаженного четырнадцатилетнего тела. Конечно, это было невозможно. Слишком большое тело и слишком мало материи.

– Это ты пела?

Кри уставилась на нее, боясь произнести хоть слово. Мать предупреждала ее об этом. Предупреждала, что никогда нельзя петь на публике.

Но сегодня ликующее сердце подвело ее: у нее действительно вырвалось что-то похожее на пение.

Мадам Латур окинула взглядом громадную девочку и почувствовала, что съеденный ею ланч подступил к горлу. Эти жировые валики, эти жуткие ямки, нижнее белье, исчезающее в складках тела. Невыразительное лицо с широко раскрытыми глазами. Учитель-естественник, месье Драпо, говорил, что Кри лучшая в классе, а вот другой учитель сообщал, что в этом триместре одной из тем, которые они проходили, была «Витамины и минералы», и Кри, вероятно, проглотила учебник.

И тем не менее она участвовала в празднике и готова была показать себя во всей красе, хотя для этого нужно было очень сильно постараться.

– Поторопись. Скоро тебе выходить.

Мадам Латур вышла, не дожидаясь ответа. Это был первый рождественский праздник, в котором участвовала Кри за пять лет учебы в Женской школе мисс Эдвардс. Все прошлые годы, когда остальные ученицы готовили себе костюмы, она готовила невнятные извинения. Никто и не пытался переубедить ее. Напротив, ей поручали работать с осветительной аппаратурой, потому что у нее, как говорила мадам Латур,

была техническая жилка. А это означало, что для всяких человеческих эмоций жилки у нее нет. Так что за всеми предшествующими рождественскими праздниками Кри наблюдала в одиночестве из темноты, глядя на хорошеньких, сияющих, талантливых девочек, которые танцевали и пели песни о чуде Рождества, купаясь в лучах света, обеспечиваемого Кри.

Но не в этом году.

Она надела костюм и посмотрела на себя в зеркало – оттуда на нее смотрела громадная шифоновая снежинка. Да, призналась она самой себе, это не снежинка, а целый сугроб, но все же это был костюм, и к тому же превосходный. Другим девочкам помогали их матери, но Кри пришлось все делать самой. Чтобы удивить маму, говорила она себе, стараясь заглушить другой голос.

Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть крохотные капельки крови на материи: ее пухлые, неловкие пальцы боролись с иголкой и не всегда с нею справлялись. Но она стойко держалась и закончила этот костюм. А потом ее вдруг посетила блестящая идея. Лучшая за всю ее четырнадцатилетнюю жизнь.

Она знала, что ее мать всегда почитала свет. Кри всю жизнь говорили, что именно за это все мы и боремся. Отсюда и название – просвещение. Вот почему об умных людях говорят как о людях ярких. Почему люди делают великие открытия? Потому что на них нисходит просветление.

Все это было так очевидно.

А сегодня Кри будет изображать снежинку. Самое белое и светлое, что только можно себе представить. А если добавить к этому ее собственный блеск? Она сходила в магазин, где все товары стоили по доллару, и на деньги, что ей оставляла мать, купила пузырек блесток. Она даже смогла пройти мимо шоколадного бара, хотя и остановилась поглазеть перед витриной. Кри вот уже месяц сидела на диете и была уверена, что скоро ее мать заметит это.

С помощью клея она нанесла блестки и теперь видела перед собой результаты.

Кри впервые в жизни знала, что она красива. И она знала, что через несколько коротких мгновений ее мать будет думать то же самое.

Клара Морроу взглянула через заиндевевшие окна своей гостиной на деревеньку Три Сосны. Потом она наклонилась и принялась соскребать ледок со стекла. «Теперь, когда у нас появилось немного денег, – подумала она, – наверное, стоило бы поменять окна». Клара понимала, что это было

бы разумно, однако большинство ее решений трудно было назвать разумными. Но эти решения отвечали ее образу жизни. И, глядя на снежный мир, какой являли собой Три Сосны, она знала, что ей нравится смотреть на этот мир сквозь причудливый рисунок изморози, оставленный холодом на старом стекле.

Потягивая горячий шоколад, она смотрела на закутанных в теплую одежду жителей, которые прогуливались под неторопливо падающим снегом и приветственно махали друг другу облаченными в варежки руками, а произнесенные ими слова обрамлялись облачками дыхания, словно у персонажей комиксов. Некоторые направлялись в бистро Оливье, чтобы выпить кофе с молоком, другим нужен был свежий хлеб или patisserie[2] из пекарни Сары. Магазин «Книги Мирны, новые и старые» рядом с бистро сегодня был закрыт. Месье Беливо очистил от снега крыльцо и подходы к своему магазину и помахал Габри, чья громадная впечатляющая фигура двигалась через деревенский луг из маленькой гостиницы на углу. Постороннему человеку жители деревни показались бы безликими, даже бесполыми. Во время квебекской зимы все люди похожи друг на друга. Все ковыляют, укутанные в теплые одеяния, громадные массы гусиного пуха и «Тинсюлату»[3], отчего даже стройные кажутся полными, а полные – толстяками. Все выглядят одинаково. Вот только шапочки у всех разные. Клара видела ярко-зеленый помпон на шапочке Рут – вот он кивнул многоцветной шапочке Уэйна, связанной Нелли долгими осенними вечерами. На детях семейства Левек, гонявших по замерзшему пруду хоккейную шайбу, были шапочки всех оттенков синего; маленькую Розу так трясло в сетке ворот, что даже Клара видела, как дрожит ее бледно-голубая шапочка. Но братья любили ее, а потому каждый раз, мчась к воротам, они изображали падение и вместо хлесткого удара по воротам просто тихонько скользили к ней по льду, так что прорыв заканчивался веселой свалкой. Это напоминало Кларе одну из литографий от «Курье энд Айвза»[4], на которые она часами смотрела в детстве, изнемогая от желания шагнуть за рамку и оказаться среди изображенных персонажей.

Три Сосны были укутаны снежным одеялом. За последние несколько недель выпало около фута снега, и все старые дома вокруг деревенского луга обзавелись шапочками чистейшей белизны. Из труб струился дымок, словно у домов были собственные голоса и дыхание. Ворота и калитки были украшены рождественскими венками. По вечерам тихая деревенька Восточных кантонов сверкала рождественскими украшениями. Взрослые и дети готовились к большому празднику, и от этого по всей деревне стоял

тихий гул.

– Может, ее машина не заводится.

В комнату вошел муж Клары Питер. Как и его отец, он был похож на топ-менеджера из списка «Форчун 500»[5]. Но дни свои он проводил, ссутулившись над мольбертом, и его тронутые сединой кудрявые волосы нередко были в масляной краске, потому что он в мучительных подробностях выписывал свои абстрактные творения. Их покупали за тысячи долларов коллекционеры по всему свету, но поскольку работал он медленно, то в год удавалось сделать одну-две картины, а потому они прозябали в вечной бедности. До недавнего времени. Картины Клары, на которых были изображены воинственные женские матки и тающие деревья, еще не обрели своего покупателя.

– Она приедет, – сказала Клара.

Питер посмотрел на жену своими голубыми дружелюбными глазами: в ее когда-то темных волосах начала пробиваться седина, хотя ей еще не исполнилось и пятидесяти. Фигура ее начала набирать жирок в области талии и бедер, и Клара стала поговаривать, что пора бы ей возобновить посещение фитнес-класса Мадлен. Питер был достаточно опытен, чтобы не отвечать на вопрос, пора ли ей и в самом деле.

– Ты уверена, что я не могу поехать? – спросил он больше из вежливости, чем из действительного желания затиснуться в мышеловку машины Мирны и трястись на ухабах до самого города.

– Конечно не можешь. Рождественские подарки покупаю я. И потом, в машине не хватит места для Мирны, меня, тебя и подарков. Нам пришлось бы оставить тебя в Монреале.

К открытой калитке подъехала крохотная машинка, и из нее вышла громадная черная женщина. Это, вероятно, была самая любимая у Клары часть поездок с Мирной – смотреть, как та садится в машину и выходит из нее. Клара была абсолютно уверена, что Мирна крупнее своей машины. Летом целая толпа собиралась посмотреть, как она затискивается внутрь и при этом платье у нее задирается до самой талии. Но Мирна только смеялась. Зимой все было еще смешнее, потому что Мирна носила ярко-розовую парку[6], которая почти в два раза увеличивала ее в размерах.

«Я с островов, детка, – сказала она как-то раз. – Мне холодно».

«Ты с острова Монреаль», – возразила Клара.

«Верно, – со смехом согласилась Мирна. – Только с его южной окраины. Я люблю зиму. Это единственное время года, когда у меня розовая кожа. Что скажешь? Я могла бы сойти?»

«Сойти за кого?»

«За белую?»

«А тебе это надо?»

Мирна посмотрела на лучшую подругу внезапно посерьезневшими глазами и улыбнулась: «Нет. Уже не надо». Похоже, она была довольна и даже немного удивлена собственным ответом.

И вот теперь квебекская зима опять превратила Мирну в белую женщину с пухлым розовым лицом. В нескольких слоях ярких шарфов и алой шапочке с оранжевым помпоном она тяжело вышагивала по вычищенной дорожке к их дому.

Скоро они будут в Монреале. Езды всего ничего – меньше полутора часов даже в снег. Клара с нетерпением ждала дня покупок, но самым главным в ее поездке, в ее любой поездке в Монреаль была ее тайна. Ее секретное удовольствие.

Клара умирала от желания посмотреть витрину «Ожильви»[7]. У этого знаменитого монреальского магазина была самая волшебная витрина в мире. В середине ноября огромные окна темнели, их закрывали бумагой. А потом начиналось нетерпеливое ожидание, когда же снимут завесу с этого праздничного чуда. Когда Клара была ребенком, эта витрина интересовала ее больше, чем парад Санта-Клауса. И стоило ей узнать, что темная бумага наконец-то снята, как она неслась в центр города прямо к волшебной витрине.

Вот и она. Клара мчалась к витрине со всех ног, но останавливалась в таком месте, где саму витрину еще не было видно. Она закрывала глаза, брала себя в руки, делала шаг вперед и открывала глаза. И видела ее. Деревню Клары. То место, куда она уедет, когда разочарования и возрастающая жестокость станут невмоготу чувствительной маленькой девочке. Зимой ли, летом ли, ей нужно было только закрыть глаза, и она оказывалась там, где медведи танцуют, утки катаются на коньках, а лягушки в викторианских костюмах стоят с удочками на мосту. По ночам, когда упырь ухал, фыркал и скреб когтями под полом ее спальни, она крепко закрывала свои маленькие голубые глаза и усилием воли переносилась в волшебную витрину и деревню, где упырь никогда ее не найдет, потому что вход туда сторожит доброта.

А потом в ее жизни свершилось нечто чудесное – чудеснее не бывает. Она влюбилась в Питера Морроу и согласилась отложить на будущее захват Нью-Йорка. Вместо этого она согласилась переехать в любимую им крохотную деревню к югу от Монреаля. Клара не знала эту область – она ведь была городской девицей, но любовь ее к Питеру была так сильна, что

она не колебалась ни минуты.

И вот оно случилось: двадцать шесть лет назад умная и циничная выпускница художественного колледжа вышла из их маленького «фольксвагена» и начала плакать.

Питер привез Клару в заколдованную деревню ее детства. В деревню, о которой она забыла, когда выросла и прониклась важностью своей взрослости. В конечном счете оказалось, что рождественская витрина «Ожильви» настоящая и называется она Три Сосны. Они купили маленький домик у деревенского луга и начали вести в нем жизнь куда более волшебную, чем когда-либо в ее самых смелых мечтах.

Несколько минут спустя, сидя в тепле машины, Клара расстегнула парку и уставилась в окно на плывущие мимо заснеженные окрестности. Это Рождество было особенным по причинам одновременно ужасным и замечательным. Ее дорогая подружка и соседка Джейн Нил была убита немногим более года назад, после чего выяснилось, что она завещала Кларе все свои деньги. В предыдущее Рождество Клара чувствовала себя слишком виноватой, чтобы их тратить. Ей казалось, что неприлично быть в выигрыше от смерти Джейн.

Мирна посмотрела на свою подружку, блуждая мыслями вокруг той же темы – смерти дорогой Джейн Нил и того совета, что она, Мирна, дала Кларе после убийства Джейн. Давать советы было для Мирны делом привычным. Прежде она работала психотерапевтом в Монреале, – работала, пока не поняла, что ее клиенты вовсе не хотят выздоравливать. Им требовались только таблетки и заверение, что в их состоянии виноваты вовсе не они.

И Мирна бросила все это. Она загрузила свою маленькую красную машину книгами и одеждой и, покинув остров Монреаль, направилась через мост на юг, в сторону границы со Штатами. Решила посидеть на флоридском бережку и подумать, что ей делать дальше.

Но тут вмешались судьба и чувство голода. Мирна неспешно ехала по живописным проселочным дорогам, наслаждаясь пейзажами, и вдруг всего через час у нее не на шутку разыгрался аппетит. По грунтовой дороге она перевалила через вершину холма и увидела деревню, спрятавшуюся между холмов и лесов. Деревня появилась так неожиданно, что удивленная Мирна остановила машину и вышла. Стояла поздняя весна, и солнце набирало силу. Из-под старой каменной мельницы выбивался ручей и устремлялся к белой церквушке, обитой вагонкой, а потом протекал извиваясь вдоль деревни. Сама деревня имела форму круга, из которого в четырех направлениях уходили грунтовые дороги. В центре располагался

деревенский луг, вокруг него стояли старые дома, часть которых была построена на квебекский манер – с крутыми металлическими крышами и узкими спальнями наверху. Другие здания были обшиты вагонкой и имели широкие открытые веранды. По меньшей мере один дом был построен из плитняка – камня, вывороченного из окружающих полей первопроходцами, спасавшимися от наступающей немилосердной зимы.

На лугу Мирна увидела пруд и три величественные сосны, воспаряющие к небесам.

Мирна вытащила свою карту Квебека. Минуты через две аккуратно сложила ее и удивленно прислонилась к машине. Деревни на карте не было. Карта показывала пункты, исчезнувшие много десятилетий назад. Показывала крохотные рыбацкие деревушки, даже все населенные пункты из двух домиков и часовни.

Но эта деревня на карте отсутствовала.

Мирна посмотрела на местных жителей: кто-то работал в саду, кто-то выгуливал собак, кто-то сидел на скамье у пруда и читал. Наверное, это деревня была своего рода Бригадуном[8]. Являлась раз в сто лет и только тем, кому нужно было ее увидеть. Но Мирна пока еще колебалась. Нет, здесь наверняка нет того, что ей надо. Она уже готова была развернуться и направиться в Уильямсбург, который на карте был, но в последний момент решила рискнуть.

В Трех Соснах нашлось все, что ей было нужно.

Здесь продавали круассаны и кофе с молоком. Здесь продавали стейки с картошкой фри и «Нью-Йорк таймс». Здесь были пекарня, бистро, маленькая гостиничка, универмаг. Здесь царили мир, спокойствие и смех. Здесь были великая скорбь и великая печаль и умение принимать и то и другое и довольствоваться этим. Здесь были дружба и доброта.

И здесь обнаружилось пустующее помещение под магазин с жильем наверху. Все это ждало. Ждало ее.

И Мирна обосновалась здесь навсегда.

За час с небольшим Мирна переместилась из мира недовольств в мир удовлетворения. И случилось это шесть лет назад. А теперь она продавала своим друзьям старые и новые книги и делилась банальными советами.

«Да бога ради, ты уж либо просрись, либо слезай с горшка, – такой совет дала она Кларе. – Джейн умерла уже несколько месяцев назад. Ты помогла найти ее убийцу. Ты наверняка знаешь: Джейн расстроилась бы, узнав, что ты не получаешь удовольствия от тех денег, которые она тебе оставила. Нужно было оставить их мне. – Мирна в притворном недоумении покачала головой. – Уж я бы знала, что с ними делать. Вмиг самолетом на

Ямайку, там пристроиться к какому-нибудь доброму растаману[9], взять хорошую книгу…»

«Постой, ты хочешь читать книгу вместе с растаманом?»

«Ну да. У каждого свое назначение. Растаман, скажем, хорош, когда затвердеет. А вот с книгой в твердой обложке лучше не иметь дела».

Клара рассмеялась. Они обе не любили книги в твердых переплетах. Не за содержание, а за обложку. Книгу в твердом переплете неудобно держать в руках, в особенности в постели.

«В отличие от растамана», – сказала Мирна.

Так Мирна убедила свою подружку смириться со смертью Джейн и начать тратить деньги, что и собиралась делать Клара в этот день. Наконец-то заднее сиденье будет заполнено тяжелыми разноцветными бумажными пакетами с бечевочными ручками и рельефными названиями магазинов вроде «Холт Ренфру» или «Ожильви». Ни одного желтого пластикового пакета из «Доллар-рамы». Хотя Клара втайне и восторгалась этим магазином.

Питер сидел дома у окна и смотрел на улицу, побуждая себя заняться чем-нибудь конструктивным. Отправиться в студию, сесть за мольберт. Вдруг он заметил, что на одном из окон в изморози образовался просвет в форме сердечка. Он улыбнулся и посмотрел сквозь сердечко на улицу: Три Сосны занимались своими неспешными делами. Потом он поднял взгляд на махину старого дома на холме. Старый дом Хадли. Температура на улице начала падать, и на его глазах сердечко снова стало затягиваться ледком.

Глава третья

– Кто это сделал? – спросил Сол у Си-Си, держа в руках папку.

– Что?

– Вот это. – Он стоял голым в номере отеля. – Я нашел ее в корзинке для мусора. Это чье?

– Мое.

– Это ты сделала?

Он был поражен. На мгновение он даже подумал, что ошибся в ней. В портфолио были работы талантливого художника.

– Нет, конечно. Одна глупенькая личность из деревни дала это мне, чтобы я показала своим друзьям-галеристам. Пыталась подлизаться – это было самое смешное. «Пожалуйста, Си-Си, я знаю, какие у вас связи». «Ах, Си-Си, не могли бы вы показать это кому-нибудь из своих друзей?» Брр. Ты только представь: просить меня об услуге! И еще хватило наглости просить, чтобы я показала это Дени Фортену.

– И что ты ответила? – спросил он с упавшим сердцем, догадываясь, каким будет ответ.

– Сказала, что сделаю это с удовольствием. Можешь положить этот мусор туда, откуда взял.

Сол помедлил, но все же закрыл папку и положил назад в корзинку для мусора, ненавидя себя за то, что способствует уничтожению таких блестящих работ. Но еще больше он ненавидел себя за то, что хочет их уничтожить.

– У тебя что, на сегодня ничего нет? – спросил он.

Она выровняла стакан и лампу на прикроватном столике вплоть до миллиметра, пока они не встали так, как должны были стоять.

– Ничего важного, – ответила она, стирая громадное пыльное пятно со столика. И это в «Рице»! Нет, нужно поговорить с менеджером. Она посмотрела на Сола, стоявшего у окна. – Боже мой, как ты распустился.

Когда-то у него, вероятно, была хорошая фигура. Но теперь он весь стал дряблым. У Си-Си были толстые мужчины. У нее были накачанные мужчины. На ее вкус, и та и другая крайности были неплохи. Отвращение у нее вызывало лишь промежуточное состояние.

Сол вызывал у нее отвращение, и она уже не могла вспомнить, почему выбрала его. Потом посмотрела на глянцевую белую обложку книги и вспомнила.

Фотография. Сол был изумительным фотографом. На книге над названием «Клеймите беспокойство» красовалось ее лицо. Ее волосы, очень светлые, почти белые, ее губы, полные и красные, ее голубые глаза, поразительные, умные. И все лицо, такое белое, что оно сливалось с фоном, отчего казалось, что глаза, рот и уши просто парят на обложке.

Си-Си была в восторге от этой фотографии.

После Рождества она избавится от Сола. Когда он выполнит последнее свое обязательство. Она обратила внимание, что он, вероятно, садился на стул у стола, когда разглядывал работы в портфолио. Теперь стул стоял не на месте. Она почувствовала, как в ней нарастает раздражение. Черт его побери – он что, намеренно выводит ее из себя? И черт побери эту папку с картинками. Си-Си вскочила с кровати, поправила этот несносный стул и заодно передвинула телефонный аппарат, чтобы он стоял параллельно кромке стола.

После этого она запрыгнула в кровать, разгладила простыни у себя на ногах. Наверное, стоит вызвать такси, чтобы добраться до офиса. Но потом она вспомнила, что ей нужно заехать в одно место. По важному делу.

В «Ожильви» устраивали распродажу, и еще она присмотрела себе сапожки в магазинчике на рю Де-ла-Монтань, где эскимосы продавали свои поделки.

Скоро она начнет продавать одежду и мебель, изготовленные по ее моделям, во всех магазинах Квебека. А затем и по всему миру. Скоро они пожалеют, что подсмеивались над ней, все эти высокомерные модные дизайнеры. Вскоре все узнают про ли-бьен, ее собственную философию дизайна и жизни. Фэншуй – дело прошлого. Люди жаждут перемен, и она даст им эти перемены. О ли-бьен будут говорить во всех домах.

– Ты уже снял себе дом на праздники? – спросила она.

– Нет, съезжу завтра. Слушай, а зачем тебе этот дом где-то у черта на куличках?

– У меня были на этот счет свои соображения.

Она почувствовала, как в ней закипает злость: кто он такой, чтобы оспаривать ее решения? Она пять лет ждала этой возможности – купить дом в Трех Соснах. Си-Си де Пуатье могла быть терпеливой, если требовалось и если у нее были для этого основания.

Она много раз ездила в эту убогую деревеньку, завела знакомства с местными агентами по торговле недвижимостью, даже говорила с продавцами в расположенных неподалеку Сен-Реми и Уильямсбурге. Сколько лет ушло. Дома в Трех Соснах продавались не часто.

И вот чуть более года назад ей позвонила агент Йоланда Фонтейн. Дом

на продажу появился. Громадный викторианский особняк на холме над деревней. Дом владельца мельницы. Дом хозяина.

«Сколько?» – спросила Си-Си, зная, что это почти наверняка ей не по карману. Придется взять в долг под залог компании, заложить все, что у нее есть, заставить мужа обналичить полис страхования жизни, снять деньги с пенсионного вклада.

Ответ агента удивил ее. Дом оценивался гораздо ниже рыночной стоимости.

«Но тут есть одно „но“», – пояснила Йоланда приторным голосом.

«Слушаю».

«Там было совершено убийство. И попытка убийства».

«И это все?»

«Ну, формально там еще имело место похищение человека. Поэтому дом и продается так дешево. Но покупка замечательная. Трубы великолепные. В основном медные. Крышу крыли всего двадцать лет назад. И…»

«Беру».

«Что, и посмотреть не хотите?» Не успев задать этот вопрос, Йоланда поняла, как промахнулась. Если эта идиотка готова купить старый дом Хадли, не глядя, не осматривая, не изгоняя злых духов, то пусть берет.

«Готовьте бумаги. Я приеду сегодня днем с чеком».

И она приехала. Примерно неделю спустя она сказала мужу, что ей нужна его подпись, чтобы получить наличность с пенсионного вклада. Он стал возражать, но так слабо, что сторонний наблюдатель даже не понял бы, что это протест.

Старый дом Хадли, это чудовище на холме, теперь принадлежал ей. Ничто не могло бы сделать ее счастливее. Все было идеально. Три Сосны были идеальны. Вернее, будут идеальны, когда она с ними покончит.

Сол фыркнул и отвернулся. Ему было совершенно ясно: Си-Си бросит его, как только он выполнит еще одно ее задание – фотосессию в этой жуткой жлобской деревне. Эти фотографии предназначались для ее первого каталога, и она просила его снять, как она общается с аборигенами на Рождество. Если получится, она хотела бы получить фотографии местных жителей, глядящих на нее с удивлением и любовью. Ему для этого понадобятся деньги.

Все, что делала Си-Си, она делала с определенной целью. И насколько понимал Сол, эта цель сводилась к двум пунктам: пополнить кошелек и пощекотать самолюбие.

Так зачем же она купила дом в деревне, о которой никто и не слышал?

Дело тут было не в престиже. Значит, в чем-то другом.

В деньгах.

Си-Си было известно об этой деревне что-то такое, чего не знали другие.

Его интерес к Трем Соснам воспрял с новой силой.

– Кри! Да шевелись ты, бога ради!

Эти слова имели вполне буквальный смысл. Изящная, как тростинка, наследница трастового фонда и главная красотка праздника изо всех сил пыталась быть замеченной, а это нелегко, если перед тобой образовался сугроб в виде Кри. Она вышла на сцену, танцевала и кружилась вместе с остальными ангельскими снежинками, но вдруг замерла на месте. Никого не волновало, что в Иерусалиме не бывает снега. Учительница вполне справедливо решила, что если кто-то верит в непорочное зачатие, то могут поверить и в снегопад в чудесную ночь Рождества Христова. Но зато всех взволновало, что одна из снежинок, вполне способная испортить весь микроклимат, замерла ни с того ни с сего в центре сцены. Перед младенцем Иисусом.

– Давай, ты, идиотка толстожопая!

Это оскорбление, как и все другие, сошло с Кри как с гуся вода. Подобные оскорбления были белым шумом ее жизни. Она их практически не слышала. Она стояла на сцене и смотрела на публику, словно ее внезапно обездвижили.

– У Бри приступ сценобоязни, – прошептала мадам Брюно, преподаватель актерского мастерства, на ухо учительнице музыки мадам Латур, словно предполагая, что та как-то исправит ситуацию.

За глаза даже учителя называли Кри этим именем – Бри[10]. По крайней мере, они думали, что за глаза. Их давно уже перестало волновать, слышит их или нет эта странная молчаливая девочка.

– Я вижу, – огрызнулась мадам Латур.

Огромная нагрузка по организации праздника, которая ложилась на ее плечи каждый год, рано или поздно давала о себе знать.

Но Кри окаменела не из страха перед сценой или перед публикой. Замереть на месте ее заставило то, чего она не увидела.

Из собственного долгого опыта Кри знала: страшнее всего то, чего ты не видишь.

И то, чего Кри не увидела, разбило ей сердце.

– Я помню, как мой первый гуру Рамен Дас[11] сказал мне… – Си-Си расхаживала по номеру отеля в белом халате и собирала фирменную канцелярскую бумагу и кусочки мыла, в очередной раз рассказывая свою любимую историю. – «Си-Си Дас», сказал он, а он именно так меня и называл: «Си-Си Дас», – сообщила Си-Си канцелярской бумаге. – Это большая редкость для женщины – удостоиться такой чести, особенно в Индии в то время.

Сол подумал: «Может быть, Рамен Дас и не понимал, что Си-Си – женщина».

– Это было двадцать лет назад. Я была всего лишь невинной девчонкой, но уже и тогда – искательницей правды. Я встретила Рамена Даса в горах, и между нами тут же установилась духовная связь.

Она сложила ладони, а Сол подумал: «Может, она хоть в этот раз не скажет…»

– Намасте[12], – произнесла Си-Си, кланяясь. – Он меня научил этому. Очень духовно.

Она так часто использовала слово «духовно», что его смысл для Сола окончательно выхолостился.

– Он мне сказал: «Си-Си Дас, у вас громадный духовный дар. Вы должны покинуть это место и поделиться своим даром со всем миром. Вы должны сказать людям, чтобы они перестали волноваться, заклеймили беспокойство».

Она говорила, а Сол безмолвно повторял вместе с ней слова – мелодия была знакомая.

– «Си-Си Дас, – сказал он мне, – вы лучше кого бы то ни было знаете, что, когда чакры настроены, все становится белым. А когда все белое, это значит, что все в порядке».

Сол подумал, что она, возможно, путает индийского мистика с членом ку-клукс-клана. Вот было бы занятно, будь оно так на самом деле.

– «Вы должны вернуться в мир, – сказал он. – Вам было бы неправильно оставаться здесь. Вы должны открыть компанию и назвать ее „Клеймите беспокойство“». Я так и сделала. И вот почему я написала эту книгу. Чтобы нести людям слово духовности. Люди должны знать. Их сбивают с толку все эти безответственные секты, которые пользуются ими. Я должна рассказать им о ли-бьен.

– Теперь сбит с толку уже я, – заметил Сол, радуясь румянцу гнева, неизменно появлявшемуся на ее щеках в такой ситуации. Си-Си была предсказуема, как кукушка в часах. Она ненавидела всех, кто предполагал,

что ее идеи гроша ломаного не стоят. – Так о ли-бьен тебе тоже Рамен Дас сказал?

– Ну ты и болван. Рамен Дас был в Индии. А ли-бьен – это древняя восточная философия, передававшаяся в моем семействе из поколения в поколение.

– Учение древних китайских философов?

Если бы их отношения не затянулись, он бы даже удовольствие от этого получал. И потом, из этого можно было бы сделать неплохую историю и смешить людей. Долой тоску, которую он нагонял на людей своими разговорами. Он мог бы сделать из Си-Си настоящее посмешище.

Она раздраженно прищелкнула языком:

– Ты же знаешь, что моя семья из Франции. А у Франции долгая и благородная история колониальных завоеваний на Востоке.

– Ах да, Вьетнам.

– Именно. Моя семья работала на дипломатическом поприще и привезла с Востока древние духовные учения, включая и ли-бьен. Я тебе все это говорила. Ты что, не слушал? И кстати, я пишу об этом в книге. Ты что, не читал, что ли?

Си-Си швырнула в него книгой, он увернулся, но все же книга задела его руку.

– Да читал я твою долбаную книгу. Читал и перечитывал. – Ему с трудом удалось сдержаться и не назвать эту писанину кучей дерьма, какой она и была. – Я знаю эту историю. Твоя мать разрисовала шар ли-бьен, и это единственное, что у тебя осталось в память о ней.

– Не о ней, кретин. А обо всей моей семье, – прошипела она, как змея.

Солу хотелось ее позлить, но он понятия не имел, чем это может закончиться. Он вдруг уменьшился ростом до двух футов – ребенок, сжавшийся от страха при виде той, что загородила от него солнце, загородила весь свет. Он скорчился, увял, сгорбился. Ушел в себя. А снаружи оставался все тем же взрослым человеком, который стоял неподвижно и смотрел на нее. И спрашивал себя, откуда взялся такой монстр.

Си-Си хотела оторвать ему руку. Выковырять его выпуклые глаза из глазниц, сорвать кожу с его костей. Она чувствовала, как в груди у нее растут злоба и сила, излучаются из нее, как из нарождающейся звезды. Руки у нее горели от желания добраться до его сердца, разодрать вены на его шее, задушить. И она могла это сделать. Хотя он был крупнее и тяжелее, она могла это сделать. Она знала, что в такие минуты ее ничто не может остановить.

После ланча с вареной лососиной и gigot d’agneau[13] Клара и Мирна разделились – каждая собиралась делать покупки отдельно. Клара прежде всего отправилась на поиски Зигфрида Сассуна[14].

– Так ты в книжный? – спросила Мирна.

– Нет, конечно. Я хочу сделать прическу, – ответила Клара, думая о том, насколько же Мирна отстала от жизни.

– У Зигфрида Сассуна?

– Ну, не лично у него, но у кого-нибудь в его салоне.

– Или в его войсковой части. Насколько я понимаю, это ад, в котором гибнут молодость и смех.

Клара видела фотографии салонов Сассуна и подумала, что хотя описание Мирны и страдает излишним драматизмом, но от истины оно не так уж далеко, судя по надутым, несчастным женщинам на фотографиях.

Несколько часов спустя усталая, но счастливая Клара с трудом шла по рю Сент-Катерин, ухватив руками в варежках множество бечевочных ручек от пакетов, набитых подарками. Ее покупочный загул прошел замечательно. Питеру она нашла идеальный подарок, а всякие штучки поменьше – для семьи и друзей. Мирна была права. Джейн радовалась бы, глядя, как Клара тратит ее деньги. И Мирна тоже оказалась права (пусть и говорила загадочно) в том, что касается этого Сассуна.

– Колготки? Шоколадки «Херши»? – раздался у нее за спиной теплый певучий голос.

– Я как раз о тебе думаю, предательница. Отправила меня на неприветливые улицы Монреаля спрашивать у незнакомых людей, как мне найти Зигфрида Сассуна.

Мирна приложилась спиной к старому банковскому зданию и затряслась от смеха.

– Не знаю, расстраиваться ли мне или чувствовать облегчение оттого, что никто не знал, как я хотела, чтобы умерший поэт Первой мировой войны сделал мне прическу. Почему ты мне не сказала, что это не Зигфрид, а Видал?

После этих слов Клара тоже расхохоталась, уронив на тротуар свои пакеты.

– Выглядишь неплохо, – отсмеявшись, заметила Мирна, отступая назад и оглядывая Клару.

– Я же в шапочке, идиотка, – сказала Клара, и обе женщины снова рассмеялись, а Клара натянула свою вязаную шапочку с помпоном по

самые уши.

В такой атмосфере трудно было не веселиться. Время приближалось к четырем часам, на календаре было 22 ноября, и солнце уже зашло. Теперь улицы Монреаля, всегда полные обаяния, были полны также и рождественскими огнями. Вся рю Сент-Катерин сверкала, гирлянды раскачивались под порывами ветра. Машины ползли медленно – наступил час пик. Пешеходы спешили по заснеженным тротуарам, иногда останавливались, чтобы взглянуть на витрину магазина.

Подруги двигались к пункту своего назначения – «Ожильви». К витрине. Клара за полквартала увидела ее сияние и волшебство, отражающееся на лицах детей, глазеющих на это волшебство. Холод отступил, толпы людей, еще мгновение назад толкающихся локтями и протискивающихся вперед, исчезли. Даже Мирна уменьшилась в размерах, когда Клара подошла к витрине. И вот она перед ней, мельница в лесу.

– Встретимся здесь, – прошептала Мирна, но ее подруга уже исчезла.

Исчезла в витрине. Протиснувшись сквозь кольцо стоящих вокруг детей, переступив через груду одежды на заснеженном тротуаре, попала прямо в идиллическую рождественскую сценку. Теперь она шла по деревянному мостику к медведице в деревянной мельнице.

– Подайте монетку. L’argent, s’il vous plaît?

В мир Клары проник звук – будто кто-то рыгнул рядом.

– Ой, мамочка! – вскрикнул ребенок, и Клара оторвала глаза от витрины и посмотрела вниз.

Груду одежды вырвало, и от блевотины на заскорузлом одеяле, в которое был завернут бродяга, поднимался парок. Или это была женщина? Этого Клара не знала, и ее это не интересовало. Она разозлилась: вот ведь ждала весь год, всю неделю, весь день – ждала этого момента, а какой-то подонок все изблевал. Дети заплакали, и волшебство прошло.

Клара отошла от витрины и огляделась в поисках Мирны. Но та, вероятно, вошла в магазин и уже стала свидетелем главного события. Сегодня в «Ожильви» их привлекла не только витрина. Их соседка по деревне и подруга Рут Зардо представляла свою последнюю книгу в книжном магазине, расположенном в подвале.

Обычно тоненькие поэтические сборники Рут раздавались забывчивой публике вслед за презентацией в бистро Трех Сосен. Но на сей раз случилось нечто поразительное. Эта старая, высохшая, исполненная горечи поэтесса из Трех Сосен удостоилась награды генерал-губернатора. Все аж рты пооткрывали от изумления. Но не потому, что она не заслужила этой премии. Клара знала, что Рут пишет поразительные стихи.

Но кто тебя обидел так,
что ран не залечить,
что ты теперь любую
попытку дружбу завязать с тобой
встречаешь, губы сжав?
Так было не всегда.

Нет, Рут Зардо заслужила премию. Поразительно то, что об этом было известно кому-то еще.

«Случится ли такое с моим искусством? – спрашивала себя Клара, проходя через вращающиеся двери в ароматизированную и приглушенную атмосферу „Ожильви“. – Может быть, и меня вытащат из безвестности?» Она все-таки набралась смелости и дала свои работы новой жительнице деревни, Си-Си де Пуатье, услышав, как та говорила в бистро о своем близком друге Дени Фортене.

Если тебя выставляли в галерее Фортена в квартале Утремон, то можно было считать, что дело сделано. Он выбирал только лучшее из лучших, самых продвинутых, самых глубоких и бесстрашных художников. И у него были связи по всему миру. Даже… ей и подумать об этом было страшно… даже с Музеем современного искусства в Нью-Йорке.

Клара представляла себя на вернисаже в галерее Фортена. Она будет блестящей и остроумной, центром восторженного почитания, художники меньшего масштаба и крупные критики будут ловить каждое ее мудрое слово. Питер будет стоять чуть в стороне от кружка почитателей и смотреть на нее с едва заметной улыбкой. Он будет ею гордиться и наконец признает в ней коллегу художника.

Кри сидела на заснеженных ступеньках школы мисс Эдвардс. Было уже темно. Внутри и снаружи. Она смотрела перед собой невидящим взглядом, снег скапливался на ее шапочке и плечах. Рядом стояла сумка с костюмом снежинки. Туда же был засунут и табель успеваемости.

Круглая отличница.

Ее учителя только цокали языком и покачивали головой, сожалея, что такой ум пропадает в таком никудышном теле. «КРИчащий позор», – пошутил один из них, и все дружно рассмеялись. Кроме Кри, которая в этот момент как раз проходила мимо.

Все учителя сошлись на том, что им нужно строго поговорить с тем, кто так искалечил девочку: она ни говорить толком не может, ни в глаза

тебе посмотреть.

Наконец Кри встала и осторожно двинулась в центр Монреаля. Идти было трудно – она скользила на заснеженных тротуарах и крутых подъемах, к тому же груз шифоновой снежинки был почти невыносим.

Глава четвертая

Идя по «Ожильви», Клара не могла решить, что хуже – вонь несчастного бродяги или удушающий парфюмерный аромат магазина. После того как в пятый или шестой раз некое молодое стройное существо обрызгало ее спреем, Клара точно знала ответ. Она самой себе была противна.

– Где ты шляешься, жопа?! – Рут Зардо похромала к Кларе. – С этими пакетами ты похожа на бездомную. – Они обменялись поцелуем. – И ты воняешь.

– Это не я. Это Мирна, – прошептала Клара, показывая на подружку и помахивая рукой под носом.

Вообще-то говоря, она еще никогда не получала такого теплого приема от Рут Зардо.

– На, купи-ка вот это. – Рут протянула Кларе экземпляр своей новой книги «У меня все ОТЛИЧНО». – Я ее тебе даже подпишу. Но сначала ты должна купить.

Высокая и величественная Рут Зардо захромала обратно, опираясь на трость. Она уселась за маленький стол в углу огромного магазина в ожидании, что кто-то попросит ее оставить автограф на книге.

Клара заплатила за книгу, и Рут подписала ее. Здесь всюду были знакомые лица. Габри Дюбо и его партнер Оливье Брюле. Габри был крупный и дряблый, он явно начал сдавать, но ни от чего не собирался отказываться. Ему было лет тридцать пять, и он решил, что уже хватит быть молодым и мускулистым. Вот только с гейством своим завязывать не собирался. Рядом с ним стоял Оливье, красивый, стройный и элегантный. Светловолосый в отличие от темноволосого партнера. Он был занят тем, что пытался очистить свою шелковую водолазку от волос, явно сожалея о том, что не может вернуть их на прежнее место.

Рут могла и не ехать на презентацию в Монреаль. Здесь присутствовали только жители Трех Сосен.

– Пустая трата времени, – сказала она, склонив голову с коротко подстриженными седыми волосами над книгой Клары. – Ни одного монреальца, черт бы их подрал. Ни единого. Только наша гоп-компания. Скукотища.

– Ну спасибо тебе, старая карга, – проворчал Габри, в больших руках которого утонули две книги.

– Потрясающе. – Рут подняла голову. – Это ведь книжный магазин, – очень медленно и громко произнесла она. – Это для людей, которые умеют читать. Это не общественная баня.

– И в самом деле, ужасно, – сказал Габри, глядя на Клару.

– Это Мирна, – возразила она, но, поскольку Мирна была далеко – болтала с Эмили Лонгпре, доверие к Кларе было подорвано.

– По крайней мере, заглушает аромат поэзии Рут, – заметил Габри, держа «У меня все ОТЛИЧНО» на вытянутой руке.

– Педик, – огрызнулась Рут.

– Ведьма, – отшил ее Габри, подмигнув Кларе. – Salut, ma chére[15].

– Salut, mon amour[16]. А что это у тебя за вторая книга? – спросила Клара.

– Си-Си де Пуатье. Ты знаешь, что наша новая соседка написала книгу?

– Господи Иисусе, это означает, что она написала больше книг, чем прочитала.

– Я ее вон там взял.

Он показал на кипу белых книг в ящике с остатками. Рут фыркнула, но сочла за лучшее промолчать, вероятно поняв, что еще несколько дней – и небольшой тираж ее тоненького сборника с изящными стихами присоединится к дерьмовой писанине Си-Си в этом литературном гробу.

Возле ящика стояло несколько человек, в том числе Три Грации из Трех Сосен: Эмили Лонгпре, невысокая и элегантная, в изящной юбке, блузке и шелковом шарфе; Кей Томпсон, в свои девяносто с хвостиком старшая из трех подружек, высохшая и сморщенная, пахнущая медицинскими мазями от «Проктер энд Гэмбл» и похожая на картофелину; и Беатрис Мейер с буйными рыжими волосами, дешевеньким ожерельем на шее и рыхлым пухлым телом, недостатки которого не скрывал даже объемистый кафтан золотистого цвета. Матушка Беа, как ее называли, держала экземпляр книги Си-Си. Она повернулась и посмотрела в сторону Клары. Всего на одно мгновение. Но этого было достаточно.

Матушкой Беа владело какое-то чувство, которого Клара не могла распознать. Ярость? Страх? Крайняя озабоченность какого-то рода – в этом Клара не сомневалась. А потом это ушло, и на лицо Матушки, розовое, морщинистое и открытое, вернулось прежнее беззаботное веселое выражение.

– Ладно, идем. – Рут с трудом поднялась на ноги и взяла Габри под любезно предложенную руку. – Здесь ничего не происходит. Когда нагрянут

неизбежные орды любителей великой поэзии, я галопом примчусь сюда.

– Bonjour[17], дорогая.

Крохотная Эмили Лонгпре поцеловала Клару в обе щеки. Зимой, когда большинство квебекцев, закутанные в шерсть и парки, были похожи на персонажи комиксов, Эм умудрялась выглядеть элегантной и красивой. У нее были со вкусом крашенные светло-каштановые, великолепно уложенные волосы. Одежда и косметика – неброские и уместные. В восемьдесят два она была одной из старейших жительниц Трех Сосен.

– Ты это видела? – Оливье протянул Кларе книгу.

С обложки смотрела Си-Си – взгляд жестокий, холодный.

«Клеймите беспокойство».

Клара посмотрела на Матушку. Теперь она поняла, почему Матушка Беа пребывает в таком состоянии.

– Ты послушай. – Габри начал читать с задника. – «Миз де Пуатье официально объявляет фэншуй делом прошлого».

– Кто бы сомневался, ведь это древнее китайское учение, – сказала Кей.

– «Вместо него, – продолжил чтение Габри, – этот новый мэтр дизайна предлагает более богатую, более осмысленную философию, которая облагородит и окрасит не только наши дома, но и наши души, каждое наше мгновение, каждое решение, каждое дыхание. Выбирайте ли-бьен, путь света».

– Что это такое – ли-бьен? – спросил Оливье.

Клара увидела, как Матушка открыла рот и снова закрыла его.

– Матушка? – спросила она.

– Я? Нет, детка, я не знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Я подумала, что у вас центр йоги и медитации – может, вы знаете и ли-бьен, – сказала Клара, стараясь выразиться помягче.

– Мне известны все духовные практики, – ответила Матушка, чуть преувеличивая, как показалось Кларе. – Но эта – нет.

Скрытый смысл ее слов был ясен.

– И тем не менее, – сказал Габри, – совпадение довольно странное, не правда ли?

– Что странное? – спросила Матушка с безмятежным лицом и голосом, но вобрав голову в плечи.

– Ну, то, что Си-Си назвала свою книгу «Клеймите беспокойство». Ведь именно так называется и ваш центр медитации.

Ответом ему было молчание.

– Что? – спросил Габри, чувствуя, что вступил на запретную

территорию.

– Вероятно, это совпадение, – ровным голосом произнесла Эмили. – И возможно, дань уважения по отношению к тебе, ma belle[18]. – Она повернулась к Матушке и положила ладонь на пухлую руку подружки. – Она вот уже год как живет в старом доме Хадли, и ее наверняка вдохновила работа, которую ты делаешь. Это дань твоему духу.

– И ее куча дерьма, вероятно, выше твоей, – заверила ее Кей. – Это должно быть утешением. Я не думала, что такое возможно, – сказала она, обращаясь к Рут, которая с удовольствием разглядывала свою героиню.

– Хорошая прическа, Клара, – похвалил Оливье, думая, что это снимет напряжение.

– Спасибо. – Клара пробежала руками по волосам, отчего те встали торчком, словно со страху.

– Ты права, – сказал Оливье Мирне. – У нее вид как у испуганного солдата из окопов времен битвы при Вими[19]. Не многие могут воспринять этот вид. Очень смело, очень в духе нового тысячелетия. Я тебя поздравляю.

Клара прищурилась и уставилась на Мирну, которая расплылась в улыбке.

– В жопу папу римского, – произнесла Кей.

Си-Си снова поправила стул. Одетая, она стояла в одиночестве в номере отеля. Сол ушел, не предлагая и не ожидая прощального поцелуя.

Она испытала облегчение, когда он исчез. Теперь наконец она могла сделать то, что задумала.

Си-Си взяла экземпляр «Клеймите беспокойство» и встала у окна. Потом медленно подняла книгу и прижала к груди, словно возвращая туда часть себя, которой ей не хватало всю жизнь.

Она наклонила голову в ожидании. Неужели они и в этом году подведут ее? Нет. Ее нижняя губа чуть задрожала. Глаза заморгали, в горле образовался комок. А потом они появились – побежали, холодные, по щекам в открытый, вместительный и в этот момент безмолвный рот. И она устремилась за ними в эту темную пропасть и оказалась в знакомой комнате на Рождество.

Ее мать стояла рядом с давно высохшей и неукрашенной елочкой, затиснутой в угол строгой темной комнаты, с россыпью опавших иголок на полу. На елке висел единственный шарик, и вот ее мать, истеричная, воющая, сорвала его. Си-Си еще слышала, как остатки иголок, шурша,

сыплются на пол, а шарик уже полетел в ее сторону. Она не собиралась его ловить. Выставила руки только для того, чтобы защитить лицо. Но шарик оказался в ее ладонях, прилип к ним, словно обрел там дом. Ее мать теперь была на полу – она выла и перекатывалась, а Си-Си отчаянно хотела остановить ее. Закрыть ей рот, заставить замолчать, иначе соседи снова вызовут полицию и ее мать опять увезут. А Си-Си останется одна в окружении посторонних людей.

Какое-то мгновение Си-Си колебалась и смотрела на шарик в своих руках. Он сиял и был теплым на ощупь. На нем была простая картинка: три высокие сосны рядом, словно семья, на прогнувшихся ветвях лежит снег. А ниже рукой матери было написано: «Noël»[20].

И Си-Си переместилась в шарик, потерялась в его тишине, покое и свете. Но она, вероятно, слишком долго смотрела на него. Стук в дверь – и три сосны пропали, а она вернулась к ужасу, воющему перед ней.

«Что тут происходит? Впустите нас», – потребовал мужской голос из-за двери.

И Си-Си впустила. Впрочем, больше она никого и нигде не впускала.

Проходя мимо «Рица», Кри остановилась, чтобы взглянуть на этот шикарный отель. Швейцар не обратил на нее внимания, не предложил войти. Она медленно пошла дальше. Ее туфли напитались слякотью, шерстяные варежки висели на руках, налипший снег тянул их к земле.

Кри было все равно. Она тащилась по темным заснеженным переполненным улицам, люди натыкались на нее и с отвращением мерили взглядом, словно жирные дети размазали их сострадание, как глазировку по торту, а потом проглотили.

Она продолжала идти. Ноги у нее стали замерзать. Она вышла из дому без зимних ботинок, а когда ее отец неуверенно предложил ей надеть что-нибудь потеплее, она проигнорировала его.

Как игнорировала его ее мать. Как игнорировал его весь мир.

Она остановилась перед «Monde de la musique»[21]. В витрине висел постер Бритни Спирс: певица танцевала на жарком тропическом пляже, а ее радостные бэк-вокалисты ухмылялись и приплясывали.

Кри стояла перед витриной, пока не перестала чувствовать руки и ноги. Она вообще перестала что-либо чувствовать.

– Что-что? – переспросила Клара.

– В жопу папу римского, – четким голосом повторила Кей.

Матушка Беа сделала вид, что ничего не слышала, а Эмили тихонько подошла поближе к подруге, словно на тот случай, чтобы подхватить Кей, если та упадет.

– Мне девяносто два, и я знаю все, – сказала Кей. – Кроме одного, – внесла она поправку.

Последовала еще одна долгая пауза. Но любопытство пересилило смущение. Кей, обычно немногословная и грубоватая, собиралась заговорить, и друзья плотнее обступили ее.

– Мой отец во время Первой мировой войны был в экспедиционном корпусе.

От нее ждали чего угодно, только не этого. Теперь она говорила тихим голосом, лицо ее расслабилось, взгляд устремился на книжные полки. Кей совершала путешествие во времени; Матушка Беа заявляла, что именно такие путешествия совершает она во время своих йогических полетов, но она никогда не делала этого с таким совершенством.

– Они тогда сформировали дивизию для католиков, в основном ирландцев вроде моего папочки и, конечно, квебекцев. Он никогда не говорил о войне. Ни разу. А я никогда не спрашивала. Можете себе представить? Как по-вашему, он хотел, чтобы я спросила? – Кей посмотрела на Эм, которая хранила молчание. – О войне он нам сказал только одно.

Тут она замолчала. Оглянулась и увидела свою пушистую вязаную шапочку. Она протянула руку, надела шапочку и выжидательно посмотрела на Эм. Все затаили дыхание. Глядели на нее, предполагая услышать больше.

– Да бога ради, женщина, скажи уже нам, – просипела Рут.

– Ах да. – Кей словно в первый раз увидела их. – Папочка. На Сомме. Командиром у них был, как вы знаете, Ролинсон. Этот идиот. Я про него все узнала. Мой отец был по грудь в грязи и дерьме, лошадином и человеческом. В пище ползали личинки. Кожа у него начала гнить, вся покрылась пузырями. Зубы и волосы выпадали. Они давно перестали сражаться за короля и страну, они сражались друг за друга. Он любил своих друзей.

Кей посмотрела на Эм, потом на Матушку:

– Мальчики построились, им приказали прикрепить штыки.

Все чуть подались вперед.

– Предыдущая волна мальчиков прошла примерно минуту назад, и всех их скосили пули. Они слышали крики и видели корчащиеся части тела, заброшенные взрывами назад в окопы. И вот наступила их очередь –

моего отца и его друзей. Они ждали приказа. Он знал, что сейчас умрет. Что ему осталось жить считаные минуты. Он знал, что может сказать одно, последнее. И знаете, что кричали эти мальчики, когда выпрыгивали из окопов?

Земля перестала вращаться, все замерло.

– Они перекрестились и выкрикнули: «В жопу папу римского!»

Кружок подался назад, словно оскорбленный этими словами, этой сценой. Кей посмотрела на Клару своими вопрошающими, влажными голубыми глазами:

– Почему?

Клара не могла понять, с чего Кей взяла, будто ей это известно. Она не знала. И ей хватило ума промолчать. Кей уронила голову, словно этот груз стал для нее непосильным. По ее тонкой шее к затылку пролегла глубокая ложбинка.

– Пора, дорогая. Ты, наверно, устала.

Эм прикоснулась тонкими пальцами к руке Кей, Матушка Беа подошла с другой стороны, и три старушки медленно двинулись из магазина. Домой, в Три Сосны.

– И нам тоже пора. Подвезти? – спросила Мирна у Рут.

– Нет, я останусь тут до самого горького конца. Вы, крысы, не переживайте. Можете бросить меня здесь.

– Святая Рут среди язычников, – сказал Габри.

– Богоматерь вечной поэзии, – добавил Оливье, – мы останемся с тобой.

– Жила как-то женщина по имени Рут… – начал Габри.

– И был у нее не язык, а кнут, – подхватил Оливье.

– Ладно, идем. – Мирна потащила Клару, но Кларе было интересно, какую еще рифму они придумают к «Рут».

«Хомут»? «Плут»? Быть поэтом труднее, чем кажется на первый взгляд.

– Мне нужно сделать еще одну вещь перед уходом, – сказала Клара. – Это всего минутка.

– Я пригоню машину и буду ждать тебя у дверей.

Мирна поспешила на улицу. Клара нашла в «Ожильви» маленький ресторанчик и купила там итальянский сэндвич и рождественское печенье. А к этому большой кофе. После чего направилась к эскалатору.

Ей не давал покоя бездомный человек, через которого она перешагнула у витрины. У нее было подсознательное и тайное убеждение, что если бы Господь когда-нибудь и спустился на землю, то в обличье нищего. Что, если

это был Он? Или Она? Без разницы. Если это и в самом деле был Бог, то Клара на сей счет имела глубокое, почти духовное ощущение, что ее обманули. Ступив на эскалатор, поднимающийся на главный этаж, Клара увидела знакомую фигуру, направляющуюся вниз. Си-Си де Пуатье. И Си-Си ее тоже увидела – Клара была уверена.

Си-Си де Пуатье ухватилась за прорезиненные перила эскалатора и уставилась на женщину, вошедшую на соседний эскалатор внизу. Клара Морроу. Эта самодовольная, улыбающаяся, ханжеская деревенская бабенка. Эту женщину всегда окружали друзья, всегда при ней был ее красавец-муж, а она демонстрировала его так, словно тот факт, что она заарканила одного из монреальских Морроу, не был ошибкой природы. По мере приближения Клары, у которой был провинциально счастливый вид, Си-Си чувствовала, как в ней нарастает злость.

Си-Си сильнее ухватилась за перила, чтобы не перепрыгнуть через тонкий металлический разделитель и не наброситься на Клару. Она собрала весь свой гнев в комок, в метательный снаряд, и будь ее грудь пушечным жерлом, она, как Ахав[22], выстрелила бы своим сердцем в Клару.

Но вместо этого она сделала кое-что ничуть не хуже.

Она повернулась к человеку, стоящему рядом с ней, и сказала.

– Очень жаль, Дени, что ты находишь искусство Клары дилетантством и банальщиной. Значит, она просто попусту тратит свое время?

Си-Си увидела, как наглое, самоуверенное лицо проезжающей мимо Клары сморщилось. Удар попал точно в цель. Си-Си снова повернулась к ошеломленному незнакомцу рядом с ней и улыбнулась – ей было все равно, пусть думает, что она сумасшедшая.

Клара сошла с эскалатора как в тумане. Пол уходил куда-то вдаль, а стены раздвинулись. «Дыши. Дыши», – приказала она себе, испугавшись, что может и в самом деле умереть. Быть убитой словами. Убитой Си-Си. Так небрежно, так жестоко. Она не признала Фортена в спутнике Си-Си; впрочем, она видела его только на фотографиях.

Дилетантство и банальщина.

А потом – укол боли и слезы. Она стояла в «Ожильви», в том месте, в которое ее тянуло всю жизнь, и плакала. Рыдала. Она опустила свои драгоценные подарки на мраморный пол, положила туда сэндвич, печенье и кофе, как ребенок кладет подношения Санта-Клаусу. Потом опустилась на колени сама – последнее подношение – и превратилась в сплошной комок боли.

Дилетантство и банальщина. Все ее подозрения, все страхи оправдались. Значит, голос, который нашептывал ей в темноте, пока спал

Питер, не лгал.

Ее искусство – сплошное дерьмо.

Покупатели обходили ее, никто не предлагал ей помощи. Точно так же, подумала Клара, как она сама не предложила помощи бродяге у витрины. Она постепенно взяла себя в руки, подняла свои пакеты и поплелась к вращающейся двери.

Было темно и холодно, снег и ветер усилились, кусая ее теплую кожу. Клара остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте.

Там, под витриной, по-прежнему лежал тот бродяга.

Она приблизилась к нищему и обратила внимание, что парок над блевотиной больше не поднимается – она замерзла. Подойдя ближе, Клара прониклась убеждением, что этот нищий – старуха. Она увидела клок седых волос и тонкие руки, прижимающие грязное одеяло к коленям. Клара нагнулась, ощутила ее дыхание – от этого запаха ее саму чуть не вырвало. Она инстинктивно подалась назад, но пересилила себя и снова наклонилась над старухой. Поставив пакеты на тротуар, она положила еду перед женщиной.

– Я принесла вам еды, – сказала она сначала по-английски, потом по-французски.

Она пододвинула пакетик с сэндвичем поближе к женщине и подняла стаканчик с кофе, надеясь, что нищенка их увидит.

Никакого движения. Клара заволновалась: а жива ли нищенка вообще? Она легонько приподняла грязный подбородок.

– Вы живы?

Из-под одеяла появилась рука в грязной варежке и обвилась вокруг запястья Клары. Голова приподнялась. Усталые, слезящиеся глаза встретились с Клариными и остановились на мгновение.

– Я всегда любила твое искусство, Клара.

Глава пятая

– Но это невероятно.

Мирне не хотелось, чтобы ее подруга подумала, будто она сомневается в ее словах. Но «невероятно» – это еще было мягко сказано. Это было немыслимо. И, несмотря на чашку чая и огонь в камине, кожа на ее руках оставалась покрыта мурашками.

Предыдущим вечером они ехали домой из Монреаля молча, слушали рождественский концерт по Си-би-си. На следующее утро Клара заявилась в магазин к Мирне ни свет ни заря, сгорая от желания поговорить.

– Невероятно, – согласилась Клара, запивая чаем коржик в виде звездочки и спрашивая себя, когда уже наконец Мирна подаст стоящие у нее повсюду вазочки с лакричными конфетами и засахаренным имбирем.

– Она и вправду сказала «Я всегда любила твое искусство, Клара»?

Клара кивнула.

– И это случилось сразу же после того, как Си-Си заявила, что твоя работа… ну там, сама знаешь.

– Не только Си-Си, но и Фортен. Дилетантство и банальщина, так он сказал. Но это не имеет значения. Богу мои работы нравятся.

– А под Богом ты имеешь в виду заросшую грязью бродяжку?

– Именно ее.

Мирна всем телом подалась вперед в кресле-качалке. Вокруг нее, как обычно, стояли стопки книг в ожидании, когда она их рассмотрит и оценит. У Клары создалось впечатление, что они вскакивают на ноги-пружинки и следуют за Мирной по деревне. Где бы она ни находилась, повсюду были книги, словно ее неповоротливые, громоздкие визитки.

Мирна принялась вспоминать. Да, она заметила эту бродяжку, но она замечала всех бродяжек. Она спрашивала себя, что случится, если она узнает кого-нибудь из них. Многие годы она принимала пациентов в больнице для душевнобольных в Монреале, пока однажды – и вовсе не совершенно неожиданно, как она хотела бы думать, – не появилось предписание. Большинство ее клиентов (пациенты за одну ночь превратились в клиентов) должны быть выписаны. Она, конечно, возражала, но в конечном счете была вынуждена сдаться. И вот она сидела за своим видавшим виды столом, а по другую сторону от нее сменялись «клиенты», и она, глядя им в глаза, выписывала бумажку, согласно которой они якобы готовы жить своим умом, принимая предписанные лекарства и

молясь Господу.

Большинство быстро потеряли свои рецепты и не знали ни одной молитвы.

За исключением, возможно, той женщины, с которой пересеклась Клара.

Мирна посмотрела на свою подругу поверх кружки. Возможно ли, чтобы Клара и в самом деле встретила Бога на улице? Мирна верила в Бога и молилась, чтобы этот «бог» не оказался одним из тех мужчин или женщин, которых она предала, подписав документ на их выписку. Несмотря на свою внушительную комплекцию, Мирна плохо держала удар.

Клара смотрела в окно мимо деревянных полок, заполненных книгами. Мирна точно знала, что видит Клара. Она бессчетное количество раз сидела в этом кресле, смотрела в окно и мечтала. Ее мечты были просты. Как у Абу Бен Адхема, героя Ли Ханта[23], у нее была только одна мечта – о спокойной и мирной жизни. И она обрела ее здесь, в этой простой, забытой деревеньке в Восточных кантонах. После нескольких десятков лет лечения людей, которые так и не выздоровели, после долгих лет смотрения в окна на потерянные души, идущие по улице, которая станет их новым домом, Мирна возжелала иного вида из окна.

Она знала, что видит Клара. Клара видела деревенский луг, покрытый на фут снегом, и неправильной формы каток, и двух снеговиков, и три громадные сосны в дальнем конце луга, которые по вечерам подсвечивались веселыми праздничными огоньками – красным, зеленым и синим. На вершине самой высокой из сосен сверкала белая звезда, видимая на много миль вокруг.

Клара созерцала покой.

Мирна встала и подошла к плите посреди магазина, сняла с нее старый кофейник и налила себе еще одну чашку. Подумала, не достать ли маленькую кастрюльку и не подогреть ли молока для горячего шоколада, но потом решила, что для этого еще рановато.

По обе стороны плиты стояли кресла-качалки, а перед плитой – диван, который Питер нашел на свалке в Уильямсбурге. В углу стояла елочка, которую Мирна с Билли Уильямсом притащили из леса, и теперь комната наполнялась ароматом хвои. Елочка была украшена, а под ней лежали подарки в ярких упаковках. Рядом стоял поднос с печеньем для всех, кто зайдет в магазин, и всюду по магазину были расставлены вазочки с конфетами.

– Так откуда она знает твое искусство? – не могла не спросить Мирна.

– А что ты об этом думаешь?

Кларе было любопытно узнать мнение Мирны. Они обе знали, во что верит Клара.

Мирна задумалась на несколько мгновений, держа в руке книгу. С книгой в руке ей всегда лучше думалось. Но ответ не приходил в голову.

– Не знаю.

– Ты уверена? – с ухмылкой спросила Клара.

– И ты тоже не знаешь, – сказала Мирна. – Ты хочешь верить, что это был Бог. Должна тебе сказать, что людей запирают в дурдом и за гораздо меньшее.

– Но ненадолго. – Клара поймала взгляд Мирны. – А ты на моем месте что бы подумала? Что Си-Си права и мои работы дерьмо или что эта бродяжка – Бог, а мои работы великолепны?

– Или ты могла бы перестать прислушиваться к внешнему миру и решить это сама.

– Я пробовала, – рассмеялась Клара. – В два часа ночи я знаю, что мои работы великолепны, а в два часа дня – что они дерьмо. – Она подалась вперед так, что ее руки почти коснулись рук Мирны. Она заглянула в дружелюбные глаза подруги и очень тихо произнесла: – Я верю, что встретила Бога.

Мирна улыбнулась, но не покровительственно. Если Мирна что-то и знала, то всего лишь одно: знает она очень мало.

– Это книга Рут? – Клара взяла в руки «У меня все ОТЛИЧНО». – Можно купить?

– Ты же купила одну вчера. Мы обе купили. Она даже подписала их. Знаешь, мне кажется, я видела, как она подписала несколько книг фамилией Оден[24].

– Я свою куда-то засунула. Я куплю эту, и если она ее подпишет как Энтони Хект[25], мне все равно.

Клара открыла книгу и прочла наугад:

Да, дети все печальны,
но некоторые преодолевают это.
Пересчитай счастливые мгновения,
но лучше купи котенка или шляпку
и в танце закружись, чтобы забыть.

– Как Рут это делает? Я ведь знаю: она старая пьянчужка.

– О Боге ты думала то же самое, – сказал Мирна.

– Слушай:

Но что забыть?
Твою печаль, твое уныние
и все, что ты пережила
в день пикника, когда вошла ты в дом,
румяная от солнца,
со ртом, набитым шоколадом,
и в новом платье с бантиком
и пятнами от мороженого,
и в ванной комнате себе сказала,
что ты – ребенок нелюбимый[26].

Мирна посмотрела в окно, спрашивая себя, не рухнет ли их мир, такой хрупкий и драгоценный. После приезда сюда Си-Си де Пуатье над маленькой деревней сгущался мрак. Она принесла в Три Сосны нечто нечестивое. Да еще к Рождеству.

Глава шестая

Дни перед Рождеством были насыщенные и яркие. Клара любила это время. Любила все, что с ним связано, начиная от идиотской рекламы и вульгарного парада Пера Ноэля[27] по Сан-Реми на деньги супермаркета «Канадиан тайр» до колядок, организованных Габри. Певцы переходили от дома к дому по заснеженной деревне, и воздух полнился старыми песнопениями, смехом, облачками тумана, вырывающегося вместе с дыханием, звенящего песнями и снежинками. Жители приглашали их в свои дома, и они водили хороводы вокруг елок и роялей, пели, выпивали гоголь-моголь, замешанный на бренди, ели бисквиты, копченую лососину, сладкие хлебцы и все вкусности, приготовленные в праздничной духовке. Колядки продолжались несколько дней у всех домов в деревне, кроме одного. По молчаливому согласию все обходили темный дом на холме. Старый дом Хадли.

Габри в своем викторианском плаще и котелке возглавлял колядующих. У него был красивый голос, но ему хотелось невозможного. Каждый год Рут Зардо приходила в бистро в качестве Рождественского деда (по мнению Габри, ее выбирали, потому что ей не нужно было отращивать специальную бородку), и каждый год Габри забирался ей на колени и просил даровать ему мальчишеское сопрано, и каждый год Рождественский дед предлагал лягнуть его в рождественские яйца.

Каждое Рождество месье и мадам Вашон устанавливали у себя на газоне старые рождественские ясли, дополненные младенцем Иисусом в ванне. Вокруг ванны стояли три волхва и пластмассовые домашние животные, всех их постепенно засыпал снег, а весной они появлялись в прежнем виде – еще одно чудо, пусть в него верили и не все обитатели деревни.

Билли Уильямс впрягал своих першеронов в ярко-красные сани и возил ребят по деревне и холмам, усыпанным снегом. Дети жались друг к другу под старой накидкой из медвежьей шкуры, грели руки о кружки с горячим шоколадом, а величественные серые гиганты тащили их уверенным, размеренным шагом, словно отдавая себе отчет в том, какой драгоценный груз везут. В бистро родителям предлагали места у окон, где они могли прихлебывать теплый сидр и смотреть, как их дети исчезают на рю Дю-Мулен, после чего родители отворачивались от окон и наслаждались теплым интерьером с его подвыцветшими обивками,

разнородной мебелью и открытыми сердцами.

Клара и Питер закончили украшать дом, разложили хвойные ветки в кухне, поставили здоровенную елку в гостиной. В их доме, как и во всех остальных домах, пахло хвоей.

Все подарки были завернуты и положены под елку. Клара разглядывала их каждое утро, в восторге оттого, что наконец-то, благодаря завещанию Джейн, подарки были не с уильямсбургской свалки. Наконец-то они обменивались подарками, которые не нужно было дезинфицировать. Питер повесил носки на каминную полку. Песочное печенье в духовке запекалось в виде звездочек, деревьев, снеговиков, украшенных серебряными шариками, подозрительно похожими на охотничью дробь. Питер в гостиной каждый вечер перед колядованием разводил огонь в камине и читал книги, а Клара бренчала на пианино, фальшиво напевая рождественские песенки. На протяжении нескольких вечеров заходили Мирна или Рут, Габри или Оливье – здесь их всегда ждала выпивка и закуска.

И вдруг, они и опомниться не успели, наступил канун Рождества и им нужно было отправляться на праздничную вечеринку к Эмили. Но сначала они должны были посетить полуночную службу в Святом Томасе.

«Ночь тиха, священна ночь», – пели прихожане скорее с огоньком, нежели с талантом. Эта рождественская песенка напоминала старинную морскую припевку «Что нам делать с пьяным моряком». Запевал своим прекрасным тенором, естественно, Габри. Или, по крайней мере, давал всем понять, что они бродят по музыкальным джунглям либо потерялись в море. Всем, кроме одного. Из задней части этой деревянной церкви доносился голос такой исключительной чистоты, что даже Габри отходил на второй план. Детский голос воспарял откуда-то с задней скамьи и смешивался с неуверенными голосами прихожан, витал над ветвями остролиста и ели, которые были разложены повсюду членами Общества женщин англиканского вероисповедания, чтобы у празднующих возникало впечатление, будто они находятся вовсе не в церкви, а в лесу. Билли Уильямс прикрепил к балкам голые кленовые ветки, а женщины-англиканки во главе с Матушкой попросили его прикрутить к веткам гирлянды маленьких лампочек, которые создавали иллюзию небес, сверкающих звездами над этой небольшой группой верующих. Церковь была полна зелени и света.

– Зеленый цвет – это цвет сердечной чакры, – объяснила Матушка.

– Я уверена, епископ будет доволен, – сказала Кей.

В канун Рождества Святой Томас был наполнен семьями, взбудораженными детьми, пожилыми мужчинами и женщинами, которые приходили сюда всю жизнь, сидели на одной и той же скамье, почитали одного Бога, крестились, женились и хоронили близких. Некоторых они так и не смогли похоронить, а потому запечатлели их в небольшом витражном окне, улавливающем утренний нарождающийся свет. Теперь они маршировали в теплых желтых, синих и зеленых тонах, навечно прославленные и упокоившиеся на Первой мировой войне. Под изображениями этих блестящих мальчиков были начертаны их имена и слова: «Они были нашими детьми».

В этот вечер церковь была заполнена англиканцами, католиками, иудеями, атеистами и людьми, которые верили в нечто неопределенное и не сводящееся к религии. Они пришли, потому что Святой Томас в канун Рождества был полон зелени и света.

Но, как это ни неожиданно, в нынешнее Рождество Святой Томас был полон и прекрасного пения.

«Все, что грех», – пел голос, спасая отчаявшихся прихожан. Клара повернулась, пытаясь разглядеть ребенка. Многие тоже выворачивали шеи, чтобы увидеть того, кто запевает. Даже Габри был вынужден отказаться от своей привычной роли ввиду этого неожиданного и абсолютно благодатного явления божественности. Как сказал бы Йейтс, словно ангел, устав от хныканья мертвых, присоединился к этой веселой компании.

Клара вдруг нашла просвет между головами и увидела все в лучшем виде.

Там, сзади, стояла Си-Си де Пуатье в белом пушистом свитере то ли из кашемира, то ли из кошки. Рядом с ней стоял ее муж, безмолвный и с нездоровым румянцем на лице. А рядом с ним – громадных размеров девочка в ярко-розовом платье без рукавов. Руки у нее были как бочонки, а из-за складок на талии платье в обтяжку становилось похожим на растаявшее клубничное мороженое. Это была настоящая карикатура.

Но лицо ее было прекрасно. Клара видела эту девочку и прежде, но всегда на расстоянии и только с грустным, несчастным лицом. Но сейчас на этом лице, устремленном к сверкающим потолочным балкам, было выражение блаженства – Клара знала это.

«…Уходит прочь».

Изысканный голос Кри звучал среди балок с гирляндами, потом выскальзывал под дверь старой церкви и плясал с неторопливо падающими снежинками между припаркованных машин и голых кленов. Слова старой рождественской песни скользили по замерзшему пруду, повисали на ветвях

разукрашенных елей, проникали в каждый счастливый дом в Трех Соснах.

Закончив службу, священник поспешил прочь – он уже опаздывал на празднество в расположенном неподалеку Клегхорн-Холте.

– Счастливого Рождества, – обратился Питер к Габри, когда они собрались на ступеньках перед церковью, чтобы всем вместе отправиться через деревню в дом Эмили. – Какая прекрасная ночь.

– И какая прекрасная служба, – сказала Клара, подойдя к Питеру. – Ты можешь себе представить, чтобы так пел ребенок?

– Да, неплохо, – признал Габри.

– Неплохо? – переспросила Матушка Беа, подойдя к ним. На одной руке у нее, словно муфта, висела Кей, а на другой – Эмили. – Да она была просто невероятна. Я никогда не слышала такого голоса. А вы?

– Мне нужно выпить, – проворчала Кей. – Когда мы уходим?

– Прямо сейчас, – успокоила ее Эм.

– Оливье принесет еду из бистро, – сказал Габри. – Мы приготовили вареную лососину.

– Давай поженимся, – предложила Мирна.

– Ты наверняка просишь об этом всех девушек, – упрекнул ее Габри.

– Ты – первая, – сказала Мирна и рассмеялась.

Но ее смех неожиданно пресекся.

– Глупая, глупая девчонка, – раздалось шипение из-за угла церкви. Все замерли, словно обездвиженные этими словами, прорезавшими хрустящий ночной воздух. – Все глазели на тебя. Ты меня унизила.

Это был голос Си-Си. У церкви был боковой выход и тропинка, которая коротким путем вела на Дю-Мулен и к старому дому Хадли. Они поняли, что Си-Си остановилась там в тени церкви.

– Они смеялись над тобой. «Ах, снег лежит вокруг, глубокий, ровный и хрустящий», – издевательски-детским голосом фальшиво пропела Си-Си. – А как ты одета? С ума сошла? Я думаю, ты психически ненормальная.

– Успокойся, Си-Си, – проговорил мужской голос, такой робкий и слабый, что был едва слышен за порывами ветра.

– Она твоя дочь. Посмотри на нее. Толстая, ленивая уродина. Как и ты. Ты с ума сошла, Кри? В этом все дело? В этом? В этом?

Люди стояли не двигаясь, словно прятались от монстра, молча молясь: пожалуйста, пожалуйста, кто-нибудь, остановите ее. Кто-нибудь другой.

– И ты открыла свой рождественский подарок, ты настоящая эгоистка.

– Но ты мне говорила, что я… – попробовала возразить девочка.

– «Я, я, я». Это все, что я от тебя слышу. А ты хоть спасибо мне сказала?

– Спасибо за шоколад, мама.

Голос и девочка стали такими маленькими, будто их и вовсе не существовало.

– Поздно. Если мне приходится вымаливать у тебя «спасибо», то это не считается.

Конец предложения был едва слышен, потому что Си-Си зацокала по дорожке, словно шла, выпустив когти.

Прихожане потеряли дар речи. Рядом с Кларой Габри начал низким голосом неторопливо выводить мелодию, потом, едва слышимые, зазвучали слова старой рождественской песни: «Скорбя и мучаясь, в крови и ранах ляжет он в холодный гроб».

Пока они избегали этого монстра, тот пожирал запуганную девочку.

Глава седьмая

– Joyeux Noël, tout le monde[28], – с улыбкой сказала Эм, открыв дверь гостям несколько минут спустя.

Ее любимец Анри, годовалый щенок немецкой овчарки, выскочил на улицу и принялся скакать вокруг гостей, пока его не заманили внутрь куском рождественского пирожного. Неразбериха и веселый шум помогли прогнать неловкое чувство, вызванное у них вспышкой Си-Си. Казалось, вся деревня одновременно прибыла к Эм, люди поднимались по ступенькам широкой веранды, стряхивали снег с курток и шапок.

Дом Эмили представлял собой старинный обитый вагонкой коттедж, расположенный напротив дома Морроу и отделенный от него деревенским лугом. Оливье остановился за кругом света перед крыльцом, стараясь не уронить лососину с блюда.

Приближение к дому Эм, в особенности вечером, всегда зачаровывало его. Это было похоже на одну из тех сказок, что он читал в детстве с фонариком, укрывшись с головой одеялом, – там всегда были увитые розами домики и каменные мостики, огонь, пылающий в камине, и счастливые пары, красотки и красавцы, идущие рука об руку. Его отец с облегчением думал, что сын разглядывает фотографии в «Плейбое», но Оливье занимался делом гораздо более приятным и опасным. Он мечтал о том времени, когда создаст свой собственный сказочный мирок. И это ему удалось. По крайней мере, отчасти. Он сам стал «красоткой». Он смотрел на домик Эм, на его манящий кремовый свет, и понимал, что пришел прямо в книгу, которой утешался, когда мир казался холодным, жестоким и несправедливым. Наконец он улыбнулся и пошел в дом, неся свое рождественское подношение. Он шел осторожно, чтобы не поскользнуться на льду, который, возможно, подстерегал его под тонким слоем снега. Слой чистейшей белизны был и прекрасен, и опасен. Никогда не знаешь, что под ним. Квебекские зимы могут и очаровывать, и убивать.

Люди прибывали, еду заносили в знакомую кухню, и в духовке скопилось слишком много горшочков и пирогов. Блюда, наполненные засахаренным имбирем, вишней в шоколаде, фруктами в сахаре, стояли на столе рядом с пудингами, тортами, печеньем. Маленькая Роза Левек смотрела на bûche de Noël[29], традиционное рождественское лакомство из фруктовой коврижки, покрытой тончайшим слоем глазури. Маленькие пухлые пальцы Розы лежали на скатерти, украшенной изображением

Санта-Клауса, оленя и рождественской елки. В гостиной Рут и Питер готовили выпивку, Рут выливала свой виски в сосуд, который, как полагал Питер, называется вазой.

На елке горели гирлянды, а рядом сидели дети Вашон и читали надписи на подарках в яркой обертке – искали те, что предназначались им. Огонь в камине разгорался, да и некоторые из гостей понемногу раскочегаривались. В столовой раздвижной стол стонал под грузом горшочков и пирогов, печенных в патоке бобов и ветчины в кленовом соке. Во главе стола, словно викторианский джентльмен, расположилась индейка. Центр стола каждый год оставляли для замысловатых и ярких цветочных композиций Мирны. В этом году это были сосновые ветки с вплетением великолепного красного амариллиса. В центре этого соснового леска на подстилке из мандаринов, клюквы и шоколадок стояла музыкальная шкатулка, и из нее доносилась рождественская песенка.

Оливье донес вареную лососину до стола. Для детей, которые без присмотра набивали желудки конфетами, приготовили пунш.

Так по старой квебекской традиции отмечали у Эмили Лонгпре канун Рождества, так же отмечали этот праздник и ее мать, и ее бабушка в этом самом доме в эту же ночь. Клара увидела, что Эм ходит по кругу, и обняла ее за талию:

– Чем я могу помочь?

– Нет, дорогая. Я просто хочу, чтобы все были довольны.

– Мы в этом доме всегда довольны, – искренне сказала Клара.

Она поцеловала Эм в обе щеки и почувствовала соль на губах. Эм плакала этим вечером, и Клара знала почему. В Рождество дома были наполнены людьми, которые все еще здесь и которых здесь уже нет.

– Так когда ты собираешься снять свою бородку Санты? – спросил Габри, подсаживаясь к Рут на потертый диван у огня.

– Сука, – пробормотала Рут.

– Шлюха, – парировал Габри.

– Нет, вы только посмотрите.

Мирна села по другую сторону Рут, и от ее веса двое других чуть не катапультировались под потолок. Мирна указала тарелкой в сторону рождественской елки, где молодые женщины критиковали прически друг друга:

– Эти девицы говорят, что у них плохой день для волос. Только подумайте!

– Ну и ну, – заметила Клара, оглядываясь в поисках стула.

Комната была заполнена людьми, слышалась английская и

французская речь. В конце концов Клара села на пол и поставила полную тарелку на кофейный столик. К ней подошел Питер:

– Вы о чем говорите?

– О волосах, – ответила Мирна.

– Спасайся, – сказал Оливье, обращаясь к Питеру. – Для нас уже поздно, но у тебя еще есть шанс уйти. Насколько я понимаю, на другом диване идет разговор о простате.

– Садись. – Клара потащила Питера вниз за пояс. – Те девицы думают, что у них проблемы с волосами.

– Но дождутся менопаузы, – подтвердила Мирна.

– О простате? – спросил Питер у Оливье.

– И о хоккее, – вздохнул тот.

– Эй, ребята, вы слушаете?

– Так тяжело быть женщиной, – пожаловался Габри. – То у нас начинаются менструации, потом вы, животные, лишаете нас невинности, потом разлетаются дети, и мы уже не знаем, кто мы…

– Отдаем лучшие годы жизни этим неблагодарным ублюдкам и эгоистичным детям, – кивнул Оливье.

– А потом, только мы запишемся на курсы гончарного искусства или тайской кухни, – трррах!

– Или нет, – сказал Питер, улыбаясь Кларе.

– Осторожнее, мальчик. – Она ткнула в его сторону вилкой.

– Менопауза, – проговорил Оливье певучим голосом диктора Си-би-си.

– Я никогда не просил у мужчины о паузе, – заметил Габри.

– Первый седой волос – вот что такое плохой день для волос, – сказала Мирна, не обращая внимания на мужчин.

– Как насчет того дня, когда ты впервые замечаешь, что у тебя на подбородке растут волосы? – спросила Рут. – Вот плохой день для волос.

– Боже, как это справедливо, – рассмеялась Матушка, присоединяясь к ним. – Такие длинные, жесткие, как проволока.

– Не забудь про усы, – подхватила Кей, опускаясь на место, предложенное ей Мирной, а Габри встал, уступая место Матушке. – Мы заключили торжественное соглашение. – Кей кивнула на Матушку и посмотрела на Эм, разговаривавшую с соседями. – Если кто-то из нас оказывается в больнице без сознания, остальные позаботятся, чтобы их вытащили.

– Затычки? – спросила Рут.

– Волосы из подбородка, – ответила Кей, с тревогой посмотрев на Рут. – Тебя в списке посетителей не будет. Матушка, возьми это на заметку.

– Я взяла это на заметку много лет назад.

Клара отнесла пустую тарелку к столу и вернулась через несколько минут с бисквитом, шоколадными пирожными и лакричным ассорти.

– Украла у детей, – сообщила она Мирне. – Лучше поторопись, пока еще что-то осталось. А то они такие умники.

– Я возьму у тебя. – Мирна и в самом деле протянула руку, но вынуждена была ее убрать, увидев угрожающе занесенную над ней вилку. – Наркоманы, вы смешны, – сказала Мирна, глядя на полупустую вазу с виски у Рут.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразила Рут, проследив направление ее взгляда. – Прежде это был мой любимый наркотик. До двадцати моим наркотиком было желание быть принятой, после двадцати – желание получить одобрение, после тридцати – любовь, а после сорока – виски. Последнее немного затянулось, – признала она. – А теперь меня по-настоящему заботит одно – была бы хорошая перистальтика.

– А у меня наркотическая зависимость от медитации, – сказала Матушка, поглощая третью порцию бисквита.

– У меня идея, – обратилась Кей к Рут. – Ты могла бы посетить Матушку в ее центре. Она может вымедитировать любое дерьмо из кого угодно.

После этого сообщения наступило молчание. Клара искала хоть что-нибудь, чтобы прогнать этот навязчивый, отвратительный образ, и была благодарна Габри, когда он взял книгу из пачки под кофейным столиком и помахал ею.

– Кстати, если уж речь зашла о дерьме. Это книга Си-Си? Вероятно, Эм купила ее во время твоей презентации, Рут.

– Она, наверное, продала не меньше, чем я. Вы все предатели, – обвинила их Рут.

– Нет, вы послушайте.

Габри открыл «Клеймите беспокойство», и Клара заметила, что Матушка заерзала, словно собираясь подняться, но Кей вцепилась ей в руку и удержала на месте.

– «А потому, – начал читать Габри, – само собой разумеется, что цвета, как и эмоции, вредоносны. Тот факт, что негативные эмоции имеют свою окраску, не случаен: красный для гнева, зеленый для зависти, голубой для депрессии. Но если сложить все цвета, то что мы получим? Белый. Белый – это цвет божественности, уравновешенности. Цель состоит в достижении уравновешенности. А чтобы достигнуть ее, мы должны удерживать эмоции внутри, предпочтительно под белым слоем. Вот о чем говорит ли-бьен, это

достойное древнее учение. Из этой книги вы узнаете, как скрывать свои истинные чувства, как сохранить их в безопасности в этом недобром и субъективном мире. Ли-бьен – это древнее китайское искусство рисования изнутри. Удержания в себе цветов и эмоций. Это единственный способ достижения мира, гармонии и спокойствия. Если мы все станем хранить наши эмоции в себе, не будет борьбы, вреда, насилия, войн. В этой книге я предлагаю мир вам и всей планете». – Габри захлопнул книгу. – Что-то я сегодня не заметил, чтобы ли-бьен в ней победил инь-ян.

Питер рассмеялся вместе с остальными, но при этом постарался ни с кем не встречаться взглядом. В глубине души, под собственным слоем белой кожи Питер был согласен с Си-Си. Эмоции опасны. Эмоции лучше прятать под спокойной и мирной маской.

– Бессмыслица какая-то, – сказала Клара, перелистав несколько страниц и застряв на одном из абзацев.

– А предыдущее не было бессмыслицей? – спросила Мирна.

– Там другое дело, но здесь она пишет, что восприняла эту жизненную философию в Индии. А разве перед этим она не говорила, что ли-бьен – китайская философия?

– Ты что, и в самом деле ищешь там какой-то смысл? – спросила Мирна.

Клара снова погрузилась в книгу. Через несколько секунд ее плечи начали подрагивать, потом к ним присоединилась и спина. Наконец она подняла лицо и посмотрела на озабоченных друзей.

– Что такое? – спросила Мирна у плачущей Клары.

– Имена ее гуру, – проговорила та между рыданиями.

Внезапно Мирна засомневалась, плачет ее подружка или смеется.

– Кришнамурти Дас, Рави Шанкар Дас, Ганди Дас. Рамен Дас. Калиль Дас. Джибран Дас. Они даже ее называют Си-Си Дас.

Клара зашлась от смеха, как и большинство остальных.

Большинство. Но не все.

– Я не вижу в этом ничего плохого, – сказал Оливье, вытирая глаза. – Мы с Габри выбрали путь «Хаген Дас»[30]. И ничего. Хотя и не без трудностей.

– А один из твоих любимых фильмов – «Das Boot»[31], – напомнила Клара Питеру. – Так что ты, вероятно, просветленный.

– Верно. Хотя тут «Дас» стоит спереди.

Клара, расхохотавшись, оперлась плечом о Питера, и в это время прибежал Анри и запрыгнул на них обоих. Перестав смеяться и успокоив

Анри, Клара, к своему удивлению, увидела, что Матушка ушла.

– С ней все в порядке? – спросила Клара у Кей, которая провожала взглядом подружку – та направлялась в столовую и к Эм. – Может, мы что-то не то брякнули?

– Нет-нет.

– Мы не хотели ее обидеть, – сказала Клара, садясь рядом с Кейт на место, освобожденное Матушкой.

– Вы ее не обидели. Вы о ней даже и не говорили.

– Мы смеялись над вещами, к которым она относится серьезно.

– Вы смеялись над Си-Си, а не над Матушкой. Она знает разницу.

Но Клара задумалась. И Си-Си, и Матушка нарекли свои бизнесы «Клеймите беспокойство». Они обе жили в Трех Соснах. И обе исповедовали похожие духовные практики. Не скрывают ли две эти женщины нечто большее, чем эмоции?

Выкрики «Счастливого Рождества» и «Joyeux Noël» затихли в веселой ночи – вечеринка закончилась. Эмили помахала последним гостям и закрыла дверь.

Была половина третьего ночи, и Эмили совсем выбилась из сил. Она медленно прошла в гостиную, опираясь рукой о стол. Клара, Мирна и остальные навели в доме порядок, тихо вымыли посуду, пока она сидела на диване с маленьким стаканчиком виски и разговаривала с Рут.

Рут ей всегда нравилась. Все были изумлены ее первой книгой стихов, изумлены тем, что такая хрупкая и язвительная женщина может творить такую красоту. Но Эм знала. Давно знала. Она среди прочего и этим поделилась с Кларой. Клара видела то, что было недоступно другим, и по этой причине Эм прониклась к Кларе симпатией с самого первого дня ее появления в деревне. Тогда Клара была молодая и самоуверенная, нетерпимая и талантливая. Клара была похожа на того мальчонку из «Шестого чувства»[32], только видела она не призраков, а доброту. Что само по себе было несколько пугающим. Ведь видеть зло в других людях так утешительно, это дает нам множество предлогов и извинений, чтобы вести себя не лучшим образом. Но доброта? Нет, способностью видеть доброту в других наделены только выдающиеся люди.

Впрочем, Эм было известно, что во многих людях, сколько ни ищи, доброты не найдешь.

Она подошла к проигрывателю, выдвинула ящик стола, осторожно извлекла оттуда одну шерстяную варежку. Под ней лежала пластинка. Она поставила пластинку и протянула руку к кнопке «пуск» – палец ее был

изогнут и чуть подрагивал, словно в пародии на Микеланджелово «Сотворение мира». Потом она вернулась к дивану, осторожно держа варежку, словно в ней все еще оставалась рука.

В спальнях почивали Матушка и Кей. Уже долгие годы три подружки собирались в канун Рождества и праздновали этот день на свой собственный тихий манер. Эм подозревала, что это ее последнее Рождество. Она подозревала, что и для Кей это Рождество будет последним. А может, и для Матушки. Два тридцать.

Заиграла музыка, и Эмили Лонгпре закрыла глаза.

В одной из спален Матушка услышала первые ноты Концерта для скрипки с оркестром ре мажор Чайковского. Матушка слышала этот концерт только в канун Рождества, хотя когда-то это была ее любимая музыка. Когда-то этот концерт был для них особенным. Для Эм в первую очередь, но это было естественно. Теперь они слушали эту музыку только раз в году – ночью в канун Рождества. Сердце Матушки разрывалось, когда она представляла себе свою подругу в одиночестве гостиной. Но она очень любила и уважала Эм, а потому не могла лишать ее этого времени наедине с ее скорбью и ее сыном.

К тому же в эту ночь у Матушки была своя скорбь, которая и составляла ей компанию. Она снова и снова повторяла: «Клеймите беспокойство, клеймите беспокойство». Но эта мантра, утешавшая ее много лет, вдруг утратила смысл, ее сила была украдена этой ужасной, извращенной пародией на женщину. Черт бы побрал эту Си-Си де Пуатье!

Кей ворочалась в постели. Даже повернуться на другой бок было невыносимо мучительно. Ее тело отказывало. Испускало дух – вот как это называлось. Правда, на самом деле происходило противоположное. В духа, в призрака превращалась она сама. Кей открыла глаза и позволила им приспособиться к темноте. Издалека до нее доносились звуки концерта Чайковского. Музыка словно входила в ее мозг не через уши, которые с каждым годом слышали все хуже, а через грудь и прямо в сердце, терзаемое нотами. Это было почти невыносимо. Кей сделала глубокий хрипловатый вздох и чуть не крикнула Эмили, чтобы та выключила музыку. Выключила эту божественную музыку. Но она промолчала. Кей слишком любила подругу и не могла лишить ее этих минут с Дэвидом.

Музыка навела ее на мысль о другом ребенке – о Кри. Что это за имя такое? Кей знала, что имена имеют значение. Девочка сегодня так пела – настоящий ангел, и на несколько минут их осенило нечто божественное,

они стали человечнее. Но ее мать несколькими точно подобранными словами изуродовала те блаженные минуты. Си-Си была настоящим алхимиком, наделенным невероятным даром – превращать золото в свинец.

Что такого услышала мать Кри, что спровоцировало у нее подобную реакцию? Нет, она, вероятно, слышала не тот голос, что слышали остальные. А может быть, тот, и проблема в этом как раз и состояла. Может быть, она слышала и другие голоса.

Она была не первой.

Кей попыталась прогнать эту мысль, но та все возвращалась. Потом появилась еще одна мысль, еще один голос, певучий, с ирландским акцентом, мужественный и добрый:

«Ты должна была помочь этому ребенку. Почему ты ничего не сделала?»

Всегда один и тот же вопрос. И один и тот же ответ. Она боялась. Боялась всю жизнь.

Вот он – тот мрак, он наступил,
тот мрак, которого так долго ты ждала.
Но нового, в конечном счете, в этом нет.

Ей вдруг вспомнились строки из стихотворения Рут Зардо. Сегодня у мрака появилось имя, лицо и розовое платье.

Мрак был не Си-Си, мраком было обвинение в лице Кри.

Кей сжала кулаки под шерстяным одеялом и уперла их в подбородок, чтобы было теплее. Она мерзла вот уже много лет. Ее взгляд поймал красные цифры электронных часов. Три часа. Она снова была в своем окопе. Холодная и дрожащая. Сегодня у нее была возможность искупить все прежние минуты трусости в ее жизни. И для этого нужно было всего-то защитить ребенка.

Кей знала, что вскоре получит знак. И вскоре ей придется выбраться из окопа и встретить то, что грядет. Но она не была готова. Пока еще. Пожалуйста.

Черт бы подрал эту женщину.

Эм слушала звуки скрипки, заполнявшие знакомое пространство. Они играли вокруг елки, среди подарков, смеялись у замерзшего окна, выходящего на ярко освещенные сосны в конце луга. Концерт заполнил комнату, и на одно благодатное мгновение она закрыла глаза и представила себе, что это играет не Иегуди[33], а кто-то другой.

Каждый Канун Рождества был похож на предыдущие. Но нынешний оказался хуже остальных. Она слишком многое видела. Слишком многое слышала.

Она знала, что должна сделать.

Рассвет в день Рождества был яркий и прозрачный, снежок предыдущего дня осел на ветвях, и весь мир с восходом солнца заискрился. Клара открыла дверь из прихожей на улицу, чтобы выпустить Люси – золотистого ретривера – и вдохнуть свежего воздуха.

День начинался неторопливо. Питер и Клара вытащили из своих носков пазлы, журналы, конфеты, апельсины. Орешки кэшью быстро исчезли из носка Питера, да и мармеладные мишки в Кларином носке тоже не задержались. За кофе с блинами они открыли подарки покрупнее. Питеру понравились часы от Армани, он немедленно надел их и засучил рукав махрового халата по локоть, чтобы было виднее.

Он принялся театрально шарить под елкой, делая вид, что куда-то засунул подарок для Клары, и наконец разогнулся, покраснев от прилива крови, и протянул ей шар, завернутый в подарочную бумагу.

– Прежде чем ты развернешь, хочу тебе кое-что сказать. – Он покраснел еще сильнее. – Я знаю, как тебя уязвила эта история с Фортеном и Си-Си. – Он поднял руку, пресекая ее возражения. – Про Бога я тоже знаю. – Говоря это, он чувствовал себя невероятно глупо. – Я что хочу сказать: ты рассказала мне, что видела Бога на улице, хотя и знала, что я в это не поверю. Я хочу, чтобы ты знала: я ценю твое доверие, ведь ты знала, что я не буду смеяться.

– Но ты смеялся.

– Ну, совсем немного. Как бы там ни было, но я хотел сказать, что думал об этом, и ты права, я не верю, что Бог – бродяга…

– А кто, по-твоему, Бог?

Ну вот, он хотел вручить ей подарок, а она задает ему вопросы про Бога.

– Ты знаешь, во что я верю. Я верю в людей.

Клара промолчала. Она знала, что он не верит в Бога, и не возражала против этого. Он вовсе не обязан во что-то верить. Но еще она знала, что и в людей он по-настоящему не верит. По крайней мере, не верит, что они хорошие, добрые и умные. Может быть, когда-то он и верил, но после того, что случилось с Джейн, перестал.

Джейн убили, и что-то умерло в Питере.

Сколько бы она ни восхищалась своим мужем, она вынуждена была признать, что верит он только в себя.

– Нет, ты ошибаешься, – сказал он, садясь рядом с ней на диван. – Я понимаю, что у тебя на уме. Я верю в тебя.

Клара взглянула ему в лицо – серьезное, красивое лицо Морроу – и поцеловала его.

– Си-Си и Фортен – идиоты. Ты знаешь, я не понимаю твоей работы и, возможно, никогда не пойму, но я знаю, ты выдающийся художник. Я чувствую это здесь.

Он приложил руку к груди, и Клара поверила ему. Может быть, она достучалась до него. А может, он стал лучше понимать, что она хочет услышать. И то и другое ее устра-ивало.

– Разверни свой подарок.

Клара сорвала бумагу, отчего Питер поморщился. Клочки упали на пол, он поднял их и разгладил.

Внутри обнаружился шар. Без всяких сюрпризов. Сюрприз состоял в том, что шар был прекрасен. Казалось, он сиял в ее руках. На нем была очень простая картинка. Три сосны, покрытые снегом. А ниже – одно слово: «Noël». Картинка была простая, но отнюдь не примитивная и не наивная. Ничего подобного Клара в жизни не видела. Легкое изящество стиля. Уверенная красота.

Клара поднесла его к свету. Откуда такое свечение у раскрашенного шара? Она присмотрелась и улыбнулась. Посмотрела на Питера, и он склонил свое взволнованное лицо к ее лицу.

– Снаружи нет краски. Одно стекло. Краска внутри. Ты только подумай.

– Тебе нравится? – тихо спросил он.

– Очень. Как и ты. Я тебя люблю, Питер, спасибо. – Она обняла его, не выпуская шара из рук. – Это, вероятно, какое-то рождественское украшение. Ты думаешь, здесь нарисованы Три Сосны? Нет, я вижу, что здесь три сосны, но они так похожи на наши три сосны, что растут на деревенском лугу. Впрочем, любые три сосны, стоящие рядом, будут похожи на другие такие же. Я в восторге. Лучшего подарка я в жизни не получала. И даже не буду спрашивать, где ты его нашел.

Он был благодарен ей за это.

К полудню каштановая начинка уже была в индейке, а индейка – в духовке, и дом наполнился чудесными рождественскими запахами. Питер и Клара решили заглянуть в бистро. По пути им попадались обитатели деревни. Чтобы узнать большинство из них, нужно было какое-то время: почти все они щеголяли новыми вязаными шапочками, оказавшимися утром в их носках. А старые были так знакомы и хорошо пожеваны

собаками и кошками. Всю зиму эти домашние любимцы проявляли повышенный интерес к помпону и в конечном счете превращали своих хозяев в свечки с торчащим наверху кусочком фитиля.

В бистро Клара увидела Мирну – та сидела у окна и попивала глинтвейн. Они стащили с себя куртки, которые упорно не хотели их отпускать, и положили шапки и варежки на радиатор, чтобы были теплыми. В бистро прибывали краснолицые соседи и дети: кто-то после катания на лыжах, кто-то после прогулки в снегоступах, кто-то катался на санках с вершины холма к мельнице, кто-то гонял по замерзшему пруду на коньках. Некоторые направлялись на Мон-Сен-Реми и собирались провести полдня, съезжая на лыжах с горы.

– Кто это? – спросила Мирна, ткнув пальцем в человека, сидевшего в одиночестве за столиком.

– Месье «Молсон канадиан»[34]. Всегда заказывает одно и то же пиво. Дает хорошие чаевые, – доложил Оливье, ставя на стол две чашки ирландского кофе для Клары и Питера и вазочку с лакричными конфетами. – Счастливого Рождества. – Он поцеловал их обоих, потом кивнул в сторону незнакомца. – Он появился два дня назад.

– Может, снимает тут у кого-нибудь, – сказала Мирна.

Чужаки в Трех Соснах были большой редкостью только потому, что деревню было трудно найти. Попадали в нее по большей части случайно.

Сол Петров отхлебнул пива, откусил от сэндвича с ростбифом, расплавленным сыром и салатом. Еще на его тарелке лежала уменьшающаяся горка чуть приправленной картошки фри.

Все было идеально.

Впервые за долгие годы Сол чувствовал себя по-человечески. Он не был готов к общению с этими дружески расположенными людьми, но знал, что они не будут возражать, если он попросит разрешения присоединиться к ним. Некоторые уже улыбались ему, поднимали свои стаканы и одними губами произносили «Santé»[35] и «Joyeux Noël».

Они казались ему добрыми людьми.

Неудивительно, что Си-Си их ненавидела.

Сол обмакнул картофельную стружку в маленькое блюдечко с майонезом. Интересно, кто тут из них художник? Кто нарисовал это удивительное плавящееся дерево? Он даже не знал, мужчина это или женщина.

Может, спросить у кого-нибудь? Три Сосны – совсем маленькая деревня, кто-нибудь наверняка ему скажет. Он бы хотел поздравить

художника, поставить ему или ей стаканчик пива, поговорить об их общем искусстве и мастерстве. Поговорить о вещах, имеющих отношение к искусству, а не к темным местам, где он бывал с Си-Си. Но для начала он должен был закончить одно дело в Трех Соснах. А после этого он обязательно найдет художника.

– Извините.

Он поднял голову – над ним стояла огромная черная женщина.

– Меня зовут Мирна. Я владею книжным магазином здесь рядом. Хотела вам сказать, что завтра в Уильямсбурге будет общий ужин, а потом матч по кёрлингу. Мы все едем. Это благотворительное мероприятие – сбор денег для местной больницы. Хотела, чтобы вы знали: вам будут рады.

– Правда?

Он надеялся, что голос его прозвучал не так хрипло, как ему показалось. Чего он вдруг испугался? Уж конечно, не этой женщины. Может быть, он боялся ее доброты? Боялся, что она приняла его за кого-то другого? Кого-то интересного, талантливого и доброго.

– Завтрак в восемь в Легионе, а матч начинается в десять на озере Лак-Брюм. Надеюсь, вы сможете.

– Merci[36].

– De rien[37]. Joyeux Noël, – сказала она на хорошем французском, хотя и не без акцента.

Сол расплатился за ланч, оставив чаевых еще больше обычного, вышел, сел в машину и поехал вверх по холму к дому Хадли – поездка не далекая.

Он расскажет об этом Си-Си. Идеально. Как раз то, что ему и требовалось.

А когда это закончится, закончится и его миссия, и тогда он, возможно, сядет за один стол с этими людьми.

Глава восьмая

– Нашла что-то?

Старший инспектор Арман Гамаш налил жене бокал «Перье», поцеловал ее в затылок и посмотрел на документ в ее руке. Был второй день Рождества, и они сидели в его кабинете в полицейском управлении Квебека. Гамаш был в серых брюках, рубашке и галстуке – на работу он всегда так одевался. А изящный кашемировый кардиган как бы намекал, что сегодня все-таки праздник. Хотя Гамашу было всего пятьдесят с небольшим, его старомодное обаяние, вежливость и манеры напоминали о прошлых временах. Он улыбнулся жене, его темно-карие глаза выхватили седую прядку в ее волосах. До него доносился слабый запах «Джой» от «Жана Пату» – туалетной воды, которую он дарил жене на каждое Рождество. Гамаш описал круг и сел напротив нее в кожаное кресло, встретившее его просиженными формами. Тело Гамаша свидетельствовало о его склонности хорошо поесть и о привычке скорее к долгим прогулкам, чем к контактным видам спорта.

Его жена Рейн-Мари сидела в другом кожаном кресле, на коленях у нее лежала огромная красно-белая салфетка, в одной руке она держала папку, в другой – сэндвич с индейкой. Откусив от сэндвича, она скинула очки с носа, и они повисли на шнурке.

– Думала, что нашла что-то, но нет. Мне показалось, что есть один вопрос, не заданный следователем, но потом я нашла этот вопрос чуть ниже.

– Кто это был?

– Дело Лабарре. Человек, которого скинули в метро на пути перед поездом.

– Я помню. – Гамаш налил себе воды. Между ними на полу высились аккуратные стопки с папками. – Я не знал, что дело не закрыто. Ты ничего не нашла?

– Извини, дорогой. В этом году у меня не получается.

– Иногда там и нет ничего.

Они взяли новые папки и возобновили чтение в дружном молчании. У них сложилась такая традиция: на второй день Рождества они брали сэндвичи с индейкой, фрукты и сыр и ехали в кабинет Гамаша в отделе по расследованию убийств, где целый день проводили за чтением материалов следствия.

Рейн-Мари взглянула на мужа: тот погрузился в чтение, пытаясь извлечь истину из этих материалов, разглядеть за этими сухими словами, фактами и цифрами человека. В каждой из этих папок обитал убийца.

Это были материалы по нераскрытым убийствам. Несколько лет назад старший инспектор Гамаш обратился к своему коллеге в городской полиции Монреаля и сделал ему это предложение за коньяком в клубе Сен-Дени.

«Баш на баш, Арман? – спросил Марк Бро. – И как это будет работать?»

«Я предлагаю второй день Рождества. В управлении Квебекской полиции все тихо-спокойно. Думаю, и в твоем офисе тоже».

Бро кивнул, с интересом глядя на Гамаша. Как и большинство его коллег, он относился к Гамашу с искренним уважением. Только глупцы недооценивали его. Но Бро знал, что в полиции немало глупцов. Глупцов, наделенных властью и вооруженных.

Дело Арно безусловно доказывало это. И чуть не уничтожило этого большого умного человека, сидящего перед ним. Бро не знал, известна ли Гамашу эта история во всех подробностях. Вероятно, неизвестна.

Арман Гамаш говорил низким, приятным голосом. Бро отметил, что его темные волосы начинают седеть на висках, на макушке появилась лысина, но никаких попыток зачесать ее Гамаш не предпринимал. У него были густые темные усы, аккуратно подстриженные и тоже седеющие. Заботы избороздили его лицо, но не только заботы – и смешливость тоже. Его темно-карие глаза задумчиво смотрели на Бро над полукруглыми очками.

Бро было любопытно, как он выживает. Мир городской полиции Монреаля был жесток, но Бро знал, что обстановка в управлении Квебекской полиции еще круче. Потому что ставки там были выше. И тем не менее Гамаш сделал карьеру – возглавил самый знаменитый отдел в Квебекской полиции.

Но это, конечно, был его потолок. Даже Гамаш знал это. Однако в отличие от Марка Бро, который являл собой воплощенное честолюбие, Арман Гамаш, похоже, был удовлетворен, даже счастлив. Было время до дела Арно, когда Бро подозревал, что Гамаш простоват, что он поднялся не по уму высоко. Но теперь Бро так больше не считал. Теперь он знал, что кроется за этими добрыми глазами и спокойным лицом.

У него было очень странное ощущение тогда, будто Гамаш понимает все, что происходит и в его, Бро, голове, и в хитроумных умах чинов Квебекской полиции.

«Я предлагаю обменяться материалами нераскрытых дел, провести несколько дней за их изучением. Посмотреть, не удастся ли что-нибудь найти».

Бро глотнул коньяк, откинулся на спинку стула и задумался. Мысль была неплохая. Но необычная. И вероятно, могла вызвать недовольство, если кто-нибудь узнает. Он улыбнулся Гамашу и снова подался вперед: «А с чего это ты? Разве тебе и без того не хватает работы за год? Или ты хочешь убежать от семьи на Рождество?»

«Ну, ты же знаешь, если бы я этого хотел, то переехал бы к себе в кабинет и жил там на кофе из автомата. Своей жизни у меня нет, и семья меня презирает».

«Это я про тебя знаю, Арман. Собственно говоря, я тебя презираю».

«А я тебя».

Они обменялись улыбками.

«Я бы хотел, чтобы кто-то сделал это для меня, Марк. Все очень просто и основано на моем непроходимом эгоизме. Если бы меня убили, то мне хотелось бы думать, что дело не останется нераскрытым. Пусть кто-нибудь приложит дополнительные усилия. Разве я могу отказать в этом другим?»

Мысль была простая. И правильная.

Марк Бро пожал большую руку Гамаша: «Договорились, Арман».

«Договорились, Марк. И если что-нибудь случится с тобой, то дело не останется нераскрытым».

Это было сказано с чудесной простотой, и Бро удивился глубине смысла этих простых слов.

И вот уже несколько лет они встречались во второй день Рождества на парковке перед управлением Квебекской полиции и обменивались коробками. А потом Арман и Рейн-Мари открывали коробки и искали в них убийц.

– Вот что странно. – Рейн-Мари опустила папку и поймала взгляд мужа, который смотрел на нее. Она улыбнулась. – Этому делу всего несколько дней. Непонятно, почему оно попало в коробку.

– Рождественская суета. Кто-то, вероятно, ошибся. Дай-ка мне его – положу в исходящие.

Он протянул руку, но она уже опустила глаза и продолжила чтение. Через секунду он опустил руку.

– Извини, Арман. Просто я знала эту женщину.

– Не может быть. – Гамаш положил свою папку и подошел к Рейн-Мари. – Откуда? Что это за дело?

– Нет, она никакая не знакомая. Ты, вероятно, тоже знал ее. Бродяжка, что вечно болталась у автобусной остановки в Берри. Ну, ты знаешь, такая всепогодная, вся замотанная в несколько слоев лохмотьев. Она там сколько лет провела.

Гамаш кивнул:

– И все же пока это не может считаться нераскрытым делом. Ты говоришь, ее всего пару дней как убили?

– Двадцать второго. И вот что странно: она была не на остановке в Берри. Она была на Де-ла-Монтань, у «Ожильви». А это в десяти – пятнадцати кварталах от ее обычного места.

Гамаш вернулся на свое место и сел в ожидании, глядя, как читает Рейн-Мари. Несколько седых прядок выбились из прически. Ей было немного за пятьдесят, и она стала еще привлекательнее, чем когда они поженились. Косметикой она почти не пользовалась – ее устраивало лицо, подаренное ей природой.

Гамаш мог весь день просидеть, наблюдая за ней. Он иногда заезжал за ней на работу – в Национальную библиотеку, специально приезжал пораньше, чтобы видеть, как она работает с историческими документами, делает выписки, сидит с серьезными глазами, наклонив голову.

Потом она поднимала взгляд, замечала его, и ее лицо озарялось улыбкой.

– Ее нашли задушенной. – Рейн-Мари опустила папку. – Тут сказано, что ее звали Эль. Фамилии нет. Невероятно. Это оскорбительно. Не смогли узнать ее имя, а потому назвали просто – Она[38].

– Узнать имя бывает нелегко, – сказал Гамаш.

– Поэтому, наверно, детсадовцев и не берут в детективы.

Он не мог не рассмеяться, услышав это.

– Да они даже и не попытались, Арман. Ты посмотри. – Рейн-Мари показала ему папку. – Тут и материалов-то никаких нет. Она была для них бродягой.

– Хочешь, чтобы я попробовал?

– А ты можешь? Хотя бы имя узнать.

Он нашел коробку с вещдоками по делу Эль, стоящую в ряд с другими вдоль стены его кабинета, надел перчатки, вытащил содержимое и разложил его на полу. Вскоре повсюду лежала грязная, полуистлевшая одежда, и кабинет наполнился запахом, который мог дать фору любому голубому сыру.

Старые газеты, помятые и грязные, лежали рядом с одеждой. Гамаш предполагал, что они понадобились бродяжке для утепления в суровую

канадскую зиму. Он знал, что слова могут многое, но вот чтобы защищать от холода… Рейн-Мари присоединилась к нему, и они вместе принялись просматривать содержимое коробки.

– Похоже, она в буквальном смысле окружила себя словами, – сказала Рейн-Мари, увидев книгу. – Эти газеты для изоляции и даже книга.

Она открыла книгу наугад и принялась читать:

Моя мать давно умерла и покоится в другом городе,
но со мной так еще и не покончила.

– Позволь? – сказал Гамаш. Он взял книгу, посмотрел на обложку. – Я знаю автора. Встречался с ней. Это Рут Зардо.

Он прочитал название: «У меня все ОТЛИЧНО».

– Это та женщина из маленькой деревеньки, что тебе так понравилась? Одна из твоих любимых поэтов?

Гамаш кивнул и открыл книгу на первой странице:

– У меня этой нет. Вероятно, новая. Не думаю, что Эль ее читала.

Он посмотрел на титульный лист и увидел надпись: «Ты воняешь. С любовью, Рут».

Гамаш подошел к телефону и набрал номер.

– Это книжный магазин «Ожильви»? Я бы хотел узнать… Хорошо, жду.

Он наклонил голову, посмотрел на Рейн-Мари и улыбнулся. Она надела резиновые перчатки и вытащила из коробки с вещдоками маленькую деревянную шкатулку, простую и видавшую виды. Рейн-Мари перевернула ее и обнаружила четыре буквы, приклеенные к низу.

– Что ты об этом думаешь? – спросила она, показывая шкатулку Арману.

КЛМ Б.

– Она открывается?

Рейн-Мари осторожно приподняла крышку и заглянула внутрь. На ее лице появилось еще более озадаченное выражение.

Шкатулка была набита буквами алфавита.

– А попробуй-ка… Да, слушаю? – Он поднял брови, извиняясь. – Я хотел у вас узнать о последней книге Рут Зардо. Да-да. Много народа? Понимаю. Хорошо, merci.

Он повесил трубку. Рейн-Мари вывалила содержимое коробки на стол и стала раскладывать буквы ровными стопками.

Пять букв. Б, С, М, Л и К.

– Те же буквы, что и на донышке, кроме С, – сказала она. – Почему эти буквы и почему прописные?

– По-твоему, важно, что буквы там прописные?

– Не знаю. Но, судя по тем документам, с которыми я имею дело по службе, прописные буквы – это первые буквы слов.

– Например, КККП[39].

– Полицейский – всегда полицейский. Например, «У меня все ОТЛИЧНО». – Она показала на книгу Рут, лежавшую теперь на столе Гамаша. – Я думаю, тут смысл совсем другой. Что тебе сказали в магазине?

– Рут Зардо презентовала свою книгу несколько дней назад в магазине «Ожильви». Двадцать второго декабря.

– В день смерти Эль, – заметила Рейн-Мари.

Гамаш кивнул. С какой стати Рут стала бы дарить экземпляр своей книги бродяжке и подписывать ее «С любовью, Рут»? Он достаточно хорошо знал эту старуху – словом «любовь» она не очень разбрасывалась. Он снова взялся было за телефонную трубку, но телефон зазвонил, едва он прикоснулся к нему.

– Oui, allô. Гамаш слушает.

С того конца провода не донеслось ни звука.

– Oui, bonjour? – попытался Гамаш еще раз.

– Старший инспектор Гамаш? – раздался голос. – Не думал, что вы ответите по своему телефону.

– Я человек вездесущий. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Чем могу вам помочь?

– Меня зовут Робер Лемье. Я дежурю в полицейском отделении Кауансвилла в Восточных кантонах.

– Я помню. Мы встречались на расследовании убийства Джейн Нил.

– Да, сэр.

– Что я могу для тебя сделать, сынок?

– У нас убийство.

Получив информацию, Гамаш повесил трубку и посмотрел на жену. Она сидела собранная и спокойная.

– У тебя есть кальсоны? – спросила она.

– Да, мадам.

Он открыл верхний ящик, в котором оказался сверток синего шелка.

– Я думала, что полицейские обычно держат там оружие, – сказала Рейн-Мари.

– Я нахожу, что кальсоны дают мне достаточную защиту.

– Рада за тебя. – Она обняла его. – Я тебя оставляю, дорогой. У тебя работа.

Она оглянулась от двери – он уже звонил по телефону, стоя спиной к ней и глядя в окно на монреальское небо. Она увидела, как он совершает такие знакомые ей движения, обратила внимание, как чуть завиваются волосы на его шее, скользнула взглядом по его сильной руке, прижимающей телефонную трубку к уху.

Через двадцать минут Гамаш ехал к месту преступления, за рулем сидел его заместитель инспектор Жан Ги Бовуар. Они проехали по мосту Шамплена и оказались на шоссе – им предстояло полуторачасовое путешествие в самую глубинку Восточных кантонов.

Гамаш несколько минут смотрел в окно, потом снова открыл книгу и дочитал стихотворение, которое начала ему читать Рейн-Мари.

И когда нас смерть моя разделит,
и снова встретимся, прощенные и простившие,
не будет ли и тогда, как прежде, слишком поздно?

Глава девятая

– Ее звали Сесилия де Пуатье, – ответил агент Лемье на первый вопрос Гамаша. – Но все называли ее Си-Си. Вот здесь это и случилось, сэр.

Лемье старался говорить не слишком взволнованным, но в то же время не слишком равнодушным голосом. Он распрямил плечи и придал себе вид человека, который знает, что делает.

– Здесь? – спросил Гамаш, показывая на снег.

– Да, сэр.

– Откуда вы знаете? – спросил Жан Ги Бовуар. – Тут снег всюду одинаковый.

И в самом деле, следы ног на снегу были повсюду. Словно по месту убийства прошел парад Санта-Клауса. Бовуар натянул пониже свою черную лыжную шапочку и опустил наушники. Ничего лучше в магазинах ему найти не удалось, а хотелось, чтобы было красиво и тепло. Жан Ги Бовуар находился в постоянных борениях с самим собой: он хотел носить такую одежду, которая подчеркивала бы достоинства его стройной, спортивной фигуры, но в то же время защищала бы его от холода. Во время квебекской зимы было практически невозможно выглядеть привлекательным и не мерзнуть. А Жан Ги Бовуар вовсе не хотел выглядеть уродом в парке и дурацком колпаке. Он посмотрел на Гамаша – тот выглядел очень собранно. Неужели ему не бывает холодно? Или он просто умеет не показывать это? На шефе были серая шапочка, желтый кашемировый шарф и длинная зимняя парка из мягкого британского хаки. Судя по его виду, ему было тепло. И Бовуар поразился тому, насколько заманчиво теплыми могут выглядеть при минус десяти пухлая куртка, перчатки с пальцами-сардельками и все остальные зимние причиндалы. Бовуар начал подозревать, что только он один и выглядит смешно. Но он отринул эту неприятную мысль, когда порыв ветра проник под его модную куртку «пилот» и добрался до самых его костей. Его охватила дрожь, и он принялся топать ногами. Они стояли на замерзшем озере, обдуваемом всеми ветрами и холодном. До берега было ярдов сто, а другой берег тонкой лентой терялся вдалеке. Бовуар знал, что за неровной местностью слева лежит городок Уильямсбург, но сейчас инспектору казалось, что они за тысячу миль от цивилизации. Они определенно стояли в месте, где произошло что-то в высшей степени нецивилизованное.

Здесь был убит человек.

Как это ни прискорбно, но в то время никто этого не знал.

– Расскажи, что тебе известно, – попросил Гамаш, обращаясь к Лемье.

Это был один из любимых моментов у Бовуара. Подход к очередной тайне. Но Гамаш знал, что корни этой тайны, как и в случаях со всеми другими убийствами, уходят в далекое прошлое. Это не было ни началом, ни концом.

Гамаш прошел несколько шагов по замерзшему заснеженному озеру, раскалывая ботинками хрупкую корочку наста. Он почувствовал знакомое покалывание на щиколотках – в ботинки набился снег.

– Судя по тому, что говорят свидетели, убитая просто рухнула, – начал Лемье, глядя на старшего инспектора и пытаясь понять, удовлетворяет ли его этот ответ. Вид у Гамаша был недовольный, и Лемье внутренне сжался. Неужели он уже успел сделать что-то не так? – Они попытались вернуть ее к жизни, думали, это инфаркт, потом уложили в машину и повезли в больницу.

– И затоптали тут все, – проворчал Бовуар, словно Лемье был виноват в этом.

– Да, сэр. Я думаю, они сделали все, что было в их силах.

Лемье ждал нового упрека, но такового не последовало. Бовуар раздраженно фыркнул, а Гамаш сказал:

– Продолжай.

– Врач скорой помощи, доктор Ламбер, позвонил в полицию через полчаса. Сегодня, около половины двенадцатого. Он сообщил, что это случай подозрительной смерти, что он позвонил коронеру и что, судя по всему, смерть наступила от поражения электрическим током. Как я сказал, по его официальному заявлению, это случай подозрительной смерти – так полагается по их правилам, пока факт не будет установлен полицией, но, когда мы приехали, у него уже не осталось сомнений. Она была убита.

– Пожалуйста, агент, называйте ее по имени, – сказал Гамаш без малейшей укоризны. – Мы должны воспринимать мадам де Пуатье как личность.

– Да, сэр. Она, мадам де Пуатье, была убита электричеством на этом самом месте.

Именно это Лемье и сказал ему по телефону, и даже в кабинете это показалось Гамашу странным, но теперь, когда он стоял на месте преступления, все это представлялось ему совсем уж необыкновенным.

Как можно получить удар током посреди замерзшего озера? Прежде можно было убить кого-то в ванне, но сегодня большинство электрических приборов имеют автоматические выключатели. Брось тостер в ванну с

водой, где отмокает твоя супруга, и ты получишь сгоревший предохранитель и негодующую любовницу.

Нет, убить кого-нибудь током теперь положительно невозможно, если только ты не губернатор Техаса[40]. Но чтобы сделать это на замерзшем озере среди десятков свидетелей – нет, это сумасшествие.

Но кому-то хватило безумия попытаться.

Кому-то хватило ловкости преуспеть в этом.

Каким образом? Гамаш медленно повернулся, но никаких зацепок не заметил. Ни старых телевизоров, ни дымящихся тостеров на льду не было. Но он увидел на снегу три алюминиевых садовых стула. Один из них был опрокинут. За стульями находилось что-то вроде громадного хромированного гриба высотой в пятнадцать футов. Футах в двадцати влево стояла трибуна для болельщиков.

Все было обращено к расчищенной ледяной площадке длиной футов в двадцать перед трибуной. Гамаш направился туда, стараясь идти там, где снег лежал не самый глубокий, и увидел, что эта площадка представляет собой длинный узкий прямоугольник с разбросанными по нему большими круглыми камнями.

Кёрлинг.

Гамаш никогда не занимался этим видом спорта, но он как-то смотрел «Брайер» по телевизору и, увидев снаряд кёрлинга, вполне мог его узнать. У игровой площадки был какой-то жутковатый вид, как и у всех брошенных мест. Гамаш почти слышал, как снаряды катятся по льду и как игроки окликают друг друга. Всего несколько часов назад здесь было множество веселящихся людей. Кроме одного. Одному из них было так тошно, так невыносимо, так не по себе, что он пошел на убийство. Гамаш попытался представить, что сделал этот человек. Где он сидел? С другими людьми на трибуне или отделился от остальных в преддверии действия, которое сделает его навсегда непохожим на других? Был ли он возбужден или испуган до смерти? Спланировал ли он убийство до последней детали или его внезапно обуяла злость, такая нестерпимая, что он вынужден был действовать? Гамаш стоял почти недвижимо и внимательно прислушивался – не донесется ли до него голос убийцы, не выделится ли из призрачного смеха детей и голосов игроков.

Но нет, не получилось. Пока.

А может быть, никаких голосов и не было, только ветер, который завывал над поверхностью озера, подхватывал снег, образовывал мерзлую рябь.

Криминалистическая бригада огораживала место преступления

желтой полицейской лентой, фотографировала каждый дюйм площади, подбирала все, что могло служить вещественным доказательством. Замеры, сбор улик и отпечатков пальцев при минус десяти по Цельсию – дело нелегкое. Гамаш видел, что они торопятся. Была почти половина четвертого – после убийства прошло три часа, и стихия брала свое. Работать на любом месте преступления под открытым небом было нелегко, но что уж говорить, если преступление совершено на замерзшем озере посреди канадской зимы.

– Как можно убить здесь человека электрическим током? – нетерпеливо спросил Бовуар. – Что говорят свидетели?

– Матч по кёрлингу начался около десяти, – сказал Лемье, заглянув в свой блокнот. – Может быть, в десять тридцать, когда все собрались. Почти все были на трибуне, но убитая и еще одна женщина сидели на этих стульях.

– Убитая сидела на том, который перевернут? – спросил Бовуар.

– Не знаю.

Признаться в этом для Лемье было как нож острый. Но как ни странно, именно в этот момент Гамаш впервые посмотрел на него с чем-то большим, чем вежливый интерес.

– О том, что что-то случилось, люди узнали, когда закричала та, вторая женщина, сидевшая рядом. Поначалу ее никто не услышал из-за шума на площадке.

– Там что, кёрлингисты подрались? – недоуменно спросил Бовуар.

Единственная драка, какую он мог себе вообразить на матче по кёрлингу, – это давка на выходе.

– Я предполагаю, кому-то удался хороший бросок, – сказал Лемье.

– Тут лучше не предполагать, – тихо заметил Гамаш.

– Да, сэр.

Лемье опустил голову и постарался не выглядеть слишком расстроенным этими простыми критическими словами. Ему не хотелось казаться нетерпеливым школьником. Момент был деликатный. Важно было создать хорошее впечатление.

– Как только люди поняли, что случилось, они попытались вернуть мадам де Пуатье к жизни. Здесь было несколько добровольцев из пожарной команды.

– Включая и Рут Зардо? – спросил Гамаш.

– Откуда вы знаете?

– Познакомился с ней во время предыдущего расследования. Она все еще возглавляет добровольную пожарную команду в Трех Соснах?

– Да, сэр. Она была здесь с остальными. С Оливье Брюле, Габри Дюбо, Питером и Кларой Морроу.

Гамаш улыбался, слыша эти имена.

– Они сделали ей искусственное дыхание, потом уложили в машину и отвезли в Кауансвилл, где врач зафиксировал смерть.

– На каком основании доктор утверждает, что она была убита током? – спросил Бовуар.

– Ожоги. Руки и ноги у нее обожжены.

– И пока ей делали искусственное дыхание, никто не обратил на это внимания? – спросил Бовуар.

Лемье был достаточно опытен, чтобы не отвечать на этот вопрос. Несколько секунд спустя он продолжил:

– С мадам де Пуатье были муж и дочь. Они поехали с ней в больницу. Я записал их имена и адрес.

– Сколько людей видели случившееся? – спросил Гамаш.

– Около тридцати человек. Может, больше. Это ежегодная игра. А перед этим у них состоялся общий завтрак в Легионе.

Вокруг них теперь работали криминалисты, время от времени они подходили к Гамашу с вопросом или сообщением. Бовуар отправился наблюдать за сбором вещественных доказательств, а Гамаш стоял и смотрел, как работает его команда, потом медленно, размеренным шагом двинулся вокруг места преступления, сцепив за спиной руки в перчатках. Агент Лемье наблюдал за старшим инспектором – тот словно отправился в свой собственный мир.

– Идем со мной.

Старший инспектор остановился и повернулся так неожиданно, что поймал взгляд Лемье, который не сводил с него глаз. Молодой полицейский бросился вперед по снегу и через несколько секунд уже шел бок о бок с Гамашем, не зная, чего ему ждать дальше. Спустя минуту-другую он понял, что, возможно, от него ждут лишь одного – чтобы он за компанию шел рядом со старшим инспектором. И тогда Лемье тоже сцепил руки за спиной и принялся вместе с Гамашем ходить вокруг места преступления, и скоро они вдвоем протоптали кольцо, в центре которого, словно яблочко мишени, находилось малое колечко – место, где умерла Си-Си де Пуатье.

– Это что? – спросил наконец Гамаш, показывая на громадный гриб, возвышавшийся над местом преступления, как очень маленькое и замерзшее облако после взрыва атомной бомбы.

– Это нагревательный элемент, сэр. Что-то вроде фонарного столба, только рассеивает не свет, а тепло.

– Я видел такие в Квебек-Сити – их ставят на площадках с выносными столиками перед кафе, – сказал Гамаш, вспоминая стаканы белого вина на старинных каменных площадках в Старом городе Квебека и нагревательные элементы, которые позволяли людям с комфортом обедать на улице вплоть до ранней осени. – Но они гораздо меньше.

– Большинство меньше. Но это промышленные обогреватели. Используются на стройках зимой и на спортивных соревнованиях. Я думаю, что этот позаимствовали у хоккейной команды в Уильямсбурге. У них большинство матчей проходит на открытом воздухе, и несколько лет назад они нашли спонсора, у которого попросили сделать для них трибуну и что-нибудь для обогрева зрителей.

– Ты местный?

– Да, сэр. Я вырос в Сен-Реми. Моя семья уехала, но я после окончания полицейского колледжа решил вернуться.

– Почему?

Почему? Этот вопрос удивил Лемье. Никто прежде не спрашивал у него. Может, это такая хитрая проверка со стороны Гамаша? Он посмотрел на крупного человека рядом с собой и подумал, что это никакая не проверка. Похоже, Гамаш был не из тех людей, которым нужны фокусы подобного рода. Но все же ответ лучше было дать дипломатический.

– Я хотел работать в Квебекской полиции и решил, что у меня здесь будет преимущество, потому что я знаю многих людей.

Гамаш несколько мгновений смотрел на него. Неловкий момент. Потом он отвернулся и уставился на обогреватель. Лемье немного успокоился.

– Мадам де Пуатье была убита током, источником которого, скорее всего, был этот обогреватель. Но она в момент смерти находилась довольно далеко от него. Возможно, у обогревателя было плохое соединение и мадам де Пуатье как-то задела его, а затем сумела сделать несколько шагов, прежде чем упасть мертвой? Что ты об этом думаешь?

– Мне позволительно высказать предположение?

Гамаш рассмеялся:

– Да, только не говори инспектору Бовуару.

– Люди здесь все время пользуются генераторами. Они есть у всех. Я думаю, что кто-нибудь мог замкнуть на нее концы.

– Ты хочешь сказать, воспользовался прикуривателем и ухватил ее двумя «крокодилами»? – Гамаш старался говорить без сомнения в голосе, но это было затруднительно. – Ты думаешь, она могла не заметить?

– Могла и не заметить, если следила за игрой.

Видимо, у молодого агента Лемье и старшего инспектора Гамаша было разное отношение к кёрлингу. Впрочем, Гамаш любил смотреть финальные матчи по национальному телевидению. В Канаде это считалось чуть ли не долгом. Но его это никогда не захватывало. И он наверняка заметил бы, если бы Рейн-Мари включила генератор и прикрепила два огромных крокодила к его ушам.

– Есть еще какие-нибудь идеи?

Лемье отрицательно покачал головой и изобразил напряженную работу мысли.

Жан Ги Бовуар оставил бригаду криминалистов и присоединился к Гамашу, который стоял возле обогревателя.

– Как эта штука питается, Жан Ги?

– Понятия не имею. Мы сняли с нее отпечатки и все сфотографировали, так что можете ее трогать, если хотите.

Двое полицейских обошли обогреватель, то наклоняя голову, то поднимая ее вверх, словно два монаха в очень коротком паломничестве.

– А вот и выключатель. – Гамаш нажал на кнопку, но, как они и ожидали, ничего не случилось.

– Еще одна загадка, – улыбнулся Бовуар.

– Неужели это никогда не кончится?

Гамаш посмотрел на агента Лемье, сидящего на трибуне. Лемье дул на замерзшие руки и делал записи в своем блокноте. Старший инспектор просил его привести записи в порядок.

– Что ты о нем думаешь?

– О Лемье? – спросил Бовуар, и у него упало сердце. – Он неплохой парень.

– Но?..

Откуда он узнал, что есть «но»? Не в первый раз Бовуар надеялся, что Гамаш не сможет прочесть его мысли. А среди них было много мусора. Его дедушка говорил когда-то: «Не ходи в свою голову в одиночестве, mon petit[41]. Это довольно опасное местечко».

Бовуар запомнил этот урок и редко делал ревизию своим мыслям. И уж тем более чужим. Он предпочитал факты, улики, вещи, к которым можно прикоснуться, которые можно взять в руку. А что касается мыслей, то он оставлял их более смелым людям вроде Гамаша. Но теперь он невольно задал себе вопрос, уж не нашел ли шеф путь в его голову. Там можно было найти немало такого, что заставило бы Бовуара покраснеть. И не только немного порнографии. Пару фантазий касательно агента Изабель Лакост. Даже фантазию касательно агента Иветт Николь, этой чудовищной

стажерки, появившейся у них около года назад. Эта фантазия включала расчлененку. Но если Гамаш и в самом деле мог проникнуть в мозг Бовуара, то по отношению к самому себе он не нашел бы там ничего, кроме уважения. А если бы копнул поглубже, то нашел бы то, что Бовуар пытался скрыть даже от себя самого. Там таились страхи Бовуара, зловонные и голодные. А где-то в самом низу, под страхом быть отвергнутым и страхом тесной близости, сидел страх когда-нибудь потерять Гамаша. А рядом с этим страхом в этом потайном месте обитало еще кое-что. Там Бовуар прятал свою любовь: свернутая в плотный маленький шарик, она лежала в самом отдаленном уголке его мозга.

– Я думаю, он слишком уж старается. Что-то с ним не так. Я ему не доверяю.

– Это потому, что он защищал местных жителей, которые пытались помочь мадам де Пуатье?

– Нет, конечно, – солгал Бовуар. Он не выносил, когда ему противоречили. В особенности если это делал какой-то мальчишка. – Просто мне показалось, что ему это не по уму. Для агента Квебекской полиции это непростительно.

– Но у него нет навыков работы по убийствам. Он как врач общей практики, которому вдруг нужно сделать кому-то операцию. Теоретически он может ее сделать и, вероятно, больше готов к этому, чем кондуктор автобуса, но он этого не умеет. Не знаю, что бы получилось у меня, переведи меня вдруг на наркотики или внутреннюю безопасность. Подозреваю, что наделал бы ошибок. Нет, я думаю, что агент Лемье никаких особых ошибок пока не совершил.

«Ну вот, опять», – подумал Бовуар.

– Если он не совершил ошибок, это еще не значит, что он хорош, – возразил он. – Вы уж очень низко ставите планку, сэр. Это же отдел по расследованию убийств. Элитное подразделение Квебекской полиции.

Бовуар заметил, что Гамаш рассердился, – впрочем, как и всегда, когда он слышал эти слова. По какой-то причине, непостижимой для Бовуара, Гамаш противился этому очевидному факту, который признавало даже большое начальство. Сюда попадали лучшие из лучших. Самые умные, самые храбрые, люди, которые каждое утро целовали детей и покидали комфорт своих домов, чтобы уйти в мир на охоту за убийцами. Здесь не было места для слабых. А стажеры уже по своей природе были слабаками. Слабость вела к ошибкам, а ошибки вели к катастрофам. Убийца мог уйти от возмездия и продолжить свои дела, его жертвой мог пасть даже агент полиции. Может быть, даже ты сам, а может быть… – дверь чуть

приоткрылась, и из потайного места появился упырь, – может быть, даже Арман Гамаш. Когда-нибудь его желание помогать молодым агентам плохо для него кончится. Бовуар захлопнул дверь, но успел почувствовать, как в нем закипает гнев против этого человека.

– Мы уже столько раз это обсуждали, сэр, – произнес он жестким, злым голосом. – Мы – команда. Ваша команда. И мы всегда готовы исполнить ваш приказ. Но пожалуйста, перестаньте просить нас о таких вот вещах.

– Не могу, Жан Ги. Я нашел тебя в отделении Труа-Ривьер, ты не забыл?

Бовуар закатил глаза.

– Ты сидел среди камышей в корзинке.

– Среди травки, сэр. Сколько раз я вам говорил, это была травка. Конопля. Я сидел с этой коноплей, которую мы конфисковали. И это была не корзинка, а ведро. Из ресторана «Кентукки фрайд чикен». И я вовсе не в нем сидел.

– Ну вот, теперь я расстроен. Я ведь сказал суперинтенданту Бребёфу, что нашел тебя в корзинке. Боже мой! Но ты ведь помнишь? Ты был там погребен под кучей вещественных доказательств. А почему? Потому что ты так всех достал, что тебя навечно усадили в архив вещдоков.

Бовуар часто вспоминал тот день. Он никогда не забудет своего спасения. А спас его этот большой человек, стоявший сейчас перед ним, человек с аккуратно подстриженными седеющими волосами и темно-карими глазами, безукоризненно одетый.

– Ты скучал и злился. Я взял тебя, когда никто другой и видеть тебя не хотел.

Гамаш говорил тихим голосом, чтобы его никто, кроме Бовуара, не слышал. В его словах звучала нескрываемая симпатия к своему подчиненному. Бовуар вдруг вспомнил урок, который он неизменно спешил забыть. Гамаш был лучшим из них, самым умным, самым смелым и сильным, потому что отваживался путешествовать по своим мыслям в одиночестве, открывать там все двери и входить в любые тайные закутки. И заводить дружбу с тем, что там обнаруживалось. И еще он заходил в темные, потайные мысли других. В мысли убийц. И не боялся чудовищ, которые бросались на него оттуда. Он отправлялся в места, о существовании которых Бовуар и не подозревал.

Поэтому Арман Гамаш и был их шефом. Его шефом. И поэтому Бовуар любил его. И поэтому Жан Ги Бовуар каждый день пытался защитить этого человека, хотя тот ясно давал понять, что он не нуждается ни в какой

защите и не хочет ее. Напротив, он каждый день старался убедить Бовуара, что защита – это карикатура, пародия. Она только мешает ему увидеть действительные опасности, надвигающиеся на него. Лучше их видеть и быть готовым. А не пытаться спрятаться за броней, которая все равно не защитит. Не защитит от того, на что они охотятся.

– Вот что я тебе скажу. – Гамаш широко улыбнулся, как бы ставя точку в их споре. – Если тебе не нужен агент Лемье, то его беру я. А тебе я его не навязываю.

– Отлично, берите, только не приходите плакать у меня на плече, когда выяснится, что он убийца.

Гамаш рассмеялся:

– Должен признать, что я сделал немало ошибок при выборе, особенно в последнее время. – Он имел в виду агента Николь, хотя никогда и не произнес бы ее имя. – Но в этом выборе мне не придется раскаиваться. И вообще, лучше рисковать, чем жить в страхе.

Гамаш потрепал Бовуара по руке с таким нескрываемым дружелюбием, что у инспектора перехватило дыхание. После этого шеф ушел, целеустремленно шагая по льду и кивая на ходу членам своей команды. Он направлялся к агенту Роберу Лемье с предложением праздника на сегодня. На всю неделю. С предложением карьеры.

Бовуар наблюдал за тем, как Гамаш тихо разговаривает с Лемье. Он увидел, как на лице молодого человека появилось удивленное выражение, и подумал: может, перед взором парня появились ангелы. Бовуар часто видел такое выражение на лицах тех, кто разговаривал с Гамашем. Но никогда, ни разу не видел он такого выражения на лицах тех, кто разговаривал с ним.

Бовуар изумленно покачал головой и вернулся к своим обязанностям.

Глава десятая

– Смотри-ка, кто идет, – услышала Клара из гостиной голос Питера.

Она закрыла книгу и поспешила к мужу, стоящему у раковины в кухне. Отведя в сторону занавеску, она увидела знакомую, полюбившуюся в деревне фигуру, идущую к их крыльцу. Рядом с ним шел кто-то еще. Незнакомый.

Клара поспешила в прихожую, переступив на бегу через Люси, которая не выказала ни малейшего желания защитить дом от посторонних. Единственным человеком, на кого она лаяла, была Рут. Да и то лишь потому, что Рут тоже лаяла на нее.

– Ну что, мерзнете? – спросила Клара, открывая дверь.

– Обещают снег, – ответил Гамаш.

Клара улыбнулась, услышав его голос. Она не видела его больше года – с убийства Джейн. Иногда она спрашивала себя, не вернется ли вместе с Гамашем прежняя боль. Не связан ли он навсегда в ее памяти с тем ужасным временем. Не только с потерей Джейн, но и с жуткими минутами, что она провела в подвале Хадли. Но вот теперь, увидев его, она не чувствовала ничего, кроме радости. И утешения. Она забыла это удовольствие – слышать идеальный английский с едва заметным британским акцентом из уст одного из старших офицеров Квебекской полиции. Она все собиралась спросить, откуда у него такое произношение, но забывала.

Гамаш поцеловал Клару в обе щеки, дружески пожал руку Питеру.

– Позвольте представить: агент Лемье. Он откомандирован к нам из Кауансвиллского отделения Квебекской полиции.

– Enchanté[42], – сказал Лемье.

– Un plaisir[43], – ответила Клара.

– Значит, это было убийство, – подытожил Питер, забирая у них куртки.

Он ездил в больницу вместе с Си-Си и задолго до прибытия туда знал, что она умерла. Он был на поле вместе с другими кёрлингистами, лицезрел великолепный последний удар Матушки. А когда посмотрел на трибуну, то увидел, что народ, который должен бы был смотреть на игроков, поднялся со своих мест и смотрит совсем в другую сторону. Питер бросил свою метелку и побежал в ту сторону.

И там лежала она, Си-Си де Пуатье, лежала без чувств на снегу. Все ее

мышцы были напряжены, словно она противилась чему-то.

Они попытались вернуть ее в чувство, вызвали «скорую», но в конце концов решили, что быстрее будет доставить ее в больницу самим. И потому ее погрузили в открытый кузов пикапа Билли Уильямса и понеслись с зубодробительной скоростью по ухабам усыпанной снегом дороги в Кауансвилл. Он, Оливье и Рут в открытом кузове, а Билли крутил баранку, несясь с сумасшедшей скоростью. Рядом с Билли в салоне сидели упитанный муж Си-Си и их дочь. Они сидели, уставившись перед собой, безмолвные и неподвижные, словно снеговики. Питер понимал, что это неблагородно, но ничего не мог с собой поделать: этот человек и пальцем не пошевелил, чтобы спасти свою жену, ею занимались чужие люди.

Оливье ритмически склонялся над Си-Си, делая ей массаж сердца. Рут щупала ей пульс. Питеру повезло меньше других. Он пытался вдохнуть воздух в ее мертвые легкие. Да, мертвые. Они все это знали, но все же продолжали пытаться привести ее в чувство, а Билли тем временем не пропускал ни одного ухаба и ямы между Уильямсбургом и Кауансвиллом. Питер стоял на коленях на металлическом полу кузова, подпрыгивая на каждом ухабе и ударяясь коленями, отчего они все больше и больше покрывались синяками. Но он продолжал делать то, что делал. Не ради Си-Си, а потому, что Оливье рядом с ним страдал не меньше его. Да и Рут твердо и нежно держала голову Си-Си, тоже стоя на коленях, и ее больные ноги так же ударялись о металлический пол. Но она ни разу не пожаловалась. Питер продолжал делать искусственное дыхание, прижимая свои теплые губы к губам Си-Си, которые становились все холоднее и жестче, и ему вспомнилось детство – тот случай, когда он трогал губами лыжную палку. Чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Палка была такой холодной и обжигающей, а губы от нее потом было не отодрать. Наконец ему все же это удалось, но тонкий слой кожи остался на металле. Губы у него кровоточили, и он быстро огляделся, не видел ли кто его глупости.

Искусственное дыхание, которое он делал Си-Си, вызывало стойкую ассоциацию с тем случаем. У него даже возникло предчувствие, что в какой-то момент его влажные губы прилипнут к ее и ему придется отрывать их с кровью, оставляя часть своей кожи на ее губах – кровавый поцелуй жизни.

Ничего отвратительнее ему не приходилось делать, тем более что он и при ее жизни находил эту женщину отвратительной. Смерть ее ничуть не улучшила.

– Это было убийство. Мадам де Пуатье умышленно убили электрическим током, – подтвердил Гамаш.

– Ты знал, что врачи подозревают убийство, – сказала Клара мужу.

– Я слышал, как доктор Ламбер говорил с полицейским. Постойте-ка. Кажется, это были вы, – обратился Питер к Лемье.

– Oui, monsieur. Я тоже вас узнал. Да и прежде мы встречались на всяких общественных мероприятиях.

– Это, безусловно, не исключено. Поражение электрическим током, – задумчиво проговорил Питер. – Ну да, там был такой запах. Барбекю.

– Знаешь, когда ты об этом упомянул, я тоже вспомнила, – с отвращением сказала Клара. – Там такая суета началась, что трудно что-либо вспомнить.

– А я именно об этом хотел вас попросить, – сказал Гамаш, показывая Лемье, чтобы тот начинал делать записи.

Питер провел их в уютную гостиную, подбросил в камин березовое полено, и пламя тут же объяло его, потрескивая и пританцовывая на коре. Гамаш снова отметил взглядом сосновый пол из широких досок медового цвета, многостворчатые окна, выходящие на деревенский луг, пианино и книжный шкаф во всю стену, забитый книгами. Диван стоял так, что, сидя на нем, ты оказывался лицом к огню, а по его концам располагались два кресла. На подушечках перед креслами и диваном лежали старые газеты, журналы и раскрытые книги. Единственным, что изменилось со времени его последнего посещения этого дома, была громадная, пышно украшенная елка, издающая сладковатый запах хвои. Клара пришла с подносом, на котором стояли кружки с чаем и печенье. Все четверо расположились в тепле перед камином. На улице солнце клонилось к западу, и на нечетком горизонте собирались облака.

– С чего вы хотите начать?

– С самого утра, пожалуйста. Насколько мне известно, сегодня был общий завтрак.

– В Королевском канадском легионе[44] на рю Ларри в Уильямсбурге. Мы с Питером приехали пораньше, чтобы помочь. Это был благотворительный завтрак в пользу больницы.

– Мы приехали туда около семи часов утра, – подхватил историю Питер. – И к нам присоединилось несколько других добровольцев. Мирна Ландерс, Эмили Лонгпре, Беа Мейер и Кей Томпсон. Это уж так заведено. Мы с Кларой расставляли столы и стулья, а остальные готовили кофе и еду.

– Дело в том, что на второй день Рождества люди с утра вовсе не голодны. Они платят десять долларов и получают завтрак типа «ешь, сколько хочешь», – сказала Клара. – Мы с Питером готовили, а Эм и Кей подавали. Кей чуть ли не двести лет, но она все еще умудряется помогать.

Правда, теперь она предпочитает такие занятия, чтобы работать сидя.

– Например, всеми командовать, – подмигнул Питер.

– Тобой она никогда не командует. Это моя привилегия, – сказала Клара. – Вернее, добровольная обязанность.

– Ты очень благородна. – Питер улыбнулся со страдальческим видом.

– А что делали остальные? – спросил Гамаш.

Этот вопрос удивил Лемье. У него скоро кончатся страницы в блокноте, если они будут в таких подробностях вдаваться в вопросы, которые за тысячу миль отстоят от убийства. Он стал писать более мелкими буквами.

– Кто у нас еще остался? – спросил Питер у Клары. – Мирна Ландерс и Беа Мейер.

– Беа? – переспросил Лемье.

– Ее зовут Беатрис, но все называют ее Беа.

Питер по буквам продиктовал имя Беатрис для Лемье.

– Вообще-то, все называют ее Матушка, – уточнила Клара.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Посмотрим, удастся ли вам догадаться, – сказала Клара.

Лемье посмотрел на старшего инспектора – не раздражает ли его такой дерзкий и запанибратский тон. Но Гамаш улыбался.

– Так как Мирна и Беа помогали готовить завтрак? – спросил Гамаш.

– Они мыли посуду между заходами и подавали кофе и чай.

– Да-да, – сказала Клара. – Матушкин чай. Это какой-то отвар на травах. Отвратительно. Я предпочитаю обычный черный чай. – Клара подняла кружку в шутливом тосте. – Даже травяной чай, но мне противно думать о том, что использует Матушка в том чае, который подает нам ежегодно. Никто его никогда не пьет, но она не устает предлагать.

«Между благородной настойчивостью и безумием очень тонкое различие», – подумал Гамаш.

– Мадам де Пуатье и ее семья там присутствовали?

– Откровенно говоря, не знаю, – сказала Клара после некоторого размышления. – Мы все время готовили, даже времени выглянуть не было.

– А во время завтрака не случилось ли чего-то необычного? – спросил Гамаш.

Питер и Клара задумались, потом отрицательно покачали головой.

– Питер в этом году играл в команде Эм. В первый раз. Поэтому он ушел пораньше.

– Когда я пришел, Эм и Матушка уже были на озере. Это если немного пройти по дороге, а затем налево. Пять минут ходьбы от Легиона.

– И ваша команда вас не дождалась?

– Жорж дождался. Второй мужчина в команде. Он тоже в первый раз участвовал.

– Жорж, а фамилия как?

– Сименон, – ответил Питер и улыбнулся, заметив удивление Гамаша. – Да-да. Его мать страдает любовью к книгам.

– А теперь приходится страдать ее сыну, – сказал Гамаш.

– Мы с Жоржем пришли на озеро Лак-Брюм и обнаружили там Эм и Матушку. Билли Уильямс уже очистил поверхность льда, так что мы могли играть, а трибуну для зрителей он поставил несколькими днями ранее.

– Лед был достаточно крепкий?

– Ну, он уже давно крепкий. И потом, это близко от берега. К тому же я думаю, что Билли своим шнеком проверяет толщину льда. Он очень предусмотрительный человек, наш Билли.

– А что еще вы заметили на озере?

Питер попытался вспомнить. Он помнил, как стоял на обочине дороги, глядя на небольшой спуск к заснеженному озеру. Матушка и Беа уже находились возле своих стульев.

– Стулья, – сказал Питер. – Матушка, Эм и Кей всегда берут стулья, чтобы сидеть рядом с обогревателем.

– И сколько там было стульев сегодня утром? – спросил Гамаш.

– Три. Два рядом с обогревателем, а другой чуть поодаль.

– Так что же случилось? – Гамаш подался вперед, держа обеими большими руками теплую кружку. Глаза его смотрели живо и внимательно.

– Все появились примерно в одно время, – сказал Питер. – Эм и Матушка уже сидели на своих стульях, когда к ним присоединились мы с Жоржем. Несколько минут мы обговаривали стратегию, потом прибыла другая команда, и вскоре вся трибуна вроде уже была заполнена.

– Я поднялась туда в тот момент, когда матч начинался, – вступила в разговор Клара.

– Где вы сели?

– Между Мирной и Оливье.

– А где была Си-Си?

– На одном из стульев возле обогревателя. – Клара слегка улыбнулась.

– Чему вы улыбаетесь? – спросил Гамаш.

Клара слегка зарделась – не смогла сдержаться, и ее подспудные мысли проявились.

– Я вспоминала Си-Си. Это очень в ее духе – занять лучшее место. Ближе всего к обогревателю. Там должна была бы сидеть Кей.

– Вы ее не любили? – спросил Гамаш.

– Нет. Я считала ее жестокой эгоисткой, – ответила Клара. – Но конечно, смерти она не заслуживала.

– А чего она заслуживала?

Этот вопрос поставил Клару в тупик. Чего заслуживала Си-Си? Она задумалась, глядя в огонь на пламя, которое плясало, потрескивало, играло. Лемье заерзал на своем месте и чуть было не сказал что-то, но Гамаш перехватил его взгляд, и тот закрыл рот.

– Она заслуживала того, чтобы ее оставили в одиночестве. Такого наказания за ее отношение к людям, за то, что она причиняла им боль, было бы достаточно. – Клара пыталась говорить твердым и спокойным голосом, но она чувствовала, что он дрожит, и старалась не расплакаться. – Си-Си нельзя было доверять, когда она находилась в обществе других людей.

Гамаш хранил молчание, спрашивая себя, в чем же провинилась покойная, что такая прекрасная женщина, как Клара, желает ей столь страшного наказания. Гамаш знал, как знала и Клара, что изоляция страшнее смерти.

И он тут же понял, что раскрыть это убийство будет не просто. Человек со столь извращенной психикой, сеявший вокруг себя зло, вел жизнь, полную тайн и полную врагов. Гамаш пододвинулся чуть ближе к огню. Солнце уже село, и на Три Сосны опустился вечер.

Глава одиннадцатая

– Она была не так уж плоха, – сказала Рут Зардо, забивая пробку назад в бутылку.

Она налила себе еще порцию, не предложив выпить гостям.

Гамаш и Лемье сидели в холодной кухне на белых пластмассовых садовых стульях – Рут называла их обеденными. На Рут были два траченных молью свитера, а мужчины остались в куртках.

Агент Лемье потер руки и еле сдержался, чтобы не подуть на них. После разговора с супругами Морроу они пересекли деревенский луг в направлении самого маленького домика, какой доводилось видеть агенту Лемье. Это была не более чем хижина с двумя окнами на первом этаже и одним – на втором. Белая краска отслаивалась, один из светильников на крыльце не горел.

Дверь открылась, словно ее выбили тараном. Хозяйка стояла в дверях, высокая и неряшливая, и все у нее было тощим. Ее тело, руки, губы и юмор. Они прошли по темному коридору, освещенному слабой лампочкой, и Лемье несколько раз споткнулся о стопки книг.

– Я смотрю, в Квебекскую полицию теперь принимают убогих, – сказала Рут, указуя на него тростью. – И все же этот лучше, чем та, что вы приводили в прошлый раз. Как ее звали? А, не важно. Полная катастрофа. Ужасная грубиянка. Садитесь, если уж нужно, только не устраивайтесь слишком удобно.

Лемье снова потер руки, потом вытащил авторучку и принялся записывать.

– Я слышал, про Си-Си де Пуатье говорят как про грубую и эгоистичную женщину, – начал Гамаш, удивляясь, что его дыхание не превращается в облачко пара.

– И что?

– Не очень хорошая характеристика.

– Да и она сама была не ахти как хороша. Но и не так уж плоха. Нет, в самом деле, – старая поэтесса отхлебнула вина и поставила стакан на круглый пластмассовый стол, – поди найди кого-нибудь не жестокого и не эгоистичного.

Гамаш забыл то совершеннейшее удовольствие, которое получаешь от общения с Рут Зардо. Он громко расхохотался и поймал ее взгляд. Она тоже принялась смеяться.

Робер Лемье недоуменно посматривал на обоих.

– И что же вы думаете о мадам де Пуатье?

– Я думаю, что она была злобная, привлекательная внешне и да, жестокая. Но я подозреваю, что тому были причины. Мы ее здесь не очень хорошо знали, но предположить вполне можно.

– Давно ли вы с ней познакомились?

– Чуть больше года. Она купила старый дом Тиммер Хадли.

Произнося эти слова, Рут внимательно следила за тем, как прореагирует Гамаш. Но ее ждало разочарование. Реагировал он полтора часа назад в доме Питера и Клары. Клара тогда сказала ему, что Си-Си приобрела старый дом Хадли. Они посидели некоторое время молча, и агент Лемье снова подумал, что он чего-то недопонимает.

Когда Арман Гамаш в последний раз был в доме Хадли, он чуть не погиб там вместе с Питером, Кларой и Бовуаром. Если и был на земле дом, который рыдал, то это старый дом Хадли.

Гамаш никогда не забудет тот подвал и темень. Даже сейчас, перед веселым огоньком, с теплой кружкой в руках, в окружении друзей и коллег, Гамаш ощущал волну страха. Он не хотел возвращаться в то темное место, но знал, что это неизбежно.

– Она пользовалась этим домом только по выходным, – продолжила Рут, увидев, что ее бомба не взорвалась. – У нее дочь и муж. Вот уж парочка настоящих лузеров. В Си-Си хоть была какая-то искорка. Какая-то жизнь. А эти двое были похожи на две серые массы невзыскательности. Жирные и ленивые. И скучные. Очень скучные.

Для Рут Зардо определение «скучный» было величайшим оскорблением. Оно стояло рядом с такими неприемлемыми качествами, как «добрый» и «милый».

– А что случилось на матче по кёрлингу? – спросил Гамаш.

Разговор о семье Си-Си, казалось, вывел Рут из себя. Она стала еще более лаконичной и недружелюбной.

– Она умерла.

– Нам бы хотелось услышать больше, чем два слова, – сказал Гамаш.

– Команда Эм, как обычно, проигрывала. Потом Си-Си умерла. – Рут ровно сидела на своем стуле и недовольно смотрела на Гамаша.

– Не играйте со мной в эти игры, мадам Зардо, – любезно произнес он, с любопытством глядя на нее. – Мы что, будем начинать все сначала? Неужели вы никогда не устаете?

– Не устаю злиться? А что в этом плохого? – Она в шутливом приветствии подняла стакан с вином.

– А почему вы злитесь?

– А разве вас не злит убийство?

– Но вы злитесь не из-за этого, – сказал он задумчиво, чуть ли не сочувственно. – Или, по меньшей мере, не исключительно из-за этого.

– Умный мальчик. Вы наверняка много об этом слышали в школе. Который теперь час?

Столь резкая перемена темы ничуть не смутила Гамаша.

– Без четверти пять.

– Через несколько минут мне нужно уходить. Меня ждут.

– Что случилось на матче? – попытался еще раз Гамаш.

Лемье задержал дыхание. Он не знал почему, но ему этот момент казался важным. Старая поэтесса смотрела на Гамаша. Ее лицо и поза излучали отвращение. Гамаш же просто смотрел на нее с задумчивым и твердым выражением на открытом лице.

Рут Зардо моргнула. Она словно перенеслась из одного мира в другой. Лемье показалось, что глаза она закрывала в гневе, а открыв, совершенно изменилась. По крайней мере, изменилось ее отношение к происходящему. Она глубоко вздохнула и кивнула седой головой. Потом слабо улыбнулась.

– Вы пробуждаете во мне все самое худшее, старший инспектор.

– Вы хотите сказать, что собираетесь вести себя по-человечески?

– Боюсь, что так.

– Мои извинения, мадам.

Гамаш тут же поднялся с пластмассового стула и поклонился. Она наклонила голову в ответ.

Лемье совершенно не понимал, что тут происходит. Он подумал, может, это какая-то странная английская традиция – танец агрессии и покорности. Насколько ему было известно, среди франкоязычных канадцев такое случалось редко. Он чувствовал, что французы гораздо более открыты в том, что касается их чувств. А англичане? Ну, англичане лицемерны. Никогда толком не знаешь, что у них на уме, а уж о чувствах и говорить не приходится.

– Я была на трибуне рядом с Габри. Матч уже продолжался некоторое время. Эм, как я сказала, проигрывала. Бедняжка Эм всегда проигрывает. Дела у нее шли так плохо, что она назвала свою команду «Клеймите беспокойство». В какой-то момент Габри ткнул меня в бок. Кто-то принялся кричать, что произошел несчастный случай.

Рут описала для них эту сцену, вспоминая случившееся. Она мотала головой туда-сюда, чтобы увидеть, что вызвало такой переполох. Все эти пухлые парки, вязаные шапочки и шарфы закрывали ей обзор, но вот

трибуна опустела – люди начали спускаться, потом пошли, потом побежали к перевернутому стулу.

Рут протиснулась через толпу, думая, что вот сейчас увидит Кей, лежащую без сознания. Она помогала себе криками: «Расступитесь, идет глава пожарной команды!»

Никакого пожара, конечно, не было, и Рут не предполагала увидеть пожар. Но она знала, что большинство людей, хотя и заявляют о своей ненависти к власти, все же хотят, чтобы кто-то брал на себя ответственность, говорил им, что они должны делать.

Си-Си лежала на спине мертвая. Рут это сразу же поняла. Но все же должна была попробовать.

«Оливье, делай массаж сердца. Питер! Где Питер Морроу?»

«Здесь, здесь. – Он протиснулся сквозь толпу – ему пришлось пробежаться по озеру от площадки для кёрлинга. – Что случилось?»

«Делай ей искусственное дыхание рот в рот».

Нужно отдать Питеру должное: он не колебался ни минуты и опустился на колени рядом с Оливье, готовый начать. Они оба смотрели на Рут. Но ей нужно было отдать еще один приказ.

«Габри, найди ее мужа. Клара!»

«Да?»

«Найди ее дочь».

Потом она снова повернулась к Питеру и Оливье, уверенная, что ее приказы будут выполнены, и начала считать.

– Вы себе представляли, что с ней случилось? – спросил Гамаш, возвращая ее от воспоминаний к настоящему моменту.

– Ничуть.

Ему показалось или на ее лице мелькнуло неуверенное выражение? Он помолчал несколько секунд, но ничего не дождался.

– И что случилось дальше?

– Билли Уильямс сказал, что можно отвести ее на его машине и что нужно положить ее в кузов. Кто-то уже позвонил в больницу, но «скорой», чтобы добраться, нужно минут двадцать, а потом еще столько же, чтобы приехать назад. А так было быстрее.

Она поведала об ужасной поездке в Кауансвилл, и все до мельчайшей детали совпало с рассказом Питера Морроу.

– Который час? – спросила Рут, закончив.

– Пять минут шестого.

– Мне пора.

Она встала и пошла первой по коридору так, словно за дверями ее

душу ждало спасение. Агент Лемье услышал позвякивание и побрякивание в кладовках, мимо которых они проходили тяжелым шагом. Наверно, скелеты. Или бутылки, подумал он. А может, и то и другое.

Ему Рут Зардо не понравилась, и он не мог понять, почему старший инспектор, кажется, испытывает к ней симпатию.

– Прошу.

Рут Зардо открыла дверь, и не успели они надеть ботинки, как Рут принялась выталкивать их прочь. Рука у нее оказалась сильнее, чем можно было предположить.

Гамаш залез в карман куртки и вытащил оттуда не шапочку или перчатки, как предполагал Лемье, а книгу. Потом подошел к единственной лампе на крыльце, рассеивающей темноту, и в ее свете показал книгу Рут.

– Я нашел это в Монреале.

– Вы бесподобны. Сейчас я попробую догадаться. В книжном магазине.

– Вообще-то, нет.

Он решил пока не говорить ей.

– И я полагаю, вы выбрали этот момент, чтобы попросить у меня автограф.

– Вы его уже дали. Не могли бы вы подойти и взглянуть?

Агент Лемье сжался в ожидании язвительного ответа. Но она подошла, и Гамаш открыл тоненькую книжицу.

– «Ты воняешь. С любовью, Рут», – прочла Рут вслух.

– Кому вы это подписали?

– Вы думаете, я помню всех, кому раздавала автографы?

– «Ты воняешь. С любовью, Рут», – повторил Гамаш. – Это необычный автограф. Даже для вас. Пожалуйста, вспомните, мадам Зардо.

– Понятия не имею. И я опаздываю.

Она сошла с крыльца и поспешила через деревенский луг к свету и деревенским магазинам. Но остановилась на полпути и села.

В темноте. На холоде. Села на ледяную скамейку посреди луга.

Желчность этой женщины произвела впечатление на Лемье и поразила его. Она вышвырнула их из дома, говоря, что опаздывает, а теперь нагло села на скамейку и ничего не делает. Это было явное оскорбление. Лемье хотел было спросить об этом у Гамаша, но тот о чем-то размышлял. Рут Зардо смотрела на великолепно освещенные деревья с единственной сияющей звездой, а Арман Гамаш смотрел на Рут.

Глава двенадцатая

Лемье поспешил к машине, припаркованной у дома Морроу, чтобы завести ее. Они пока еще не возвращались, но темнота уже опустилась, а машине, чтобы прогреться, нужно было несколько минут. Если он заведет ее сейчас, то, когда они сядут, в салоне будет приятное тепло, а замерзшие окна оттают – и то и другое важно в декабрьский вечер.

– Не понимаю, сэр, – сказал он, вернувшись к Гамашу.

– Тут много чего непонятного, – с улыбкой ответил Гамаш. – Что именно тебя беспокоит?

– Понимаете, я впервые участвую в расследовании убийства.

– Да, я знаю.

– Но мне кажется, что для убийства существуют куда как более надежные способы.

– Например?

– Ну, franchement[45], то вообще практически любой способ, кроме убийства женщины электрическим током посреди замерзшего озера. Это какое-то сумасшествие.

Именно это и беспокоило Гамаша. Сумасшествие.

– Я имею в виду, почему бы не задушить ее? Или не пристрелить? Мы в Квебеке, стоит середина зимы – можно пригласить ее прокатиться и выбросить из машины. Тогда мы смогли бы использовать ее в качестве ледяной скульптуры на Празднике зимы в Кауансвилле. Тут нет никакой логики.

– И вот тебе урок номер один. – Они двигались к бистро Оливье. Лемье семенил, чтобы не отстать от Гамаша, который шел размеренным, но широким шагом к ярко освещенному заведению. – Логика тут как раз есть.

Гамаш резко остановился, и Лемье пришлось отскочить в сторону, иначе он врезался бы в старшего инспектора. Тот серьезными глазами посмотрел на молодого агента.

– Ты должен это знать. Во всем есть логика. Во всем. Просто мы пока не знаем, что это за логика. Мы должны увидеть все глазами убийцы. В этом-то и трудность, агент Лемье. И вот почему не каждый может работать в отделе по расследованию убийств. Ты должен знать, что человеку, который совершил это, именно такой сценарий представлялся хорошим, разумным действием. Поверь мне, ни один убийца никогда не думает: «Ой, какая глупость, но я все равно так сделаю». Нет, агент Лемье, наша задача

состоит в том, чтобы найти в этом здравое зерно.

– Как?

– Мы, конечно же, собираем улики. Это немалая часть нашей работы.

– Но не вся, верно?

Лемье знал, что у Гамаша почти идеальный послужной список. Он каким-то образом умудрялся найти убийцу там, где другие заходили в тупик. И Лемье замер на месте. Вот сейчас этот человек объяснит ему, как это делается.

– Мы слушаем.

– И всё?

– Мы слушаем очень внимательно. Стало яснее? – Гамаш ухмыльнулся. – Мы слушаем до боли в ушах. Нет, агент, правда в том, что мы просто слушаем.

Гамаш открыл дверь бистро и вошел внутрь.

– Patron. – Оливье подошел к Гамашу и поцеловал его в обе щеки. – Говорят, ожидается снег.

– Завтра до двух дюймов. А может, больше. – Гамаш глубокомысленно кивнул.

– У вас чей прогноз – «Метео Медиа» или «Берлингтона»?

– «Радио Кэнада».

– Ах, patron, они думали, что на последнем референдуме победят сепаратисты. Прогнозам «Радио Кэнада» доверять нельзя.

– Возможно, в ваших словах есть резон, Оливье.

Гамаш рассмеялся и представил Лемье. В бистро было полно народа – люди выпивали перед обедом. Он кивнул одному, другому.

– Хорошая компания.

– На Рождество всегда полно народа. Многие приходят семьями, а с учетом того, что сегодня случилось, все спешат в «Рикс».

Рикс? Что еще за Рикс? Лемье снова пришел в недоумение. Кажется, он только что установил рекорд. В этом расследовании ему хватало нескольких минут беседы с очередным свидетелем, чтобы полностью перестать понимать происходящее, причем это были в основном англичане. Теперь же старший инспектор говорил по-французски и с другим квебекцем, а Лемье уже с самого начала потерял нить. Это не предвещало ничего хорошего.

– Похоже, люди не очень огорчены, – заметил Гамаш.

– C’est vrai[46], – согласился Оливье.

– Чудовище мертво, и деревня празднует, – сказал Габри, появляясь возле Оливье.

– Габри, – укоризненно проговорил Оливье. – Это ужасно. Разве ты не знаешь: о покойниках – только хорошее.

– Извини. Ты прав. Си-Си умерла. – Габри посмотрел на Гамаша. – Это прекрасно.

– Господи ты боже мой, – простонал Оливье. – Иди отсюда. Он контактирует с Бетт Дэвис[47].

– Да, вечерок сегодня будет нервный, – согласился Габри. – Salut, mon amour.

Габри и Гамаш обнялись.

– Вы еще не развелись с женой? – спросил Габри.

– А вы?

Габри подошел к Оливье и встал рядом с ним.

– Есть такая мысль, теперь это вполне законно. Старший инспектор может стать нашим шафером.

– Я думал, нашим шафером будет Рут.

– Это верно. Старший инспектор, извините.

– Возможно, я мог бы выступить подружкой невесты. Дайте мне знать, если что. Я слышал, вам сегодня досталось: вы пытались вернуть к жизни мадам де Пуатье.

– Досталось не больше, чем Питеру. И я подозреваю, что значительно меньше, чем Рут.

Оливье мотнул головой в сторону окна и невидимой отсюда женщины, в одиночестве сидящей на холоде.

– Она скоро появится – выпить свой виски.

– Я бы хотел забронировать два номера в вашей гостинице, – сказал Гамаш, обращаясь к Габри.

– Надеюсь, не для этой вашей ужасной стажерки, что была с вами в прошлый раз.

– Нет. Для инспектора Бовуара и меня.

– Merveilleux[48]. Номера вас ждут.

– Merci, patron. Увидимся завтра.

Направляясь к двери, он прошептал Лемье:

– «Рикс» – это кафе из фильма «Касабланка». Вот тебе урок номер два. Если чего-то не знаешь, спрашивай. Ты должен уметь признавать, что ты чего-то не знаешь, иначе будешь все больше запутываться. А то и того хуже. Придешь к неправильному выводу. Все ошибки, которые я совершил, объяснялись тем, что я делал какое-то предположение, а потом действовал так, будто это свершившийся факт. Это очень опасно, агент Лемье. Поверь

мне. Я вот думаю: не пришел ли ты уже к какому-нибудь ложному выводу?

Это глубоко уязвило Лемье. Ему отчаянно хотелось произвести на Гамаша хорошее впечатление. Это было необходимо, чтобы закрепиться в отделе. А теперь по какой-то причине старший инспектор давал ему понять, что, возможно, он, Лемье, на ложном пути. Но по мнению самого Лемье, он не был ни на каком пути. И никаких выводов об этом деле тоже пока не сделал. Да и кто бы мог на таком раннем этапе?

– Ты должен действовать очень осторожно, агент Лемье. Я часто думаю, что на той руке, которой мы пишем или которой стреляем, с тыльной стороны нужно вытатуировать: «Я могу ошибаться».

Они стояли в темноте у бистро, но Лемье предположил, что старший инспектор улыбается. Глава отдела по расследованию убийств Канадской полиции не мог исповедовать такую идеологию неуверенности.

Но Лемье понимал, что его задача – учиться у Гамаша. И еще он знал, что если будет наблюдать за Гамашем и слушать, то раскрыто будет не только убийство, но и сам Гамаш.

И Робер Лемье хотел, чтобы это произошло.

Он вытащил блокнот и на трескучем морозе записал для себя два урока. Потом подождал, не будет ли третьего, но Армана Гамаша словно приморозило к месту – он был в шапке, в варежках, все было готово, кроме самого человека.

Он смотрел на что-то вдали. На что-то находящееся за этой очаровательной деревушкой, за Рут Зардо и освещенными соснами. Он смотрел на что-то в темноте.

Агент Лемье присмотрелся внимательнее, дал своим глазам время приспособиться к темноте. И увидел очертания чего-то более темного, чем темнота. Дом на холме над деревней. На его глазах темнота обрела очертания, и на фоне темного неба появились контуры башенок и еще более темного соснового леса. Из одной трубы струился дымок, и его, словно привидение, почти сразу уносило в лес.

Гамаш глубоко вздохнул, выдохнул белое облачко, повернулся к молодому человеку и улыбнулся:

– Готов?

– Да, сэр.

Непонятно почему Лемье вдруг немного испугался и неожиданно обрадовался, что находится в обществе Армана Гамаша.

На вершине холма агент Лемье остановил машину у сугроба, посчитав, что оставил достаточно места для старшего инспектора, чтобы

открыть дверь и выйти. Они с Гамашем несколько секунд разглядывали большой темный дом, а потом решительно двинулись по длинной тропинке к неосвещенной двери. По мере приближения к старому дому Хадли Гамаш пытался прогнать впечатление, что дом смотрит на него, что его полузакрытые жалюзи похожи на змеиные глаза с третьим веком.

Эта фантазия была слишком уж причудлива, но он смирился с этим свойством своего характера производить фантазии и даже поощрял его. Иногда оно ему помогало. А иногда доставляло боль. Гамаш не знал толком, к какой категории отнести эту фантазию.

Ришар Лион наблюдал из дома за двумя приближающимися мужчинами. Один из них явно был старшим, и не только потому, что он первым шел по тропе. Чувствовалось, что он привык командовать. Лион замечал это качество в других людях, главным образом как контрапункт полному отсутствию такового у него. Второй был помельче, постройнее, шел чуть припрыгивая, как молодой человек.

«Сделай вдох. Успокойся. Будь мужчиной. Будь мужчиной». Они уже почти дошли до двери. Что ему делать – пойти и открыть, прежде чем они подойдут? Или ждать, пока позвонят? Если он заставит их ждать, не расценят ли они это как грубость? А если он откроет дверь заранее, не сочтут ли они, что он нервничает?

Мысли Ришара Лиона метались, но тело его словно примерзло к месту. Это было его естественное состояние. У него был очень неуравновешенный мозг и очень щедрое тело.

«Будь мужчиной. Твердое рукопожатие. Посмотри ему в глаза. Голос тверже». Лион попытался напеть какую-то мелодию, чтобы голос его звучал ниже сопрано. За спиной у него в мрачной гостиной сидела, уставившись в пространство, его дочь Кри.

Что дальше? Обычно в таких ситуациях Си-Си точно говорила, что ему делать. «Будь мужчиной. Успокойся». Он, в общем-то, и не удивлялся, все еще слыша ее голос у себя в ушах. Этот голос чуть ли не утешал его.

«Боже мой, какой же ты неудачник».

Чуть ли не утешал. Ему помогло бы, скажи она что-нибудь конструктивное. Например: «Пойди открой дверь, идиот». Или: «Сядь – пусть подождут». Господи, неужели ему теперь все делать самому?

Зазвенел дверной звонок, и Ришар Лион подскочил на месте.

«Какой же ты идиот. Ты же знал, что они идут. Должен был подойти к двери и сразу их впустить. Они ведь решат, что ты хамишь. Боже, какой же ты никчемный!»

Арман Гамаш стоял у дверей, Лемье за ним. Гамаш старался не думать о том случае, когда он был здесь в последний раз. Пытался видеть в старом Дадли всего лишь обычный дом. А домá, говорил он себе, – это дело обычное, строительный материал. Из такого же материала сделан и его дом в Утремоне. Ничего из ряда вон в этом месте не было. Но все же ему казалось, что этот дом дрожит и стонет.

Арман Гамаш взял себя в руки, чуть расправил плечи и приподнял голову. Черта с два он позволит этому дому взять верх над ним. И все же какая-то его часть чувствовала себя шестилетним мальчишкой, который подошел к заколдованному дому из чистого духа противоречия, а теперь мечтает убежать отсюда со всех ног.

«Вот была бы картинка», – подумал он, представив Лемье, наблюдающего, как старший инспектор с воплями драпает мимо него в деревню. Нет уж, от этого лучше воздержаться. Пока.

– Может, их нет дома. – Лемье с надеждой огляделся.

– Они здесь.

– Добрый вечер.

Дверь неожиданно распахнулась, испугав Лемье, и появился невысокий коренастый человек с очень низким голосом. Гамаш подумал, что так говорят люди, выздоравливающие после бронхита. Человек откашлялся и повторил еще раз:

– Добрый вечер.

Теперь голос прозвучал в немного более здоровом регистре.

– Мистер Лион? Меня зовут Арман Гамаш. Я глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Извините, что беспокоим.

– Я понимаю, – сказал Лион, довольный и своим голосом, и своими словами, которые не казались отрепетированными. – Ужасный, ужасный день. Мы, конечно, в отчаянии. Входите.

Гамашу показалось, что эти слова были подготовлены заранее. Вернее, так: слова были правильными, вот только интонация фальшивая. Плохой актер, который говорит без чувства – просто произносит текст.

Гамаш глубоко вздохнул и перешагнул порог. Он почти удивился, когда обнаружил, что призраки и демоны не вьются вокруг него, что не случилось ничего непоправимого и катастрофичного.

Он всего лишь оказался в мрачной прихожей. Гамаш чуть не рассмеялся.

Дом почти не изменился. Неуютная прихожая по-прежнему встречала гостей темными деревянными панелями. Холодные мраморные полы были

безупречно чисты. Гамаш и Лемье последовали за Лионом в гостиную. Гамаш обратил внимание, что в доме вроде бы нет никаких рождественских украшений. Да и освещение было недостаточным. В нескольких местах виднелись световые пятна, но их не хватало, чтобы прогнать мрак из комнат.

– Нельзя ли включить побольше света?

Гамаш кивнул Лемье, который быстро прошел в комнату и щелкнул выключателями. Гостиную залил яркий, чтобы не сказать веселый свет. Стены были голыми, на них оставались только прямоугольники в тех местах, где у Тиммер Хадли висели картины. Ни Си-Си, ни ее муж не озаботились тем, чтобы сделать здесь косметический ремонт. Да они вообще ничего не сделали в доме. Мебель, похоже, осталась от старых хозяев. Тяжелая, резная и, как предстояло узнать Гамашу, крайне неудобная.

– Моя дочь Кри. – Лион поспешил вперед и показал на сидящую на диване огромную девочку в желтом платье без рукавов. – Кри, эти люди из полиции. Поздоровайся, пожалуйста.

Она промолчала.

Гамаш сел рядом с ней и заглянул в ее глаза, смотревшие вперед и в никуда. Он подумал, что она, возможно, аутист. Явно отстала в развитии. Правда, она только что пережила смерть матери. Какой ребенок не впадет после этого в ступор?

– Кри, меня зовут Арман Гамаш. Я работаю в Квебекской полиции. С твоей матерью произошло ужасное несчастье, и я тебе очень сочувствую.

– Она всегда такая, – заметил Лион. – Хотя учится хорошо. Я думаю, это естественно для девочки. Переменчивость настроений.

«Все идет хорошо, – сказал он себе. – Ты обвел их между пальцев. Смотри не испорти дальше. Демонстрируй скорбь в связи с утратой жены и поддержку дочери. Будь мужчиной».

– Сколько лет Кри?

Лемье сел на небольшой стул в углу и вытащил блокнот.

– Тринадцать. Нет, постойте. Ей двенадцать. Сейчас, я подумаю. Она была…

Ну и ну.

– Все в порядке, мистер Лион. Мы сможем это выяснить. Я думаю, нам лучше поговорить с глазу на глаз.

– Кри не будет возражать. Правда, Кри?

Ответом было молчание.

– Но я буду, – сказал Гамаш.

Слушая это и делая заметки, Лемье пытался следовать совету Гамаша и не делать поспешных выводов касательно этого слабого, лепечущего, жеманного, глупого человечка.

– Кри, пожалуйста, поднимись наверх и посмотри телевизор.

Кри продолжала смотреть перед собой.

Лион слегка покраснел.

– Кри, я с тобой говорю. Прошу тебя, поднимись…

– Может, нам лучше перейти в другую комнату?

– В этом нет необходимости.

– Нет, есть, – мягко сказал Гамаш и встал.

Он жестом пригласил Лиона идти вперед. Маленький человечек поспешил вперед через коридор в находящуюся там комнату. Гамаш в дверях остановился и посмотрел на Кри – полную и дряблую, словно поднявшееся тесто.

Этот дом оставался трагическим.

Глава тринадцатая

– Да, утром мы были на общем завтраке, – сказал Лион.

– Все втроем?

– Да, – неуверенно ответил Лион.

Гамаш ждал. Они теперь находились в столовой.

– Мы приехали в разных машинах – Си-Си и я. Ей нужно было заехать к коллеге.

– До завтрака?

– У нее сейчас очень напряженное время. Очень важное время. Происходят важные вещи.

– Чем занимается ваша жена?

– Вы не знаете? – Лион искренне удивился.

Гамаш поднял брови и отрицательно покачал головой.

Лион поднялся, вышел из комнаты и через минуту вернулся с книгой.

– Это книга Си-Си.

Гамаш взял книгу и посмотрел на обложку. Она была белая, с черными дугами бровей и двумя пронзительными голубыми глазами. Над красным мазком губ, витающих в пространстве, были видны крылья носа. Фотография была странная и умело сделанная. И производила отталкивающее впечатление. Гамаш подумал, что фотограф, видимо, презирает эту женщину.

Книга называлась «Клеймите беспокойство».

Гамаш попытался вспомнить, почему это название показалось ему знакомым. Он знал, что вспомнит. Под названием был черный символ.

– А это что? – спросил Гамаш.

– Ах да. Неважно получилось. Это, вообще-то, логотип компании Си-Си.

Гамаш посмотрел на черное пятно. Теперь, после слов Лиона, он увидел орла. Вид сбоку, крючковатый клюв, раскрытый в клекоте. Гамаш не ходил на курсы по маркетингу, но предполагал, что большинство компаний выбирают логотипы, которые говорят о силе, креативности или доверии – о каком-нибудь позитивном качестве. А этот логотип, изображавший злобную птицу, пробуждал ярость.

– Можете взять себе. У нас есть еще.

– Спасибо. И все же я так и не понял, чем занималась ваша жена.

– Она была «Клеймите беспокойство». – Похоже, Ришар Лион никак

не мог поверить, что не весь мир вращался на орбите Си-Си де Пуатье. – Дизайнерская фирма. Ли-бьен. Мягкая палитра. Неужели не слышали?

– Она была дизайнером зубных протезов? – высказал предположение Гамаш.

– Протезов? Нет. Домов, комнат, мебели, одежды. Всего. Жизни. Си-Си создавала все это. – Он широко распростер руки, как ветхозаветный пророк. – Она была блестящим человеком. Эта книга рассказывает о ее жизни и философии.

– И что это за философия?

– Ну, это как яйцо. Или, скорее, как краска на стене. Хотя, конечно, не на стене, а ли-бьен. Изнутри. Писать красками изнутри. Типа того.

Авторучка Лемье застыла над блокнотом. «Это тоже записывать?»

«Боже мой, – подумал Лион. – Да заткнись ты уже. Ты жирный, уродливый, глупый, глупый неудачник».

– В котором часу она уехала сегодня утром? – Гамаш решил зайти с другой стороны.

– Когда я встал, ее уже не было. Я, к несчастью, храплю, поэтому у нас разные спальни. Но запах кофе я чувствую, так что она, вероятно, уже ушла.

– Так который это был час?

– Около половины восьмого. Когда я приехал в Легион приблизительно час спустя, Си-Си уже была там.

– С коллегами?

Кажется, он опять замешкался?

– Да. С человеком, которого зовут Сол. Фамилию не знаю. Он здесь арендовал дом на рождественские каникулы.

– А что он делает для вашей жены? – спросил Гамаш, надеясь, что Лемье воздержится от ухмылки.

– Он фотограф. Делает фотографии. Это вот его снимок. Хороший, правда? – Лион показал на книгу в руке Гамаша.

– Во время завтрака он делал фотографии?

Лион кивнул, его глаза были круглыми, набрякшими и какими-то умоляющими. «Но о чем они умоляют?» – спросил себя старший инспектор.

Он вдруг понял: умоляют отказаться от вопросов подобного рода.

– Фотограф присутствовал на матче по кёрлингу? – неумолимо продолжал он.

Лион кивнул с несчастным видом.

– И вы знаете, что это означает?

– Это всего лишь слух. Злобная, ни на чем не основанная инсинуация.

– Это означает, что он мог сфотографировать и того, кто убил вашу жену.

– А-а, – таков был ответ изумленного Лиона.

Но как ни пытался Гамаш понять, для него так и осталось неясным, было ли удивление Лиона радостным или исполненным страха.

– А ты что думаешь? – спросила Клара.

Она подала Питеру стакан красного вина, вернулась в удобное кресло и сделала глоток из своего стакана.

– Рут.

– Рут? Правда? – Клара выпрямилась и уставилась на Питера. Он почти никогда не ошибался – одна из тех черт в нем, что досаждала ей больше всего. – Ты думаешь, что это Рут убила Си-Си?

– Я думаю, если я буду повторять это снова и снова, то рано или поздно окажусь прав. Рут здесь единственная, кто, насколько я ее знаю, могла бы убить и глазом не моргнув.

– Но ты же не думаешь так на самом деле.

Клара была удивлена, хотя отчасти и соглашалась с мужем.

– Думаю. Это в ее природе. Если она и не убила кого-то прежде, то лишь потому, что у нее не было мотива и возможности. А способности всегда присутствовали.

– Но стала бы она убивать током? Я всегда думала, что если Рут кого и убьет, так своей тростью. Или наедет на жертву на машине. Тонкости ей не по нутру.

Питер подошел к книжному шкафу и стал разглядывать тома, поставленные, уложенные в стопки, засунутые как попало. Он просматривал названия – от биографий до романов, от художественной литературы до истории. Здесь было множество детективов. И поэзии. Замечательной поэзии, от которой Клара пела и стонала в ванной – любимого ее места для чтения стихов, ведь большинство этих книг были тоненькие и она без труда держала их скользкими пальцами. Питер ревновал жену к словам, вызывающим у нее такой восторг. Она производила такие звуки, будто эти слова ласкали ее, входили в нее, касались ее так, как хотел касаться только он. Он хотел, чтобы все ее стоны принадлежали только ему. Но она стонала Хекту, Этвуд, Энджелоу и даже Йейтсу. Она стонала и напевала от удовольствия Одену и Плесснеру. Но самое большое удовольствие доставляла ей Рут Зардо.

– Ты это помнишь?

Он достал маленькую книжицу и протянул Кларе. Она раскрыла ее и прочитала первое, что попалось:

Ты была мотыльком,
что коснулся моей щеки
в темноте.
Я убила тебя,
не зная, что ты
всего лишь мотылек
и у тебя нет жала.

Клара открыла другую страницу и опять прочла первое, что попалось, потом еще одно и еще.

– Они почти все о смерти или утрате, – сказала она, опуская книгу. – Я этого прежде не понимала. Большинство стихов Рут о смерти.

Она закрыла книгу. Это был один из первых сборников Рут.

– Не только о смерти, – возразил Питер, подбрасывая в огонь березовое полено. Полено зашипело, а Питер отправился на кухню, где разогревалась еда к обеду. – Она очень тонкая поэтесса. У Рут есть много такого, чего мы просто не замечаем.

– «Ты всего лишь мотылек, и у тебя нет жала», – повторила Клара.

Была ли Си-Си всего лишь мотыльком? Нет. У Си-Си де Пуатье было жало. Тот, кто приближался к этой женщине, сразу чувствовал это. Клара сомневалась, что согласна с Питером в его оценке Рут. Всю свою горечь Рут вкладывала в стихи. Она ничего не держала в себе, а Клара знала, что та ненависть, которая ведет к убийству, должна вызревать долгие годы и часто она спрятана под слоем фальшивых улыбок и рассудительных слов.

Зазвонил телефон, и Питер, обменявшись со звонившим несколькими короткими словами, повесил трубку.

– Допивай, – сказал он от дверей. – Звонила Мирна – приглашает нас выпить в бистро.

– Я должна поспешить с этим стаканчиком, чтобы тут же приступить к другому?

– Как в старые времена, правда?

Арман Гамаш стоял перед старым домом Хадли. Дверь закрылась, и он почувствовал, что может выдохнуть. И еще он чувствовал себя глуповато. Он прошел по этому старому мрачному нагромождению комнат вместе с Лионом, и ничто из увиденного не вызвало у него ни малейшего

сочувствия, но и монстры здесь больше не скрывались. Дом был усталый, печальный, и ему не хватало смеха. В этом смысле дом напоминал своих обителей.

Перед тем как уйти, он зашел в гостиную, где все так же сидела Кри в своем платье без рукавов и в шлепанцах. Он накинул на плечи Кри одеяло и сел напротив нее; несколько мгновений он смотрел на ее бесстрастное лицо, потом закрыл глаза.

Он хотел дать ей понять, что все будет хорошо. Со временем. Жизнь не всегда будет такой мучительной. Мир не всегда будет таким жестоким. Не спеши, девочка. Дай им еще один шанс. Вернись.

Он повторил это несколько раз, затем открыл глаза и увидел, что Лемье смотрит на него от дверей.

И вот теперь, выйдя на мороз, Гамаш повел плечами, глубже залезая в тепло куртки, и по тропинке двинулся к машине. Начался снегопад, и полетели снежинки, пушистые, легкие и приятные. Неожиданно ему в голову, словно снежинка, залетели слова, сказанные Габри некоторые время назад: «Чудовище мертво, и деревня празднует». Намек на историю Франкенштейна. Но в той истории жители деревни не просто праздновали смерть чудовища – они сами и убили его[49].

Возможно ли, что жители этого сонного, приятного, тихого места объединились и убили Си-Си де Пуатье?

Гамаш почти отказался от этой мысли. Безумная идея. Но потом вспомнил о ней. Ведь и смерть эта была безумной.

– У тебя есть ко мне вопросы? – спросил Гамаш, не поворачиваясь к молодому человеку, идущему за ним.

– Нет, сэр.

– Урок номер три. Никогда не лги мне.

Он повернулся и посмотрел на агента Лемье, и молодой человек, увидев этот взгляд, понял, что не забудет его никогда. В нем было сочувствие, но и предупреждение.

– Что вы делали в гостиной с дочерью?

– Ее зовут Кри? А на что это было похоже?

– Вы сидели слишком далеко от нее, так что на разговор это не походило. И еще…

– Да-да, слушаю.

– У вас глаза были закрыты.

– Ты прав.

– Вы молились?

Лемье испытывал неловкость, задавая этот вопрос. Молитва в его

поколении была хуже изнасилования, хуже содомии, хуже неуспеха. Он чувствовал, что глубоко оскорбил старшего инспектора своим вопросом. Но ведь Гамаш сам просил.

– Да, я молился, хотя, мне думается, не на обычный манер. Я думал о Кри и пытался передать ей мысль, что мир может быть хорошим местом, уговаривал ее дать этому миру еще один шанс.

Сказанное содержало больше информации, чем хотел Лемье. Гораздо больше. Он начал спрашивать себя, насколько трудным будет это дело. Но, наблюдая, как старший инспектор с задумчивым видом возвращается к машине, Лемье признался себе, что ответ Гамаша успокоил его. Может быть, все будет не таким уж тяжелым. Он вытащил блокнот и, когда они сели в теплый автомобиль, записал услышанное от Гамаша, а тот, глядя на молодого агента, улыбнулся.

Стряхнув снег с курток, Питер и Клара повесили их на вешалку у дверей и оглянулись. В бистро было шумно и тесно от посетителей. Официанты ловко двигались между столиками, разнося на подносах напитки и еду.

– Вон она.

Мирна стояла у дивана перед камином. С ней была Рут, а двое других за их столиком собирались уходить.

– Можете сесть на наши места, – сказала Ханна Парра, их избранный представитель в муниципалитете. Она и ее муж Рор заматывались шарфами. – Снег начался?

– Идет понемногу. Но дороги пока в порядке, – ответил Питер.

– Ну, нам до дома рукой подать. Доедем.

Рор пожал всем руки, а Ханна поцеловала каждого в обе щеки. Прощание в Квебеке было важным обрядом.

Как и прибытие.

Обойдя знакомых и поцеловавшись с ними в обе щеки, Клара и Питер уселись в мягкие удобные кресла. Питер поймал взгляд Габри, и тот вскоре принес им два стаканчика вина и две вазочки с орешками кэшью.

– Вы можете себе представить, чтобы такое случилось? – сказал Габри, отпив глоток из стакана Клары и взяв горсть орешков.

– Они уверены, что это убийство? – спросила Мирна.

Питер и Клара кивнули.

– Этот здоровенный олух царя небесного Гамаш снова возглавляет следствие, – сказала Рут, потянувшись за вином Питера. – А что случилось в прошлый раз, вы все знаете. – Она отхлебнула вина.

– Разве он не раскрыл дело? – спросила Мирна, отодвигая свой стакан с виски подальше от Рут.

– А разве раскрыл? – Рут посмотрела на нее лукавым взглядом. – Сплошное везение. Нет, ты подумай. Эта женщина умирает на льду, а он говорит, что ее убили током. Но как? Рукой Господа?

– Но она и в самом деле была поражена ударом тока, – произнес Питер как раз в тот момент, когда подошел Оливье.

– Вы говорите о Си-Си, – сказал он, с тоской посмотрев на пустые стулья у огня.

Но в его ресторане было полно клиентов, и он не мог позволить себе такую роскошь – посидеть.

– Питер думает, что это ты ее убила, – сказал Клара, глядя на Рут.

– А может, и убила. А ты, может, следующая.

Она с улыбкой маньяка посмотрела на Питера, который пожалел, что Клара не умеет держать язык за зубами.

Рут потянулась к ближайшему стакану на столе.

– И что ты рассказал полиции? – спросил Оливье у Питера.

– Описал то, что случилось.

– Старший инспектор зарезервировал номера в гостинице.

Оливье взял пустой стакан Питера и наклонил в его сторону с безмолвным вопросом. Питер, удивившись, что стакан пуст, отрицательно покачал головой. Его норма составляла два стакана.

– И ты не считаешь, что ее убили током? – спросила Клара у Рут.

– Да нет, я это знаю. С самого начала знала. Я просто удивилась, что этот дуралей Гамаш так сразу до этого допер.

– А ты откуда могла об этом знать? – скептически спросила Мирна.

На что Рут ответила:

Жареным мясом запахло вокруг,
Си-Си Пуатье окочурилась вдруг.

Мирна невольно рассмеялась. Стихи были в самую точку. Воздух тогда действительно наполнился запахом жареного.

– Вообще-то, мне пришли в голову другие стихи:

Так долго мир его терпел —
Его огарок весь дотлел.
Не потому ли не огонь

Оставил он, а только вонь?[50]

Стихи, которые прочла Клара, были встречены у камина молчанием. Рядом текли оживленные разговоры, раздавались вспышки смеха, звенели бокалы. Никто не оплакивал Си-Си де Пуатье. Три Сосны не заметили этой смерти. Она оставила после себя вонь, но даже и та уже рассеивалась. Напротив, после этой смерти Три Сосны чувствовали себя легче, ярче и свежее.

Еще не перешагнув порог, Гамаш почувствовал запах тушеного мяса. Boeuf bourguignon[51] с ароматами филея и грибов, крохотного лука-севка и бургундского вина. Он позвонил из кабинета Рейн-Мари, сообщил ей, что вернулся, и по ее просьбе купил свежий французский батон в местной пекарне за углом. Трудная задача – протиснуться в дверь с коробкой вещдоков, собственной сумкой и драгоценным батоном. Гамаш не хотел его сломать, еще не успев войти в дом, хотя такое уже случалось прежде.

– Это у нас кто – коридорный?

– Non, Madame Gamache, désolé[52]. Это всего лишь пекарь.

– С батоном, я надеюсь.

Рейн-Мари вышла из кухни, вытирая руки о полотенце. Когда она увидела мужа, ее лицо расплылось в улыбке. Она не могла удержаться. Гамаш стоял в коридоре, обеими руками держа коробку, кожаная сумка сползла с его плеча, пытаясь утащить за собой и пухлую куртку цвета жженого сахара, из-под мышки у него торчал батон, упираясь концом ему в лицо.

– К сожалению, сила уже не та, что была когда-то, – криво улыбнулся он.

– Меня устраивает, месье.

Рейн-Мари осторожно вытащила батон из-под его руки, что позволило ему наклониться и поставить коробку на пол.

– Voilà[53]. Хорошо быть дома.

Он обнял ее и поцеловал, чувствуя ее нежное тело даже через куртку. Они оба располнели по сравнению с временами их молодости, и никто из них уже не смог бы влезть в свои свадебные наряды. Они выросли и в других отношениях, и Гамаш полагал, что это к лучшему. Если жизнь означает рост во всех направлениях, то его это устраивало.

Рейн-Мари тоже обняла его, чувствуя, как ее свитер впитывает влагу с

его заснеженной куртки. Но ее это не особо волновало. За малое неудобство она получала огромное удовольствие.

Гамаш принял душ, надел чистую водолазку и твидовый пиджак, после чего они вместе с Рейн-Мари выпили по стаканчику вина перед камином. Это был первый спокойный вечер после нескольких недель всевозможных семейных хлопот и рождественских вечеринок.

– Поедим здесь? – предложил Гамаш.

– Замечательная мысль.

Она поставила раскладной столик перед их стульями, подала boeuf bourguignon с яичной лапшой и корзиночку с нарезанным батоном.

– Какая странная пара, – заметила Рейн-Мари, когда он рассказал ей о событиях прошедшего дня. – Мне непонятно, почему Си-Си и Ришар жили вместе.

– Мне тоже. Ришар Лион такой пассивный, такой неловкий. Но все же я не знаю, в какой степени его поведение – игра. В любом варианте такой спутник жизни не может вызывать ничего, кроме раздражения, если, конечно, супруга не такая же или не чрезмерно терпеливая. Но Си-Си де Пуатье не была ни той, ни другой. Ты про нее слышала?

– Никогда. Но в английском сообществе, возможно, про нее знают.

– Я думаю, знаменита она была только в зеркале. Лион дал мне вот это.

Он залез в сумку, лежавшую рядом с его креслом, и вытащил оттуда «Клеймите беспокойство».

– Издано на деньги автора, – сказала Рейн-Мари, изучив обложку. – Лион и его дочь все это видели?

Гамаш кивнул, нанизывая на вилку кусок нежного мяса:

– Они были на трибуне. Лион не знал, что что-то случилось, пока не увидел, что все смотрят туда, где сидела Си-Си. Люди начали покидать места. Габри подошел к нему и сказал, что произошел несчастный случай.

Он вдруг понял, что говорит о Габри так, будто Рейн-Мари знает этого человека. И она, казалось, понимала его.

– А дочка? Ты сказал, ее зовут Кри? Что за имя такое – Кри? Зачем так издеваться над ребенком? Вот бедняжка.

– Это еще не все. Она не в себе, Рейн-Мари. Какая-то отрешенная от всего. Чуть ли не в ступоре. И она такая огромная. У нее фунтов пятьдесят-шестьдесят лишних, а ей всего двенадцать или тринадцать лет. Лион так и не вспомнил точно сколько.

– Ну, если ты толстый, то это еще не обязательно несчастливый, Арман. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Это верно. Но тут кое-что посерьезнее. Она словно отключилась от внешнего мира. И это еще не все. Когда произошло убийство, то, по словам Лиона, он видел, как Си-Си лежит на снегу и люди пытаются вернуть ее к жизни, но он не знал, где находится Кри.

– Ты хочешь сказать, он ее не искал? – удивленно спросила Рейн-Мари, не донеся вилку ко рту.

Гамаш отрицательно покачал головой.

– Гнусная личность, – сказала Рейн-Мари.

Не согласиться с ней было трудно, и Гамаш спросил себя, почему же все-таки ему не хочется с ней соглашаться.

И ответ пришел к нему: «Возможно, это слишком просто. Возможно, ты не хочешь, чтобы решение было таким прозаическим: презираемый, униженный, обманутый муж убивает эгоистку-жену. Возможно, это слишком просто для великого Армана Гамаша».

– Это все твое эго, – сказала Рейн-Мари, читая его мысли.

– Что мое эго?

– Причина, по которой ты не соглашаешься со мной насчет Лиона. Ты знаешь, что он, вероятно, сделал это. Ты знаешь, что отношения между ними были наверняка никудышные. Иначе почему она к нему так относилась и почему он сносил это? И почему еще их дочь куда-то удалилась, полностью исчезла? Я имею в виду, что, судя по твоему описанию, никто даже не заметил, была она там или нет.

– Была. Она уехала с ними в машине. Но ты права.

– В чем?

– Я не хочу, чтобы Ришар Лион оказался виновным.

– Почему? – Рейн-Мари подалась вперед.

– Он мне нравится, – ответил Гамаш. – Он мне напоминает Санни.

– Нашего пса?

– Помнишь, как он шлялся от одного двора к другому, не устраивают ли где пикник?

– Я помню, он как-то раз сел в тридцать четвертый автобус и доехал до Уэстмаунта.

– Лион напоминает мне Санни. Пес всегда хотел тебя порадовать, всегда искал компании. И я думаю, у него было доброе сердце.

– Доброе сердце так легко обидеть. Добрые сердца легко разбиваются, Арман. И тогда они могут пускаться во все тяжкие. Будь осторожен. Извини, я не должна была тебе это говорить. Ты разбираешься в этом лучше меня.

– Всегда нелишне напомнить мне о том, что я могу ошибаться. В

особенности о моем эго. Как звали того персонажа в «Юлии Цезаре», работа которого заключалась в том, чтобы стоять за спиной императора и шептать: «Ты единственный»?

– Значит, теперь ты император? Перспективное направление.

– Осторожнее, – сказал Гамаш, подбирая хрустящим кусочком батона остатки подливки с тарелки. – Иначе ты совсем втопчешь мое эго в землю. И тогда я исчезну.

– Меня это не беспокоит.

Она поцеловала его, собрала тарелки и ушла на кухню.

– А почему Си-Си не сидела с семьей? – спросила Рейн-Мари несколько минут спустя, когда она протирала вымытую Гамашем посуду. – Тебе это не показалось странным?

– Да мне все это дело представляется странным. У меня, кажется, еще не было дела, в котором с самого начала ни в чем не было бы логики.

Рукава Гамаша были закатаны, руки в мыле – он свирепо вычищал кастрюльку.

– Почему женщина оставляет семью на холодной трибуне, а сама садится на удобном, теплом месте рядом с обогревателем? – взволнованно спросила Рейн-Мари.

– Я думаю, ты сама и ответила. – Гамаш рассмеялся, передавая ей кастрюльку. – Там было удобно и тепло.

– Значит, она была эгоисткой, а он – гнусной личностью. Будь я Кри, я бы тоже исчезла.

Покончив с посудой, они отнесли в гостиную поднос с кофе, а Гамаш прихватил коробку с вещдоками по убийству Эль. Пора было сменить тему. По крайней мере, на какое-то время. Попивая кофе и время от времени опуская бумаги, чтобы взглянуть в огонь, он просмотрел содержимое коробки внимательнее, чем это удалось ему утром.

Он достал маленькую деревянную шкатулку с резьбой и открыл ее, рассмотрел странный набор букв. У бездомных не всегда было в порядке со здравым смыслом, но даже если и так, зачем убитой понадобилось вырезать эти буквы – С, Б, Л, К и М? Перевернув шкатулку, Гамаш опять увидел буквы, приклеенные к низу: КЛМ Б.

Может быть, буква С просто отклеилась? А прежде находилась в пробеле между М и Б.

Гамаш взял отчет судмедэксперта. Эль была задушена. В крови обнаружен алкоголь, медики также подозревают у жертвы хронический алкоголизм. Наркотиков не выявлено. Конечно, кровоподтеки на шее.

Кому понадобилось убивать бродяжку?

Убийца тоже наверняка был бродягой. Представители этой субкультуры, как и любой другой, взаимодействовали главным образом между собой. Простому прохожему и в голову бы не пришло убить Эль.

Он раскрыл конверт с фотографиями с места преступления. Лицо у убитой было грязное и удивленное. Ноги вывернуты носками наружу и обмотаны слоями одежды и газетами. Он опустил фотографии и заглянул в коробку. Они лежали там. Пожелтевшие газетные листы, некоторые поновее, в форме ног, рук и туловища Эль, словно части расчлененного призрака.

Там были фотографии грязных рук Эль, ее неимоверных ногтей. Длинных, скрученных, с бог знает какой грязью под ними. Впрочем, знал об это не только Бог, но теперь и коронер. Гамаш посмотрел отчет. Грязь. Еда. Экскременты.

На одной руке обнаружена кровь, судя по отчету – ее собственная, и несколько свежих порезов в центре ладони, словно стигма. Тот, кто убил Эль, запачкался ее кровью. Даже если он постирал одежду, следы ДНК все равно остались. Кровь в наши дни не отмоешь.

Гамаш сделал заметку в блокноте и обратился к последней фотографии. Обнаженная Эль на холодном прозекторском столе. Он смотрел на нее несколько секунд, спрашивая себя, когда же он наконец привыкнет к зрелищу мертвых тел. Убийство все еще потрясало его.

Он взял увеличительное стекло и медленно осмотрел тело. Искал буквы. Не было ли на ее теле начертано тем или иным способом КЛМ и Б? Может быть, эти буквы были каким-то ее навязчивым талисманом? Некоторые сумасшедшие изрисовывали свои тела и дома распятиями, чтобы отпугнуть зло. Может быть, эти буквы были распятием Эль.

Гамаш опустил увеличительное стекло. Ее тело, хотя и свободное от букв, было покрыто слоем грязи, копившейся годами. Даже баня или душ, доступ к которым она получала изредка в Благотворительной миссии, не могли смыть эту грязь. Она впиталась в кожу, как татуировка, и была не менее красноречива, чем стихотворение Зардо.

Я понимаю. Ни руки подать,
ни поделиться хлебом, или пледом,
что защищает тебя от холода,
иль добрым словом не можешь ты.
Бог знает: для жизни нужно мало.
И все это тебе необходимо[54].

Доброе слово. Это напомнило ему кое о чем еще. Кри. Как и Эль, ей требовалось доброе слово. Она наверняка выпрашивала его, как Эль выпрашивала кусок хлеба.

Грязь на теле Эль говорила о ее внешней жизни, но молчала о том, что происходило внутри, под слоями зловонной одежды, грязи и кожи, усохшей от пьянства. Глядя на фотографию тела, лежащего на столе в прозекторской, Гамаш спрашивал себя, о чем думала и что чувствовала эта женщина. Гамаш понимал, что все это, вероятно, умерло вместе с ней. Понимал, что, возможно, узнает ее имя, возможно, даже найдет убийцу, но вот ее он не найдет никогда. Эта женщина была потеряна много лет назад.

Как Кри, только гораздо раньше.

И тут Гамаш увидел его. Маленькое пятнышко, выделяющееся на теле. Оно было темным и круглым. И слишком правильной формы, чтобы допустить, что это грязь. И находилось оно на ее груди.

Он снова взял увеличительное стекло и некоторое время разглядывал его. Он хотел убедиться. И когда отложил стекло, все сомнения остались позади.

Он вернулся к уже просмотренным фотографиям, его внимание в особенности привлекла одна из них. Потом он просмотрел содержимое коробки с вещдоками в поисках одного маленького предмета. Чего-то такого, что легко было упустить из виду. Но его там не было.

Гамаш аккуратно сложил все в коробку и поставил ее у двери. Вернулся в свое теплое кресло у огня и несколько минут сидел, глядя на читающую Рейн-Мари. Губы ее чуть двигались время от времени, брови то поднимались, то опускались. Другой бы этого и не заметил – только он, который так хорошо знал ее.

Потом он взял «Клеймите беспокойство» и начал читать.

Глава четырнадцатая

Жан Ги Бовуар взял кружку четверного кофе, обхватил ее ладонями, чтобы согреть пальцы. Дрова в громадной черной плите в центре комнаты пылали вовсю, но пока нагреть помещение так толком и не удалось.

Было десять утра, падал снежок, и со времени убийства прошли почти ровно сутки. Команда Гамаша собралась в оперативном штабе в Трех Соснах. Штаб им приходилось делить с большой красной пожарной машиной. Белые стены над обитым темными деревянными панелями низом стен были увешаны крупномасштабными картами района, диаграммами, разъясняющими разные стратегии пожаротушения, и громадным плакатом в честь лауреатов литературной премии генерал-губернатора.

Здесь размещалась добровольная пожарная часть Трех Сосен, которой руководила Рут Зардо.

– Tabernacle[55]. Старая карга, впавшая в маразм. Она не позволяет нам выкатить это. – Бовуар большим пальцем указал на пожарную машину, занимавшую половину помещения.

– Мадам Зардо объяснила, почему она возражает? – спросил Гамаш.

– Да наговорила там что-то: машина, мол, не должна замерзнуть, чтобы быть готовой, если случится пожар, – ответил Бовуар. – Я спросил у нее, когда тут случился последний пожар. А она ответила, что эта информация засекречена. Засекречена? С каких это пор пожары у нас засекречены?

– Давайте начнем, – сказал Гамаш. – Кто докладывает первым?

Он сидел во главе стола, одетый в рубашку с галстуком и свитер овечьей шерсти с круглым вырезом под твидовым пиджаком. Он держал авторучку, но записей почти не делал. Техническая бригада устанавливала телефоны, факсы и компьютеры, расставляла письменные столы, развешивала доски, выгружала оборудование. Но Гамаш ничего этого не слышал. Он полностью сосредоточился на докладах.

Агент Робер Лемье надел свой лучший выходной костюм, до блеска отполировал туфли и теперь был благодарен внутреннему голосу, который посоветовал ему сделать это. Но еще больше он был благодарен себе за то, что услышал его. Рядом с ним пила кофе молодая женщина-агент по имени Изабель Лакост. Лемье не сказал бы, что она такая уж привлекательная – не из разряда тех, что ты сразу замечаешь в баре. Правда, она, судя по всему, и не принадлежала к разряду тех, кто заглядывает в бары. Ее скорее можно

было встретить на лыжах в районе Мон-Сен-Реми, где она выглядела бы естественно и на своем месте, без всякой искусственности. Одета она была просто, но со вкусом: легкий свитер, шарф и широкие брюки. Ее темные глаза смотрели внимательно, а светло-каштановые волосы были схвачены широкой лентой, чтобы не падали на лицо. Лемье заметил и несколько сережек в одном ухе. Она сразу же подошла к нему и поздоровалась. Он инстинктивно посмотрел на ее левую руку и, к своему удивлению, увидел обручальное кольцо.

– У меня двое детишек, – с улыбкой сказала она, заметив его взгляд. – Мальчика зовут Рене, а девочку – Мари. Toi?[56]

– Я не женат. Даже подружки нет.

– Ну, это, может, и к лучшему. Пока идет следствие. Будь внимателен. – Она шепнула ему на ухо: – И будь самим собой. Шеф выбирает только тех людей, которые не притворяются.

– И предположительно умеют делать свое дело, – добавил он, полагая, что делает ей комплимент.

– Oh, mais, franchement[57], ты не сможешь хорошо делать свое дело, если не знаешь, кто ты такой. Как ты сможешь выяснить правду о ком-то другом, если не признаешь правды о себе?

– Bon[58]. – Бовуар подался вперед. – Хорошая новость состоит в том, что я знаю, каким образом подавалось электричество на площадку для кёрлинга на озере. Вчера днем я говорил с Билли Уильямсом – тем парнем, что отвез Си-Си в больницу. Он мне сказал, что сам подключал этот обогреватель. Сейчас я вам покажу. Некоторые из вас так еще и не были на месте преступления.

Бовуар взял в одну руку глазурованный шоколадом пончик, в другую фломастер и подошел к большому листу бумаги на стене.

– Вот это озеро Лак-Брюм, а здесь городок Уильямсбург. Здесь Легион. Верно?

Природа не наделила Бовуара даром Пикассо, и это шло на пользу инспектору полиции. Его рисунки всегда были очень четкими и понятными. Большой круг – это озеро Лак-Брюм. Маленький круг, похожий на луну, – Уильямсбург – соприкасался с кромкой большого. А крестик был поставлен на месте Легион-холла, неподалеку от берега озера.

– Так вот, от Легиона озеро нельзя увидеть. Нужно пройти по дороге и завернуть за угол. В то же время ходьбы до озера там всего минут пять. Все присутствовали на общем завтраке в Легионе до начала матча по кёрлингу. Билли Уильямс сказал мне, что он побывал на площадке еще до завтрака и

съехал на своем пикапе на лед.

– А это безопасно? – спросил один из полицейских.

– Толщина льда достигает фута, – ответил Бовуар. – Он проверял его перед Рождеством, когда ставил трибуну и обогреватель. В день матча ему оставалось только смести снежок с площадки и подвести провода к обогревателю. Утро стояло ясное, и он решил сделать и то и другое, прежде чем отправиться в Легион на завтрак. Машину свою он припарковал здесь. Следы покрышек видны на фотографиях, сделанных во время осмотра места преступления.

Он пустил фотографии по рядам, но сначала поставил маленький крестик на своем чертеже – на льду у самого берега.

– И теперь вот что важно. Вот здесь его машина, здесь обогреватель – называется он излучателем тепла, – здесь трибуна для зрителей, – он нарисовал на бумаге прямоугольник, – а здесь площадка для кёрлинга. Билли Уильямс – механик Канадской автомобильной ассоциации по этому району, поэтому у него такой большой пикап. Я его видел. Громадный сукин сын. Колеса вот досюда.

Гамаш откашлялся, напоминая Бовуару, где тот находится.

– Так вот, у него в кузове есть генератор для подзарядки севших аккумуляторов. Но это не обычный генератор. Он тоже громадина. Билли говорит, что ему такой генератор нужен, чтобы заводить большие грузовики и питать строительное оборудование. Поэтому он просто взял свой прикуриватель и подсоединил генератор к обогревателю. Voilà. Питание и тепло.

Агент Лемье заерзал на стуле и поймал взгляд агента Лакост. Она посмотрела на него и коротко кивнула. Одобрительно? Он не понял. Она кивнула еще раз и пошире раскрыла глаза.

– Сэр, – сказал Лемье, радуясь, что голос у него не дрожит.

Бовуар удивленно посмотрел на новичка, которому хватило наглости прервать его.

– В чем дело?

– Вот эта штука, – он показал на чертеж, – обогреватель. Когда мы видели его вчера, у меня возник вопрос, но я хотел проверить, прежде чем говорить что-либо. Эти обогреватели почти всегда работают на пропане. А не на электричестве. – Он оглядел сидящих за столом. Все смотрели на него. – Я позвонил приятелю. Он работает электриком. А еще играет в хоккей в местной лиге.

К удивлению Лемье, Бовуар улыбнулся. Простая, открытая улыбка, от которой его лицо словно стало моложе.

– Ты прав. Этот обогреватель тоже работает на пропане, – сказал он. – Но у него что-то там сломалось, и его уже собирались выбросить. Однако Билли Уильямс его спас. Он знал, что его можно подключить к генератору и раз в год использовать для этого кёрлингового представления. Это было два года назад. Обогреватель работает до сих пор. Но для питания ему требуется генератор.

– Агент Лемье вчера говорил мне о генераторе. – Гамаш кивнул Лемье, который сел чуть повыше на своем стуле. – К сожалению, я не отнесся к его словам серьезно. Прошу прощения.

Такого с Лемье еще не случалось – чтобы начальник просил у него прощения. Он не знал, как реагировать, а потому не прореагировал никак.

– И у генератора мистера Уильямса хватает мощности, чтобы убить человека? – спросил Гамаш.

– Это хороший вопрос. Я вчера заехал в больницу в Кауансвилле и поговорил с коронером, доктором Харрис. Она вручила мне отчет по вскрытию. Она знает Уильямса и говорит, что его генератор имеет достаточную мощность – вполне может убить. Для этого и особой мощности-то не требуется.

Бовуар вернулся на свое место, положил в рот последний кусочек пончика, помешивая кофе авторучкой.

– Она хочет поговорить с вами, шеф. Сказала, что заглянет попозже с более подробным отчетом и одеждой, которая была на жертве. Но она уверена, что это не несчастный случай, – это я говорю тем, у кого есть какие-то сомнения на сей счет.

Бовуар просмотрел свои записи. Он толком не знал, с чего начать. Ему не хотелось повторять слова о том, что это довольно странный, даже безумный способ совершить убийство. Старший инспектор Гамаш уже знал это. Все знали. Но доктор Шарон Харрис несколько раз настойчиво повторила ему вчера это.

«Не думаю, что вы вполне оцениваете ситуацию, инспектор. Посмотрите-ка». Доктор Харрис сняла белую простыню с убитой. На холодном, жестком прозекторском столе лежала холодная, жесткая женщина. На ее лице застыло злобное выражение, и Бовуар спрашивал себя, узнает ли ее семья это выражение. Шарон Харрис несколько минут ходила вокруг трупа, показывая места, вызвавшие у нее интерес, – этакий гид по мертвому телу.

Теперь, на утренней летучке, Бовуар раздал новые фотографии, сделанные доктором Харрис во время вскрытия. Полицейские разглядывали фотографии, и в комнате на время воцарилась мрачная

тишина.

Гамаш внимательно просмотрел фотографии и передал их агенту Лакост. Он чуть повернулся на своем стуле, положил ногу на ногу и посмотрел в окно. Шел снег. Ложился слоем на крыши машин и домов, скапливался на ветвях деревьев. Такая мирная сцена, и какой контраст с этими фотографиями и разговором, происходящим в здании бывшего вокзала. Со своего места Гамаш видел каменный мостик, перекинутый через речушку Белла-Белла. Время от времени по нему медленно и беззвучно проезжала машина – шум мотора приглушался снегом.

В помещении пахло дымком и кофе из бумажных стаканчиков, а еще в воздухе висел запах лака и чуть терпкий аромат старых книг. Или расписаний. Ведь когда-то здесь размещался вокзал, ныне заброшенный, как и многие другие маленькие вокзалы на Канадской национальной железной дороге. В Трех Соснах бывшему вокзалу из старого дерева и кирпича нашли хорошее применение.

Гамаш поднес руку, разогретую стаканчиком кофе, к носу. Нос был холодный. И чуть влажный. Будь он собакой, то порадовался бы своему здоровью. И все же в помещении понемногу становилось теплее, и ничто не могло сравниться с этим чувством: после холода ощутить медленное приближение, прибытие и распространение тепла.

Именно это и чувствовал сейчас Арман Гамаш. Он был счастлив и доволен. Любил свою работу, любил свою команду. Он не собирался подниматься выше по служебной лестнице в Квебекской полиции и смирился с этим, потому что Арман Гамаш не принадлежал к числу честолюбивых карьеристов. Он умел удовлетворяться малым.

А сейчас настал самый любимый им этап работы: сидеть со своей командой и размышлять над тем, кто мог совершить убийство.

– Вы видите ее руки? И ноги? – Бовуар поднял две фотографии от коронера. – Они обуглены. Кто-нибудь из свидетелей сообщал о запахе? – спросил он Гамаша.

– Сообщал, хотя и об очень слабом, – подтвердил Гамаш.

Бовуар кивнул:

– Доктор Харрис об этом говорила. Она считает, что кто-то должен был почувствовать запах. Запах горелого мяса. Большинство погибших от тока, по ее словам, имеют более ярко выраженные поражения. Некоторые просто дымятся.

Кое-кто из полицейских при этих словах поморщился.

– В буквальном смысле этого слова, – пояснил Бовуар. – Большинство людей, погибающих таким образом, умирают от удара током высокого

напряжения. По большей части это рабочие с электростанций, обслуживающий персонал или просто посторонние люди, которые случайно прикасаются к проводам. А провода иногда срывает ветер, или кто-то ненароком перерубает кабель – pouf[59]. Немедленная смерть.

Бовуар сделал паузу. Арман Гамаш весь обратился во внимание. Он достаточно хорошо знал Жана Ги Бовуара – тот не позволял себе театральных жестов. Даже не любил их. Но они почти всегда выдавали его. Как лжец, который, прежде чем крупно солгать, откашливается, или как игрок в покер, который трет себе нос, Бовуар сообщил сенсационную новость после театральной паузы:

– Доктор Харрис уже десять лет не сталкивалась со случаями смерти от тока низкого напряжения. Автоматические предохранители положили этому конец. Она говорит, это почти невозможно.

Все внимательно слушали его. Даже сотрудники технической бригады, только что усердно работавшие, остановились и стали слушать.

Почти невероятное убийство.

Пончики и кофе замерли на полпути ко рту, фотографии легли на стол, дыхание словно замерло.

– Почти, – повторил Бовуар. – Чтобы такая штука сработала, должны были сложиться несколько случайностей. Си-Си де Пуатье должна была оказаться в луже. Посреди замерзшего озера при минус десяти она должна была стоять в воде. Кроме этого, она должна была голыми руками прикоснуться к чему-то находящемуся под напряжением. – Он поднял руки, словно члены команды не представляли себе, как выглядят руки. – То есть в такой мороз она должна была снять перчатки и прикоснуться к единственному предмету, который находился под напряжением. Но даже этого было недостаточно. Ток должен был пройти по ее телу и через ноги в лужу. Посмотрите на свои ноги.

Все посмотрели на него.

– На ваши ноги. На ваши. Посмотрите на свои ноги.

Все лица исчезли под столами, кроме лица Бовуара. Арман Гамаш тоже нагнулся и посмотрел на свои ботинки. Снаружи они были нейлоновые. Внутри прокладки из термоизолятора и фетра.

– Посмотрите на подошвы своей обуви, – раздраженно проговорил Бовуар.

Снова все наклонились.

– Ну?

– Резина, – сказала агент Изабель Лакост. По ее умному лицу Бовуар видел, что она поняла. – Формованная резина с рубчиком, чтобы не

скользили по льду и снегу. У нас у всех наверняка туфли на резиновой подошве.

Все согласились.

– Вот именно, – кивнул Бовуар, едва скрывая торжество. – Это еще нужно подтвердить, но я уверен, что в Квебеке не продается ни единой пары туфель не на резиновой подошве. И это был последний элемент и, видимо, самый маловероятный в серии невероятных событий. Если бы на Си-Си де Пуатье была обувь на резиновой или хотя бы кожаной подошве, то она осталась бы жива. Она ухватилась за что-то металлическое. Металлы проводят электричество. Земля проводит электричество. Наши тела проводят электричество. Как говорит доктор Харрис, электричество подобно живому существу. Оно отчаянно стремится остаться живым. Оно мечется через одно в другое – через металл, через тело и в землю. А по пути пробегает через сердце. А в сердце есть собственный электрический ток. Удивительно, правда? Если электричество проходит через тело, то ему нужны доли секунды, чтобы воздействовать на сердце. Оно нарушает нормальные ритмы и приводит к… – он сверился со своими записями, – к фибрилляции.

– И для этого у нас есть такие плоские электроды для запуска сердца, – сказала Лакост.

– И для этого имплантируют кардиостимуляторы. Это в принципе аккумуляторы, посылающие в сердце электрические импульсы, – подтвердил Бовуар, которого заинтересовала эта тема. Все эти факты лили воду на его мельницу. – Когда Си-Си прикоснулась к металлу, ее сердце было поражено за доли секунды.

– Но, – сказал Арман Гамаш, и все повернулись к нему, – для этого мадам де Пуатье должна была быть заземлена.

В комнате воцарилась тишина. Температура благодаря плите поднялась, но Гамашу было еще холодновато. Он посмотрел на Бовуара и понял, что их ждет кое-что еще.

Бовуар залез в сумку и выложил на стол пару сапожек.

Перед ними стояла обувь Си-Си де Пуатье, изготовленная из белейшей, тончайшей кожи новорожденного тюленя. А на подошве, где у всех остальных была резина, полицейские увидели крохотные металлические коготки.

Бовуар положил один сапожок, чтобы всем была видна подошва, скрюченная, обожженная и жутковатая; коготки оказались металлическими зубчиками, выступавшими из кожи.

Арман Гамаш почувствовал, как сжались его челюсти. Кто это носит

такие сапожки? Может быть, эскимосы в Арктике. Но даже они не стали бы убивать новорожденных тюленей. Эскимосы были уважительными и разумными охотниками, они ни за что не стали бы убивать тюленьих младенцев. Им этого не требовалось.

Нет, младенцев убивают только бесчувственные скоты. И такие же бесчувственные скоты покупают подобные изделия. Перед ними лежали две оболочки двух младенцев. Да, животных, конечно, убивают, но любое жестокое убийство ужасало Гамаша. Какой должна быть женщина, чтобы надеть эти изделия из двух тюленьих младенцев и оснастить их металлическими когтями?

Арман Гамаш вдруг подумал: может быть, Си-Си де Пуатье в этот самый момент пытается оправдаться перед озадаченным Богом и двумя разгневанными ангелами.

Глава пятнадцатая

Бовуар остановился перед еще одним листом бумаги, прикрепленным к стене. Посредине стола стояли сапоги Си-Си, как две скульптуры и как напоминание, какими необычными были убийца и убитая.

– Подведем итоги: для того чтобы убийство произошло, должны были сойтись четыре обстоятельства. – Не переставая говорить, Бовуар записывал. – Первое: жертва должна была стоять в воде. Второе: она должна была снять перчатки. Третье: она должна была прикоснуться к предмету, находящемуся под напряжением. И четвертое: на подошвах ее обуви должен был иметься металл.

– У меня есть протокол осмотра места преступления, – сказала Изабель Лакост, которая днем ранее руководила командой криминалистов. – Это все предварительно, конечно, но на один вопрос у нас есть ответ. Касательно воды. Если вы еще раз посмотрите на фотографии, то рядом с перевернутым стулом увидите пятно синевы на снегу.

Гамаш присмотрелся. Раньше он думал, что это тень. На снегу под определенным ракурсом и при определенном освещении тени были синими. Но не настолько, как в этом случае. Приглядевшись, он увидел и чуть не застонал. Он должен был разглядеть сразу. Все должны были разглядеть.

Убийца мог создать лужу двумя способами. Расплавить лед и снег или принести жидкость с собой. Но если бы он пролил кофе, чай или лимонад, жидкость тут же замерзла бы.

А что не замерзло бы?

Что-то такое, что не замерзает.

Незамерзающая жидкость для бачка омывателя лобового стекла. Эта жидкость продается повсюду в Канаде и галлонами заливается в бачок; она создана, чтобы промывать лобовое стекло от грязи и соли и не замерзать.

Неужели все настолько просто?

– Это незамерзайка для омывателя, – сказала Лакост.

Несомненно, подумал Гамаш. Хоть что-то в этом деле наконец прояснилось.

– Как убийца смог разлить там незамерзайку и остаться незамеченным? – спросила Лакост.

– Видел ли кто убийцу или нет – нам это неизвестно, – сказал Гамаш. –

Мы никому не задавали такой вопрос. Но кое-кто сидел рядом с мадам де Пуатье. И этот человек, вероятно, все видел.

– Кто? – спросил Бовуар.

– Кей Томпсон.

Гамаш поднялся и подошел к схеме места преступления, нарисованной Бовуаром. Он рассказал им о допросах, которые провел днем ранее, потом нарисовал вокруг обогревателя три крестика.

– Это садовые стулья. Они предназначались для трех пожилых женщин, которые их и принесли, но воспользовалась стулом только одна. На этом стуле сидела Кей Томпсон. – Гамаш показал на один из крестиков. – Остальные две женщины играли в кёрлинг, и поэтому Си-Си заняла стул, который стоял ближе других к обогревателю. Теперь возьмем этот стул. – Он обвел кружочком крестик, расположенный ближе всего к игровой площадке. – Он лежал опрокинутый. И под ним обнаружилась жидкость. Я верно говорю? – спросил он у Лакост, и та кивнула в ответ.

– Сейчас стул в лаборатории у криминалистов, но я подозреваю, что именно он и был орудием убийства, – сказала она.

– А не обогреватель? – спросил один из агентов у Бовуара. – Насколько я понял, вы считаете, что убитая прикоснулась к какому-то предмету, который был под напряжением. А это и есть обогреватель.

– C’est vrai, – согласился Бовуар. – Но получается, что ее убило не это. Мы считаем, что орудием был стул. Если посмотреть на ожоги на ее руках, то мы увидим, что они совпадают с алюминиевыми трубками в спинке стула.

– Но как это могло произойти? – спросила женщина из технической бригады.

– Вот это мы и должны выяснить, – сказал Бовуар, которого так захватила эта загадка, что он даже забыл приказать технарям продолжать работу.

Она задала правильный вопрос. Каким образом напряжение с обогревателя использовалось для создания электрического стула?

Электрического стула.

Цепкий аналитический ум Жана Ги Бовуара взвесил эту концепцию. Играет ли это какую-то роль? Была ли какая-то причина, по которой убийца выбрал именно этот способ расправиться с Си-Си де Пуатье – электрический стул?

Может быть, это возмездие? Месть? Наказание за какое-то преступление, совершенное Си-Си? Если так, то это было первое наказание такого рода в Канаде за последние пятьдесят лет.

– Кстати, что вы имели в виду? – спросил Гамаш у технического специалиста, задавшего этот вопрос, – молодой женщины в комбинезоне и поясе для инструментов. – И как вас зовут?

– Селин Прово, сэр. Я электрик технической службы Квебекской полиции. Здесь я подключаю компьютеры.

– Bon, Agent Provost. Так какая у вас теория?

Она целую минуту изучала диаграмму, размышляя.

– Какое напряжение выдает этот генератор?

Бовуар назвал ей цифры. Она кивнула и задумалась еще на несколько секунд. Потом отрицательно покачала головой:

– Я думала, мог ли злоумышленник соединить обогреватель и стул проводами и забросать их снегом.

– Но?

– Но это означало бы, что к стулу все время было подведено электричество. Как только злоумышленник подключил провода, стул оказался под напряжением. Кто бы к нему ни прикоснулся, он получал удар током. Убийца не мог быть уверен, что первой к нему прикоснется мадам де Пуатье.

– А есть способ включать и выключать напряжение?

– Нет. Только с генератора на машине. А генератор – устройство шумное. Все заметили бы, что он включается-выключается. А если бы убийца подключил провода в последний момент, то эта женщина, которая, по вашим словам, там сидела, она бы наверняка это заметила.

Гамаш задумался. Пожалуй, она была права.

– Прошу прощения, сэр.

– Еще доклады?

В течение следующих двадцати минут различные агенты рассказывали о своих находках, делали предварительный анализ, сообщали первые сведения о предыстории убитой.

– К настоящему моменту, – докладывала агент Лакост, – мы знаем, что Ришар Лион работает пользующимся славой клерком на фабрике по пошиву одежды. Он выполняет там всякие бумажные дела и назначает людей на посменную работу. Но в свободное от работы время он изобрел вот это. – Он показала схему.

– Хватит загадок, – сказал Бовуар. – Что это такое?

– Бесшумная липучка. У американских военных есть одна проблема. Им все чаще приходится прибегать к тактике ближнего боя, и бесшумность становится критическим фактором. Они подкрадываются к противнику… – Лакост согнулась над столом, изображая крадущегося солдата. – И

изготовляются к стрельбе. Но все их оружие прикреплено к форме с помощью липучки. И как только они отдирают липучку, чтобы освободить оружие, противник их тут же обнаруживает. Это стало серьезной проблемой. Любой изобретатель бесшумной липучки может сделать состояние.

Гамаш представил себе, как крутятся колесики в мозгах его сотрудников.

– И Лион сделал это? – спросил он.

– Он изобрел вот это. Систему, которая закрывает клапаны карманов с помощью магнита.

– Оригинально, – сказал Гамаш.

– Вот только магниты с учетом большой толщины материала должны быть довольно мощные. И на каждый карман требуется два магнита, а на форме в среднем около сорока карманов. Так что магниты добавляют около пятнадцати фунтов к уже и без того немалому весу на солдате.

Послышалось хихиканье.

– У него девять патентов в разных отраслях. И все подобного рода.

– Неудачник, – сказал Бовуар.

– Но он не оставляет попыток, – заметила Лакост. – И если ему что-нибудь удастся, он разбогатеет так, что нам и не снилось.

Услышав это, Гамаш вспомнил вопрос, который задала ему Рейн-Мари предыдущим вечером. Почему Ришар Лион и Си-Си де Пуатье поженились? И почему они оставались в браке? Она такая амбициозная, эгоистичная и жестокая, а он такой слабый и неловкий? Уж если на то пошло, то это Си-Си должна была убить мужа, а не наоборот.

В этот момент он понял, что почти как факт принимал гипотезу убийства Си-Си мужем. Может, Лион наконец изобрел что-то такое, что было принято? Может, он убил жену, чтобы не делиться доходом?

– В этом деле есть и еще кое-что странное. – Лакост с извиняющейся улыбкой посмотрела на инспектора Бовуара.

Эти двое расследовали вместе не первое дело, и она знала, что у Бовуара острый аналитический ум. Такого рода беспорядок и хаос были для него мукой смертной. Он взял себя в руки и кивнул в ответ.

– Я поискала информацию про Си-Си де Пуатье в Интернете и ничего не нашла. Ну, кроме водительского удостоверения и медицинской карты. Но ни свидетельства о рождении, ни паспорта – все документы только за последние двадцать лет. Я попробовала Си-Си Лион, Сесилия Лион, Сесилия де Пуатье… – Она подняла руки, показывая, что была вынуждена сдаться.

– Попробуйте Элеонор и Анри де Пуатье, – предложил Гамаш, глядя в книгу, лежащую перед ним. – Судя по ее книге, это были ее родители. И поищите ли-бьен. – Он продиктовал это по буквам.

– Что это такое?

– Ее жизненная философия. Она надеялась, что эта философия вытеснит фэншуй.

Бовуар пытался делать вид, что его это интересует и что он в теме. И то и другое было неправдой.

– Философия, которая, как она надеялась, должна была ее обогатить, – продолжил Гамаш.

– Мотив убийства? – оживился Бовуар.

– Возможно. Если бы ей удалось реализовать свои планы. Но пока впечатление такое, что успехи Си-Си де Пуатье такие же эфемерные, как и успехи ее мужа. Если это все, то прошу получать задания.

Он начал вставать.

– Сэр, еще одно, – вмешался агент Робер Лемье. – Вы дали мне мусор из дома Лиона. Я его перебрал, и вот у меня список.

– Это может подождать, агент. Спасибо, – сказал Гамаш. – Нас ждет трудный день. Я собираюсь поговорить с Кей Томпсон – выяснить, что она видела. Я хочу, чтобы ты нашел этого фотографа, о котором говорил Ришар Лион, – велел он Бовуару, который оживленно кивнул – ему не терпелось начать охоту. – Он как минимум сделал несколько фотографий во время завтрака и игры в кёрлинг. Возможно, в его объектив попал и убийца. Его зовут Сол. Фамилию не называли.

– Сол Петров. – Большая красная пожарная машина заговорила женским голосом.

Из-за нее появилась молодая женщина.

– Я его нашла.

Подходя ближе, она не могла не заметить выражения потрясения и даже ужаса на лицах полицейских за столом. Ее это не удивило. Она была готова к такому приему.

– Доброе утро, агент Николь, – сказал Арман Гамаш.

Глава шестнадцатая

Бовуар раздавал задания на день, а Гамаш тем временем вел приватную беседу с агентом Иветт Николь. В здании старого вокзала была одна отдельная комната, в которой прежде сидел билетер. В последнее время ее занимала Рут Зардо. Здесь помещались стол, стул и сотни три книг. Комната была определенно пожароопасна.

Старший инспектор Гамаш поднялся на ноги, как только появилась агент Николь, – так поднимается при виде палача приговоренный к смертной казни. Он кивнул своему заместителю, и Бовуар без слов понял все, что этим сказано. Гамаш молча двинулся к появившейся Николь, посреди помещения их пути пересеклись, и старший инспектор повел ее в маленькую комнату, где прежде сидел билетер.

Бовуар смотрел на своих людей – они сидели за компьютерами и на телефонах, – но мыслями он был с шефом. И с Николь. С этой отвратительной, жалкой, недалекой женщиной, из-за которой чуть не рассыпалось их предыдущее дело в этой деревне. Иветт Николь была возмутителем спокойствия, источником разногласий в их команде, которая жила и успешно работала в гармонии.

– Прошу вас, объяснитесь.

Гамаш стоял в маленькой комнате, возвышаясь над невысокой Николь. Она сняла шапочку, и оказалось, что ее короткие, мышиного цвета волосы не просто растрепаны – их словно бы подстриг пьяный садовник садовым секатором. Безвкусная одежда плохо сидела на ней, а на шерстяном свитере Гамаш заметил засохший желток. На ее красном лице были язвы от многочисленных угрей, как у подростка. А те участки, что остались не тронуты краснотой, имели нездоровый одутловатый вид. Если в ее серых глазах и горела искорка, то лишь искорка страха. «Она кого-то боится, – подумал Гамаш. – Но не меня».

– Меня приписали к вам, сэр. – Она не сводила с него глаз. – Сегодня утром позвонил суперинтендант Франкер и велел явиться к вам. Я и сама удивилась. – Она пыталась говорить извиняющимся тоном, но получалось плаксиво. – Я прочла материалы по делу от вас и инспектора Бовуара.

– Откуда вы их взяли?

– Мне их переслал домой суперинтендант. Я обратила внимание на информацию о фотографе и на то, что вы считаете этот вопрос приоритетным. Я согласилась…

– Для меня это большое утешение.

– Я хочу сказать, мне показалось, что вы правы. Нет, вы, конечно, правы. – Она начала волноваться. – Вот.

Она протянула руку с листом бумаги. Он взял его и прочел: «Сол Петров, рю Триорн, 17».

– Я нашла это на карте. Вот, смотрите. – Она вытащила из кармана карту и протянула ему.

Гамаш ее не взял. Просто смотрел на агента.

– Я обзвонила около пятнадцати агентств, занимающихся арендой в районе. Никто из них не знал про него. Но наконец я нашла ресторан в Сен-Реми, «Ле Сан-Суси». Там рекламируют шале, сдающиеся внаем. Я спросила владельца, и он вспомнил похожий звонок от человека из Монреаля несколько дней назад. Я позвонила туда – и нашла его: фотограф Сол Петров.

– Вы с ним говорили?

– Да, сэр. Пришлось это сделать. Мне нужно было удостовериться, что это он.

– А если он убийца? Что, если он сейчас сжигает фотографии и загружает машину? Когда вы ему звонили?

– Часа два назад. – Голос Иветт Николь упал почти до шепота.

– Инспектор Бовуар? Прошу вас, возьмите какого-нибудь агента и узнайте, не тот ли это фотограф, которого мы ищем. Агент Лемье, вы остаетесь здесь. Мне нужно поговорить с вами, – снова обратился он к Николь. – Садитесь и ждите меня.

Она опустилась на стул, словно ноги под ней подкосились.

Бовуар взял лист бумаги с адресом, изучил карту на стене и через минуту-другую вышел из помещения, но прежде посмотрел на агента Николь – она сидела в крохотной, тесной комнатке и выглядела самым несчастным из людей на земле. Он сам себе удивился, когда в нем проснулось сочувствие к ней. О темной стороне характера Армана Гамаша ходили легенды. И не потому, что она была такой уж дурной, а потому, что она была глубоко спрятана. Мало кто знал о ее существовании, но те, кто с нею сталкивался, никогда не забывали о ней.

– У меня для тебя задание, – сказал Гамаш, обращаясь к Лемье. – Я хочу, чтобы ты съездил в Монреаль и выяснил кое-что. Меня интересует женщина по имени Эль. Это не настоящее имя. Она была нищей бродяжкой, и ее убили перед Рождеством.

– Это как-то связано с делом Пуатье?

– Нет.

– Я сделал что-то не так? – упавшим голосом спросил Лемье.

– Нет-нет. Мне нужно кое-что выяснить об этом деле, а для тебя это будет неплохой школой. Ты еще не работал в Монреале?

– Да я там был всего несколько раз.

– Ну, вот тебе и возможность прогуляться по Монреалю. – Он увидел тревогу на лице агента Лемье. – Все будет в порядке. Я бы тебя туда не послал, если бы не две вещи. Во-первых, я уверен, что ты сможешь это сделать. И во-вторых, тебе это необходимо.

– Что я должен сделать?

Гамаш сказал ему, и они вдвоем пошли к машине Гамаша, из багажника которой старший инспектор достал коробку с вещдоками и передал ее Лемье. Получив инструкции, молодой агент уехал.

Гамаш проводил взглядом его машину – она медленно проехала по каменному мостику, обогнула деревенский луг, потом поднялась по рю Дю-Мулен и покинула Три Сосны. Старший инспектор постоял под медленно падающим снежком, глядя на людей на лугу. Кто-то нес пакеты с покупками из пекарни Сары или из магазина месье Беливо. Кто-то катался на коньках. Кто-то выгуливал собак. Одна из собак, молодая овчарка, катала, закапывала и подбрасывала что-то в воздух.

Гамаш все еще тосковал по Санни.

За падающими снежинками все были похожи друг на друга. Все одеты в пухлые куртки и вязаные шапочки, делающие их безликими. Гамаш подумал, что если бы был знаком с этими детьми и собаками, то смог бы узнать взрослых.

В этом-то и заключалась стоявшая перед ними проблема. Во время квебекской зимы люди были неотличимы друг от друга. Как яркие мармеладки. Даже мужчин от женщин трудно было отличить. Лица, волосы, руки, ноги, тела – все было закрыто от холода. Даже если бы кто-то и видел убийцу, то все равно не смог бы опознать.

Он посмотрел, как резвятся собаки, и, улыбнувшись, понял, чем они играют. Любимое зимнее развлечение Санни.

Собачье мороженое – замерзшие собачьи экскременты.

Ему не хватало и этих собачьих игр.

– Вам не место в моей команде, агент Николь.

Несколько минут спустя Гамаш посмотрел на ее лицо в угрях, заживающих и расцветающих. Ему хватило ее вранья, ее самоуверенности, ее злости во время прошлого расследования в Трех Соснах.

– Я понимаю, сэр. Не я это придумала. Я знаю, как навредила во время

того расследования. Простите меня. Что я могу сделать, чтобы доказать, что изменилась?

– Вы можете уйти.

– Жаль, что я не могу это сделать. – У нее был несчастный вид. – Клянусь вам. Я предполагала, что вы так скажете, и, откровенно говоря, я вас не виню. Сама не понимаю, что на меня нашло в тот раз.

Она заглянула в его глаза – производят ли ее слова какое-то впечатление.

Не производили.

– До свидания, агент Николь.

Он вышел из комнаты, надел куртку и, не оглядываясь, сел в машину.

– Извините, старший инспектор, но Кей Томпсон сейчас здесь нет. Она ночевала у своей подруги Эмили Лонгпре.

Директриса дома престарелых в Уильямсбурге оказалась приветливой деловитой женщиной. Сам дом представлял собой переоборудованный особняк с большими красивыми комнатами, хотя вид у дома был чуть усталый. К тому же от дома явно исходил запах талька. Как и от самих его обитателей.

Арману Гамашу хватило чувства юмора посмеяться над собой. Мадам Лонгпре жила в Трех Соснах и, возможно, была среди тех людей, которых он видел в деревне, на деревенском лугу. Старший инспектор был так зол на агента Николь, что бежал из деревни, как капризный ребенок, каковым считал ее. Он сел в машину и помчался прочь. Вот так оно и случилось, что теперь он находился за несколько километров от свидетеля, который недавно был от него в нескольких метрах. Он улыбнулся, предоставив директрисе повод недоумевать: что такого смешного нашел в ней этот крупный человек.

Гамаш не сразу поехал в Три Сосны – сначала остановился у Легиона и зашел туда. Дверь не была заперта. Здесь редко где запирались двери. Он вошел в холл, и звук его шагов разнесся эхом по большому пустому помещению. Одна из стен была открыта, и здесь имелся оборудованный в духе кафетерия проход на кухню. Гамаш представил себе сутолоку во время завтрака на второй день Рождества, выкрикиваемые приветствия, просьбы добавить чая или кофе. Представил себе Беатрис Мейер, предлагающую свое жуткое варево.

Так почему ее называли Матушкой? Клара вроде бы решила, что он должен найти ответ на этот вопрос, даже не встречаясь с ней. Беатрис Мейер? Матушка Беа? Он отрицательно покачал головой, но подумал, что в

конечном счете разгадает эту загадку. Ему нравились такие маленькие тайны.

Он снова включил воображение, мысленно присоединился к этим людям, пришедшим сюда на завтрак на второй день Рождества. Здесь было тепло и весело, висели самые дешевые украшения, какие себе можно представить. Чтобы это представить, и воображения-то включать не требовалось. Они все еще оставались на своих местах: звездочки и снежинки из пластмассы и гофрированной бумаги, искусственная елочка, у которой отсутствовала по меньшей мере половина пластмассово-проволочных веток, бумажные колокольчики и раскрашенные в зеленое и синее снеговики, изготовленные восторженными, усталыми и не очень одаренными детьми в группе продленного дня. В углу стояло пианино, из клавиш которого кто-то наверняка вымучивал рождественские песенки. Здесь стоял запах блинов и кленового сиропа, полученного из деревьев близ города, запах яиц и консервированного черного канадского бекона.

А Си-Си и ее семья? Где сидели они? Кто-нибудь был рядом с ней во время ее последнего в жизни завтрака? Кто-нибудь из них знал, что это ее последний завтрак?

Один из них знал. Кто-то сидел в этой самой комнате, ел, пил, смеялся и напевал рождественские песенки. И планировал убийство.

Выйдя на улицу, Гамаш помедлил – нужно было сориентироваться, потом посмотрел на часы и направился к озеру Лак-Брюм. Ему всегда нравился этот городок, Уильямсбург. Он отличался от Сен-Реми, в большей степени французского, тогда как Уильямсбург традиционно был более английским, хотя это и менялось по мере взаимопроникновения двух языков и культур. Гамаш поглядывал на приятные для глаза дома и магазины, все покрытые чистым белым снегом. Здесь стояла тишина – мир и покой опускались на эту землю с приходом зимы, словно земля отправлялась на покой. На пухлой снежной подушке машины почти не производили шума. Люди бесшумно шли по тротуарам. Все было приглушенным и безмолвным. Все было очень, очень мирным.

Дорога от Легиона до озера заняла у Гамаша четыре с половиной минуты. Он шел не спеша, но ноги у него были длинные, и он знал, что у большинства людей это заняло бы чуть больше. Однако представление о среднем времени, необходимом для того, чтобы добраться до озера от Легиона, он получил.

Он стоял на обочине дороги и смотрел на озеро, пустое и запорошенное снежком. Площадка для кёрлинга была почти невидима, и единственным свидетельством того, что здесь что-то происходило,

оставалась трибуна, пустая и заброшенная, в ожидании людей, которые никогда не придут.

Что делать с Иветт Николь? Спокойствие этого места дало ему возможность обдумать эту проблему. А она была настоящей проблемой. Теперь он знал это. Один раз она его провела, но Арман Гамаш относился к тем людям, которых невозможно провести дважды.

Она появилась в Трех Соснах по какой-то причине, и этой причиной не обязательно было убийство Си-Си де Пуатье.

Инспектор Бовуар выехал из Трех Сосен в направлении Сен-Реми. После нескольких минут езды по заснеженным проселочным дорогам, окруженным лесом, он свернул на подъездную дорожку, ведущую к беспорядочно построенному деревянному дому. На всякий случай он взял с собой одного агента. Он постучал в дверь и принял свободную позу, пытаясь произвести впечатление расслабленности, может быть даже рассеянности. На самом деле ничего этого не было. Он был готов в любую минуту броситься в погоню. Он даже надеялся, что в этом возникнет необходимость. Сидеть и разговаривать – это была территория старшего инспектора Гамаша. А его территорией была погоня.

– Oui? – На пороге стоял растрепанный человек средних лет.

– Месье Петров? Сол Петров?

– Oui, c'est moi[60].

– Я хотел поговорить с вами об убийстве Си-Си де Пуатье. Насколько я понимаю, вы ее знали?

– Я ждал вас. Почему вы так долго не приезжали? У меня есть несколько фотографий, которые могут вас заинтересовать.

Гамаш стянул с себя пухлую куртку, поправил пиджак и свитер, смявшиеся под курткой. Как и у всех остальных зимой, вид у него был такой, будто кто-то запустил мышь ему за воротник. Он помедлил секунду-другую, собираясь с мыслями, потом направился в маленькую отдельную комнату, снял трубку и набрал номер.

– А, это вы, Арман. Получили мой подарок?

– Если вы имеете в виду агента Николь, то получил, суперинтендант Франкер. Merci, – веселым голосом проговорил Бовуар.

– Чем я могу вам помочь? – произнес Франкер низким, ровным интеллигентным голосом.

Ни малейшего намека на коварного интригана, который обитал в его голове.

– Я хотел узнать, почему вы ее прислали.

– Мне показалось, что вы спешите с выводами, старший инспектор.

Агент Николь год проработала здесь на наркотиках, и мы были довольны ею.

– Тогда зачем отправлять ее ко мне?

– Вы оспариваете мое решение?

– Нет, сэр. Вы знаете, мне и без того ясно, почему вы принимаете те или иные решения.

Гамаш знал, что нанес точный удар. Яд просочился по проводам и заполнил громадную, голую тишину.

– Зачем вы мне позвонили, Гамаш? – прорычал голос.

Маски были сброшены.

– Хотел поблагодарить вас за откомандирование агента Николь. Joyeux Noël.

Он повесил трубку, но прежде услышал, как на линии воцарилась тишина. Гамаш получил то, что ему требовалось.

Он знал, что на самом высоком уровне Квебекской полиции пытаются лишить его права принимать решения. А ведь он и сам прежде принадлежал к этому уровню. Официально он по-прежнему оставался главой отдела по расследованию убийств и одним из старших чинов в полиции. Но на частном уровне ситуация изменилась. И случилось это после дела Арно.

Но сам он начал осознавать серьезность этих перемен лишь недавно. Он больше не слышал просьб от Бовуара позволить ему возглавлять расследование. Агент Изабель Лакост после дела Арно не раз получала назначения на второстепенные расследования во второстепенных отделах, как и другие члены его отдела по расследованию убийств. Гамаш даже не задумывался об этом, полагая, что эти временные откомандирования совершаются в силу необходимости. Ему и в голову не приходило, что его людей наказывают за то, что сделал он сам.

Но несколько недель назад его собственный босс и друг, суперинтендант Мишель Бребёф, пригласил его и Рейн-Мари на обед, а после обеда отвел в сторонку.

«Ça va, Armand?»[61]

«Oui, merci, Michel. Дети – вот главная забота. Никогда не слушаются. Молодой Люк оставил работу и хочет путешествовать по миру вместе с Софи и детишками. Анни слишком много работает, защищает бедную обиженную „Алкоа“[62] от несправедливых обвинений. Ты представь себе: верить корпорации, которая заведомо загрязняет окружающую среду». Гамаш усмехнулся.

«Поразительно».

Бребёф предложил ему коньяк и сигару. Коньяк Гамаш взял, а от сигары отказался. Они сидели в кабинете Бребёфа в дружеском молчании, слушали «Радио Кэнада» и женский смех из соседней комнаты и готовились к разговору.

«Ты что-то хотел мне сказать?» Гамаш посмотрел в глаза Бребёфа.

«Когда-нибудь ты все же ошибешься, Арман, – улыбнулся его друг, которого нередко заставала врасплох способность Гамаша читать его мысли. Но как бы там ни было, всё провидеть Гамаш не мог.

«Судя по твоему тону, Мишель, я уже ошибся, и очень сильно. Этот день был и прошел».

«Нет, не прошел».

В этом-то и была загвоздка. И когда молчание снова воцарилось в кабинете Мишеля, Гамаш вдруг увидел всю глубину проблемы. И оценил по достоинству мужество, проявленное его другом, который решился сказать ему об этом.

«Будь осторожен, Арман. Это гораздо серьезнее, чем ты себе представляешь».

«Пожалуй, ты прав», – согласился Гамаш.

И вот теперь суперинтендант Франкер вернул в его команду агента Николь. Конечно, это могло быть чистой случайностью. Возможно, она настолько вывела их всех из себя, что Франкер решил мелко отомстить Гамашу, откомандировав Николь в его подчинение. Да, это было наиболее вероятным объяснением. Маленькая злобная шутка – ничего более.

Глава семнадцатая

– Успех, – сказал Бовуар, входя во временный оперативный штаб и снимая теплую куртку. Он швырнул вязаную шапочку на свой стол. За ней последовали варежки. – Вы были правы. У фотографа сохранились снимки.

– Замечательно. – Гамаш хлопнул его по спине. – Посмотрим.

– Но у него при себе их нет, – сказал Бовуар, словно это было вполне естественно.

– И где же они? – спросил Гамаш чуть упавшим голосом.

– Он отправил пленку в лабораторию в Сен-Ламбер. Почта не курьерская, так что их прибытие ожидается только завтра.

– Прибытие в лабораторию?

– Précisément[63]. – Бовуар чувствовал, что его слова встречены с гораздо меньшим энтузиазмом, чем ему хотелось бы. – Но он говорит, что за кёрлингом и завтраком сделал сотни фотографий.

Бовуар огляделся. Изабель Лакост погрузилась в свой компьютер, агент Иветт Николь сидела в одиночестве на другом конце стола, словно на острове, и смотрела на сушу, каковую являл собой Гамаш.

– Он ничего не видел? – спросил Гамаш.

– Я у него спрашивал. Он заявляет, что, будучи фотографом, целиком сосредоточен на процессе и не обращает внимания на то, что происходит вокруг, а потому был удивлен не меньше других, когда Си-Си приказала долго жить. Но он сказал, что у него было задание фотографировать Си-Си и только Си-Си, так что его объектив был все время направлен на нее.

– Значит, он должен был что-то видеть, – заметил Гамаш.

– Вполне мог видеть, – согласился Бовуар, – но не понимал, что видит. Если бы ее зарезали, огрели дубинкой или принялись душить, то фотограф, вероятно, прореагировал бы, но случившееся было не очень заметным. Си-Си только встала и взялась за стул, стоящий перед ней. В этом не было ничего странного, определенно ничего угрожающего.

Логично.

– Почему она это сделала? – спросил Гамаш. – Но ты верно заметил: никто, скорее всего, и внимания не обратил на то, что случилось. И все же это странно – то, что она сделала. И у нас есть только слово Петрова, что он лишь фотографировал клиента, а не пришиб ее током.

– Я согласен, – сказал Бовуар. Он погрел руки у плиты, а потом потянулся к чайнику. – Этот Петров прямо-таки горел желанием помочь.

Может, слишком уж горел.

В мире Бовуара любой человек, проявлявший чересчур большой энтузиазм, сразу же переходил в разряд подозреваемых.

Эмили Лонгпре накрыла стол на троих. Она развернула и разгладила салфетки, хотя это и не требовалось. Но в этом повторяющемся действии было что-то успокаивающее. Матушка еще не пришла, однако ожидалась с минуты на минуту. Часы на кухне показывали, что полуденная медитация Матушки скоро закончится.

Кей легла вздремнуть, но Эм не находила себе покоя. Обычно она сидела спокойно с чашкой чая и читала последний номер «Ла пресс». Но сегодня она протирала от пыли обложки кулинарных книг, поливала цветы в горшках, земля в которых и без того была напитана влагой, – в общем, делала что угодно, лишь бы отвлечься.

Она принялась готовить гороховый суп, поправила косточку окорока в большой кастрюле, чтобы запахи и вкусы лучше смешались. Анри терпеливо сидел у ее ног, не отрывал от нее своих темно-карих глаз, словно одной силой воли хотел переместить косточку из кастрюли в свою страждущую пасть. Он вилял хвостом, глядя, как Эм двигается по кухне, и не упускал случая оказаться у нее на пути.

Пшеничный хлеб можно было ставить в духовку – он поспеет к приходу Матушки.

И действительно, полчаса спустя к дому Эм подъехала машина, Матушка осторожно вышла из машины и сразу же поковыляла по скользкой дорожке. Ее центр тяжести располагался так низко, что Кей нередко говорила: Матушка не сможет упасть, даже если очень захочет. Точно так же, по мнению Кей, не могла Матушка и утонуть. По какой-то причине, недоступной Эм, Кей не уставала говорить о способах, какими Беа может отправиться на встречу с Создателем. Матушка Беа отвечала взаимностью, бесконечно повторяя, что она-то, по крайней мере, с Ним встретится.

Три подружки уселись за удобным кухонным столом с супом и теплым хлебом, на котором таяло масло. Анри попытались выставить из комнаты, но он свернулся под столом, надеясь, что ему достанутся хотя бы крошки.

Десять минут спустя, когда появился Гамаш, еда по-прежнему стояла перед ними, холодная и нетронутая. Если бы Гамаш заглянул в боковое окошко, он увидел бы, как три подруги держатся за руки, закольцевав стол в молитве, которая явно не имеет конца.

– Не беспокойтесь, старший инспектор, – сказала Эм, увидев, как Гамаш оглянулся на оставляемые им снежные следы на плиточном полу прихожей. – Мы с Анри постоянно разносим снег по всему дому.

Она кивнула на шестимесячного щенка немецкой овчарки, который готов был взорваться от счастья. Но он не взрывался, только молотил хвостом, а его задница, хотя технически и оставалась на полу, двигалась с таким неистовством, что Гамаш подумал, как бы от такого трения не образовался огонь.

Гамаш и Бовуар сняли ботинки, их представили всем и им представили всех. Гамаш принес извинения за то, что прервал ланч. Из кухни пахло канадским гороховым супом и свежеиспеченным хлебом.

– Намасте, – сказала матушка, сложив ладони и чуть поклонившись гостю.

– О боже, – простонала Кей. – Ты что, опять?

– Намасте? – переспросил Гамаш.

Бовуар не задавал вопросов: во-первых, она была слишком стара, во-вторых, она была англичанкой и носила кафтан пурпурного цвета. Такие люди постоянно говорят всякие нелепости.

Шеф торжественно кивнул в ответ. Бовуар сделал вид, что не заметил этого.

– Это древнее и чтимое приветствие, – сказала Беатрис Мейер, приглаживая свои непокорные рыжие волосы и озабоченно поглядывая в сторону Кей, которая попросту игнорировала ее.

– Вы позволите? – Гамаш показал на Анри.

– Под вашу ответственность, месье. Он может зализать вас до смерти, – предупредила Эм.

– Это будет больше похоже на утопление в слюне, – сказала Кей и, повернувшись, направилась вглубь дома.

Гамаш нагнулся и потрепал Анри за уши, которые торчали на собачьей голове, как два паруса. Пес немедленно улегся на спину, показывая, что ему нужно погладить животик, что и сделал Гамаш.

Эм повела их через кухню в гостиную. Дом был уютный, гостеприимный, он навеял Гамашу воспоминания о коттедже бабушки, где не может случиться ничего плохого. Даже Бовуар здесь расслабился. Он подумал, что здесь все чувствуют себя как дома. Здесь и с этой женщиной.

Эмили Лонгпре извинилась и минуту спустя вернулась с двумя тарелками супа.

– У вас голодный вид, – сказала она и снова исчезла в кухне.

Они и возразить не успели, как оказались за столом перед камином. На

столе стояли тарелки с супом, исходящие горячим паром, и свежий пшеничный хлеб. Гамаш понимал, что повел себя не очень красиво. Он определенно мог начать разговор раньше, упреждая гостеприимство трех женщин. Но Эмили Лонгпре была права: они с Бовуаром и в самом деле проголодались.

И вот следователи Квебекской полиции ели и слушали ответы трех пожилых женщин на их вопросы.

– Вы можете рассказать о том, что случилось вчера? – спросил Бовуар у Кей. – Насколько мне известно, был организован матч по кёрлингу.

– Матушка только-только очистила дом, – начала Кей, и Бовуар тут же пожалел о решении начать вопросы именно с нее.

В этом предложении ни одно слово не имело смысла.

«Матушка только-только очистила дом». Rien[64], вообще никакого смысла. Еще одна англичанка со странностями. Но в данном случае сюрприз был не так чтобы неожиданный. Глядя на нее с расстояния в милю, можно было сказать, что она сбежала из дурдома. Она сидела перед ним под слоями толстых свитеров и одеял. И напоминала корзину с бельем. Только с головой. С очень небольшой и очень высохшей головой. Все десять волосков на ее крохотной морщинистой макушке стояли дыбом от статического электричества, создаваемого зимней одеждой.

Она была похожа на марионетку.

– Désolé, mais qu’est-ce que vous avez dit?[65] – попробовал Бовуар еще раз, по-французски.

– Матушка. Только-только. Очистила. Дом, – проговорила пожилая женщина очень четким и удивительно сильным голосом.

Гамаш, от чьего внимания ничто не ускользало, заметил, что Эмили и Беатрис обменялись улыбками. Не язвительными, а словно услышали знакомую шутку, с которой они жили всю жизнь.

– Мы с вами говорим об одном и том же, мадам? О кёрлинге?

– А, понимаю. – Кей рассмеялась, и Бовуар вынужден был признать, что это симпатичный смех. На ее лице вместо подозрительного появилось приятное выражение. – Да, хотите – верьте, хотите – нет. Матушка – это она. – Она показала корявым пальцем на свою подругу в кафтане.

По какой-то причине Бовуара это не удивило. «Матушка» ему сразу же не понравилась, и это имя было одной из причин. Матушка. Кто в здравом уме будет называть себя Матушкой! Если ты, конечно, не мать настоятельница. Но, глядя на нее, Бовуар испытывал большие сомнения в ее принадлежности к какому-нибудь монашескому ордену.

Он знал, что с ней стряслась какая-то беда. Он это чувствовал, хотя никогда не сказал бы об этом словами. И уж конечно не в присутствии Гамаша.

– Что это значит, мадам? – снова обратился к Кей Бовуар, откусив свежего хлеба так, чтобы масло не потекло по подбородку.

– «Очистить дом» – это термин в кёрлинге, – сказала Кей. – Эм лучше объяснит. Она в команде скип. Иначе говоря, капитан.

Бовуар повернулся к мадам Лонгпре. Ее голубые глаза были задумчивыми, живыми и, возможно, немного усталыми. У нее были светло-каштановые крашеные волосы, прическа изящно обрамляла лицо. Она казалась сдержанной и доброй и напоминала ему Рейн-Мари Гамаш. Он кинул взгляд на шефа, который слушал с обычным своим вниманием. Когда Гамаш посмотрел на мадам Лонгпре, не увидел ли он свою жену через тридцать лет?

– Вы когда-нибудь играли в кёрлинг, инспектор? – спросила Эм.

Этот вопрос удивил, даже оскорбил Бовуара. В кёрлинг? Он был центральным нападающим в хоккейной команде Квебекской полиции. В тридцать шесть он был в гораздо лучшей форме, чем ребята на десять лет моложе. В кёрлинг? Да ему и думать об этом было противно.

– Насколько я вижу, вы, вероятно, не играете в кёрлинг, – продолжила Эм. – А жаль. Великолепный спорт.

– Спорт, мадам?

– Mais oui[66]. Это очень трудная игра. Она требует крепких нервов и точной координации глаз и руки. Я бы советовала вам попробовать.

– Вы нам покажете?

Это был первый вопрос, который задал Гамаш с того момента, как сел за стол. Он дружеским взглядом посмотрел на Эм, и она улыбнулась ему в ответ, наклонив голову:

– Как насчет завтрашнего утра?

– Идеально, – сказал Гамаш.

– Не могли бы вы описать, что происходило вплоть до того момента, когда вы поняли, что случилось нечто из ряда вон выходящее? – снова обратился к Эмили Бовуар, решив, что повторить тот же вопрос не повредит.

– Мы играли уже почти час. Игра была ради развлечения, так что короче, чем обычные игры. А поскольку мы играли не в помещении, то не хотели, чтобы кто-то замерз.

– Из этого ничего не получилось. Было холодно. Я не помню, чтобы когда-либо было холоднее, – вставила Кей.

– Мы, как всегда, проигрывали, – продолжила Эм. – В какой-то момент я поняла, что другая команда загнала довольно много камней в дом. Дом – это такие красные колечки, нарисованные на льду. Именно туда вы и пытаетесь загнать свои камни. Команда противников неплохо поработала, и дом был полон их камней. И поэтому я попросила Матушку сделать то, что называется «очистка дома».

– Я замахиваюсь и посылаю свой камень по льду. – Матушка встала, выставила перед собой правую руку, потом завела ее назад и одним быстрым движением выкинула ее понизу вперед, подражая движению маятника. – Этот камень скользит вперед и вышибает из дома другие камни – чем больше, тем лучше.

– Вроде того, как разбить пирамиду в бильярде, – заметил Бовуар и тут же понял по их лицам, что для них в его словах не больше смысла, чем для него в выражении «очистить дом».

– Это очень забавно, – сказала Матушка.

– Знаете, это так забавно, – добавила Эм, – что стало традицией на играх второго рождественского дня. Я убеждена, что большинство приходит, чтобы посмотреть, как Матушка очищает дом.

– Все это очень театрально: камни разлетаются во все стороны, – объяснила Матушка.

– Очень шумно.

– Обычно это знак окончания игры. После этого мы сдаемся, – сказала Эм. – И затем возвращаемся в Легион, чтобы выпить горячего рома на масле.

– Но вчера все пошло по другому сценарию, – заметил Бовуар. – Что случилось вчера?

– Я и не знала, что что-то случилось, пока все не побежали туда, где сидели Кей и Си-Си де Пуатье, – сказала Матушка.

– И я тоже, – подхватила Эм. – Я смотрела, как скользит камень Матушки. Все смотрели. Потом все восторженно закричали и вдруг замолчали. Я подумала…

– О чем вы подумали, мадам? – спросил Гамаш, видя ее посеревшее лицо.

– Она подумала, что я окочурилась, – проворчала Кей. – Разве нет?

Эм кивнула.

– Нет, такого счастья мы не дождемся. Она нас всех переживет, – сказала Матушка. – Ей уже сто сорок пять лет.

– Это цифры моего ай-кью, – объяснила Кей. – Вообще-то мне девяносто два. Матушке семьдесят восемь. Не так уж много людей, чей

возраст выше их ай-кью.

– И когда вы поняли, что что-то случилось? – спросил Бовуар у Кей.

Спросил как бы мимоходом, стараясь не показать, что это ключевой вопрос. Ведь перед ними сидел единственный реальный свидетель убийства.

Кей задумалась на секунду, ее маленькое морщинистое лицо стало похоже на миссис Картофельная Голова[67], залежавшуюся на солнце.

– Женщина, которая умерла, – она до этого сидела на стуле Эм. Мы всегда приносим свои садовые стулья и ставим их близ обогревателя. Люди очень по-доброму к нам относятся – позволяют занять самые теплые места. Кроме этой ужасной женщины…

– Кей, – сказала Эмили с упреком в голосе.

– Она была ужасной, и мы все это знаем. Всегда пыталась всеми командовать, все передвигала, все выставляла по ниточке. Я расставила на столах в Легионе солонки и перечницы, так она их переставила. И всё жаловалась на чай.

– Это был мой чай, – сказала Матушка. – Она никогда не пила натуральный, органический травяной чай, хотя и утверждала, что побывала в Индии.

– Прошу тебя, – взмолилась Эмили. – Ведь эта несчастная умерла.

– Мы с Си-Си сидели рядом, между нами было футов пять. Я уже говорила: было очень холодно, и я надела на себя все, что только можно. Наверно, я вздремнула. Следующее, что я помню: Си-Си стоит у стула Матушки и держится за его спинку, словно собирается поднять и швырнуть. Но она вроде как дрожит. Все вокруг весело кричат и хлопают в ладоши, а я вдруг понимаю, что Си-Си вовсе не веселится – она вопит в голос. Потом она выпускает стул и падает.

– И что сделали вы?

– Я, конечно, встала посмотреть, что случилось. Она лежала на спине, и вокруг стоял странный запах. Я думаю, что позвала на помощь, потому что вокруг внезапно образовалась целая толпа. Тут всем стала командовать Рут Зардо. Она такая властная. Пишет ужасные стихи. Ни одной рифмы. А вот Вордсворта я могу читать в любое время в любых количествах.

– Почему она встала со стула? – поспешно спросил Бовуар, опасаясь, что Кей или Гамаш сейчас начнут цитировать.

– Откуда же мне знать?

– А больше никого рядом со стульями вы не видели? Кто-нибудь над ними не наклонялся, скажем? Может, кто-то пролил что-нибудь?

– Никого я не видела, – твердо сказала Кей.

– Мадам де Пуатье говорила с вами о чем-нибудь? – спросил Гамаш.

Кей ответила, помедлив:

– Ее беспокоил стул Матушки. Что-то в нем ей не нравилось, мне кажется.

– Что? – спросила Матушка. – Ты мне этого не говорила. Что ее могло беспокоить в моем стуле, кроме того факта, что этот стул мой? Она меня преследовала, эта женщина. А теперь она умерла, держась за мой стул.

Цвет лица Матушки сравнялся с цветом ее кафтана, ее голос раздраженно прозвучал в тихой и спокойной атмосфере комнаты. Похоже, она поняла это и взяла себя в руки.

– Что вы имеете в виду, мадам? – спросил Гамаш.

– Вы это о чем?

– Вы сказали, что мадам де Пуатье преследовала вас. Что вы имели в виду?

Матушка посмотрела на Эмили и Кей, словно вдруг испугалась чего-то и растерялась.

– Она хотела сказать, – пришла на помощь подруге Кей, – что Си-Си де Пуатье была глупой, пустой, мстительной женщиной. И получила то, что заслужила.

Агент Робер Лемье оказался в самом чреве управления Квебекской полиции в Монреале – в здании, которое он видел на постерах, призывающих молодежь идти на службу в полицию. Однако сам он никогда здесь прежде не был. На этих постерах он видел также счастливую толпу квебекцев, уважительно стоящих вокруг полицейских в форме. Ничего подобного в реальной жизни не оказалось. Он нашел нужную дверь с написанной по трафарету на матовом стекле фамилией, которую назвал ему старший инспектор Гамаш. Дверь была закрыта.

Лемье постучал и поправил кожаный ремень сумки на плече.

– Venez[68], – услышал он лающий голос.

Из-за наклонного стола на него смотрел худой лысеющий человек. Комнату освещала единственная лампа, стоявшая на столе. Лемье понятия не имел о размерах комнаты – крохотная она или громадная, хотя предположения на этот счет у него были. Его вдруг одолел приступ клаустрофобии.

– Вы Лемье?

– Да, сэр. Меня прислал старший инспектор Гамаш.

Он сделал еще шаг в комнату с ее запахом формальдегида и напористым хозяином.

– Я знаю. Иначе бы я вас не принял. Я занят. Давайте мне, что у вас есть.

Лемье порылся в сумке и вытащил из нее фотографию грязной руки Эль.

– И что?

– Вот здесь, видите? – Лемье показал пальцем на середину ладони.

– Вы имеете в виду эти кровавые пятна?

Лемье кивнул, пытаясь напустить на себя властный вид и молясь Богу, чтобы этот человек не спросил, для чего он это делает.

– Я понимаю, что он имеет в виду. Крайне необычно. Что ж, скажите старшему инспектору: как только, так сразу. А теперь уходите.

Агент Лемье ушел.

– Что ж, это было интересно, – сказал Бовуар, когда они с Гамашем возвращались под усиливающимся снегопадом во временный оперативный штаб.

– Что тебе показалось интересным? – спросил Гамаш, который шел, держа руки за спиной.

– Матушка. Она что-то скрывает.

– Возможно. Но может ли она быть убийцей? Она все время была на площадке для кёрлинга.

– Но она могла подвести провода к стулу до начала игры.

– Верно. И разлить незамерзайку. Но могла ли она сделать так, чтобы до Си-Си никто не прикоснулся к стулу? Там ведь дети бегали. Любой из них мог ухватиться за стул. И Кей могла.

– Пока мы там были, эти двое все время ругались друг с дружкой. Может быть, убить собирались мадам Томпсон? Может быть, Матушка убила не того человека?

– Не исключено, – сказал Гамаш. – Только я не думаю, чтобы мадам Мейер стала рисковать другими жизнями.

– Значит, игроки в кёрлинг исключаются? – разочарованно спросил Бовуар.

– Думаю, да, но нам станет понятнее, когда мы завтра встретимся на озере с мадам Лонгпре.

Бовуар вздохнул.

Он был откровенно удивлен тем, что вся местная община еще не вымерла от скуки. Один только разговор о кёрлинге лишал его всякого желания жить. Это было какой-то английской шуткой, предлогом накинуть плед на плечи и орать во все горло. Он обратил внимание, что большинство

англичан редко повышают голос. Франкоязычные вечно жестикулируют, кричат, обнимаются. Бовуар в толк не мог взять, зачем вообще англичанам руки. Может, чтобы только деньги носить. Кёрлинг давал им хоть какую-то возможность выпустить пар. Однажды он видел матч по кёрлингу по телевизору – на две секунды его хватило. Запомнил только толпу людей с метелками: все они глазели на катящийся камень, а один из них орал.

– Каким образом кто-то сумел убить током Си-Си де Пуатье так, что этого никто и не заметил? – спросил Бовуар, когда они вошли в теплый оперативный штаб, предварительно постучав ботинками на крыльце, чтобы избавиться от основной массы снега.

– Не знаю, – признался Гамаш, проходя мимо агента Николь, которая попыталась встретиться с ним взглядом.

Когда он уходил, она сидела за пустым столом, где и оставалась до сего времени.

Отряхнув куртку от снега, Гамаш повесил ее. Рядом с ним Бовуар тщательно стряхивал снег с плеч собственной куртки.

– Хорошо, что нам не приходится его разгребать.

– Если бы каждый человек разгребал свой собственный участок, то весь город был бы чист, – сказал Гамаш. Заметив удивленное выражение на лице Бовуара, он добавил: – Эмерсон.

– Лейк и Палмер?

– Ральф и Уолдо[69].

Гамаш вернулся к своему столу, зная, что должен думать о деле, но мысли его все время возвращались к Николь, и он постоянно спрашивал себя, не слишком ли глубоко они оба в этом увязли.

«Эмерсон, Ральф и Уолдо? Это что еще за птица? – думал Бовуар. – Наверно, какая-то малоизвестная группа хиппи шестидесятых годов».

Пока Бовуар напевал себе под нос «Счастливчик», Гамаш загрузил на компьютер пришедшие ему письма, полчаса провел за чтением, потом надел куртку, шапочку и перчатки и снова вышел за дверь.

Он раз за разом обходил деревенский луг под падающим снегом. Встречал людей на снегоступах, другие скользили по склонам или полям на лыжах. Он приветствовал жителей, очищавших тропинки и подъездные дорожки, ведущие к их домам. Появился Билли Уильямс на снегоуборочной машине, которая сбрасывала снег с дороги на обочину и на принадлежащие кому-то газоны. Но никто вроде бы не возражал. Что значит еще один фут снега?

Но главным образом Гамаш думал.

Глава восемнадцатая

– Сэр…
– Сэр…
– Сэр…

Когда Гамаш вернулся в оперативный штаб, там его ждала целая толпа желающих поговорить с ним.

– Сэр, на линии агент Лемье из Монреаля.

– Пусть подождет минутку – я возьму трубку там. – Он кивнул на свой маленький кабинет.

– Сэр, – обратилась к нему из другого угла комнаты агент Лакост. – У меня тут проблема.

– Сэр, – подошел к нему Бовуар. – Мы позвонили в лабораторию по поводу этих фотографий. Они их еще не получили, но, как только получат, дадут нам знать.

– Хорошо. Посмотри, сможешь ли помочь агенту Лакост. Я сейчас вернусь. Агент Николь?

Все в комнате замерли. Столь резкое прекращение какофонии звуков казалось невероятным, однако это случилось. Все взгляды обратились на Николь. Потом на Гамаша.

– Идите со мной.

Все взгляды и Николь последовали за Гамашем в его кабинет.

– Прошу садиться. – Гамаш кивнул на единственный стул в комнате и взял трубку. – Соедините меня с Лемье. – Он подождал несколько секунд. – Агент, где вы находитесь?

– В миссии «Олд бруэри»[70]. Только что приехал из управления. Он сделает то, о чем вы просили.

– И когда?

– Не сказал, сэр.

Гамаш улыбнулся. Он представил себе Лемье в этой жуткой комнате с блестящим, талантливым жутким человеком. Бедняга Лемье.

– Хорошая работа.

– Спасибо. Вы были правы. Им здесь известна эта бродяжка. – Он говорил возбужденным голосом, будто ему только что удалось расщепить атом.

– Они ее знали как Эль?

– Да, сэр. Другого имени они не знают. Но насчет второго пункта вы

были правы. Здесь со мной директор миссии. Хотите с ним поговорить?

– Как его зовут?

– Терри Мошер.

– Oui, s’il vous plaît[71]. Дайте мне месье Мошера.

После небольшой паузы в трубке раздался низкий властный голос:

– Bonjour, старший инспектор.

– Месье Мошер, я хочу, чтобы вы знали: это выходит за территорию нашей юрисдикции. Это убийство произошло в Монреале, но нас пригласили, чтобы навести кое-какие конфиденциальные справки.

– Я вас понимаю, старший инспектор. Отвечаю на ваш вопрос: Эль по большей части пробивалась сама. Большинство обитает здесь, поэтому я не очень хорошо ее знал. Да и никто из персонала ее не знал. Но я поспрашивал наших работников, и кто-то на кухне вспомнил, что на шее у нее был кулон, они говорят, какая-то серебряная старинная штука.

Гамаш закрыл глаза, молча молясь о том, чтобы услышать ответ на следующий вопрос.

– Никто не помнит, как он выглядел?

– Нет. Я спрашивал, и одна из поварих сообщила, что как-то раз что-то сказала об этом кулоне Эль, ну, просто чтобы разговор завязать, и Эль немедленно прикрыла его. Для нее эта штука вроде бы была важна, правда, для бродяг иногда важными оказываются самые странные вещи. У них появляются всякие навязчивые идеи, мании. Похоже, такой манией и был этот кулон для Эль.

– И больше ничего? Других у нее не было?

– Может, и было, но нам об этом неизвестно. Мы пытаемся уважать их личную жизнь.

– Пожалуй, я на этом закончу, месье Мошер. Вы, вероятно, человек занятой.

– Зима всегда напряженное время. Надеюсь, вы найдете того, кто ее убил. Обычно их убивает погода. Сегодня ночью мороз будет убийственный.

Оба повесили трубки, думая, что неплохо было бы познакомиться.

– Сэр… – Бовуар просунул голову в дверь. – Не могли бы вы посмотреть, что нашла агент Лакост?

– Через минуту.

Бовуар закрыл дверь, но перед этим окинул взглядом агента Николь, которая сидела на стуле, как статуя, в тусклой, плохо сидящей одежде, с прической, десять лет как вышедшей из моды, с невыразительным, серым лицом. Большинство женщин в Квебеке, особенно франкоязычных, были

стильными и даже элегантными. Те, кто помоложе, нередко носили вызывающую одежду. Даже в Квебекской полиции. Агент Лакост, например, была лишь немногим старше Николь, но как будто жила в другую эпоху. Лакост умела себя держать, всегда причесывалась с небрежной элегантностью, носила простую одежду не без претензий на яркость и индивидуальность. Разумеется, манеры и одежда Николь тоже были неповторимы. Серость того и другого выделяла ее из остальных.

Когда дверь закрылась, Гамаш тоже посмотрел на молодую женщину.

Она его раздражала. Один ее жалкий вид, это выражение «ах, какая я несчастная» вызывал в нем протест. Она умела манипулировать людьми, была злой и самоуверенной. Он знал это.

Но еще он знал, что может ошибаться.

Именно об этом он и думал, обходя раз за разом деревенский луг. Он ходил и ходил кругами, но всегда возвращался в одно и то же место.

Он может ошибаться.

– Я прошу прощения, – сказал Гамаш, глядя ей прямо в глаза.

Она с опаской смотрела на него, ожидая продолжения. «Я прошу прощения, но вы уволены. Я прошу прощения, но вы отправляетесь домой. Я прошу прощения, но вы глупая, вы неудачница, и я не хочу, чтобы вы на милю приближались к этому расследованию».

И она оказалась права. Продолжение последовало.

– Я вас не замечал, и это было ошибкой с моей стороны.

Николь продолжала ждать, глядя на него, глядя в эти темно-карие глаза, такие строгие и задумчивые. Он тоже смотрел на нее, аккуратно подстриженный и причесанный, небрежно сложив руки на груди. В комнате слабо пахло сандаловым деревом. Запах был такой легкий, что сначала она подумала, он ей грезится, но потом решила – нет. Все ее чувства были обострены, она ждала наказания. Следующее предложение с позором отправит ее в Монреаль. Опять на наркотики. В крохотный безупречный дом на восточной окраине Монреаля с небольшим огородом под слоем снега, к отцу, который так гордится ее успехами.

Как она скажет ему, что ее снова уволили? Это был ее последний шанс. Слишком много людей рассчитывали на нее. Не только отец, но и суперинтендант.

– Я дам вам еще один шанс, агент. Я хочу, чтобы вы разузнали для меня предысторию Ришара Лиона и его дочери Кри. Школа, деньги, семья, друзья. Мне нужна эта информация к завтрашнему утру.

Николь поднялась словно во сне. На лице старшего инспектора Гамаша играла улыбка, а в его глазах появилось тепло – впервые с ее

приезда сюда.

– Вы сказали, что переменились?

Николь кивнула:

– Я знаю, что в прошлый раз вела себя ужасно. Прошу прощения. В этот раз я буду стараться. Правда.

Он внимательно посмотрел на нее и кивнул. Потом протянул руку:

– Хорошо. Тогда давайте попробуем еще раз. Перезагрузка.

Она сунула свою маленькую руку в его ладонь.

Этот осел поверил ей.

Бовуар из помещения оперативного штаба видел это рукопожатие и отчаянно надеялся, что оно прощальное. Но сомнения у него оставались. Николь вышла из кабинета, и он поспешил туда.

– Вы этого не сделали.

– Не сделал чего, Жан Ги?

– Вы прекрасно знаете. Вы ведь не вернули ее в команду?

– У меня не было выбора. Приказ суперинтенданта Франкера.

– Вы могли бы и отказаться.

Гамаш улыбнулся:

– Выбирай свои сражения, Жан Ги. Здесь мне воевать не приходится. И потом, она, возможно, изменилась.

– Боже мой! Сколько еще раз вы будете пытаться играть этим мячом?

– Ты думаешь, я совершаю ту же ошибку?

– А вы так не думаете?

Гамаш посмотрел в окошко на Николь – та уже сидела за компьютером.

– Что ж, по крайней мере, я знаю, когда нужно угодничать перед начальством.

– Вы сейчас немного угодничаете перед ней, сэр. На самом деле вы ей не верите, да?

Гамаш вышел из крохотного кабинета и направился к агенту Изабель Лакост.

– Что у тебя?

– Я искала все утро и ничего не нашла о Сесилии де Пуатье или ее родителях. Ничего. Я прочитала ее книгу – кстати, довольно странная писанина, – думала, может там найдется зацепка. Вы говорили о Франции, и я отправила запрос во французскую полицию. Полчаса назад получила этот ответ.

Гамаш наклонился к компьютеру и прочел электронное письмо из

Парижа:

Не отвлекайте нас от дела всякой ерундой.

– Что за чертовщина, – удивился Гамаш. – А ты что им написала?

– Я написала вот это.

Она показала ему другое электронное письмо:

> Уважаемые, тупые недоумки, вы таскаете свои величественные задницы по великой парижской уголовной полиции, так глубоко засунув в них свои головы, что даже понятия не имеете о том, что такое настоящее расследование, и если вам вдруг повезет и попадется реальное дело, то вы с вашими тухлыми яйцами и не поймете этого. Мы здесь заняты расследованием настоящих преступлений, пока вы там мечтаете о том дне, когда у вас будет хотя бы половина нашего ай-кью, долбаные вы недоноски.
>
> Искренне ваша
>
> агент Изабель Лакост, Квебекская полиция.

– Да, это самый быстрый способ получить нужную тебе информацию, – улыбнулся Гамаш.

На Бовуара это произвело неизгладимое впечатление, и теперь он ждал новых фантазий.

– Я его не отправляла. – Лакост задумчиво посмотрела на письмо. – Я просто позвонила в отдел по расследованию убийств в Париже. Если они не ответят через несколько минут – позвоню еще раз. Я не понимаю их ответа. Вы когда-нибудь контактировали с ними, сэр?

– Случалось. Но такого ответа я никогда не получал.

Он снова прочел лаконичное послание из Парижа. В этом деле появился еще один аспект, в котором не было логики.

Почему они считают, что это ерунда?

Гамаш сел за свой стол и принялся перебирать ожидающие его стопки бумаг и посланий. Он натолкнулся на составленный Лемье список мусора, найденного в доме Си-Си де Пуатье. Проверка была рутинной и редко давала какие-то результаты, поскольку убийцы почти никогда не отличались такой глупостью – не выбрасывали улики в собственное мусорное ведро. Но Ришар Лион показался Гамашу если не глупым, то, по меньшей мере, туповатым.

Гамаш заварил себе кофе, сел и принялся читать:

Разная еда
Картонки с молоком и пиццей
Старый поломанный браслет
Две бутылки из-под дешевого вина
Газеты
Пустая коробка из-под фруктовых колечек
Видеокассета «Лев зимой»
Пластиковые контейнеры
Обертки от сладостей – шоколадки «Марс»
Подарочные обертки
Коробка из эскимосского магазина в Монреале

Да, эти люди явно не верили во вторичную переработку, подумал Гамаш. Он предположил, что видеокассета сломана, а в коробке из эскимосского магазина лежала обувь. Ничего такого, к чему можно было бы подключить обогреватель, не обнаружилось. Как не обнаружилось и пустого контейнера от незамерзайки.

Ну уж это было бы слишком.

Сол Петров расхаживал по гостиной снятого им шале. За окном начинал падать снег. Сказать ли полицейским о том, что ему говорила Си-Си? Она искала что-то в Трех Соснах – она этого не скрывала. Наверняка деньги. Нашла ли она то, что искала?

После разговора с полицейскими он посетил ее мужа – хотел попытаться почувствовать атмосферу, может, разнюхать что-нибудь. Ришар Лион встретил его холодно, даже неприветливо. Такая встреча удивила Петрова. Он и не думал, что этот человек способен постоять за себя. Лион всегда казался ему таким слабым, таким неловким. Но он ясно дал понять, что не желает видеть Сола.

У Лиона были причины не любить его, Сол знал это. А вскоре у него появится для этого еще больше оснований.

Сол Петров ходил из одного угла набитой вещами гостиной в другой, пиная попадавшиеся ему под ноги газеты, отбрасывая их к камину. Что он скажет полицейским? Что ему оставить для себя? Может быть, дождаться, когда проявят пленки? Полицейским он сказал правду. Он действительно отослал их в лабораторию. Но не все. Одну пленку он утаил. Пленку, которая, возможно, позволит ему заработать достаточно денег, чтобы

отойти от дел и, может быть, купить этот дом, подружиться с людьми из Трех Сосен. И найти наконец того фантастического художника, портфолио с работами которого Си-Си выбросила в мусорное ведро.

Сол улыбнулся сам себе. Си-Си, может, и не нашла свое сокровище в Трех Соснах, а он нашел. Он взял маленькую кассету с пленкой и посмотрел на нее, черную и жесткую в его руке. Он был человеком нравственным, хотя его нравственность была ситуативной, а данная ситуация была очень многообещающей.

– Vous avez dit «l'Aquitaine»? J'ai besoin de parler à quelqu'un là-bas? Mais pourquoi?[72]

Изабель Лакост с трудом сдерживала раздражение. Главным образом она злилась на себя. Чувствовала себя идиоткой. У нее нечасто возникало это чувство, но сейчас с ней разговаривал терпеливый и явно неглупый агент парижской полиции, и он рекомендовал ей позвонить в Аквитанию. А она даже не знала, что такое Аквитания.

– Что такое Аквитания? – пришлось спросить ей.

Не спросить было бы еще глупее.

– Это французская провинция, – ответил он с французским прононсом.

Но голос тем не менее был приятным, и человек, с которым она говорила, вовсе не пытался как-то унизить ее, просто хотел дать ей информацию.

– Но зачем мне туда звонить?

Это превращалось в какую-то игру.

– Из-за имен, которые вы мне называете, конечно. Элеонор де Пуатье. Элеонора Аквитанская. Вот номер местной жандармерии.

Он дал ей телефон и назвал фамилию полицейского. Тот тоже рассмеялся и сказал: нет, она не может поговорить с Элеонор де Пуатье, если только она не планирует умереть в следующую минуту.

– Что вы имеете в виду?

Ее уже стал утомлять этот смех на другом конце провода, стали утомлять одни и те же вопросы. Но она работала с Арманом Гамашем, который демонстрировал бесконечное терпение, и она понимала, что именно это от нее теперь и требуется.

– То, что она мертва, – сказал констебль.

– Мертва? Убита?

Снова смех.

– Если у вас есть что мне сказать, прошу вас, сделайте это.

Ладно, терпению она будет учиться завтра.

– Да вы подумайте сами. Элеонор де Пуатье. – Он произнес это очень медленно и громко, словно это могло помочь. – Мне нужно идти. Моя смена кончается в десять часов.

Он повесил трубку. Лакост машинально посмотрела на часы. Четверть пятого. В Квебеке. Значит, во Франции четверть одиннадцатого. Во всяком случае, этот человек ради нее задержался на работе.

Но каков результат?

Она оглянулась. Гамаш и Бовуар ушли. Агент Николь тоже.

Агент Лакост повернулась к компьютеру, вышла в Google и набрала «Элеонора Аквитанская».

Глава девятнадцатая

Стены медитационной комнаты отливали успокаивающей голубизной. На полу лежал приятный для глаза ковер сочного зеленого цвета. Потолок здесь был высокий, под ним неторопливо крутился вентилятор. В углах лежали подушки в ожидании пятых точек медитирующих, как предположил Гамаш.

Они с Бовуаром приехал в медитационный центр Матушки Беа в Сен-Реми. Старший инспектор повернулся и оглядел выходящее в темноту окно высотой во всю стену. В окне он видел только собственное отражение и Бовуара, стоящего за ним, словно он, Гамаш, вошел во врата ада.

– Ты ждешь, что на тебя набросится какой-нибудь дух?

– Никогда не знаешь, кто на тебя набросится.

– Мне казалось, что ты атеист.

– В Бога я не верю, но призраки вполне могут существовать. Вы чувствуете этот запах?

– Это благовония.

– Меня от него подташнивает.

Гамаш повернулся к задней стене. Под потолком каллиграфическим шрифтом было написано: «Клеймите беспокойство». Медитационный центр мадам Мейер назывался «Клеймите беспокойство». Странное совпадение: именно так Си-Си назвала свою книгу и свой бизнес.

«Клеймите беспокойство».

По иронии судьбы ни одна из этих женщин, насколько мог судить Гамаш, не была наделена даром спокойствия.

Под этими словами на стене было написано что-то еще. Солнце село, и комната была освещена не очень ярко. Гамаш не мог разглядеть написанное с того места, где стоял, а потому подошел поближе, но в этот момент появилась Матушка. Пурпурный кафтан надувался парусом у нее за спиной, волосы на голове торчали в разные стороны, как шипы у взбесившейся колючки.

– Здравствуйте, добро пожаловать. Вы пришли на пятичасовое занятие?

– Нет, мадам. – Гамаш улыбнулся. – Мы пришли к вам просить о помощи.

Матушка настороженно стояла перед ним. Она казалась женщиной, привыкшей к ловушкам или, по меньшей мере, к выдумыванию таковых.

– Вы женщина, наделенная даром предчувствия. Это сомнений не вызывает. Вы видите и чувствуете то, что недоступно другим. Надеюсь, что я не слишком бесцеремонен.

– Не думаю, что обладаю некой исключительной интуицией, – возразила она. – Если у меня и есть какая-то способность, то это умение работать над собой. Вероятно, потому, что мне это нужнее, чем другим.

Она улыбнулась Гамашу, игнорируя Бовуара.

– Просветленные никогда не рекламируют себя, – сказал Гамаш. – Мы хотели поговорить с вами приватным образом, мадам. Поговорить и получить вашу помощь. Нам нужны ваши прозрения касательно мадам де Пуатье.

– Я ее плохо знала.

– Но вам этого и не требовалось. Вы учитель, вы видите столько людей самых разных профессий. Вы, вероятно, знаете их лучше, чем они сами знают себя.

– Я стараюсь не судить других людей.

– Речь идет не о суждении, мадам, а о проницательности.

– Мне кажется, что Си-Си де Пуатье досталось в жизни.

Матушка провела их к скопищу подушек и пригласила сесть. Гамаш принял приглашение, и последняя треть его опускания была больше похожа на падение. Ему удалось удержаться и не упасть на спину. Бовуар решил не рисковать. И потом, было что-то нелепое и, возможно, оскорбительное в предложении офицерам из отдела по расследованию убийств сесть на подушки.

Матушка опустилась на алую подушку умело – в самый центр, словно десантник на парашюте. К счастью, высота была невелика.

– Это была потерянная душа. Если бы ее не убили и если бы ей хватило смирения обратиться ко мне, думаю, я бы сумела ей помочь.

У Бовуара было такое ощущение, будто его сейчас вырвет.

– Знаете, один раз она пришла сюда. Я была рада ее видеть. Думала, она пришла искать духовного наставничества. Но я ошибалась.

– Что же ей было нужно?

– Понятия не имею. – Вид у Матушки был неподдельно недоумевающий. Бовуар подумал, что это была ее первая искренняя реакция. – Я вошла – она тут стоит, поправляет фотографии, чтобы ровно висели. – Матушка показала на фотографии в рамочках на стене и на две маленькие вещицы, похожие на ковчежки. – Она все здесь перетрогала. Все было перемещено.

– Как?

– Выровнено. Когда класс заканчивается, ученики, как вы видите, просто закидывают подушки в углы. Мне нравится, когда они так делают. Подушки падают на место по выбору Господа. Не люблю быть слишком навязчивой.

Новая волна тошноты нахлынула на Бовуара.

– Но Си-Си, похоже, не могла войти в комнату и не потрогать, не выровнять все, что там есть. Очень неразвитая. Если вам необходимо делать такие вещи, в вас нет места для духа. Все подушки были аккуратно выровнены и сложены у стены, все фотографии выправлены, все идеально.

– Зачем же она сюда приходила? – спросил Гамаш.

– Я толком и не знаю. Увидев меня, она удивилась, словно я застала ее за каким-то непристойным занятием. Когда она ушла, я посмотрела, не пропало ли что-нибудь, – уж больно вид у нее был виноватый. Она старалась скрыть это своей агрессивностью. Очень типично.

– Типично для кого? – спросил Гамаш.

Этот вопрос озадачил Матушку, и Бовуар подумал, что она не привыкла к тому, чтобы ей задавали вопросы.

– Конечно, для несчастливых людей, – проговорила она несколько мгновений спустя. – У меня создалось впечатление, что она что-то искала, и я говорю не о просветлении. Думаю, она была настолько введена в заблуждение, что и в самом деле считала себя просветленной. Но менее просветленного человека трудно было найти.

– Очень проницательное наблюдение, – сказал Гамаш.

Матушка внимательно посмотрела на него – нет ли в этих словах сарказма.

– А почему вы решили, что она считает себя просветленной?

– Вы читали ее книгу? Она самодовольная эгоистка. У нее не было центра, не было истинных убеждений. Она хваталась за любую поверхностную философию. Немного отсюда, немного оттуда. Состряпала какую-то ухабистую и изрытую ямами, слякотную духовную дорогу. Она мне напомнила Франкенштейна. Наглоталась самых разных вер и убеждений и скомпилировала из них какой-то ли-бьен.

Судя по интонации, под этим словом подразумевалось «дерьмо».

– Она была неуравновешенная.

Матушка подняла руки и раскинула их словно для объятия, складки пурпурного кафтана ниспадали вниз, отчего она напоминала фигуру с картины эпохи Возрождения, написанной весьма средним художником.

– Расскажите мне про ли-бьен, – попросил Гамаш.

– Это связано с умением удерживать эмоции внутри себя. Она считала,

что эмоции лежат в корне всех наших проблем, а значит, лучше их не демонстрировать, а еще лучше и вообще не чувствовать.

– Ли-бьен – это такое же древнее учение, как дзен?

– Ли-бьен? Никогда о таком не слышала. Насколько я понимаю, она его сама сочинила.

Гамаш, который прочел книгу Си-Си де Пуатье, с интересом отметил, что Матушка, будучи в принципе точной, не упомянула кое-какие важные моменты. Например, не сказала про шар ли-бьен – основу учения Си-Си де Пуатье, переданного ей давно умершей матерью. Си-Си подробно писала об этом в своей книге, и Гамашу показалось, что это единственная часть истории, которая и в самом деле имеет для нее значение. Словно Си-Си и вправду получила этот шар в дар от матери и знала о его ценности, но не имела представления о том, для чего он нужен и как его использовать. Поэтому она сфабриковала вокруг него целую систему верований.

Она сделала шар ли-бьен неким священным предметом. И теперь его не удавалось обнаружить. Гамаш отправил агентов обыскать ее дом в квартале Нотр-Дам-де-Грас в Монреале. Они ничего там не нашли, кроме желания поскорее покинуть эту стерильную атмосферу. Агенты обыскали и старый дом Хадли, но и там ничего не нашли.

Конечно, не исключалось, что Гамаш ошибается и никакого шара ли-бьен вообще не существовало. Может быть, Матушка была права и шар этот Си-Си тоже выдумала?

– Там, по-моему, было еще что-то про свет, да? – спросил он.

Его интересовал ответ Матушки на этот вопрос.

– Да, но вокруг этого еще больше наверчено. Она, похоже, думала, что любой свет или белый цвет символизируют духовность, а красный и синий цвета – это зло. Она зашла так далеко, что каждому цвету приписала свою эмоцию. Красный – это гнев, голубой – депрессия, желтый – трусость или страх. Что-то в подобном роде. Я всего не помню, знаю только, что это было довольно нелепо. Трудно сказать, верила ли она сама в это, но она утверждала, что чем светлее и белее, тем для вас лучше.

– Она была расисткой?

Матушка задумалась. Гамашу показалось, что она стремится изобразить Си-Си в как можно более неприглядном виде, а обвинение в расизме отлично для этого подходило. Но, нужно отдать ей должное, ничего подобного Матушка не сказала.

– Я так не думаю. Она говорила о всяких внутренних вещах. Эмоциях, чувствах. Она считала, что если мы будем держать свои эмоции в себе, если они будут согласованны, то и мы будем уравновешенны.

– Что она имела в виду под согласованностью?

– Вы, наверно, помните занятия по естественным наукам? Вот в этом Си-Си была действительно очень умна. И очень опасна, на мой взгляд. Она брала что-нибудь, в чем имелась капелька правды или факта, а потом растягивала его до неузнаваемости. Нам известно, что белый цвет – это совокупность всех остальных. Все цвета в сочетании дают белый, тогда как черный – это отсутствие цвета. И вот, по учению Си-Си, если эмоции – это цвета и вы эмоциональны, то есть рассержены, печальны, завистливы, что угодно, то у вас доминирует один из цветов и вы пребываете в неуравновешенном состоянии. Суть состоит в том, чтобы получить белое. Тогда все цвета, все эмоции согласованны.

Для Бовуара все это было сплошное бла-бла-бла. Он давно уже перестал слушать, разглядывал индийский постер, висевший на стене, и пытался представить, что он стоит на пустой горе рядом с человеком в набедренной повязке. Что угодно было лучше этой болтовни.

– И она была права?

Матушку этот простой вопрос застал врасплох.

– Нет, она не была права. Ее верования были смешны и оскорбительны. Она советовала людям подавлять свои эмоции. Если кто-то попытается следовать рекомендациям ее книги, он кончит в сумасшедшем доме. Она была ненормальная.

Матушка глубоко вздохнула, пытаясь восстановить равновесие внутри себя.

– И все же, – приятным голосом продолжил Гамаш, – разве не этому же часто учат на медитации? Не отсутствию эмоций, не подавлению их, а удержанию внутри, недопущению их главенства? И разве чакры не являются одним из средств медитации?

– Да, вы правы, но с чакрами дело другое. Я сама обучаю методу медитации посредством чакр. Научилась этому у него. – Она показала на постер, в который вторгся Бовуар. – В Индии. Это метод достижения равновесия внутри и снаружи. Тело имеет семь центров. От вашего затылка до… мест, которые обычно не упоминаются. У каждого свой цвет, и, когда они согласованны, вы уравновешенны. Если вам интересно, приходите ко мне на занятия. Кстати, урок вот-вот должен начаться.

Она рывком поднялась с подушки и встала на ноги. Гамаш тоже поднялся, но не так изящно. Матушка направилась к двери, спеша выпроводить их. Гамаш остановился и присмотрелся к буквам на стене.

«Клеймите беспокойство и познайте, что Я Бог».

– Это прекрасно, – сказал он. – Что-то знакомое.

Кажется, Матушка помедлила, прежде чем ответить:
– Это из Исаии.
– Вы назвали ваш центр «Клеймите беспокойство». Взяли эти слова оттуда? – Он кивнул в сторону стены.
– Да. Меня немного смущает, что у меня на стене висит христианское изречение, но мы живем в обществе, где есть представители разных религий. Люди, приходящие сюда заниматься йогой и медитировать, исповедуют самые разные верования. Есть христиане, есть иудеи, есть буддисты, некоторые больше склоняются к индуистским учениям. Мы берем из каждой веры то, что для нас ценно. Мы здесь не догматики.
Гамаш обратил внимание, что из ее уст это звучало как благо, тогда как из уст Си-Си – как пародия.
– И хотя Исаия – ветхозаветный пророк, вы все же не сидите на крючке христианства. – Гамаш улыбнулся. – А почему вы выбрали именно эту цитату?
– Потому что это изречение близко к буддистскому представлению, согласно которому чем мы тише и спокойнее, тем мы ближе к Богу, – сказала Матушка. – Прекрасная мысль.
– Воистину прекрасная, – без малейшего лукавства согласился Гамаш. – Тишина и спокойствие. – Он отвернулся от надписи на стене и заглянул в глаза пожилой женщины. – И никакого волнения.
Матушка не промедлила ни секунды:
– И никакого волнения, старший инспектор.
– Merci, Madame.
Гамаш дотронулся до руки Бовуара, направляя его к двери. Бовуар даже куртку на себе не застегнул – выскочил на холодный вечерний воздух, словно нырнул в ледяной горный ручей. Он зашелся в кашле от холодного воздуха, попавшего в легкие, но ему было все равно. Он наконец-то возвращался в свое привычное состояние.
– Дай-ка мне ключи. – Гамаш протянул руку, и Бовуар без возражений отдал ему ключи. – Ты не заболел?
Бовуар уселся на пассажирское сиденье:
– Я здоров. Но это место, эта женщина…
Он повел усталой рукой вокруг головы. Тошнота все еще мучила его, и он надеялся, что удастся сдержать ее до возвращения в гостиницу. Но его ожидания не оправдались.
Пять минут спустя Гамаш придерживал голову Бовуара, согнувшегося у обочины дороги, а того рвало с кашлем пополам, и он проклинал эту женщину и ее приторное клаустрофобное спокойствие.

Глава двадцатая

– Со мной все будет в порядке, – пробормотал Бовуар, который выглядел страшнее смерти.

– В конечном счете – не сомневаюсь, – сказал Гамаш.

Он практически внес Бовуара в гостиницу, поднял по лестнице и занес в номер. Там он помог Бовуару раздеться, напустил воду в ванну, и наконец чистый и разгоряченный Бовуар улегся в большую удобную кровать с мягкими фланелевыми простынями и одеялом из гагачьего пуха. Гамаш взбил ему подушки, натянул одеяло по самый подбородок, чуть не спеленал его, как младенца. Поставил рядом с кроватью поднос с чаем и крекерами.

Ноги Бовуара покоились на грелке с горячей водой, завернутой в шарф, и тепло медленно распространялось от замерзших ног вверх по дрожащему телу. Бовуар в жизни не чувствовал такого недомогания и такого облегчения.

– Ну что, лучше стало?

Бовуар кивнул, стараясь не стучать зубами. Гамаш приложил к его лбу холодную большую ладонь, задержал на секунду, заглянул в лихорадочно блестевшие глаза.

– Принесу тебе еще одну грелку. Ты не против?

– Да, пожалуйста.

Бовуар чувствовал себя трехлетним ребенком, он болел и умоляюще заглядывал в сильные, уверенные глаза отца. Несколько минут спустя Гамаш вернулся еще с одной грелкой.

– Она меня сглазила, – сказал Бовуар, сворачиваясь калачиком вокруг грелки и нимало не печалясь, что становится похож на маленькую девочку.

– У тебя грипп.

– Эта Матушка сглазила меня – напустила на меня грипп. Ой, вы не думаете, что она меня отравила?

– Это грипп.

– Птичий?

– Человечий.

– Или атипичная пневмония. – Бовуар попытался подняться. – Я умираю от атипичной пневмонии?

– Это грипп, – сказал Гамаш. – Мне нужно уйти. Вот тебе сотовый, вот чашка чая. Здесь корзинка для мусора. – Он показал Бовуару оцинкованное ведерко, потом поставил его на пол рядом с кроватью. Его мать, когда он

болел маленьким, называла это «рыгательница», хотя оба знали, что отрыжка здесь ни при чем. – А теперь успокойся и усни.

– Когда вы вернетесь, я буду уже на том свете.

– Мне тебя будет не хватать.

Гамаш разгладил на Бовуаре помятое одеяло, снова потрогал его лоб и вышел на цыпочках. Бовуар уже спал.

– Как он? – спросил у Гамаша Габри, когда тот спустился по лестнице.

– Спит. Вы здесь еще побудете?

– Специально останусь.

Гамаш надел куртку и остановился на пороге:

– Холодает.

– Снег перестал. Я слышал, завтра ожидается до минус двадцати.

Они оба выглянули за дверь. Солнце давно уже село, и пруд с деревьями был освещен фонарями. Несколько человек выгуливали собак, кто-то катался на коньках. Из бистро лился гостеприимный свет, дверь то открывалась, то закрывалась – жители приходили на вечерний пунш.

– Должно быть, пять часов, – сказал Габри, кивая на деревенский луг. – Рут. Почти как живая.

Гамаш оставил тепло гостиницы и поспешил через луг. Он хотел было поговорить с Рут, но решил не делать этого. Что-то в этой женщине настораживало, остерегало от разговора походя. Да и вообще от любого разговора. Снег поскрипывал под его ногами – явный признак того, что температура падает. У Гамаша было такое ощущение, будто он идет через облако в тысячи крохотных иголок, вонзающихся ему в щеки. Глаза у него слезились. Он с сожалением прошел мимо бистро. А ведь он собирался каждый вечер сидеть в бистро, потягивать потихоньку выпивку, просматривать свои записи, разговаривать с местными жителями.

Бистро было его тайным оружием в выслеживании убийц. Не только в Трех Соснах, но и во всех городках и деревнях Квебека. Сначала он находил удобное кафе, бар или бистро, а потом уже – убийцу. Потому что Арман Гамаш знал что-то такое, о чем большинство его коллег и не догадывались. За каждым убийством стоят чисто человеческие мотивы. Как за убийцей и за убитым. Говорить об убийстве как о чем-то чудовищном, из ряда вон выходящем – значит давать убийце несправедливое преимущество. Нет. Убийцы – те же люди, и за каждым убийством стоят человеческие эмоции. Да, конечно, перекореженные. Извращенные и уродливые. Но эмоции. И настолько мощные, что заставляют человека совершить преступление.

Работа Гамаша состояла в том, чтобы собирать улики. А вместе с

уликами и эмоции. И единственный известный ему способ сбора последних состоял в общении с людьми. Наблюдать и слушать. Быть внимательным. А делать это лучше всего было на обманчиво непринужденный манер в обманчиво непринужденной обстановке.

Например, в бистро.

Проходя мимо бистро, Гамаш подумал, что убийца в этот холодный вечер, возможно, сидит там, попивает виски или горячий сидр. Греется у открытого огня в обществе друзей. Или же убийца где-то здесь – в темноте, на холоде? Чужак, ожесточенный, боящийся, надломленный.

Старший инспектор прошел по небольшому каменному мостику, наслаждаясь тишиной деревни. Тишине способствовал снег. Он лежал простым чистым пуховым одеялом, которое приглушало все звуки и не давало умереть от холода тому, что под ним. Фермеры и садовники в Квебеке зимой хотели много снега и непрерывных холодов. Ранняя оттепель была катастрофой. Она обманывала молодые уязвимые побеги, погибавшие с возвращением холодов. Мороз-убийца.

«И падет он так же, как и я», – процитировал про себя Гамаш, сам удивившись тому, что вспомнил эти строки. Прощание Вулси. Шекспир, «Генрих VIII». Почему именно эти строки вдруг пришли ему в голову?

> Но через день уже мороз нагрянет,
> И в час, когда уверен наш счастливец,
> Что наступил расцвет его величья,
> Мороз изгложет корни, и падет
> Он так же, как и я[73].

Неужели его ждет падение? Неужели его бдительность убаюкали верой в то, что он владеет ситуацией, что все идет по плану?

Дело Арно не закончилось, предупреждал его Мишель Бребёф. Неужели мороз-убийца уже в пути? Гамаш несколько раз похлопал по себе руками, чтобы согреться и обрести уверенность. Он удивленно фыркнул и покачал головой. Это было довольно унизительно. Мгновение назад он был заслуженным старшим инспектором Квебекской полиции Гамашем, главой отдела по расследованию убийств, ведущим дело об убийстве, а в следующее мгновение его фантазия уже гнала его по сельским дорогам.

Он остановился и снова оглядел почтенную деревню с ее кольцом старых почтенных домов, в которых обитают почтенные люди.

Даже Рут Зардо. Тот факт, что люди находили в своих сердцах место

для человека столь уязвленного, как Рут, было следствием тихой, спокойной атмосферы, царившей в этом месте.

А Си-Си де Пуатье? Смогли бы они найти место и для нее? Или для ее мужа и ребенка?

Он неохотно оторвал глаза от сияющего круга света, каким были Три Сосны, и перевел взгляд на темноту старого дома Хадли, расположившегося на холме, как некая ошибка, утвердившая себя. Он стоял вне круга на краю деревни. На отшибе.

Может быть, убийца находился там, в этом устрашающем, пугающем месте, которое порождало и излучало ненависть?

Гамаш остановился на трескучем морозе и задумался: зачем Си-Си нужно было порождать ненависть? Зачем она сеяла ее повсюду? Он пока не нашел ни одного человека, кого огорчила бы ее смерть. Насколько ему было известно, никто ничего не потерял с ее уходом. Даже ее семья. Может быть, в первую очередь ее семья. Он чуть наклонил голову, словно это помогало думать. Не помогло. Какая-то родившаяся было мысль исчезла. Что-то о сеянии ненависти.

Он развернулся и пошел к зданию старого вокзала, освещенному и зовущему почти как бистро.

Не успел он войти, впустив за собой струю холодного воздуха, как услышал голос Лакост:

– Шеф, рада вас видеть. А где инспектор?

– Заболел. Думает, что его прокляла Беатрис Мейер.

– Не она первая.

– Верно. – Гамаш рассмеялся. – Где агент Николь?

– Уехала. Сделала несколько звонков и исчезла несколько часов назад.

Она посмотрела на него – не отражается ли на его лице то, что он чувствует. Николь снова напортачила. Она словно задалась целью испортить свою карьеру и их расследование. Но Гамаш никак не прореагировал.

– Что у тебя?

– Гора сообщений. Звонила коронер. Она говорит, что увидится с вами в бистро Оливье в пять тридцать. Она живет где-то здесь неподалеку.

– В деревне Клегхорн-Холт чуть дальше по железнодорожной ветке. Ей это по пути домой. Есть у нее что-нибудь?

– Полные данные вскрытия. Хочет поговорить с вами об этом. Еще вам звонил агент Лемье из Монреаля. Он сказал, что послал вам что-то по Интернету. Из управления. И еще он просил вас перезвонить. Но прежде… – Она вернулась к своему столу, Гамаш последовал за ней. – Я

нашла Элеонор де Пуатье.

Лакост села за свой компьютер. На экране появилась картинка. Черно-белое изображение средневековой женщины в седле и с флагом в руке.

– Продолжай, – сказал Гамаш.

– Ну вот. Это она. Элеонор де Пуатье была Алиенорой Аквитанской. Это она. – Лакост показала на экран.

Гамаш взял стул и сел рядом с Лакост. Лоб у него наморщился, он всем телом подался вперед, к экрану. Смотрел, пытаясь понять, какой за этим кроется смысл.

– Расскажи мне, что тебе известно.

– Что мне известно или что я думаю? В обоих случаях не много. Си-Си де Пуатье называет своих родителей как Элеонор и Анри де Пуатье из Франции. В своей книге, – Лакост показала на экземпляр книги, лежащий на ее столе, – она описывает счастливое детство во Франции. Потом случилась какая-то финансовая катастрофа, и ее отправили в Канаду к дальней неназванной родне. Верно?

Гамаш кивнул.

– Вот ее мать – Элеонор, или Алиенора. – Лакост снова кивнула на средневековую даму в седле, затем кликнула мышкой, и картинка на экране изменилась. – А это отец Си-Си. – На экране появилось изображение сурового, мощного светловолосого человека в короне. – Генрих, или Анри, Плантагенет. Король Генрих Второй Английский.

– Не понимаю.

– Единственные Анри и Элеонор де Пуатье во Франции – это они.

Лакост опять показала на экран – теперь он разделился, и на нем появились сразу две картинки.

– Но это лишено всякого смысла, – сказал Гамаш, пытаясь переварить эту информацию.

– Вы никогда не были девочкой-подростком?

– Что ты имеешь в виду?

– Романтически настроенные девочки клюют на такое. Сильная и трагическая королева, благородный король. Крестовые походы. Элеонор де Пуатье была в Крестовом походе со своим первым мужем. Она созвала армию в триста женщин, и часть пути они проделали с обнаженной грудью. По крайней мере, так гласит история. Потом она развелась с Людовиком и вышла замуж за Генриха.

– И после этого зажила счастливо.

– Не совсем. Он заточил ее в тюрьму. Но прежде она родила ему четырех сыновей. Один из них был Ричард Львиное Сердце. Она была

удивительной.

Лакост смотрела на женщину в седле и представляла себя в ее армии. Представляла, как она с голой грудью скачет по Палестине следом за этой замечательной женщиной. Именно девочек-подростков так очаровывала Алиенора Аквитанская.

– Ричард Львиное Сердце? – переспросил Гамаш. – Но дочери по имени Си-Си у нее не было?

– Дочери, которая была бы дизайнером и жила в Трех Соснах? Нет. Король Генрих умер в тысяча сто восемьдесят девятом году. Алиенора – в тысяча двести четвертом. Так что либо Си-Си де Пуатье давно уже пора было находиться на том свете, либо она лгала. Неудивительно, что надо мной смеялась вся парижская полиция. К счастью, я им сказала, что меня зовут агент Николь.

Гамаш покачал головой:

– Значит, она их выдумала. Вернулась почти на тысячу лет назад, чтобы создать себе родителей. Почему? Почему она это сделала? И почему выбрала именно их?

Несколько секунд они просидели молча, размышляя.

– Так кто же были ее настоящие родители? – спросила наконец Лакост.

– Я думаю, этот вопрос может быть очень важным.

Гамаш направился к своему столу. Часы показывали двадцать минут шестого. Как раз успеет поговорить с Лемье перед встречей с доктором Харрис. Он загрузил полученные письма и набрал номер, оставленный Лемье.

– Агент Лемье, – раздался громкий ответ.

– Это Гамаш, – прокричал и он, не зная толком, почему кричит.

– Хорошо, что вы позвонили, шеф. Вы получили рисунок от художника из полиции? Он отправил его вам по электронке.

– Я как раз открываю письма. Что он сказал и почему ты кричишь?

– Я на автобусной станции. Автобус только что прибыл. Художник сказал, что Эль вроде бы держала что-то в руке во время смерти и оно врезалось ей в кожу.

– И это объясняет характер повреждений ее ладони?

– Именно. – Автобус, видимо, уехал или закрыл двери, потому что фоновый шум стих и Лемье заговорил нормальным голосом. – Я дал ему фотографии, сделанные во время вскрытия, и он набросал рисунок, как вы просили. Он не очень четкий – ну, вы это увидите.

Лемье говорил, а Гамаш просматривал полученные письма в поисках того, что прислал ему этот эксцентричный художник, работающий в самом

чреве управления. Он щелкнул по приложению и стал ждать, когда картинка загрузится по мучительно медленному модемному соединению.

Картинка понемногу появлялась.

– Я тут разговаривал с другими бродягами об Эль, – продолжал Лемье. – Они не очень разговорчивы, но большинство помнит ее. Когда она ушла, за ее место была настоящая драка. Словно она обитала в пентхаусе. Место как раз над решеткой вентилятора. Странно, что она его оставила.

– Да уж, действительно странно, – пробормотал Гамаш, глядя на картинку, неторопливо возникавшую на экране. Пока загрузилась только половина. – Ты хорошо поработал, Лемье. Возвращайся домой.

– Спасибо, сэр.

Гамаш улыбнулся. Он почти что видел ухмылку на лице Лемье.

Следующие пять минут Гамаш сидел, уставившись на экран в ожидании, когда картинка загрузится полностью. А та вовсе не спешила. Когда загрузка закончилась, Гамаш откинулся на спинку стула, сложил руки на животе и вперился взглядом в картинку.

Наконец он оторвался от нее и посмотрел на часы. Пять тридцать пять. Пора идти на встречу с коронером.

Глава двадцать первая

Доктор Шарон Харрис только что села и заказала дюбонне, и в это время появился Гамаш, рассыпаясь в извинениях и улыбках. Он тоже заказал дюбонне и сел. Столик стоял у окна, и через стекло они видели замерзший пруд и украшенное к Рождеству дерево. За спиной у Харрис потрескивал и плясал в камине огонь. Доктор Харрис рассеянно поигрывала ценником, привязанным к их столу. Потом посмотрела на него:

– Двести семьдесят долларов.

– Надеюсь, не за дюбонне. – Его рука со стаканом замерла на полпути ко рту.

– Нет, – рассмеялась доктор Харрис. – За стол.

– Santé.

Гамаш сделал глоток и улыбнулся. Он совсем забыл. Вся мебель в бистро была антикварная, купленная Оливье. И все здесь продавалось. Гамаш мог допить аперитив и купить хрустальный стакан. Стакан и в самом деле был неплох. Он приподнял его и посмотрел сквозь хрусталь, который отражал янтарное пламя из камина, многократно расщепляя его. Словно очень теплая радуга. «Или чакры», – подумал Гамаш.

– Вы все еще подумываете о переезде сюда? – спросил он, возвращаясь к реальности и увидев, что его собеседница задумчиво смотрит в окно.

– Если здесь что-то будет продаваться – да. Только здесь если что и появляется, то сразу уходит.

– Около года назад продавался старый дом Хадли.

– Нет, этот дом я бы не купила, хотя, должна признаться, видела его. Дешево. Почти задаром.

– Сколько за него просили?

– Точно не помню, но меньше ста тысяч.

– C’est incroyable[74], – сказал Гамаш, прихватив горсть орешков кешью.

Доктор Харрис оглядела бистро, заполнявшееся клиентами.

– Кажется, никого не беспокоит это убийство. Наша жертва была не очень популярной женщиной?

– Похоже, что так. Именно она и купила дом Хадли.

– Ага, – сказала доктор Харрис.

– Что «ага»? – спросил Гамаш.

– Любой, кто покупает этот дом, вероятно, имеет чрезвычайно высокий порог чувствительности. У меня даже его фотографии в Интернете вызывали неприятное ощущение.

– Чувства у людей разные, – с улыбкой откликнулся Гамаш.

– Верно, – согласилась она. – А вот вы бы его купили?

– Мне туда и заходить-то – мурашки по коже, – заговорщицки прошептал он. – Что у вас есть для меня?

Доктор Харрис наклонилась и вытащила из портфеля папку. Она положила папку на стол и взяла горсть орешков, потом откинулась на спинку стула и снова уставилась в окно, прихлебывая из стакана между солеными орешками.

Гамаш надел свои полукруглые очки для чтения и следующие десять минут читал отчет. Наконец он положил бумаги и задумчиво сделал глоток дюбонне.

– Избыток никотиновой кислоты, – произнес он.

– Да, – подтвердила доктор Харрис.

– Расскажите мне об этом.

– Если не считать избытка никотиновой кислоты, она была здоровой сорокавосьмилетней женщиной с небольшим избыточным весом. Она рожала. Менопауза еще не наступила. Все очень естественно и нормально. Ноги обожжены от удара током, на руках пузыри, повторяющие форму трубки, образующей спинку стула. Чуть выше на руке маленький порез, но он старый и почти затянувшийся. Все соответствует смерти от поражения током. Кроме одного – никотиновой кислоты.

Гамаш подался вперед, снял очки и тихонько постучал ими по папке:

– И что это такое?

– Витамин. Один из витаминов комплекса B. – Доктор Харрис подалась вперед, и теперь они сидели лицом к лицу. – Его прописывают при высоком холестерине, некоторые принимают его, думая, что он улучшает мозговую деятельность.

– А он может?

– Никаких научных данных на этот счет не имеется.

– Тогда почему люди так думают?

– Покраснение лица – вот что он вызывает. Видимо, кто-то решил, что это означает приток крови к мозгу, ну а дальше можно догадаться.

– Улучшение мозговой деятельности.

– Разве это не очевидно? – Она неприязненно покачала головой. – На это покупаются лишь люди с явно ухудшенной мозговой активностью. Обычная доза составляет пять миллиграмм. Этого достаточно, чтобы

немного поднять давление и повысить частоту сердцебиения. Как я уже сказала, доктора нередко выписывают никотиновую кислоту, но ее продают и без рецепта. Сомневаюсь, что тут можно перебрать. Эту кислоту даже добавляют в некоторые овсяные завтраки. Никотиновую кислоту и тиамин.

– Если обычная доза пять миллиграмм, то сколько приняла Си-Си?

– Двадцать.

– Ничего себе! Сколько же нужно съесть овсянки?

– «Геркулес» среди подозреваемых?

Гамаш рассмеялся, морщинки в уголках его глаз собрались в обычные складки.

– И что с ней сделали эти двадцать миллиграмм? – спросил он.

– Вызвали сильный приток крови. Классический прилив. Потливость, изменение цвета лица. – Доктор Харрис подумала немного. – Я не очень знакома с этой областью, так что посмотрела в фармацевтическом справочнике. Никотиновая кислота не представляет опасности для здоровья. Неприятные ощущения – да, но ничего опасного. Если кто-то рассчитывал ее этим убить, то сильно промахнулся.

– Нет, я не думаю, что промахнулся. Он таки убил ее. А никотиновая кислота была его сообщником. Си-Си де Пуатье была убита током, верно?

Доктор Харрис кивнула.

– И вы больше любого другого знаете, как это трудно.

Она снова кивнула.

– А особенно посреди зимы. Ей нужно было не только дотронуться до источника тока, но еще и стоять в луже в сапожках с металлическими шипами и…

Он не закончил фразу. Доктор Харрис на несколько секунд задумалась. Попыталась представить сцену, которая была перед его мысленным взором. Женщина стоит в луже у стула, протягивает…

– Руки. Она должна была снять перчатки. Вот как это случилось. А я решила, что вы просили уделить больше внимания крови, потому что подозревали отравление.

– Перчатки. Я и сам себя спрашивал, почему она сняла перчатки. Почему кто-то на таком морозе стал бы снимать перчатки.

– Ей было жарко, – сказала доктор Харрис.

Она любила свою работу, но завидовала способности Гамаша и Бовуара собирать воедино отдельные части пазла.

– Кто-то во время завтрака подсунул ей столько никотиновой кислоты, что у нее случился прилив. Сколько нужно времени, чтобы кислота начала действовать? – спросил Гамаш.

– Минут двадцать.

– Как раз в то время, когда она будет смотреть матч по кёрлингу. В какой-то момент ей стало жарко, она сняла перчатки и, возможно, шапочку. Завтра у нас будут фотографии, и мы увидим.

– Какие фотографии?

– Там был фотограф. Си-Си наняла его, чтобы он сделал ее рекламные фотографии среди простого народа. Его пленки завтра будут в лаборатории.

– Зачем ей это понадобилось?

– Она была дизайнером, этакой мелкой Мартой Стюарт[75]. Издала книгу. Думала издавать журнал. Для этого нужны были фотографии.

– Я и понятия не имела.

– Почти никто об этом не знал. Но она выдавала себя за успешного и энергичного предпринимателя. Как и у Марты, ее бизнес вышел за пределы рекомендаций, в какой цвет красить стены, – кстати, в белый, – и трансформировался в некую жизненную философию.

– Звучит отвратительно.

– Не могу ее понять, – признался Гамаш, вальяжно откидываясь на спинку стула. – То ли она совершенно потеряла связь с реальностью, то ли в ней было какое-то благородство. У нее была мечта, и она следовала ей. И плевать она хотела на все сомнения.

– Вы согласны с ее философией?

– Нет. Сегодня я говорил кое с кем, и этот человек отозвался о мадам де о Пуатье как о Франкенштейне. Я думаю, это довольно точное определение. Да что говорить, в этом деле аллюзии с Франкенштейном возникают постоянно. Кто-то тут говорил о жителях деревни, которые празднуют смерть чудовища, как во Франкенштейне.

– Чудовище звали не Франкенштейн, – напомнила ему доктор Харрис. – Доктор Франкенштейн создал это чудовище.

Слушая ее, Гамаш почувствовал, как что-то напряглось у него в груди. В этом что-то было. Что-то такое, к чему он приближался на протяжении всего расследования, но так и не мог подойти.

– И что теперь? – спросила она.

– Ваши соображения о никотиновой кислоте позволили нам сделать громадный шаг вперед. Спасибо. Теперь мы будем следовать в свете фар.

– Как-как?

– Я всегда представляю себе, что любое расследование – это вроде поездки отсюда до Гаспé. Огромное расстояние – конца не видно. Но это и не обязательно. Мне нужно только освещать перед собой дорогу и ехать в свете фар. Рано или поздно я доберусь до места.

– Как Диоген со своим огнем?[76]

– Только наоборот. Диоген искал единственного честного человека. А я ищу убийцу.

– Будьте осторожны. Убийца может увидеть приближающегося к нему человека с огнем.

– Еще один вопрос, доктор. Как ей могли дать никотиновую кислоту?

– Она водорастворимая, но довольно горькая. Кофе, наверно, может скрыть привкус. Апельсиновый сок.

– Чай?

– Тут вероятность меньше. Он недостаточно крепок.

Доктор Харрис собрала свои вещи и, вытащив ключи из кармана и направив их на окно, нажала кнопку. На улице ожила ее машина – загорелись фары и предположительно заработал обогреватель, прогоняя холод из салона. Из всех изобретений последних двадцати лет Гамаш считал лучшими автомобильные обогреватели сидений и автостартер. И зачем только Ришар Лион тратил свои изобретательские таланты на магнитных солдатиков?

Гамаш проводил ее до двери, но, когда она уже собиралась выходить, ему пришла в голову еще одна мысль.

– Что вам известно об Элеонор де Пуатье?

Доктор Харрис на секунду задумалась.

– Ничего. Кто она такая?

– А о короле Генрихе Втором?

– О короле Генрихе Втором? Вы что, всерьез спрашиваете меня о давно умершем правителе Англии? Мой любимец – Этельред Неразумный[77]. Про него могу рассказать.

– Ну у вас и репертуар. От Этельреда до Геркулеса.

– Католическое образование. Извините, что не смогла быть полезной.

– Никотиновая кислота. – Он показал на папку, лежащую на столе. – Вы спасли положение.

Ей было до смешного приятно услышать это.

– Вообще-то, – сказал Гамаш, помогая ей надеть куртку, – есть и еще кое-кто. Алиенора Аквитанская.

– Ну, это просто. «Лев зимой».

– Милый, ты не откроешь дверь? Я у себя в мастерской, – крикнула Клара.

Ответа не последовало.

– Ладно, я сама, – крикнула она после второго стука. – Открою. Не беспокойся. Нет, правда. Я не возражаю.

Она была абсолютно уверена, что он где-то там – нашел какую-то игру на телефоне и играет.

В дверь стучали редко. Большинство их знакомых просто входили в дом. Большинство брали из холодильника то, что им приглянется. Иногда Питер и Клара возвращались домой и обнаруживали, что у них на диване спит Рут. На подушечке перед ней стоял стаканчик виски и лежал номер «Таймс литерари ревью». Один раз они нашли у себя в ванной Габри. Очевидно, в гостинице кончилась горячая вода, и Габри придумал выход из положения.

Клара распахнула дверь, готовая к порыву холодного воздуха в лицо, и не очень удивилась, увидев старшего инспектора Гамаша, хотя какая-то ее часть все еще надеялась, что это старший куратор Музея современного искусства, который приехал посмотреть ее работы.

– Входите.

Она отошла в сторону и быстро закрыла дверь за Гамашем.

– Я не задержу вас долго. – Он слегка поклонился ей, и она поклонилась в ответ, думая, что, наверное, стоило бы сделать маленький реверанс. – У вас есть видеоплеер?

Вот этого вопроса она никак не ожидала.

Гамаш расстегнул куртку и вытащил кассету, которую держал под курткой у тела, чтобы не замерзла.

Клара посмотрела на кассету:

– «Лев зимой»?

– Précisément[78]. Мне бы хотелось как можно скорее посмотреть ее.

Он был совершенно спокоен и расслаблен, но Клара знала его достаточно хорошо и понимала, что это не какая-то случайная просьба или приятный способ провести тихий зимний вечер в деревне.

– Да, у нас есть плеер. Правда, Рут и Мирна придут на обед.

– Не хочу вам мешать.

– Вы нам никогда не мешаете. – Она взяла его под руку и повела в теплую, уютную кухню. – Место еще для одного человека всегда найдется, но я хочу быть уверена, что вас устроит эта компания. Питер приготовил наше фирменное семейное блюдо из остатков индейки и овощей. Вид ужасный, но вкус божественный.

Вскоре из своей мастерской появился Питер, пришли и остальные. Мирна одарила всех своими щедрыми объятиями, а Рут направилась к бару.

– Слава богу, – сказала Рут, услышав, что Гамаш хочет смотреть

видео. – Я уж думала, мне придется еще один вечер провести в разговорах.

Клара приготовила корзиночку с едой для Ришара и Кри, а Мирна вызвалась доставить ее по назначению.

– Может, вас подвезти? – предложил Гамаш.

– Тут недалеко. И потом, если я пойду пешком, то у меня появятся основания попросить добавку.

Мирна улыбнулась, наворачивая на шею громадный яркий шарф. Наконец она стала похожа на члена африканского племени во время заморозков.

– Не могли бы вы посмотреть, как там Кри? – спросил Гамаш, понизив голос. – Я за нее беспокоюсь.

– Что у вас на уме? – спросила Мирна; на ее обычно веселом лице появилось испытующее, серьезное выражение. – Вполне естественно, что ребенок, переживший смерть матери, некоторое время ведет себя необычно.

– Это верно. Но там есть кое-что еще. Не могли бы вы взглянуть?

Она согласилась и через минуту вышла.

Агент Иветт Николь вплотную подъехала к машине, идущей впереди по самой быстрой полосе. Она направлялась из Монреаля в Восточные кантоны. Бампер ее машины от передней отделяли считаные дюймы. Водитель заметит это в любую секунду.

Вот оно, это мгновение. Ни с чем не сравнимое. Ударит ли он по тормозам? Даже легкое нажатие на педаль – и две их машины кубарем покатятся по дороге со скоростью сто сорок километров в час. А через несколько секунд превратятся в огненные шары. Николь крепче ухватилась за рулевое колесо, ее глаза сосредоточились, налились злостью. Как он смеет задерживать ее? Как он смеет ехать по ее полосе? Как он смеет не пропускать ее? Неспешный глупец. Она ему покажет. Она покажет любому, кто встанет у нее на пути. Злость делала ее непобедимой. Но тут было и еще кое-что.

Ликование.

Она напугает этого водителя так, что он на всю жизнь запомнит.

– Я прочел вашу книгу, – сказал Гамаш, когда они с Рут сели перед веселым огоньком.

Питер возился на кухне, а Клара искала в книжном шкафу, что бы такое почитать.

Судя по виду Рут, она бы предпочла гореть на медленном огне, чем

выслушивать комплименты. Она решила игнорировать его слова и сделала большой глоток виски.

– Но у моей жены есть вопрос.

– У вас есть жена? Неужели кто-то согласился выйти за вас замуж?

– Она согласилась. И при этом была лишь немного пьяна. Она хочет узнать, что в названии вашей книги означает ОТЛИЧНО.

– Меня не удивляет, что ваша жена не знает, что это такое. Она, вероятно, не знает и что такое счастье или здравомыслие.

– Она библиотекарь, и она сказала, что из опыта ее работы ей известно: если кто-то использует прописные буквы, то вкладывает в них определенный смысл. Ваш сборник называется «У меня все ОТЛИЧНО».

– У вашей жены мозги на месте. Она первая это заметила. Или, по крайней мере, первая задала этот вопрос. ОТЛИЧНО – это аббревиатура для Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно. У меня все ОТЛИЧНО.

– Безусловно, – согласился Гамаш.

Агент Робер Лемье съехал на более медленную полосу, пропуская севшего ему на хвост маньяка, мчавшегося со скоростью сто сорок километров в час. Если бы у него было настроение, он бы поставил на крышу проблесковый маячок и погнался бы за этим психом, но у него на уме было другое.

Он не сомневался, что хорошо поработал в Монреале. Убедил художника из полиции сделать рисунок. Побывал на автобусной станции и в миссии «Олд бруэри». Он продвинул дело Эль, а Гамаш, кажется, хочет вести это дело приватным образом.

Лемье сделал пометку на этот счет у себя в блокноте.

Агент Лемье добился того, чего хотел, и того, что ему было нужно. Он был уверен, что старший инспектор Гамаш доверяет ему. И это было главное. От доверия Гамаша зависело многое.

– Единственный человек, который вертелся там во время матча по кёрлингу, насколько я помню, был тот самый фотограф, – сказала Мирна несколько минут спустя.

Как только она вернулась, Питер и Клара выставили обед, чтобы гости сами себе накладывали. Гамаш на секундочку отвел Мирну в сторону, и она сказала ему: да, с Кри что-то не так. Они условились встретиться и поговорить на следующий день.

Они ели с сервировочных столиков в гостиной. Клара была права. Блюдо по виду напоминало то, что остается на дне раковины после мытья посуды по окончании рождественского обеда, когда высыхает вода. Но вкус

был замечательный. Картофельное пюре, жареная индейка, подливка и горошек – и все это перемешано в горшочке, над которым поднимается парок. На кофейном столике стояли свежий хлеб и зеленый салат в мисках, и между всем этим, словно голодная акула, металась Люси.

– Да, фотограф возникал повсюду, – сказала Клара, намазывая масло на ломоть хлеба. – Но снимал он только Си-Си.

– Ему за это заплатили. А где были все вы? – спросил Гамаш.

Он пригубил красного вина, слушая, что говорят остальные.

– На трибуне, рядом с Оливье, – сказала Рут.

– Я сидела между Мирной и Габри, – сообщила Клара. – А Питер играл в кёрлинг на площадке.

– Ришар Лион был рядом со мной, – сказала Мирна.

– Он все время был там? – спросил Гамаш.

– Все время. Я бы заметила, если бы он ушел. Телесное тепло чувствуешь. Но как насчет Кей Томпсон? – Мирна обвела взглядом присутствующих. – Она ведь сидела рядом с Си-Си. Должна была что-то видеть.

Все закивали и в ожидании ответа посмотрели на Гамаша. Но он отрицательно покачал головой:

– Я разговаривал с ней сегодня. Она уверяет, что ничего не видела. Поняла, что что-то не так, только когда Си-Си закричала.

– Я этого не слышала, – сказала Рут.

– Никто не слышал, – кивнул Гамаш. – Матушка в этот момент очищала дом, и все громко кричали.

– Да-да, – подтвердил Питер. – Ее все подбадривали.

– А Кри? – спросил Гамаш. – Ее кто-нибудь видел?

Недоуменные взгляды были ему ответом.

Гамаш снова с горечью подумал о том, как это грустно для Кри. Она прятала все свои чувства, всю свою боль. Несла такой груз и в то же время оставалась невидимой. Никто ее не замечал. Он знал: худшее из всех возможных состояний – это когда тебя не замечают.

– У вас есть Библия? – спросил Гамаш у Клары. – Меня интересует Старый Завет на английском.

Они подошли к книжному шкафу, и спустя минуту-другую Клара нашла Библию.

– Что, если я отдам вам ее завтра?

– Можете отдать на следующий год. Уже не помню, когда я в последний раз читала Старый Завет, – сказала Клара.

– В последний раз? – переспросил Питер.

– Или в первый, – со смехом призналась Клара.

– Хотите теперь посмотреть фильм? – поинтересовался Питер.

– Очень, – ответил Гамаш.

Питер протянул было руку, чтобы взять кассету со стола в гостиной, но Гамаш остановил его:

– Если позволите, я сам.

Он достал носовой платок и с его помощью вытащил кассету из коробки. Все обратили на это внимание, но никто не задал никаких вопросов, а Гамаш не стал говорить, что эта кассета была найдена в мусорном ведре убитой женщины.

– Это о чем?

– Об Алиеноре Аквитанской и ее муже короле Генрихе Втором, – сказала Рут.

Гамаш удивленно посмотрел на нее.

– Что? Это великолепный фильм. Кэтрин Хепберн и Питер О'Тул в главных ролях. Действие происходит на Рождество, если я не ошибаюсь. Странно, правда? У нас сейчас тоже Рождество.

«В этом деле много странных совпадений», – подумал Гамаш.

Пошли титры, проревел лев «Метро-Голдвин-Мейер», мощная готическая музыка заполнила их уютную маленькую гостиную, на экране промелькнули причудливые изображения ухмыляющихся горгулий. Фильм с самого начала нагнетал мощь и разложение.

И страх.

«Лев зимой» начался.

Машина агента Николь юзом срезала угол, съезжая на дорогу к Трем Соснам – она чуть не проскочила мимо этого съезда. Гамаш не предложил ей остаться с ними в гостинице, но она решила, что все равно останется, даже если ей придется платить за это из собственных денег. После короткого разговора в Монреале с директрисой снобистской частной школы, где училась Кри, агент Николь отправилась домой собрать чемодан и наскоро перекусить с родней, собравшейся в их крохотном аккуратном домике.

Ее отец всегда нервничал в таких случаях и предупреждал дочь, чтобы она никому не рассказывала о том, что было с их семьей до отъезда из Чехословакии. Николь, выросшая в безукоризненном маленьком доме в восточной части Монреаля, видела бесконечный парад дальних родственников и друзей друзей, которые останавливались у них на какое-то время, хотя это скорее был не парад, а похоронный кортеж. Они входили в

дверь, одетые в черное, с каменными мрачными лицами, произносили непонятные ей слова и привлекали к себе все внимание, какое можно было привлечь. Они требовали, кричали, стенали и жаловались. Они приезжали из Польши, Литвы и Венгрии, и юная Иветт, слушая их, уверилась, что у каждого человека свой язык. Она часто отиралась у дверей крохотной, переполненной, погруженной в хаос гостиной, которая прежде была такой уютной и спокойной, и пыталась понять, о чем они говорят. Поначалу незнакомцы говорили с ней ласково, потом, видя, что она не реагирует, начинали говорить громче и заканчивали тем, что принимались орать на неком универсальном языке, который говорил, что она ленива, глупа и неуважительна. Ее мать, прежде такая мягкая и добрая, тоже стала раздражительной и кричала на нее. На языке, непонятном Николь. Маленькая Иветт Николев стала иностранкой. Она всю свою жизнь стояла в стороне. Ей хотелось быть одной из них, но она знала, что ничего из этого не получится, ведь даже ее мать брала сторону других.

Вот тогда-то она и начала беспокоиться. Если ее дом столь шумен и набит битком, то что же ее ждет в большом мире? Что, если ее никто не поймет? Что, если что-то случится, а она не сможет действовать так, как ей говорят? Что, если ей понадобится что-то? Дадут ли ей это? И потому Иветт Николь научилась брать.

– Значит, ты вернулась к Гамашу, – сказал отец.

– Да, сэр.

Она улыбнулась ему. Он единственный стоял на ее стороне, когда она была ребенком. Он ловил ее взгляд, отводил ее в сторону, давал ириску, завернутую в трескучий целлофан. Он говорил ей, чтобы она спряталась где-нибудь и там – в стороне от любопытных и жадных глаз – развернула конфетку. Их тайна. Отец научил ее ценить необходимость тайн.

– Ты никогда не должна рассказывать ему про Чехословакию. Обещай мне, что не станешь это делать. Он не поймет. Они там в полиции любят только чистокровных квебекцев. А узнают, что ты чешка, – выкинут тебя, и делу конец. Как дядюшку Сола.

От одного лишь сравнения ее с этим глупым дядюшкой Солом у нее тошнота подступила к горлу. Глупого дядюшку Сола Николева выгнали из чешской полиции, и он не смог защитить семью. А потому все они погибли. Кроме ее отца, Ари Николева, ее матери и разъединенных и обиженных родственников, которые использовали их дом как отхожее место, марая своим дерьмом молодую семью.

Ари Николев в маленькой аккуратной спальне смотрел, как его дочь собирает чемодан, укладывая в него самую серую и тусклую одежду из

своего шкафа. По предложению отца.

– Я знаю мужчин, – сказал он, когда она попыталась возразить.

– Но в этой одежде я не буду выглядеть привлекательной для мужчин. – Она ткнула пальцем в стопку одежды. – Мне казалось, ты говорил, что я должна понравиться Гамашу.

– Не сейчас. Поверь мне, ты ему еще понравишься в этой одежде.

Она отвернулась, чтобы взять косметичку, а он сунул ей две ириски в чемодан, где она найдет их вечером. И вспомнит о нем. А если повезет, то она так никогда и не узнает, что у него есть своя маленькая тайна.

Никакого дядюшки Сола не было. Никаких родственников, убитых руками коммунистов, тоже не было. Как не было и благородного геройского побега через границу. Он выдумал все это много лет назад, чтобы заткнуть рты родственникам жены, обосновавшимся в их доме. Эта ложь из слов была его спасательной лодкой, помогала ему держаться на плаву в море несчастий и страданий. Настоящих страданий. Даже он признавал это. Но ему требовалась собственная героическая история выживания.

И поэтому, внеся свою лепту в рождение маленькой Анжелины, а потом Иветт, он родил дядюшку Сола, в чью задачу входило спасение семейства. Но дядюшка Сол не выполнил свою миссию. Трагическое его падение – утрата доверия со стороны властей – стоило Ари жизни всей его вымышленной семьи.

Он знал, что должен бы все рассказать Иветт. Знал, что эта выдумка, начавшаяся как его спасательный плот, стала якорем для его маленькой дочери. Но Иветт боготворила его, а Ари Николев так любил видеть это выражение в ее серых глазах.

– Я буду звонить тебе каждый день, – сказал он, поднимая с кровати ее легкий чемодан. – Мы должны держаться друг за друга. – Он улыбнулся и наклонил голову в ту сторону, откуда без конца доносились крики окопавшихся в гостиной родственников, орущих друг на друга. – Я горжусь тобой, Иветт, и я знаю, ты добьешься успеха. Иначе и быть не может.

– Да, сэр.

Ни один из этих долбаных родственников и головы не поднял, когда она уходила. Отец донес ее чемодан до машины, положил его в багажник.

– Если случится столкновение, ты не получишь чемоданом по голове.

Он обнял ее и прошептал в ухо:

– Удачи тебе.

И вот уже она в Трех Соснах. На вершине дю-Мулен она сбросила скорость – машину чуть занесло на скользкой дороге. Внизу сияла деревня,

огни на высоких деревьях проливали красный, зеленый и синий цвет на белый снег и лед, которые становились похожи на гигантское витражное стекло. Агент Николь видела людей, движущихся перед окнами магазинов и частных домов.

Какое-то чувство всколыхнулось в ее груди. Тревога? Может быть, протест против того, что она покинула собственный теплый дом и приехала сюда? Нет. Она немного посидела в машине, и ее плечи постепенно поникли, а дыхание стало спокойным, ровным. Она попыталась распознать это странное чувство. Потом, нахмурившись, уставилась через лобовое стекло на веселую маленькую деревню и вдруг поняла, что это за чувство.

Облегчение. Не то же ли самое чувствует человек, сбрасывая груз с плеч, освобождаясь от тревоги?

Зазвонил ее сотовый. Она помедлила, зная, кто звонит, и не желая отпускать свою последнюю мысль.

– Oui, bonjour. Да, сэр, я в Трех Соснах. Я буду вежлива. Я завоюю его доверие. Я знаю, как это важно. Все будет в порядке, – сказала она в ответ на его предупреждение.

Она отключилась и сняла ногу с тормоза. Машина заскользила в деревню и остановилась перед гостиницей.

Алиенора и Генрих не щадили друг друга. Их сыновья шли вразнос, грызлись между собой и с родителями. Каждый персонаж взрывался, осыпая других осколками. Все было губительно и блестяще. К концу Гамаш посмотрел на свою тарелку и с удивлением обнаружил, что она пуста. Он не помнил, как ел. Он не помнил, как дышал.

Но одно он знал. Будь у него выбор, он бы ни за что не выбрал своими родителями Алиенору и Генриха. Гамаш сидел, глядя на заключительные титры, и спрашивал себя, что же он упустил, – а он был уверен, что что-то упустил. У Си-Си были свои причины держать при себе эту кассету, взять себе имя де Пуатье и, вероятно, были причины, чтобы выкинуть в мусорное ведро хорошую кассету. Эта кассета была найдена среди мусора. Почему?

– Может быть, она купила дивиди, – сказала Клара, когда он попросил их высказывать предположения. – Мы постепенно переносим нашу коллекцию на дивиди. Все любимые фильмы Питера запилены, потому что он снова и снова смотрит любимые эпизоды.

– Всем привет, – раздался из кухни веселый голос Габри. – Я слышал, тут у вас вечер кино. Я не опоздал?

– Фильм уже закончился, – сказал Питер. – Извини, сынок.

– Раньше никак не мог вырваться. Пришлось ухаживать за больным.

– Как там инспектор Бовуар? – спросил Гамаш, выходя в кухню.

– Все еще спит. У него грипп, – объяснил остальным Габри. – Меня не трясет? Надеюсь, я не заразился.

Он подставил лоб Питеру, но тот проигнорировал его.

– Даже если ты и подхватил заразу, нам ничто не грозит, – сказала Рут. – Вероятность того, что болезнь передастся от Габри к человеку, очень мала.

– Сука.

– Шлюха.

– Так он теперь без присмотра? – спросил Гамаш, раздумывая, не стоит ли ему вернуться в гостиницу.

– Эта ваша агент Николь приехала и зарезервировала себе номер. Даже заплатила за себя – вытащила из кармана такой маленький ролик из скрученных купюр. В общем, она сказала, что присмотрит за ним.

Гамаш понадеялся, что Бовуар не придет в сознание.

Бовуара посетил кошмар. В своем бреду он видел себя в постели с агентом Николь. И тошнота снова стала одолевать его.

– Вот сюда, – донесся до него довольно приятный женский голос.

Корзинка для мусора каким-то образом поднялась и оказалась у самого его рта. В желудке у него ничего не осталось, а потому дело закончилось одним лишь рвотным позывом.

Он снова упал на влажные простыни и испытал какое-то странное чувство: будто ему отерли лицо и рот, а на лоб положили холодную тряпицу.

Жан Ги Бовуар провалился в глубокий сон.

– Я купил десерт. – Габри показал на коробку на столе. – Шоколадный торт.

– Знаешь, у меня такое чувство, что ты начинаешь мне нравиться, – проворчала Рут.

– Вот что значит быть геем. – Он улыбнулся и принялся доставать торт.

– Я приготовлю кофе, – сказала Мирна.

Гамаш очистил тарелки и напустил горячую воду в раковину, чтобы их вымыть. Отмывая тарелки и передавая их Кларе, стоящей с полотенцем в руках, он поглядывал в хваченное инеем окно на огни Трех Сосен и размышлял о фильме. «Лев зимой». Он вспоминал персонажей, сюжет,

безжалостную ругань между Алиенорой и Генрихом. Этот фильм рассказывал об искореженных, вывернутых, растраченных впустую любви и власти.

Но почему он был так важен для Си-Си? И был ли он важен для расследования?

– Кофе будет готов через две минуты, – сказала Клара, вешая сырое полотенце на спинку стула.

Комната уже наполнилась запахом свежесваренного кофе и сочного шоколада.

– Вы не покажете мне вашу мастерскую? – обратился Гамаш к Кларе, надеясь, что сумеет пройти на достаточном расстоянии от стола и не поддастся искушению ткнуть в торт пальцем. – Я ведь так и не видел ваших картин.

Они прошли по кухне к широко распахнутой двери в мастерскую Клары. Соседняя дверь в мастерскую Питера была закрыта.

– Чтобы муза не убежала, – объяснила Клара, и Гамаш кивнул с умным видом.

Он прошел в самый центр большой захламленной мастерской Клары и остановился.

В мастерской повсюду лежал брезент, в воздухе витал успокаивающий запах разнообразных красок и полотен. В одном углу стояло старинное потертое кресло, а стопка художественных журналов служила подставкой для грязной кофейной кружки. Гамаш неторопливо повернулся и остановился у одной из стен, на которой висели три изображения.

Он подошел ближе.

– Это Кей Томпсон, – сказал он.

– Молодец. – Клара встала рядом с ним. – А это Матушка. – Она показала на следующую работу. – Эмили я продала некоторое время назад доктору Харрис, но посмотрите сюда. – Она показала на торцевую стену, на которой висело громадное полотно. – Все три вместе.

Гамаш остановился перед картиной, изображавшей трех пожилых женщин, обнимающих друг друга сплетенными руками. Полотно было очень сложным, со слоями фотографий, картин и даже надписями. Эм, женщина посредине, резко откинулась назад и смеялась от всего сердца, а две другие поддерживали ее и тоже смеялись. Картина кричала о душевной близости, запечатленной в этом приватном мгновении из жизни трех женщин. Картина говорила об их дружбе, об их зависимости друг от дружки. Она воспевала любовь и заботу, выходящие за пределы приятных ланчей и подарков на день рождения. Гамаш чувствовал себя так, будто

заглянул в душу каждой из них, и вынести все, что было там у всех троих, было почти невозможно.

– Я называю эту картину «Три грации», – сказала Клара.

– Идеально, – прошептал Гамаш.

– Матушка – это Вера, Эм – Надежда, а Кей – Любовь. Мне надоело видеть граций всегда молодыми и прекрасными. Я думаю, что мудрость приходит с возрастом, опытом и болью. И пониманием того, что важно.

– Она уже закончена? Такое ощущение, что есть место еще для одной фигуры.

– Какой у вас внимательный глаз. Она закончена, но в каждой моей работе я пытаюсь оставлять небольшое свободное пространство, что-то вроде трещины.

– Для чего?

– Вы видите, что написано на стене за ними? – Она кивнула в сторону картины.

Гамаш подался вперед, надевая очки, и прочитал вслух:

Звони в колокола, что еще не мертвы,
Забудь свою идеальную жертву.
Нет таких мест, где трещины нет,
Через нее и проникает свет[79].

– Прекрасно. Мадам Зардо? – спросил он.

– Нет. Леонард Коэн. Во всех моих работах присутствуют те или иные сосуды. Контейнеры. Иногда это выражается в отрицательном пространстве. Иногда как-то более очевидно. В «Трех грациях» это более очевидно.

Гамашу это было не очевидно. Он отступил от картины и тут увидел, о чем она говорит. Сосуд, подобие вазы, был образован их фигурами, а пространство, на которое он обратил внимание, было трещиной, чтобы пропускать свет.

– Я делаю это для Питера, – тихо сказала она. Сначала Гамашу показалось, что он ослышался, но она продолжала так, словно говорила с самой собой. – Он как собака. Как Люси. Очень преданный. Вкладывает все, что у него есть, в одну вещь. Один интерес, одно хобби, один друг, одна любовь. Я его любовь, и у меня от страха волосы дыбом встают. – Она повернулась и посмотрела в задумчивые карие глаза Гамаша. – Он затопил меня своей любовью. Я его сосуд. Но что, если я тресну? Что, если я

сломаюсь? Что, если я умру? Что он будет делать?

– Значит, все ваше искусство исследует эту тему?

– Главным образом оно о несовершенстве и скоротечности. Трещина есть во всем.

– И через нее проникает свет, – сказал Гамаш.

Он подумал о Си-Си, которая столько написала о свете, просветленности и освещении. Она считала, что источник света – совершенство. Но она не шла ни в какое сравнение с этой светлой женщиной, рядом с которой он сейчас стоял.

– Питер не понимает этого. И вероятно, никогда не поймет.

– А вы никогда не писали Рут?

– Почему вы спрашиваете?

– Откровенно говоря, если в ком и есть трещина, то… – Он рассмеялся, и Клара присоединилась к нему.

– Нет, ее я не писала. И знаете почему? Боюсь. Я боюсь, что она может стать моим шедевром, и я боюсь даже пробовать.

– Боитесь, что не получится?

– В самую точку. Есть в ней что-то пугающее – в Рут. Не думаю, что мне хочется так глубоко заглядывать в эту душу.

– И все же вы это сделаете, – сказал он, и она поверила ему.

Гамаш молча смотрел на нее своими мирными, спокойными темно-карими глазами. И Клара вообразила себе все те ужасы, что он видел этими глазами. Убитых и искалеченных женщин, детей, мужей, жен. Он каждый день видел насильственную смерть. Она посмотрела на его руки, большие и выразительные, и представила, что ему приходится делать этими руками. Прикасаться к телам мертвецов, умерших не своей смертью. Сражаться за свою жизнь и жизнь других людей. И – возможно, худшее из всего – стучать в дверь тех, кто потерял близкого человека. Чтобы войти и сообщить страшное известие. Разбить их сердце.

Гамаш подошел к следующей стене и увидел самое удивительное произведение искусства. Сосудами в данном случае были деревья. Клара нарисовала высокие деревья в форме бутылочных тыкв, роскошных и созревших. И плавящихся, словно внутренний жар был слишком велик для них. Они светились. В буквальном смысле этого слова. Цвета были молочные, как Венеция на рассвете, такая теплая, умытая, древняя.

– Они замечательные, Клара. Они излучают свет.

Он повернулся и удивленно посмотрел на нее, словно увидел в первый раз. Гамаш знал, что она проницательная, смелая, сострадательная. Но не подозревал, что она талантливая.

– Кто-нибудь видел эти ваши работы?

– Я дала папку с моими работами Си-Си. Как раз перед Рождеством. Она дружила с Дени Фортеном.

– Это владелец галереи, – сказал Гамаш.

– Лучшей в Квебеке. А может, и в Канаде. У него связи с Музеем искусств в Монреале и Музеем современного искусства в Нью-Йорке. Если ему понравились чьи-то работы, то можно считать, что дело сделано.

– Поздравляю.

– Не с чем. Ему не понравились мои работы. – Клара отвернулась, не в силах смотреть кому-то в глаза и признавать свою несостоятельность. – Так случилось, что Си-Си и Фортен были в «Ожильви», когда я приехала туда на презентацию книги Рут. Мы разминулись на эскалаторе. Я поднималась, а они спускались. Я слышала, как Си-Си сказала ему: жаль, что он считает мои работы дилетантством и банальщиной.

– Он сам это сказал? – удивленно спросил Гамаш.

– Нет, не он. Это сказала Си-Си. Она повторяла его слова, а он ей не возразил. Потом мы разъехались, и я оглянуться не успела, как оказалась за дверью. Слава богу еще, что встретила бродяжку.

– Какую бродяжку?

Рассказать ему? Но Клара уже и без того чувствовала себя так, словно с нее сняли кожу, и мысль о еще большем обнажении была ей невыносима, хотя этот человек слушал ее так, будто, кроме нее, на земле не было других людей. Она не могла признаться в том, что поверила: Бог предстал перед ней в виде бродяжки.

Верила ли она в это до сих пор?

Клара задумалась на секунду. И к ней пришел ясный и простой ответ. Да, она верила, что в Рождество встретила Бога на холодных, темных благословенных улицах Монреаля. И все же в ту ночь она чувствовала себя опозоренной.

– Да ерунда. Я принесла ей кофе, и мне стало лучше. Похоже, такие вещи на нас действуют.

«На добрых и сострадательных людей, – подумал Гамаш. – Далеко не на каждого». Он видел, что она что-то утаивает от него, но решил, что не следует вытягивать из нее ответ. Это вряд ли имело отношение к делу, и Арман Гамаш понимал, что не должен вторгаться в чужую жизнь только потому, что может это сделать.

– А Си-Си видела вас, когда произносила эти слова?

Клара сделала вид, что вспоминает, но она знала ответ. Знала его в тот самый момент, когда увидела Си-Си на эскалаторе.

– Да, мы на мгновение встретились глазами. Она знала.

– Наверно, для вас это было сильным ударом.

– Знаете, я думала, у меня сердце остановится. Я ведь верила, что Фортену мои работы понравятся. Мне даже и в голову не приходило, что ему может не понравиться. Я сама была виновата – жила фантазиями.

– Если кто-то ударяет вас ножом, то не ваша вина, что вы чувствуете боль.

Он посмотрел на ее лицо, на пальцы, сжатые в кулаки, на побелевшие костяшки, на грудь, вздымающуюся от бурного дыхания. Гамаш знал, что Клара Морроу добрая, любящая и толерантная. Если Си-Си де Пуатье вызвала такую реакцию у нее, то как же реагировали на Си-Си остальные?

И он добавил имя Клары в длинный список подозреваемых. Что она прятала глубоко в комнате, которую запирала даже от себя? Что выглянуло и посмотрело на него из этой тишины несколько мгновений назад?

В дверях мастерской появилась голова Габри:

– Десерт.

Глава двадцать вторая

– Так кто, по-вашему, убил Си-Си? – спросила Мирна.

Она облизала вилку и глотнула крепкого темного кофе. От сочетания свежемолотого заваренного кофе с шоколадным тортом у Мирны голова шла кругом.

– Полагаю, сначала нужно установить, кем она была, – ответил Гамаш. – Я думаю, убийца прячется в ее прошлом.

Он рассказал им о Си-Си и ее вымышленном мире. Гамаш говорил негромким спокойным голосом, как рассказчик в старину. Друзья образовали кружок, и в свете огня из камина их лица были похожи на сияющий янтарь. Они ели торт, пили кофе, и глаза их расширялись по мере того, как становилась ясна глубина тайны и обмана.

– Значит, она была не тем, за кого себя выдавала, – сказала Клара, когда он закончил.

Она надеялась, что торжество в ее голосе не прорывается наружу. Получается, Си-Си была чокнутой.

– Но зачем выбирать себе таких родителей? – Мирна мотнула головой в сторону телевизора.

– Не знаю. У вас есть какая-нибудь теория?

Все погрузились в размышления.

– Дети часто думают, что они не родные, а приемные, – сказала Мирна. – Даже у счастливых детей бывает такой период.

– Это верно, – откликнулась Клара. – Я помню, верила когда-то, что моя настоящая мать – королева английская и что она выслала меня в колонию, чтобы я выросла как простолюдинка. Каждый раз, когда раздавался звонок в дверь, я думала, что это она приехала забрать меня.

Клара до сих пор помнила свои детские фантазии: королева Виктория стоит на крыльце их скромного дома в монреальском квартале Нотр-Дам-де-Грас, соседи высовывают из дверей головы, чтобы получше разглядеть королеву в короне и длинной пурпурной мантии. И с сумочкой. Клара знала, что лежит в сумочке у королевы. Ее, Кларина, фотография и билет на самолет до дома.

– Но ты выросла из тех фантазий, – сказал Питер.

– Да, – немного приврала Клара, – но вместо тех пришли другие.

– Бога ради. Гетеросексуальным фантазиям не место за обеденным столом, – проворчал Габри.

Но взрослые фантазии Клары не имели никакого отношения к сексу.

– В этом-то и беда, – сказал Гамаш. – Я согласен, в детстве мы все создаем свои собственные миры. Ковбои и индейцы, разведчики космоса, принцы и принцессы.

– Хотите, расскажу вам о моих? – предложил Габри.

– Добрый боженька, пусть этот дом сейчас взорвется, – пожелала Рут.

– Я представлял себя гетеросексуалом.

Это простое и ошеломляющее заявление повисло в воздухе, и все на какое-то время замолчали.

– А я мечтала о популярности, – нарушила тишину Рут. – И о красоте.

– А я мечтала о том, чтобы стать белой, – сказала Мирна. – И худенькой.

Питер хранил молчание. Он не мог вспомнить своих детских фантазий. Его разум почти целиком был занят тем, что уживался с реальностью.

– А у вас? – спросила Рут у Гамаша.

– Я мечтал о том, чтобы спасти родителей, – сказал он.

И вспомнил, как маленьким мальчиком смотрел из окна гостиной, прислонившись к спинке дивана и прижимаясь щекой к шершавой ткани. Иногда, когда задували зимние ветры, он до сих пор ощущал эту ткань на своей щеке. Каждый раз, когда его родители уходили куда-то на обед, он ждал, смотрел в темноту – когда же в ней появится свет фар. И каждый раз они возвращались домой. Кроме одного раза.

– У нас у всех есть свои фантазии, – сказала Мирна. – Разве Си-Си чем-то от нас отличалась?

– Кое-чем отличалась, – возразил Гамаш. – Разве вы до сих пор хотите быть белой и худенькой?

Мирна рассмеялась от всей души:

– Ни за что. Мне такое теперь и в голову не приходит.

– А вы все еще мечтаете стать гетеросексуалом? – спросил он у Габри.

– Оливье меня убьет.

– В конечном счете наши детские фантазии уходят или замещаются другими. Но не у Си-Си. Вот в чем отличие. Она так верила в свои вымыслы, что даже фамилию себе взяла – де Пуатье. Ее настоящего имени мы не знаем.

– Интересно, кто же были ее родители, – проговорил Габри. – Ей было под пятьдесят, верно? Значит, им должно быть где-то под восемьдесят. Как тебе. – Габри посмотрел на Рут, которая выждала несколько секунд, а потом продекламировала:

Моя мать давно умерла и покоится в другом городе,
но со мной так еще и не покончила.

– Это из стихотворения? – спросил Гамаш, когда Рут замолчала. Строки показались ему знакомыми.

– Вы так думаете? – прорычала Рут.

И когда нас смерть моя разделит
и снова встретимся, прощенные и простившие,
не будет ли и тогда, как прежде, слишком поздно?

– Ну слава богу. Я уже боялся, что мы на один вечер останемся без твоей поэзии, – проворчал Габри. – Прошу тебя, продолжай. А то мысли о самоубийстве еще не сгустились в моей голове.

– Ваша поэзия удивительная, – сказал Гамаш.

Рут, похоже, больше поразили эти добрые слова, чем оскорбления Габри.

– Идите в жопу. – Она оттолкнула Гамаша и направилась к двери.

– Дерьмо попало на вентилятор, – заметил Габри.

Гамаш вспомнил, когда он слышал это стихотворение. Он читал его в машине по пути в Три Сосны, когда ехал сюда открывать это дело. Он аккуратно вытащил из видеоплеера кассету с фильмом.

– Спасибо, – сказал он Кларе и Питеру. – Мне нужно возвращаться к инспектору Бовуару. У вас есть какой-нибудь портфолио? – спросил он у Клары. – Я бы хотел его взять.

– Конечно.

Она провела его в свою мастерскую, к заваленному всяким хламом столу. Включила лампу, принялась перебирать стопку бумаг. Некоторое время Гамаш смотрел на нее, потом его взгляд привлекло что-то сверкающее в книжном шкафу за ее столом. Он замер на мгновение, почти боясь того, что, если он шевельнется, этот предмет пропадет. Безмолвно, медленно двинулся он вперед, осторожно приближаясь к этому предмету. Подойдя, он засунул руку в карман, вытащил носовой платок. Протянул уверенную руку и осторожно извлек предмет из шкафа. Даже через материю он казался теплым.

– Красиво, правда? – сказала Клара, когда Гамаш отошел к столу и поднес предмет к лампе. – Питер подарил мне его на Рождество.

Гамаш держал в руке сверкающий шар с рисунком на нем. Три сосны с ветвями, прогнувшимися под снегом. Под рисунком было написано слово «Noël», а ниже, едва заметное, было что-то еще. Одна-единственная прописная буква.

Л.

Гамаш нашел шар ли-бьен.

Вид у Питера Морроу был такой, словно его загнали в угол. Так оно и было на самом деле. На вопрос Гамаша Клара с радостным видом ответила, что этот шар с великолепным рисунком стал первым подарком, который Питер купил ей на Рождество, – до этого они были слишком бедны и ничего такого не могли себе позволить, объяснила она.

– Или слишком дешевы, – сказала Рут.

– Где вы его взяли? – вежливым, но твердым и требующим ответа голосом спросил Гамаш.

– Забыл, – попытался отвертеться Питер, но, видя решимость в глазах Гамаша, сдался. – Я хотел купить тебе что-нибудь, – повернулся он к Кларе, чтобы объяснить.

– Но? – сказала Клара, уже зная, к чему это приведет.

– Я ехал в магазин в Уильямсбурге…

– Северный Париж, – объяснил Габри Мирне.

– Знаменитый своими магазинами, – согласилась Мирна.

– …и тут мне попалась свалка, и…

– Свалка? – вскрикнула Клара. – Свалка?

Собака Люси принялась ползать между ног Клары, испуганная высоким голосом хозяйки.

– Осторожнее, шар расколется, – предупредила Рут.

– Свалка, – произнесла Клара упавшим голосом и опустила голову, смерив Питера таким взглядом, что тот, как и Рут немногим ранее, пожелал, чтобы дом немедленно взорвался.

– Жак Кусто свалочных погружений снова нашел сокровище, – сказал Габри.

– Вы нашли его на уильямсбургской свалке? – спросил Гамаш, поднимая шар ли-бьен.

Питер кивнул:

– Решил взглянуть из любопытства. День был теплый, так что мусор там не смерзся. Я просто заглянул – и эта штука сразу привлекла мое внимание. Вы сами понимаете почему. Она даже теперь, при свете лампы, сияет. Можете себе представить, как этот шарик светился днем. Как маячок.

Он звал меня. – Он посмотрел на Клару, не сработали ли его слова. – Похоже, мне самой судьбой суждено было его найти.

Ее не убедили его слова – она не поверила в божественное происхождение подарка.

– Когда это было? – спросил Гамаш.

– Не помню.

– Вспомните, мистер Морроу.

Все посмотрели на Гамаша. Он как будто внезапно вырос, и от него повеяло властностью и настойчивостью, которые заставили замолчать даже Рут. Питер задумался, припоминая.

– Это было за несколько дней до Рождества. Да, вспомнил, это было в день презентации твоей книги, – сказал он Рут. – Двадцать третье декабря. Клара была дома и могла выгуливать Люси, а я отправился за подарками на Рождество.

– Порыться в рождественском мусоре, хочешь ты сказать? – осведомилась Клара.

Питер вздохнул и ничего не ответил.

– И где на свалке он лежал? – спросил Гамаш.

– На самом краю, словно кто-то его специально туда положил. Не выбросил.

– Больше вы ничего не нашли?

Гамаш внимательно смотрел на Питера, проверяя, лжет он или говорит правду. Питер отрицательно покачал головой. Гамаш поверил ему.

– А в чем дело? Почему это так важно? – спросила Мирна.

– Это называется шар ли-бьен, – сказал Гамаш. – Он принадлежал Си-Си. Вокруг него она построила всю свою духовную философию. Она очень точно описала его в своей книге. Сказала, что это единственная вещь, оставшаяся ей от матери. Она даже упомянула, что ее мать расписала этот шар.

– На нем изображены три сосны, – подхватила Мирна.

– И инициал, – дополнила Клара. – Л.

– Вот, значит, почему Си-Си переехала сюда, – сказал Габри.

– Почему? – спросил Питер, который думал о поджидающих его собственных проблемах и не очень сосредоточивался на разговоре.

– Три сосны? – Габри подошел к окну и повел рукой. – Три сосны. Три Сосны?

– Три сосны три раза, – сказала Рут. – Ты стучишь башмачками, Дороти.

– Мы уже не в Канзасе[80], – огрызнулся Габри. – Мы здесь? –

умоляющим тоном обратился он к Питеру.

– Три Сосны, – сообразил наконец Питер. – Мать Си-Си была родом отсюда?

– И ее фамилия начиналась на букву Л, – подытожила Мирна.

Эмили Лонгпре лежала в кровати. Было еще рано – не пробило и десяти, но она чувствовала себя усталой. Она взяла книгу и попыталась читать, но книга оказалась тяжелой для ее рук. Она с трудом удерживала ее, желая дочитать историю и узнать, чем все кончается. Она боялась, что ее время кончится прежде, чем кончится история.

Теперь книга тяжело лежала на ее животе, напоминая ей те дни, когда она вынашивала Дэвида. Она лежала в той же кровати. Гас рядом отгадывал свои кроссворды, бормоча что-то себе под нос. А ребенок был в ее чреве.

Теперь общество ей составляла только книга. Нет, возразила себе Эм. Не только книга. У нее есть Беа и Кей. Они тоже были с ней и останутся до самого конца.

Эм видела, как книга, тяжелая от слов, поднимается и опускается вместе с ее дыханием. Она посмотрела на закладку – прочитана половина. Только половина. Эмили снова взяла книгу, на этот раз двумя руками, и почитала еще немного, забылась в перипетиях сюжета. Она надеялась, что конец будет счастливый. Что героиня найдет любовь и счастье. Или хотя бы себя. Этого было бы достаточно.

Книга снова закрылась, закрылись и глаза Эм.

Матушка Беа видела будущее, в котором не было ничего хорошего. Никогда не было. Даже в лучшие времена Матушка имела дар прозревать худшее. Это свойство не добавляло ей оптимизма. Если ты живешь в руинах будущего, то из настоящего тоже уходит радость. Единственным утешением было то, что ни один из ее страхов не сбылся. Самолеты никогда не падали, лифты не срывались вниз, мосты оставались на своих местах. Да, муж покинул ее, но это трудно было назвать катастрофой. Некоторые сказали бы, что это самосбывающееся пророчество. Она сама выгнала его. Он всегда сетовал, что в их взаимоотношениях имеет место излишество. Беатрис, он и Бог. Один из них должен уйти.

Выбор был невелик.

Теперь Матушка Беа лежала в кровати, завернув свое полное тело в мягкие и теплые фланелевые простыни и накрывшись пуховым одеялом. Она предпочла Бога мужу, но, откровенно говоря, она бы и ему предпочла

хорошее одеяло гагачьего пуха.

Это было самое ее любимое место во всем мире. Кровать в ее доме, где она пребывает в тепле и безопасности. Так почему же она не может уснуть? Почему она больше не может медитировать? Почему она даже есть больше не может?

Кей лежала в постели, отдавая приказы молодым испуганным пехотинцам, собравшимся вокруг нее в траншее. Их плоские, невысокие каски сидели набекрень, лица были покрыты грязью, дерьмом и первым пробивающимся пушком над губой. Она знала, что первым и последним пушком, но им предпочитала об этом не говорить. Вместо этого она произнесла зажигательную речь и заверила их, что первой покинет траншею, когда будет приказ, и поведет их под прочувствованные звуки песни «Правь, Британия».

Кей знала, что все они скоро умрут. И она свернулась калачиком, стыдясь трусости, которую она всю жизнь носила в своем чреве, словно плод; трусости, которая так контрастировала с явной отвагой ее отца.

– Извини, – в сотый раз сказал Питер.

– Дело не в том, что ты нашел его на свалке, а в том, что солгал, – солгала Клара.

На самом деле ее разозлило, что он подобрал этот чертов шарик на свалке. В очередной раз она получила на Рождество мусорный подарок. Когда у них не было средств, это не имело значения. Она делала для него какую-нибудь безделушку, потому что умела работать руками, а он находил что-нибудь на свалке, потому что руками делать ничего толком не умел, и оба притворялись, что довольны подарками.

Однако теперь ситуация изменилась. Теперь они могли позволить себе подарки, но он все же предпочел сделать ей подарок со свалки.

– Извини, – сказал он, зная, что этого недостаточно, но не зная, что сказать, чтобы было достаточно.

– Забудем об этом, – отмахнулась она.

Он был достаточно умен, чтобы понимать, что это будет не очень умно.

Гамаш сел подле Бовуара. Он принес еще одну грелку, хотя трясти его подчиненного уже перестало. Гамаш сумел найти только одну грелку и не мог понять, что случилось со второй. Он сидел, глядя на Жана Ги и время от времени читая тяжелую книгу, лежавшую у него на коленях.

Он перечитал Исаию, чтобы быть уверенным, потом взялся за псалмы. Вернувшись в гостиницу, он позвонил своему приходскому священнику, и отец Нерон дал ему ссылку.

– Рад был видеть вас в канун Рождества, Арман, – сказал ему отец Нерон.

Гамаш ждал этого.

– И рад был увидеть вашу внучку. Она так похожа на Рейн-Мари – повезло девочке.

Гамаш ждал.

– И еще был рад увидеть всю семью вместе. Жаль, что вы будете в аду и не сможете воссоединиться с ними в вечности.

Чего и следовало ожидать.

– К счастью, святой отец, они тоже будут в аду.

Отец Нерон рассмеялся.

– А что, если я прав и вы губите свою бессмертную душу, не приходя каждую неделю в церковь? – спросил он.

– Тогда мне целую вечность будет не хватать вашей веселой компании, Марсель.

– Чем могу вам помочь?

Гамаш сказал ему.

– Это не Исаия. Это сорок пятый псалом. Не помню точно, какой стих. Вообще-то, это один из самых моих любимых псалмов, но не очень популярных среди начальства.

– Почему?

– А вы подумайте, Арман. Если для того, чтобы приблизиться к Богу, нужно только успокоиться, то зачем нужен я?

– А что, если эта мысль верна? – спросил Гамаш.

– Тогда мы с вами все же встретимся в вечности. Я надеюсь, что она верна.

Гамаш перечитал псалом, время от времени поглядывая на Бовуара поверх своих полукруглых очков. Почему Матушка солгала, сказав ему, что это из Исаии? Она наверняка знала, откуда эти слова. И еще важнее: почему она неправильно процитировала эти строки и написала на стене «Клеймите беспокойство и познайте, что Я Бог»?

– Я что, так серьезно болен?

Гамаш поднял глаза и увидел, что Бовуар смотрит на него, глаза у него уже не мутные и он улыбается.

– Дело не в твоем теле, юноша. Я скорблю о твоей душе.

– В этих словах истина, монсеньор. – Бовуар не без труда оперся на

локоть. – Вы не поверите, какие грязные сны мне снились. Мне даже приснилось, что со мной здесь агент Николь. – Он понизил голос, как на исповеди.

– Подумать только, – сказал Гамаш. – Тебе стало лучше. – Он пощупал лоб Бовуара.

– Гораздо. Который теперь час?

– Полночь.

– Идите спать, сэр. У меня все отлично.

– Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно?

– Надеюсь, это не характеристика для моей следующей аттестации.

– Нет. Это немного поэзии.

«Если это поэзия, – подумал Бовуар, снова устало погружаясь в теплые объятия постели, – то, может, я с этим и смирюсь».

– Почему вы читаете Библию? – пробормотал он, чувствуя, что засыпает.

– Это из-за надписи на стене в Центре медитации Матушки, псалом сорок пять, стих одиннадцать. В оригинале этот стих звучит так: «Остановитесь и познайте, что Я Бог».

Бовуар уплыл в сон, успокоенный этим голосом и этой мыслью.

Глава двадцать третья

Прикроватные часы показывали 5:51. Темнота все еще стояла, не спешила уходить. Гамаш лежал в постели, чувствуя приток свежего холодного воздуха сквозь чуть приоткрытое окно, – холодок остужал его лицо и теплые простыни, в которые он завернулся.

Пора было вставать.

Он принял душ и быстро оделся в холодной комнате с темной деревянной мебелью, белыми стенами и мягкой пуховой постелью. Комната была изящной и слишком уж притягательной. Гамаш на цыпочках спустился по темной лестнице. На нем была самая теплая его одежда и громадная куртка. Вчера, вернувшись в гостиницу, он затолкал вязаную шапочку и варежки в рукава куртки и теперь, сунув руку в рукав, натолкнулся на препятствие. Заученным движением он надавил сильнее, и из рукава появился помпон шапочки, а за ним варежки, словно роды в миниатюре.

Выйдя из гостиницы, он пошел резвым шагом, слушая, как снег поскрипывает под ногами. Утро было хрупкое, хрустящее, без малейшего ветерка, и Гамаш подумал, что в этот раз прогноз, вероятно, был точен. День будет холодным даже по квебекским стандартам. Он шел, чуть наклонившись вперед и сцепив пальцы за спиной, и размышлял над этим непостижимым делом с его путаницей подозреваемых и улик.

Лужи незамерзайки, никотиновая кислота, «Лев зимой», провода, псалом 45, стих 11, и давно потерянная мать. И это было только начало. Си-Си умерла два дня назад, и ему сейчас не хватало только прозрения.

Он шел вокруг деревенского луга, погруженный в полную темноту обстоятельствами дела, хотя зимой ночи никогда не бывали абсолютно черными. Снег, укрывающий землю, излучал свой собственный свет. Гамаш шел мимо спящих домов обитателей деревни, из труб которых вертикально поднимался дымок, мимо темных магазинов, хотя слабое свечение в подвале пекарни обещало свежие круассаны от Сары.

Он ходил и ходил вокруг луга в этой поразительной тишине и уюте спящей деревни, и снежный наст поскрипывал под его ногами, а дыхание громко отдавалось в ушах.

Может быть, мать Си-Си спала в одном из этих домов? Как ей спалось – без кошмаров? Или совесть вырвала ее из объятий сна, словно готовый к насилию грабитель, ворвавшийся в дом?

Кто был матерью Си-Си?

Хотела ли мамочка, чтобы ее нашли?

Двигало ли Си-Си желание найти семью, или у нее была какая-то другая, темная цель?

А что это за история с шаром ли-бьен? Кто его выбросил? И почему просто не швырнуть его в замерзший мусор, не разбить на кусочки, которые невозможно будет узнать?

К счастью, Арман Гамаш любил загадки.

Внезапно с луга на дорожку выпрыгнула темная фигура и быстрыми скачками направилась к нему.

– Henri! Viens ici[81], – раздалась команда.

Несмотря на огромные уши, Анри, казалось, не услышал команды. Гамаш подался в сторону, и Анри, радостно махая хвостом, проскочил мимо.

– Désolée, – сказала Эмили Лонгпре, тяжело дыша. – Анри, ты плохо воспитан.

– Если Анри выбрал меня товарищем для игры, я должен чувствовать себя польщенным.

Они оба знали, что для игры Анри выбирает и свои собственные замерзшие экскременты, так что эта планка у него стояла не слишком высоко. Тем не менее Эм чуть наклонила голову, отвечая на вежливую реакцию Гамаша. Эмили Лонгпре принадлежала к вымирающей породе квебекцев. Она была из великосветских дам, которые обретали свою великосветскость не потому, что были требовательными, властными и настойчивыми, а благодаря огромному достоинству и доброте.

– Мы не привыкли встречаться с людьми во время утренних прогулок, – сказала Эмили.

– А который час?

– Восьмой.

– Позвольте присоединиться к вам?

Он пошел рядом с ней. Они втроем неторопливо обходили деревенский луг, и Гамаш кидал снежки сходящему с ума от радости Анри. В окнах домов стал загораться свет. Издалека им помахал Оливье, направлявшийся из гостиницы в бистро. Минуту спустя в окне бистро загорелся мягкий свет.

– Вы хорошо знали Си-Си? – спросил Гамаш, глядя на Анри, который скользил за снежком по замерзшему пруду.

– Почти не знала. Встречалась с ней всего несколько раз.

В темноте Гамаш не мог разглядеть выражения лица Эм. Это

затрудняло его возможности, но зато он мог полностью сосредоточиться на ее голосе.

– Она заходила ко мне.

– Зачем?

– Я ее пригласила. А примерно неделю спустя я встретила ее в медитационном центре Матушки.

В голосе Эмили послышалась насмешливая нотка. Эта сцена все еще стояла перед ее глазами. Лицо Матушки цвета ее кафтана, который в тот день был малиновым. И посреди медитационной комнаты – Си-Си, худая и благонравная, критикующая образ жизни Матушки.

«Понять это, конечно, можно, – снизошла Си-Си до Матушки. – Вы обновили свой духовный путь много лет назад, а вещам свойственно застаиваться. – Она подняла двумя пальцами яркую пурпурную подушку, свидетельство прискорбно закостеневшей философии. И такого же интерьера. – Я что говорю: вот когда этот цвет был божественным?»

Рука Матушки взметнулась к макушке, рот ее приоткрылся, но она не произнесла ни слова. Но Си-Си ничего этого не видела. Она закинула голову к потолку, подняла руки ладонями вверх и произвела тягучий звук, словно громадный камертон.

«Нет, здесь нет духа. Ваши эго и эмоции вытеснили его. Как может божественное обитать среди этих кричащих цветов? Здесь слишком много вас и недостаточно Высшей Силы. Но вы стараетесь, и вы – первопроходец, вы принесли медитацию в кантоны тридцать лет назад…»

«Сорок», – сказала Матушка, обретя голос, а точнее, писк.

«Ну, это не важно. Не имело значения, что вы предлагали, поскольку никто вообще ничего не знал».

«Что вы имеете в виду?»

«Я приехала сюда найти кого-нибудь, кто мог бы поделиться своей кармой. – Си-Си вздохнула и огляделась, покачивая своей разочарованной, просветленной крашеной головой. – Ну, мой-то путь ясен. Я получила редкий дар и намерена разделить его с людьми. Я открою свой дом как медитационный центр, буду учить тому, что узнала у моего гуру в Индии. Поскольку моя компания и книга называются „Клеймите беспокойство“, я и свой медитационный центр назову так же. Боюсь, вам придется поменять название вашего маленького заведения. Да что говорить, мне представляется, что вам вообще пора закрыться».

Эм опасалась за жизнь Си-Си. У Матушки хватило бы сил задушить эту нахалку, и, судя по ее виду, она собиралась это сделать.

«Я чувствую вашу злость, – сказала Си-Си, демонстрируя, что умеет

замечать очевидное. – Весьма ядовитую».

– Матушка, конечно, не восприняла ее серьезно, – сказала Эм, описав эту сцену Гамашу.

– Но Си-Си собиралась воспользоваться названием ее центра. Для Матушки это могло стать катастрофой.

– Это так, но я не думаю, что Матушка поверила в это.

– Центр называется «Клеймите беспокойство». Эта фраза, похоже, все время повторяется. Ваша команда по кёрлингу разве не так называлась?

– Где вы об этом слышали? – рассмеялась Эм. – Это было, наверно, пятьдесят или шестьдесят лет назад. Древняя история.

– Но интересная история, мадам.

– Я рада, что вы так думаете. Это была шутка. Мы не относимся к себе серьезно, и нас не очень волнует, выигрываем мы или нет.

Он уже слышал эту историю, но сейчас пожалел, что не может видеть выражения ее лица.

Анри стал прихрамывать, поднимал то одну лапу, то другую.

– Бедняжка Анри, мы слишком долго гуляем.

– Отнести его? – спросил Гамаш, почувствовав укол совести: он совсем забыл, что холодный снег может обжигать собачьи лапы.

Он вспомнил, как прошлой зимой тащил Санни три квартала до дома, когда собачьи лапы уже не могли выносить холода. Тогда их сердца были разбиты. И еще он помнил, как несколько месяцев спустя прижимал к себе Санни, когда пришел ветеринар, чтобы усыпить пса. Он помнил, как говорил успокаивающие слова в дурно пахнущее старое собачье ухо, как глядел в его слезящиеся карие глаза, пока они не закрылись; помнил, как легонько вильнул в последний раз пообтрепавшийся любимый хвост. И когда сердце Санни издало последний стук, Гамашу показалось, что у пса сердце не остановилось, а просто он отдал его все, до конца.

– Мы почти у дома, – сказала Эм.

В ее голосе появилась хрипотца, губы и щеки начали замерзать на холоде.

– Позвольте угостить вас завтраком? Я бы хотел продолжить этот разговор. Может быть, в бистро?

Эмили Лонгпре замешкалась лишь на секунду, а потом согласилась. Они впустили Анри в дом, а сами направились под занимающимся рассветом к бистро Оливье.

– Joyeux Noël, – сказал красивый молодой официант Гамашу и провел их к столику у недавно растопленного камина. – Приятно снова вас видеть.

Гамаш отодвинул стул для Эм и проводил взглядом молодого человека,

который направился к кофе-машине приготовить им кофе с молоком.

– Филипп Крофт, – пояснила Эм, проследив за взглядом Гамаша. – Очень милый молодой человек.

Гамаш довольно улыбнулся. Молодой Крофт. В последний раз, когда он видел Филиппа во время расследования предыдущего дела в Трех Соснах, тот был далеко не милый.

В восемь часов утра, кроме них, в бистро никого не было.

– Редкое приглашение, старший инспектор, – сказала Эм, изучая меню.

Волосы у нее торчали во все стороны из-за статического электричества. Впрочем, у Гамаша волосы были не в лучшем состоянии. У них обоих был такой вид, будто их что-то напугало. Они попивали кофе, чувствуя, как тепло расходится по телу. Их лица порозовели, щеки начали оттаивать. Запах свежесваренного кофе, перемешанный с запахом дымка из камина, – и мир снова стал уютным и правильным.

– Вы все еще хотите получить урок по кёрлингу сегодня утром? – спросила Эм.

Гамаш не забыл об их запланированной встрече и с нетерпением ее ждал.

– Если не слишком холодно.

– Сегодня утром идеальная погода. Посмотрите на небо. – Эм кивнула в сторону окна. В небе появилось осторожное сияние – солнце собиралось появиться из-за горизонта. – Ясно и морозно. Сегодня к полудню будет ужас как холодно.

– Позвольте предложить вам яйца и сосиски? – Рядом с их столиком стоял Филипп, держа в руках блокнотик. – Сосиски с фермы месье Паже.

– Они замечательные, – доверительно сказала Эм.

– Мадам, – слегка поклонился Гамаш, предлагая ей сделать заказ первой.

– Я бы хотела сосиски, mon beau Philippe, но, боюсь, в моем возрасте они не будут полезны. Месье Паже все еще поставляет вам черный бекон?

– Mais oui, домашний бекон, мадам Лонгпре. Лучший в Квебеке.

– Merveilleux. Это такая роскошь. – Она подалась над столиком к Гамашу, искренне получая удовольствие. – Я возьму яйцо-пашот, s’il vous plaît, на булочке из пекарни Сары, и немного вашего идеального бекона.

– И круассан? – Филипп игриво посмотрел на нее.

Запах круассанов доносился из пекарни по соседству; дверь, соединяющая пекарню и бистро, была красноречиво распахнута.

– Ну, пожалуй, один.

– Месье?

Гамаш сделал заказ, и через несколько минут ему принесли тарелку с сосисками и французским тостом. Филипп поставил у него под рукой стакан кленового сока и корзиночку с горячими круассанами, к этому были поданы вазочки с домашним вареньем. Они ели, разговаривали, прихлебывали кофе перед веселым и теплым огнем в камине.

– Так что вы думаете о Си-Си?

– Она показалась мне очень одинокой женщиной. Я ей сочувствовала.

– Другие люди говорят о ней как об эгоистичной, мелочной, капризной и, если откровенно, глуповатой. Не из тех людей, с которыми хочется водить дружбу.

– Они, конечно, правы. Она была ужасно несчастна и вымещала это на других. Ведь с людьми такое случается, верно? Они не выносят, когда другие рядом с ними счастливы.

– Тем не менее вы пригласили ее к себе.

Он хотел поднять эту тему с того момента, когда она обмолвилась об этом во время их прогулки. Но ему нужно было видеть ее лицо.

– Я сама была ужасно несчастна в жизни, – произнесла она тихим голосом. – А вы, старший инспектор?

Он, никак не ожидавший такого ответа и вопроса, кивнул.

– Я так и думала. Я думаю, что люди, имевшие такой опыт и выжившие, чувствуют ответственность перед другими. Если нас спасли, то мы не можем позволить, чтобы на наших глазах утонул кто-то другой.

В зале было очень тихо, и Гамаш понял, что задерживает дыхание.

– Я понимаю, мадам, и согласен с вами, – сказал он наконец. И тихо спросил: – Не хотите рассказать мне о вашей печали?

Она встретилась с ним взглядом, потом полезла в карман своего кардигана, вытащила свернутую в шарик салфетку белого «клинекса» и что-то еще. Она положила на стол черно-белую фотографию с трещинами и в шерстяных ниточках. Умелым пальцем она погладила фотографию, снимая ниточки.

– Это мой муж Гас и мой сын Дэвид.

Высокий мужчина стоял, положив руку на плечо долговязому молодому человеку, почти мальчику, с длинными косматыми волосами и в пальто с широкими лацканами. Парню, судя по всему, не было и двадцати. Галстук на нем был такой же широкий, как и лацканы и машина за его спиной.

– Эта фотография сделана перед Рождеством тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Дэвид был скрипачом. Вообще-то он играл всего одну вещь. – Она рассмеялась. – Нет, это было поразительно. Он слышал

эту вещь ребенком, совсем еще маленьким. У нас с Гасом была эта пластинка, и Дэвид, услышав ее, бросил заниматься тем, чем занимался, и подошел к проигрывателю. Он хотел слушать ее снова и снова. А когда научился говорить, попросил купить ему скрипку. Мы, конечно, решили, что он шутит. Но он не шутил. В один прекрасный день я услышала, как он пытается наигрывать эту музыку в подвале. Играл он неуверенно, фальшивя, но вещь была определенно узнаваема.

Гамаш почувствовал, как кровь отхлынула от его рук и ног и собралась в сердце, мягко сдавив его.

– Дэвид сам выучился играть эту вещь. Ему было шесть. От учителя музыки пришлось отказаться, потому что Дэвид отказывался учить что-то другое. Только эту вещь. Упрямый ребенок. По отцовской линии пошел.

Она улыбнулась.

– И что это была за вещь?

– Концерт для скрипки с оркестром Чайковского ре мажор.

Гамаш не мог вспомнить эту музыку.

– Дэвид был нормальным подростком. Был вратарем в школьной хоккейной команде, пока учился в школе, и встречался с девочкой из семьи Шатран. Хотел поступить в Монреальский университет, чтобы изучать лесное хозяйство. Он был милый мальчик, но ничем от других не отличался. Кроме этого.

Она закрыла глаза, и через мгновение одна ее рука повернулась ладонью вверх, открывая тонкое запястье с голубыми прожилками. Рука принялась двигаться туда-сюда. Беззвучные ноты возникли в пространстве между ними, окутали столик и в конечном счете заполнили все бистро музыкой, которую Гамаш не слышал, но вполне мог вообразить. И он знал, что Эм слышит эту музыку вполне отчетливо.

– Повезло мальчику – нашел такую страсть в жизни, – тихо сказал он.

– Именно. Если бы я никогда не сталкивалась с божественным, то увидела бы его на лице Дэвида, когда он играл. На него снизошла благодать, как и на нас. И все же я не думаю, что он собирался как-то развивать эту свою страсть. Но потом что-то случилось. Перед рождественскими экзаменами он пришел домой радостный. Каждый год лицей устраивал конкурс. Все музыканты должны были играть одну и ту же вещь, выбранную комитетом. И в тот год, – она кивнула на фото, – был выбран Концерт для скрипки Чайковского ре мажор. Дэвид был вне себя от радости. Конкурс проводился пятнадцатого декабря в Гаспе. Гас решил отвезти его туда. Они могли поехать поездом или лететь самолетом, но Гас хотел побыть наедине с Дэвидом. Вы, вероятно, знаете, какие они бывают,

мальчишки. Дэвид был обычным семнадцатилетним подростком. Разговаривать о своих чувствах не любил. Гас хотел по-своему показать ему, что отец его любит и готов для него на все. Эта фотография была сделана перед самым их отъездом.

Эм опустила глаза, и ее палец пополз по деревянному столу к фотографии, но остановился на полпути.

– Дэвид занял на конкурсе второе место. Он позвонил, такой возбужденный. – Она все еще слышала его голос: у него перехватывало дыхание, он не мог скрыть счастья. – Они собирались остаться, чтобы послушать других конкурсантов, но был плохой прогноз погоды – ожидалась буря, и я уговорила их ехать немедленно. Об остальном вы можете догадаться. День был прекрасный, как сегодня. Ясный и холодный. Но было слишком холодно, слишком ярко. Гололед – так мне сказали. И солнце светило прямо в глаза Гаса. Слишком ярко светило.

Глава двадцать четвертая

– Так кто же мать Си-Си? – спросил Бовуар.

Они вот уже полчаса проводили летучку в оперативном штабе, и Бовуар чувствовал, как силы возвращаются к нему и он становится прежним Бовуаром.

С одним существенным отличием.

Прежний Бовуар презирал агента Иветт Николь, но в это утро он вдруг обнаружил, что проникся к ней симпатией и даже не помнит, в чем была проблема прежде. Они позавтракали вместе в гостинице и потом истерически смеялись, когда она рассказывала, как пыталась согреть его грелку. В микроволновке.

– Вам, конечно, смешно, – сказал Габри, ставя перед ними яйца бенедиктин. – Вы не приходили к себе домой и не видели там микроволновку, в которой как будто взорвалась кошка. Никогда не любил кошек. Любил грелки.

Теперь они все сидели за рабочим столом и слушали доклады. Был продемонстрирован шар ли-бьен, с него сняли отпечатки пальцев. Нашлось три разных отпечатка, их передали в монреальскую лабораторию.

Николь доложила о своих находках. В Монреале она побывала в школе, где учится Кри.

– Я хотела получить нечто большее, чем характеристику. Похоже, ее считают умненькой девочкой, но не очень сообразительной, если вы меня понимаете. Усидчивая, аккуратная. У меня создалось впечатление, что в школе мисс Эдвардс не очень рады присутствию там Кри. Заместитель директора назвала ее Бри, правда, тут же поправилась. Ее любимый предмет – естественные науки, хотя она стала проявлять интерес и к театру. В предыдущие годы она пряталась, занималась технической частью постановки, но в этом году вышла на сцену. Правда, это обернулось катастрофой. Приступ сценобоязни. Пришлось увести ее со сцены. Другие девочки были недовольны. Да и родители тоже.

– А учителя? – спросил Гамаш.

Николь отрицательно покачала головой.

– Но там нашлось кое-что любопытное. Несколько раз они пропускали плату за обучение. Я поинтересовалась их финансами. Похоже, Си-Си и ее муж жили не по средствам. От полной финансовой катастрофы их отделяли всего два-три месяца.

– Си-Си была застрахована? – спросил Бовуар.

– На двести тысяч долларов. Ришар Лион происходит из скромной семьи. Получил техническую степень в Ватерлоо, но на работе никаких успехов не добился. На своей нынешней должности вот уже восемнадцать лет. Он там что-то вроде менеджера низшего звена. Составляет расписания. Неудачник. Зарабатывает сорок две тысячи в год, после уплаты налогов остается тридцать. Си-Си за шесть лет существования своей фирмы практически не имела никакого дохода. Выполняла небольшие дизайнерские проекты, но большую часть последнего года, похоже, провела за написанием книги и созданием собственной линии бытовых предметов. Вот. – Николь бросила на стол каталог. – Это прототип каталога, который она собиралась выпустить. Полагаю, фотограф как раз над этим каталогом и работал.

Бовуар понял. Мыла ли-бьен. Кофейные кружки «Безмятежность», халаты «Клеймите беспокойство».

– Си-Си договорилась о встрече на следующей неделе с руководством «Дайрект мейл», – продолжила Николь. – Это крупнейший распространитель товаров по каталогам в Соединенных Штатах. Она хотела продать им свою линию продуктов. Если бы ей это удалось, это стало бы огромным прорывом.

– И что они говорят? – спросила Изабель Лакост.

– Я собираюсь им позвонить, – сказала Николь, надеясь, что улыбка на ее лице говорит «спасибо за вопрос».

– Что слышно из фотолаборатории? – спросил Бовуар у Лакост.

– Я отправила туда агента, чтобы он забрал проявленные негативы. Вскоре он должен дать знать о себе.

– Хорошо, – сказал Гамаш, а потом рассказал им о никотиновой кислоте, «Льве зимой» и псалме 45, стих 11.

– Так кто же мать Си-Си? – задал ключевой вопрос Бовуар.

– В Трех Соснах есть несколько женщин подходящего возраста, – сказала Лакост. – Эмили Лонгпре, Кей Томпсон и Рут Зардо.

– Но только у одной из них фамилия начинается с Л, – заметил агент Лемье, впервые заговоривший в это утро.

Он внимательно смотрел на агента Николь. Он не знал почему, но она ему не нравилась. Не понравилось ее неожиданное появление, и определенно не понравилась ее новообретенная дружба с инспектором Бовуаром.

– Я их проверю, – сказала Лакост, и летучка закончилась.

Гамаш потянулся к деревянной коробке на своем столе и машинально

перевернул ее, чтобы взглянуть на буквы на донышке.

– Это что? – спросил Бовуар, подтаскивая свой стул к стулу шефа.

– Вещдок из другого дела, – сказал Гамаш и передал коробку Бовуару.

И когда тот взял ее, у Гамаша вдруг возникло впечатление, что Бовуар сейчас увидит то, чего не заметил он. Посмотрит на буквы снаружи и внутри и поймет, что к чему. Инспектор покрутил коробку в руках.

– Одно из ваших рождественских дел?

Гамаш кивнул, боясь отвлечь Бовуара.

– Собрание букв? Дурь какая-то.

Он вернул коробку Гамашу.

«Вот тебе и прозрение», – подумал старший инспектор.

Когда Бовуар выходил, Гамаш наклонился к Лакост:

– Включи в свой список Беатрис Мейер.

Снаряд кёрлинга прогрохотал по неровному льду и громко ударился о камень в дальнем конце, а несколько секунд спустя этот звук гулким эхом разнесся по холмам, окружающим Лак-Брюм. Утро было очень холодное, самое холодное в текущей зиме, и температура все продолжала падать. К середине дня на таком холоде за несколько минут промерзнешь до костей. Солнце дразнило их светом, но не теплом, его лучи усиливались, соприкасаясь со снегом, и ослепляли всех, у кого не было солнцезащитных очков.

Билли Уильямс очистил для них площадку для кёрлинга на Лак-Брюм, и теперь Бовуар, Лемье и Гамаш наблюдали, как хрупкая Эмили Лонгпре распрямляется и дыхание вырывается у нее изо рта рваными облачками.

«Пора, – подумал Гамаш. – Если ее сейчас не увезти в тепло, она замерзнет. Мы все замерзнем».

– Ваша очередь, – сказала она Бовуару, который смотрел на нее с вежливым вниманием, не в силах относиться к кёрлингу серьезно.

Бовуар присел и посмотрел на другой конец расчищенной площадки в двадцати пяти футах от него, куда вот-вот полетит камень. Сейчас Бовуар удивит их своими природными способностями. Вскоре ему придется отбиваться от предложений вступить в олимпийскую сборную Канады по кёрлингу. Он, конечно, отвергнет их все – не хватало ему только тратить время на такие глупости. Хотя, конечно, если по возрасту он уже не может заниматься настоящим спортом, то стоит подумать о том, чтобы вступить в олимпийскую сборную по кёрлингу.

Клара погрузилась в ванну. Она все еще была зла на Питера за его

подарок со свалки, но ей уже становилось лучше. Она опустилась в горячую ароматную воду, играя пальцами ног, за которые цеплялись комочки травы – рождественский подарок от матери Питера. Клара знала, что должна позвонить и поблагодарить ее, но решила, что это может подождать. Его мать упорно называла ее Клер и до этого Рождества дарила ей только кухонные принадлежности. Кулинарные книги, кастрюли, а один раз – передник. Клара ненавидела готовить и подозревала, что мать Питера это знает.

Клара делала движения руками, как пловец, и предавалась своей любимой фантазии. Директор Музея современного искусства в Нью-Йорке стучится в ее дверь. Двигатель его машины остановился в лютый мороз, и ему требуется помощь.

Клара представляла себе все это. Он заходит в ее дом, и она предлагает ему чай, но, когда она приходит с кружкой, оказывается, что его нет. Исчез. В ее мастерской. Она находит его там. Он стоит перед ее картинами.

Не просто стоит – рыдает. Он рыдает, видя красоту, боль и блеск ее искусства. «Чьи это работы?» – спрашивает он, даже не озаботившись отереть слезы.

Она молчит, давая ему понять, что этот великий художник – перед ним, скромный и прекрасный. Он объявляет ее величайшим художником нынешнего поколения. И всех других поколений. Самой талантливой, удивительной, блестящей из всех художников, какие когда-либо жили на этой земле.

Но она, будучи не только великой, но и благородной, приглашает его в мастерскую Питера, и главный куратор Музея современного искусства демонстрирует вежливость. Но сомнений нет: настоящий талант в их семье – она.

Клара замурлыкала себе под нос.

– Встаньте на колени, инспектор. Возьмитесь за ручку камня так, словно хотите с ней поздороваться. – Эм наклонилась над ним. – Оттяните правую руку с камнем назад, левая нога тоже уходит назад. Потом вы одновременно посылаете и то и другое вперед и скользите по льду следом за камнем. И запомните: вы не должны его подталкивать. Просто отпустите.

Бовуар посмотрел на площадку и увидел на другом ее конце камень Эм, который вдруг показался таким далеким. Он набрал в грудь побольше воздуха и оттянул назад правую руку. Из-за тяжести снаряда он уже рисковал потерять равновесие. Бовуар вспомнил про дурацкую метлу и

оперся на нее, чувствуя, как заскользили его ботинки. Нет, что-то тут было не так.

Снаряд ударился об лед, и Бовуар тяжело вздохнул, понимая, что каким-то образом потерял инерцию, которую должен был набрать. Он выкинул вперед правую руку, не отпуская снаряда, его левая нога искала опоры. Он понял, что сейчас упадет.

Бовуар упал на лед, раскинув руки и ноги, но так и не выпустив камень.

– Бифштекс на китовом жире попался на крючок, – рассмеялся Билли Уильямс.

Клара размышляла о вчерашнем фильме. Она уже давно не смотрела видеофильмов. Почти вся их фильмотека была на дивиди, главным образом потому, что все любимые кассеты Питера погибли. Он постоянно останавливал их на любимых кадрах, смотрел снова и снова, отчего пленка растягивалась. Рвалась.

Клара сидела в ванне, среди веточек ароматных трав, липнущих к телу. Возможно ли, что дело в этом?

– Детка, мама звонит из Монреаля – благодарит нас за подарки.

Питер вошел в ванную с трубкой в руке. Клара махнула ему – «уходи», но было слишком поздно. Она вытерла руки, недовольно глядя на Питера.

– Здравствуйте, миссис Морроу. Не за что. И вам счастливого Рождества. Моя работа в аптеке? Там все идет прекрасно, прекрасно. – Она смерила Питера убийственным взглядом. Клара уже пятнадцать лет как не работала в аптеке. – И спасибо вам за подарок. Очень мило с вашей стороны. Я им сейчас пользуюсь. Да, bon appétit. – Клара отключилась и отдала трубку Питеру. – Кажется, она подарила мне пакетик с заваркой для супа. Овощного.

Клара посмотрела на пальцы своих ног и увидела всплывшую на поверхность горошину. Рядом с горошиной плавал кусочек оранжевой сушеной морковки.

– Я выиграл?

Бовуар отряхнулся и посмотрел на камень у своих ног.

– Это зависит от того, в какую игру вы играете, – улыбнулась Эм. – Вы определенно непревзойденный мастер игры с неподвижным снарядом. Félicitations[82].

– Merci, madame.

Невыносимый холод этого дня был милосерден к инспектору. Он скрыл любой румянец, который мог появиться на его щеках. Бовуар

посмотрел на камень, одиноко покоящийся у его ног, и в нем родилось завистливое и тайное уважение ко всем игрокам в кёрлинг.

Гамаш достал фотографии, сделанные его криминалистами на месте преступления. Пять снарядов для кёрлинга лежали в снегу, после того как Матушка «очистила дом».

В голове у Гамаша забрезжила идея.

Глава двадцать пятая

– Извините, но старшего инспектора Гамаша сейчас нет, миссис Морроу, – сказала агент Лакост, оторвав глаза от экрана и посмотрев на стоящую перед ней женщину.

– А когда вы его ждете?

– Не могу сказать. – Она посмотрела на часы: почти двенадцать. – Я думаю, он вскоре вернется. У вас что-то важное?

Клара помедлила. Она не была уверена, но что-то говорило ей, что важное.

– Ничего, я приду попозже.

Она повернулась, собираясь уходить, и тут увидела Иветт Николь, работавшую за другим компьютером. Две женщины не питали друг к другу теплых чувств, но Клара до сих пор удивлялась той враждебности, которую этот молодой агент продемонстрировала по отношению к ней при первой встрече. Агент Николь оторвала глаза от компьютера, встретилась взглядом с Кларой и тут же опустила глаза.

«Ну что ж, – подумала Клара, – это все же лучше, чем та злоба, какую я видела в ее глазах прежде».

Полицейские остались на льду одни. Эмили Лонгпре отправилась на ланч с Кей в Уильямсбурге, а Билли Уильямс пробормотал что-то насчет того, что ему нужно готовиться то ли к чемпионату мира по лыжам, то ли к пуску космической ракеты. Гамашу казалось, что все вокруг, кроме него самого, прекрасно понимают Билли. Гамаш же не понимал ни слова из тех речей, что произносил Билли.

Гамаш отправился к трибуне, уселся там и просидел несколько холодных долгих мгновений, глядя на лед, а затем на точку, где сидела и умерла Си-Си. Потом он обошел трибуну и остановился у того места, где Билли Уильямс припарковал свой пикап.

– Убийца стоял здесь, – убежденно произнес Гамаш, остановившись на снегу. – Он наблюдал за ходом матча и выжидал. Как только Си-Си встала и ухватилась за стул, он подал напряжение на провода.

– В лаборатории подтвердили то, что мы уже знали, – сказал Лемье. – Убийца использовал провода мистера Уильямса. Они были найдены в его машине, все почерневшие. Но Уильямс говорит, что по этим проводам подавал ток на обогреватель. Совершенно непонятно, как можно было

переключить их с обогревателя на стул во время матча и сделать это так, чтобы никто не заметил.

– Этого и не требовалось, – ответил Гамаш. – Убийца, вероятно, отключил обогреватель, когда еще никого не было, и подключил провода к ножкам стула, а потом отключил от генератора другие концы.

– Но разве люди не заметили бы, что обогреватель не работает? – спросил Лемье.

– Люди это заметили. По меньшей мере двое говорили о том, что холодно. Среди этих двоих Кей Томпсон. Поэтому я и пришел к выводу, что обогреватель вообще не был подключен.

– И все же я не могу себе представить, что никто ничего не заметил, – сказал Бовуар.

– Ну, прежде всего, любые звуки, которые производил убийца, – скрип его ботинок по снегу, например, – не были слышны из-за работы генератора. И пикап мистера Уильямса стоял за трибуной. Не то чтобы убийца прятался за ней, но людям на трибуне пришлось бы покрутить головой, чтобы его увидеть. Единственные, кто мог видеть его, были Кей и Си-Си. Но это еще не все. Поначалу я думал, что мы имеем дело с везунчиком, но теперь я думаю, что дело не в везении, а в точном планировании. Убийца очень удачно выбрал момент. Он дождался, когда все глаза будут гарантированно устремлены на игровую площадку.

Агент Лемье постарался представить себе все это. Игроки, зрители, две женщины на садовых стульях. Стул под напряжением стоит чуть впереди.

– Во время матча произошло кое-что необычное, – сказал Гамаш. Он направился ко льду, потом повернулся и посмотрел на двух недоумевающих полицейских. – Матушка очистила дом. Это часть традиции. Сколько раз мы слышали об этом в течение двух последних дней? Некоторые люди приходят специально, чтобы посмотреть на это. А почему? Сегодня мы это выяснили. В виде спорта, где все определяется точностью и тонкостью, это самая волнующая минута. Самый яркий момент. Представьте звук снаряда матушки, скользящий со всей силой, какую она смогла вложить в бросок. Представьте, как этот снаряд ударяется о другие в конце площадки, а те камни ударяются друг о друга. Настоящая цепная реакция. Еще мгновение – и снаряды разлетаются в разных направлениях, создавая дикий шум. На трибуне все ликуют.

– Внимание всех приковано к площадке, – подхватил Бовуар.

– Кроме ликования, ничего не слышно, – сказал Лемье и с удовольствием отметил, что Арман Гамаш повернулся к нему с сияющими

глазами и торжествующей улыбкой на лице.

– Вот именно. Я об этом и говорю. Идеальный момент для убийства. Кто сможет оторвать взгляд от такого зрелища? И кто же тут услышит крик женщины, получившей удар током? Время было выбрано идеально.

– Но откуда убийца знал, что Си-Си ухватится за стул, я уж не говорю, что ухватится именно в этот момент? – спросил Бовуар.

– Хороший вопрос, – вынужден был признать Гамаш, резво направляясь к теплому салону автомобиля. Температура опасно падала, и говорить становилось трудно. – И почему Кей Томпсон ничего не видела? И каким образом убийца отсоединил провода и зашвырнул их в кузов машины Билли так, что этого никто не заметил?

Они сели в машину и стали отогреваться. Пальцы ног агента Лемье совсем занемели, и он то сгибал, то разгибал их в ботинках, чтобы восстановить кровоснабжение. Бовуар выглянул в замерзшее окно.

– Всех игроков в кёрлинг мы можем исключить – никто из них не мог это сделать. Мирна Ландерс уверенно говорит, что Ришар Лион все время был рядом с ней, значит его тоже можно исключить, хотя я все еще думаю, что это сделал он.

– А что думаете вы, агент? – спросил Гамаш у Лемье.

– Мне кажется, это бессмыслица какая-то. Убийца должен накормить ее никотиновой кислотой во время завтрака, пролить незамерзающую жидкость за стулом, быть уверенным, что она носит сапожки с подковками или металлическими зацепками, подключить провода и ждать идеального момента. И при этом делать все незаметно. А потом еще и замести следы. Уж больно все сложно. Почему просто не пристрелить ее?

– И мне тоже хотелось бы это знать, – сказал Гамаш.

Фотографии из лаборатории прибыли после ланча, и вся команда с тревогой собралась вокруг Гамаша, пока тот открывал конверты. В этом было что-то жутковатое: видеть лицо человека, который должен умереть через несколько минут. Гамаш всегда предполагал, что в глазах потенциальных жертв есть некое предчувствие, предвестие, но перед его взглядом прошли тысячи фотографий вроде этих, и никогда ничего подобного не обнаруживалось.

Но все же что-то жутковатое в этом было. Они никогда еще не были к убитой ближе, чем теперь, глядя на эти фотографии. И тут Гамаш понял, что единственное фото жертвы, которое он видел прежде, – это фотография на обложке книги. Да и та была больше похожа на карикатуру. А вот теперь он видел ее за несколько минут до конца. Жаль, что она не получала

удовольствия от происходящего. Нет, она сидела за завтраком с кислым лицом, настороженная. Люди вокруг нее были оживлены, разговаривали с соседями, откидывали назад головы в смехе, а Си-Си де Пуатье была как статуя. Ришар сидел рядом с ней, уставившись в тарелку.

Он что, планировал убийство? Сосиски в его тарелке были игроками в кёрлинг, а блины – стульями? Бекон – проводом под напряжением? А Си-Си? Кем она была на его тарелке? Ножом?

Еще фотографии. Матушка Беа и Мирна за Си-Си. Си-Си позирует вместе с группой почему-то помрачневших жителей деревни, словно Си-Си – туча, плывущая по небу.

Потом фотографии, снятые во время матча. Си-Си на стуле, изо всех сил пытается выглядеть, как Одри Хепберн, отдыхающая в Альпах. Но вот появилось что-то интересное. Лицо Си-Си раскраснелось. Да, этот неожиданный румянец мог быть следствием мороза, но лицо у сидящей рядом Кей было розоватого цвета, а не алого, как у Си-Си.

– Смотрите, – показала Лакост на фотографию. – Здесь уже видна голубая незамерзайка у стула.

– Ее мгновения сочтены, – сказал Лемье, показывая на следующий снимок.

Они приближались к развязке. Гамаш открыл следующий конверт. Все глаза устремились на фотографии, все встали плотнее и наклонились над столом, словно им важно было увидеть все на миллисекунду раньше. Гамаш разложил фотографии на столе движением опытного покериста.

Си-Си лежала на земле. Рут отчаянно жестикулировала. Оливье склонялся над телом, а Габри внимательным, напряженным взглядом смотрел куда-то за спину Оливье.

На следующей серии фотографий были запечатлены героические и отчаянные попытки спасти женщину, которую никто не любил. Клара уводила подальше Кри, чтобы девочка не видела жуткую сцену. Габри стоял рядом с Ришаром и держал его за руку. Питер и Билли Уильямс бежали с Си-Си на руках к машине. На последней фотографии пикап Билли исчезал за поворотом.

Фотографии были красноречивыми, хотя и не рассказывали всю историю.

– Здесь что-то отсутствует, – сказал Гамаш с посуровевшим лицом.

Он направился к двери, следом за ним двинулись Бовуар и Лемье. Агент Лакост догнала их:

– Вас хотела видеть миссис Морроу. А я провела кое-какие розыски касательно женщины, которая, возможно, была матерью Си-Си. Кей

Томпсон слишком стара. У Эмили Лонгпре был ребенок, но он погиб при несчастном случае. И все же у нее мог быть еще один ребенок. Приемный. Но самое любопытное мне удалось найти о Беатрис Мейер. Беатрис Луиз Мейер.

Получив новую порцию информации, Гамаш решительно направился к машине. Бовуар пытался идти с ним вровень, но то отставал, то забегал вперед, и это Бовуару очень не нравилось.

Сол Петров попивал кофе, сидя в удобном кресле у окна своей гостиной. Два дня назад он говорил об этом кресле и вообще обо всем шале как о дешевке. Ткань была тусклая, заношенная, ковры потертые, обстановка устарела. На стене висела коллекция ложек из различных уголков Канады, а рядом – выцветшая фотография Ниагарского водопада.

Но когда он проснулся сегодня и неторопливо прошелся по обшарпанной лестнице, ему показалось, что дом ему нравится. А когда поднялось солнце, в камине заполыхал огонек и вскипел кофе, Сол понял, что ему здесь хорошо.

Он уселся на солнышке у окна и любовался поразительным видом: идеальное, белейшее поле перед арендованным им шале, дальше лес, а еще дальше – горы, серые и зубчатые.

Он никогда не чувствовал такого душевного покоя.

Рядом с ним на столе лежала картонная подставка с картинкой, а на ней – кассета непроявленной пленки.

– Здравствуйте, Клара, – громко сказал Гамаш в свой сотовый. Он был такой маленький, как рождественская петарда. – Говорит Гамаш. Я звоню по сотовому, и тут связь неважная. Вы меня искали?

– Я… видео… Питер.

– Что-что?

– Видео, что вы приносили вчера.

Голос ее вдруг зазвучал четко, и Гамаш понял, что они выехали на гребень холма. Но вскоре они спустятся в долину и поедут лесом и тогда наверняка потеряют сигнал. Он надеялся, что они успеют переговорить до этого времени.

– У Питера теперь есть дивиди, – сказала Клара.

«Быстрее, быстрее», – твердил про себя Гамаш, но понимал, что вслух произносить это нельзя. Если ты просишь кого-то поторопиться, это неизбежно приводит к противоположному результату. Машина ехала вниз в долину по длинному склону.

– Потому что пленка на всех его кассетах растянута. Он останавливает их на любимых кадрах, а это вредно для пленки.

«Быстрее, быстрее», – думал Гамаш, видя, как приближается долина.

– Вы не думаете, что Си-Си делала то же самое? – спросила Клара. Голос ее уже затухал.

– Мы абсолютно уверены, что она выкинула кассету не потому, что пленка была растянута. – Он не понимал ход ее мысли, к тому же теперь в трубке стал появляться треск.

– …знаю это. Не слишком плохо… нужно…

На линии воцарилось молчание.

Сол увидел машину, приближающуюся к дому по заснеженной подъездной дорожке. Он зажал пленку в ладони, словно при контакте она могла сказать, что нужно делать. Как это происходило с Си-Си.

И вдруг он получил ответ. Наконец-то он был свободен. Впервые за насколько месяцев ему стало легко и весело. Даже, пожалуй, за несколько лет. Он почувствовал ясность мысли, словно мог отстаивать свою позицию в разговоре, словно изменился за одну ночь, словно вернулся его прежний блеск.

Он больше не чувствовал себя тусклым.

Сол улыбнулся мягко и благодарно и закрыл глаза, чувствуя через веки теплое красноватое солнце. Он может начать все заново в этом месте, где столько света. Он сможет купить этот очаровательный, уютный шале и сделать фотографии того, что видит вокруг. Он сможет найти художника, чей портфолио выкинула Си-Си, и сказать ему, что случилось. Сказать, что он сожалеет о той роли, которую он сыграл в этом, и тогда, может быть, этот художник станет его другом.

Из машины вышли люди. Квебекские полицейские – Сол знал это. Он посмотрел на кассету с пленкой в руке, подошел к камину и бросил ее туда.

Глава двадцать шестая

– Садитесь, пожалуйста.

Сол взял их тяжелые куртки, сунул в стенной шкаф и быстро закрыл дверь, пока те не успели вывалиться. Он решил, что этот день начинает с чистой страницы, отсюда пойдет его новая жизнь, а любая жизнь должна начинаться без сожаления. Сол Петров решил рассказать все. Ну, почти все.

Гамаш оглядел комнату и втянул носом воздух. Он ощутил запах горелого, но дрова так не пахнут. Запах был более резкий, менее естественный. Он почувствовал, как его нервы напряглись, течение времени словно замедлилось. Может быть, начался пожар? Где-то закоротила проводка? Эти старые шале были часто слеплены первопроходцами из глубинки, которые хорошо разбирались в природных циклах, но почти ничего не знали про электричество. Гамаш прищурился, оглядывая стены, розетки, электроприборы – нет ли где дымка. Напрягся и его слух – не раздается ли характерное потрескивание электрических дуг, а его обоняние пыталось определить, какой материал мог давать такой запах при горении.

Лемье рядом с ним заметил, как неожиданно насторожился его начальник. Он уставился на Гамаша, пытаясь понять, в чем дело.

– Что это за запах, месье Петров? – спросил Гамаш.

– Я ничего не чувствую, – ответил тот.

– А я чувствую, – встрепенулся Бовуар. – Так горит пластик или что-то подобное.

Теперь и Лемье почувствовал запах.

– Ах, это, – со смехом сказал Петров. – Я выкинул старую пленку в огонь. Ненужный хлам. Наверно, нужно было бросить ее в мусорное ведро. Как-то не подумал.

Он обезоруживающе улыбнулся. Гамаш подошел к камину и увидел шипящий сгусток желтого и черного. Старая пленка. А может быть, и не очень старая. В любом случае – уничтоженная.

– Вы правы, – сказал Гамаш.

Петров привык к тому, что люди, в особенности Си-Си, видят его насквозь, но сейчас он испытывал какое-то новое ощущение. У него было такое впечатление, будто Гамаш заглядывает ему в душу.

– Вы не подумали. Возможно, не самый мудрый поступок.

Новая жизнь Петрова началась не более получаса назад, а он уже

раскаивался. И все же, судя по виду этого спокойного человека, тот мог его понять. У него чуть голова не кружилась от предчувствия. Он с нетерпением ждал момента признания, после которого новая жизнь начнется по-настоящему. Начнется заново. У него даже слезы наворачивались на глаза. Он испытывал горячую признательность этому полицейскому инспектору за то, что тот выслушает его признание. Сол Петров воспитывался убежденным католиком, а потому, как и большинство людей его поколения, не принимал церковь, священников и все уловки религии. Но в этой скромной, даже нелепой комнате, где вместо витражного стекла на стене висели пластиковые украшения, ему хотелось опуститься на колени.

Ради того, чтобы начать все с чистой страницы.

– Я должен сказать вам кое-что.

Гамаш ничего не ответил. Петров заглянул в его добрые вдумчивые глаза, и внезапно в комнате не осталось никого, кроме них двоих.

– Мы с Си-Си были любовниками. Уже около года. Я не уверен, но думаю, что ее мужу это известно. Боюсь, мы не слишком скрывали наши отношения.

– Когда вы встречались в последний раз? – спросил Бовуар.

– Утром в день ее смерти. – Ему потребовалось усилие воли, чтобы оторвать глаза от Гамаша и перевести на другого полицейского, который сидел, внимательно слушая, на соседнем стуле. – Она приехала ко мне, и мы занимались любовью. Между нами были только физические отношения, ничего более. Я был ей безразличен, а она – мне.

Вот оно. Пустяшная, никчемная связь. Он выдохнул, ему уже стало легче.

– Она не говорила вам, почему купила здесь дом? – спросил Бовуар.

– В Трех Соснах? Нет. Я сам себе задавал этот вопрос. Но она ничего не делала просто так, а если что делала, то ради денег.

– Вы считаете, что ее в этом случае мотивировали деньги?

– Так было всегда. Даже в наших отношениях. Я не настолько глуп, чтобы считать, что она спала со мной ради удовольствия. Ей нужен был фотограф подешевле. Так она со мной и расплачивалась.

Его вдруг охватил стыд. Он не мог поверить своим словам. Неужели, выставляя счета, он делал для Си-Си скидку в обмен на секс?

– Может быть, я ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что Си-Си купила здесь дом, потому что для нее был в этом какой-то смысл. И я говорю не о душевном покое и тишине. Насколько я знаю Си-Си де Пуатье, она любила только деньги. И престиж.

– Расскажите, чем вы были заняты в день ее смерти, – сказал Бовуар.

– Я встал около семи, растопил камин, сварил кофе и стал ждать. Я знал, что она появится, – и точно, около восьми часов она появилась. Мы почти не говорили. Я спросил у нее про Рождество, она в ответ пожала плечами. Мне жаль ее дочь. Это ужас – иметь такую мать. От меня она ушла час спустя. Мы договорились встретиться за завтраком.

– А когда она решила пойти?

– Не понял вашего вопроса.

– Она решила отправиться на завтрак и кёрлинг в последнюю минуту или заранее?

– Заранее. Я сказал ей, что намечается такое событие, но она уже знала. Такой же матч проводился и год назад, когда она только купила этот дом. Он просила меня сделать ее фотографии в окружении простых жителей деревни – это ее слова, не мои. Я поехал на завтрак. Отснял там несколько пленок, потом мы поехали на кёрлинг. Холодища была жуткая. Моя камера практически замерзла. Пришлось засунуть ее под мышку, чтобы отогреть. Я все время перемещался, чтобы делать снимки с разных ракурсов. Си-Си была не очень фотогенична, поэтому было важно поймать правильное освещение, точный угол и чтобы в кадр попало еще что-нибудь любопытное. Старушка, сидевшая рядом с ней, была великолепна. Характер просто на лице написан. А то, как она смотрела на Си-Си, – вообще фантастика. – Петров рухнул на стул и рассмеялся, вспомнив о том, как Кей смотрела на Си-Си – будто та блевотина ее собаки. – Она то и дело просила Си-Си сидеть тихо, сидеть тихо. Си-Си мало кого слушает. Я вообще не видел, чтобы она кого-то слушала. Но эта старушка умела на нее влиять. Да и на меня она бы тоже могла повлиять. Страшная, как черт. И Си-Си, конечно, сидела тихо. Почти. По крайней мере, это облегчало мою работу.

– А почему Кей Томпсон просила Си-Си сидеть тихо? – спросил старший инспектор Гамаш.

– Си-Си по характеру была женщиной нервной. Всегда вскакивала, чтобы поставить пепельницу на место, выровнять картину или лампу. Все ей казалось не на месте. Я думаю, старушку это наконец достало. Судя по ее виду, она была готова наброситься на Си-Си и убить.

Гамаш понимал, что это всего лишь фигура речи, а Петров даже не обратил внимания на то, что сказал.

– Сегодня утром мы получили ваши пленки из лаборатории, – сказал Бовуар.

Он подошел к столу и разложил фотографии. Петров и все остальные

подошли к нему. На столе лежали застывшие мгновения. Последние минуты Си-Си и немного после.

– Не замечаете ничего необычного? – спросил Бовуар.

Петров какое-то время разглядывал фотографии, потом отрицательно покачал головой:

– Именно так я, кажется, все и помню.

– Ничего не отсутствует? Ну, например, целый ряд фотографий между этой и этой? От живой Си-Си до Си-Си мертвой. Момент убийства полностью отсутствует.

Голос Бовуара зазвучал громче. В отличие от Гамаша, который мог сидеть и беседовать с подозреваемым весь день, надеясь, что тот рано или поздно расколется, Бовуар был уверен, что единственный способ обращения с подозреваемым состоит в том, чтобы показать, кто здесь главный.

– Я думаю, в этот момент у меня замерзла камера, – сказал Петров, пытаясь скрыть страх, не впасть в раздражительность и жалость к себе, которые были его непременными спутниками все то время, что он провел с Си-Си.

– Это удобно, – заметил Бовуар и с силой втянул воздух. – А может быть, я только что вдохнул запах кассеты, содержавшей разгадку убийства? Что скажете? Вы сожгли ту самую пленку, на которой было запечатлено, как убили Си-Си?

– Зачем мне это делать? Если бы у меня была пленка, на которой заснято, как убили Си-Си, это доказывало бы, что убийца не я. Разве нет?

Этот убийственный аргумент заставил Бовуара замолчать.

– Я отдал вам все пленки, отснятые в тот день. Я вам клянусь.

Бовуар прищурился, глядя на невысокого Петрова, который явно трусил. «Он совершил какую-то пакость, я это знаю», – подумал Бовуар. Но как его поймать, он пока не знал.

Полицейские вышли из дома. Бовуар тяжело шагал к машине, Лемье шел следом за ним, опасаясь стать объектом не нашедшего выхода раздражения инспектора. Гамаш остановился на крыльце, прищурился на солнце. Его ноздри ощущали холод.

– Здесь хорошо. Считайте, что вам повезло. – Гамаш снял перчатку и протянул Петрову руку.

Сол Петров пожал ее, почувствовал тепло человеческого контакта. Он столько времени провел с Си-Си, что почти забыл: большинство людей генерируют тепло.

– Не делайте глупостей, мистер Петров.

– Я сказал вам правду, старший инспектор.

– Надеюсь, сэр.

Гамаш улыбнулся и быстро пошел к машине – его лицо сразу же начал схватывать мороз. Петров вернулся в теплую гостиную, проводил взглядом машину, которая исчезла за углом, потом снова посмотрел на яркий новый мир, спрашивая себя, как же можно было быть таким глупцом. Он порылся в ящиках, нашел ручку и чистую рождественскую открытку. Написав короткое послание, он отправился в Сен-Реми на поиски почтового ящика.

– Останови-ка машину, – сказал Гамаш.

Бовуар нажал на тормоза и посмотрел на шефа. Гамаш сидел на пассажирском сиденье и глядел в окно, чуть шевеля губами и прищурившись. Через минуту он закрыл глаза, улыбнулся и покачал головой:

– Мне нужно поговорить с Кей Томпсон. Завези-ка меня в Уильямсбург, а сам возвращайся в Три Сосны, возьми «Лев зимой» и отвези Кларе Морроу. Попроси ее – пусть скажет, что у нее на уме. Она поймет.

Бовуар развернул машину к Уильямсбургу.

Гамаш только что сообразил, что имела в виду Клара во время их оборвавшегося разговора, и если она права, то это многое может объяснить.

– «В жопу папу римского?»

Гамаш и мысли не мог допустить, что когда-нибудь произнесет такие слова, даже в форме вопроса. Особенно в форме вопроса.

– Они так говорили.

Кей посмотрела на него своими голубыми проницательными глазами, однако теперь в них появилось какое-то новое выражение. Усталость. Рядом с ней на диване сидела с прямой спиной Эмили Лонгпре и внимательно слушала, глядя на свою подругу.

– Почему? – спросила его Кей.

Он, конечно, постоянно задавал себе этот вопрос, а вот теперь кто-то задавал этот вопрос ему. У него возникло впечатление, что он чего-то не понимает, что какой-то подтекст остается недоступным ему.

Он задумался на мгновение, глядя в панорамное окно ее скромной комнаты в доме престарелых. Из окна открывался чудесный вид на Лак-Брюм. Солнце клонилось к закату, и длинные тени гор лежали на озере так, что часть его ослепляла ярким светом, а другая часть лежала в темноте, словно инь и ян. Постепенно резкость теневых переходов исчезала, и он увидел мальчишек в траншее с глазами, полными ужаса. Им приказали

сделать немыслимое, и они немыслимым образом собирались сделать это.

– Не могу понять. Они думали, что слова могут убивать, – неторопливо произнес Гамаш, размышляя вслух при виде этих беззащитных, беззащитно юных мальчишек, готовящихся к смерти.

Что может подвигнуть на такое? Смог бы он? Одно дело – не задумываясь ввязаться в какое-то опасное предприятие, и совсем другое – ждать, и ждать, и ждать, зная, что тебе предстоит. И в конечном счете сделать это. Без всякой цели. Ничего этим не достигнув.

– Это смешно. Сколько бы ты ни кричал «В жопу папу римского», ты этим не убьешь ни одного немца. Что человек использует в качестве оружия? Что вы делаете, когда убийца стреляет в вас? Бежите следом за ним с криком «Tabernacle!», «Sacré!», «Chalice!»? Я надеюсь, что никогда не попаду в такую ситуацию с вами. Merde[83].

Гамаш рассмеялся. Его проницательный комментарий не произвел никакого впечатления. И она, вероятно, была права. Он никак не мог понять, почему молодые люди на Сомме кричали эти слова.

– У меня есть фотографии, и я хочу, чтобы вы обе их посмотрели.

Он разложил фотографии Сола на столе.

– Кто это? – спросила Кей.

– Это ты, ma belle, – ответила Эмили.

– Ты шутишь? Я тут похожа на картофелину в корзинке с грязным бельем.

– Кажется, на нескольких фотографиях вы разговариваете с Си-Си, – сказал Гамаш. – О чем вы с ней говорили?

– Вероятно, говорила ей, чтобы она сидела спокойно. Она все время ерзала. Это меня очень раздражало.

– И она вас послушалась? Почему?

– Все слушаются Кей, – улыбнулась Эм. – Она по характеру лидер, как и ее отец.

Гамаш подумал, что это не совсем так. Он подумал, что из трех подружек настоящим, хотя и самым тихим лидером является Эмили Лонгпре.

– Наша Кей несколько десятилетий лично возглавляла лесопилку Томпсона на Мон-Эко. Готовила целые бригады людей, живших в горах, и управляла ими. И они ею восторгались. У нее было самое успешное предприятие по лесозаготовкам в округе.

– Если мне раз в неделю удавалось загнать какого-нибудь деревенщину в щелочную баню, то уж урезонить Си-Си мне по силам, – сказал Кей. – Никогда не любила таких дерганых людей.

– Мы считаем, что де Пуатье – это не настоящая ее фамилия, – сказал Гамаш, пытаясь понять ее реакцию. Однако обе женщины продолжали разглядывать фотографии. – Мы думаем, что ее мать происходит из Трех Сосен и Си-Си именно поэтому приехала сюда. Чтобы найти мать.

– Бедное дитятко, – сказала Эм, по-прежнему не поднимая глаз. Неужели она намеренно избегала встречаться с ним глазами? – И она это сделала?

– Нашла ли свою мать? – спросил Гамаш. – Не знаю. Но нам известно, что фамилия ее матери начиналась с буквы «эль». Вы не знаете такую?

– Вот здесь есть одна, – сказала Эмили. – Одна женщина по имени Лонгпре.

Кей расхохоталась:

– Бросьте, старший инспектор. Вы же не можете всерьез подозревать Эм? Неужели вы думаете, что она могла бросить ребенка? Она на это способна не больше, чем выиграть матч по кёрлингу. Тут она вне подозрений.

– Спасибо, дорогая.

– Кто-нибудь еще? – спросил он.

Последовала пауза, и наконец обе женщины отрицательно покачали головами. Гамаш знал: они что-то скрывают. Иначе и быть не могло. Они жили в Трех Соснах, когда здесь жила и мать Си-Си, а в пятидесятые годы в маленькой квебекской деревне беременная девица не могла бы остаться незамеченной.

– Позвольте подвезти вас до дома? – спросила Эм после долгой, неловкой паузы.

Гамаш стал собирать фотографии, и тут его взгляд уловил кое-что. Кей смотрела практически прямо на Си-Си, а Си-Си – на пустой стул перед ней, словно ей отчаянно хотелось пересесть на него. И тут он понял, как убийца сделал это.

Глава двадцать седьмая

Клара и Питер Морроу включили телевизор и видеомагнитофон, а Бовуар засунул кассету в кассетоприемник.

Он не ждал от этого ничего хорошего. Два часа какого-то тягомотного английского кино, где все будут только говорить, говорить, говорить. Никаких взрывов. Никакого секса. Он подумал, что предпочел бы снова заболеть гриппом, чем смотреть «Лев зимой». Агент Лемье рядом с ним на диване был в восторге.

Детишки.

Эмили Лонгпре высадила Гамаша, как он и просил, у старого дома Хадли.

– Вас подождать?

– Нет, мадам, mais vous êtes très gentille[84]. Прогулка пойдет мне только на пользу.

– Вечер холодный, старший инспектор. А будет еще холоднее. – Она показала на щиток приборов, где были часы и термометр.

Температура упала уже до минус пятнадцати по Цельсию, а солнце только-только село. Была половина пятого.

– Я никогда не любила этот дом, – сказала Эм, глядя на башни и темные окна.

Впереди светилась деревня Три Сосны, привлекала теплом и сиянием, обещанием хорошей компании и аперитива у веселого огонька. Гамаш распахнул дверь машины, которая протестующе заскрипела промерзшими петлями. Он проводил взглядом машину Эмили, исчезнувшую за невысоким гребнем холма в деревне, и повернулся к дому. В гостиной горел свет, а когда он позвонил, свет зажегся и в холле.

– Входите, входите. – Ришар Лион практически затащил его в дом и захлопнул дверь. – Ужасный вечер. Входите, старший инспектор.

«Да бога ради, не надо этого дружелюбия. Неужели нельзя говорить нормально? Постарайся быть кем-нибудь, кто тебя восхищает. Например, президентом Рузвельтом. Или капитаном Жаном-Люком Пикаром»[85].

– Чем могу быть вам полезен?

Теперь Лиону нравился звук собственного голоса. Спокойный, размеренный, сдержанный. Только бы не лажануться.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, но сначала скажите, как

себя чувствует ваша дочь.

– Кри?

Интересно, почему каждый раз, когда Гамаш задает вопрос о Кри, Лион недоумевает, чуть ли не удивляется, обнаружив, что у него есть дочь или что кого-то она интересует?

– Я думаю, она в порядке. Позавтракала чем-то. Обогреватель я включил, так что ей не холодно.

– Она разговаривает?

– Нет. Но она никогда особо не разговаривает.

Гамашу хотелось встряхнуть этого сонного человека, который жил словно окутанный ватой, в изолированном, беззвучном мире. Не дожидаясь приглашения, старший инспектор прошел в гостиную и сел напротив Кри. Девочка была одета по-другому – в белые шорты, обтягивающие ее толстые ноги, и в розовую майку без рукавов. Волосы были заплетены в косички, взгляд оставался отсутствующим.

– Кри, это старший инспектор Гамаш. Как ты?

Нет ответа.

– Здесь холодно. Хочешь, дам тебе свитер?

Он снял свой кардиган и набросил ей на голые плечи, потом повернулся к Лиону:

– Советую после моего ухода растопить камин и набросить дочери одеяло на плечи.

– Но от камина совсем мало тепла, – сказал Лион. «Только без раздражительности. Говори уверенным голосом, как хозяин дома. Решительно». – И здесь нет дров.

– В подвале есть дрова. Я помогу вам поднять их. Насчет тепла вы, вероятно, правы, но огонь яркий и улучшает настроение. Это все очень важно. А теперь несколько вопросов к вам.

Гамаш вышел из гостиной в коридор. Он не хотел здесь задерживаться. Собирался еще поговорить с Мирной в ее магазине, прежде чем она закроется.

– Назовите настоящую фамилию вашей жены.

– Де Пуатье.

– Настоящую фамилию.

Лион посмотрел на него непонимающим взглядом:

– Разве она не де Пуатье? Что вы хотите сказать?

– Эта фамилия выдуманная. Вы не знали?

Лион отрицательно покачал головой.

– Каково ваше финансовое состояние, месье Лион?

Он открыл было рот, но тут же закрыл, прежде чем ложь успела сорваться с его губ. Больше не было нужды лгать, притворяться кем-то, кем ты на самом деле не был. Си-Си настаивала на этом, заставляла его изображать из себя кого-то, делать вид, что они родились в особняке вроде этого. Среди величия. Среди богатства.

– Для покупки этого дома я отдал мои пенсионные накопления, – признался он. – Мы по уши в долгах.

Он даже удивился, насколько это просто. Си-Си говорила ему, что они никогда не должны признавать правду. Если кто-то узнает, какой жизнью они живут на самом деле, их ждет крах. Но обман и скрытность так или иначе все равно вели их к краху. И вот Ришар Лион сказал правду – и ничего не случилось.

– Уже нет. Ваша жена была застрахована на сотни тысяч долларов.

Происходило что-то ужасное, и теперь Лион горько жалел о том, что сказал правду. Что бы на его месте сделал президент Рузвельт? Капитан Пикар? Си-Си?

– Я даже не знаю, о чем вы говорите.

Ложь.

– На страховом полисе ваша подпись. Эти документы у нас.

Действительно, происходило что-то ужасное.

– По специальности вы инженер. К тому же вы изобретатель. Вы легко могли подсоединить провода, которыми была убита ваша жена. Вы знали, что она должна стоять в жидкости и держаться за стул голыми руками. Вы могли за завтраком подсунуть ей никотиновую кислоту. Вы достаточно хорошо ее знали, чтобы быть уверенным, что она займет лучшее место рядом с обогревателем.

Голос Гамаша, звучавший так размеренно, что от этого Лиону становилось только страшнее, изменился, стал еще тише. Старший инспектор вытащил из сумки фотографии.

– Мне с самого начала было непонятно, откуда убийца знал, что Си-Си ухватится за стул, стоящий перед ней. Люди обычно так себя не ведут. Теперь мне это ясно. Вот как это произошло.

Он показал Ришару Лиону фотографию. Ришар увидел свою жену примерно за минуту до смерти. Кей, сидевшая рядом с ней, что-то говорила, но внимание Си-Си было приковано к стулу перед ней.

Ришар Лион побледнел.

– Вам, сэр, это тоже известно.

– Я этого не делал.

Голос его звучал тонко, ломко. Те голоса, что он слышал в своих

мыслях, исчезли, оставили его в одиночестве. В полном одиночестве.

– Он этого не делал, – сказала Мирна двадцать минут спустя.

– Почему вы так думаете? – спросил Гамаш, усаживаясь в кресло-качалку перед плитой, излучавшей тепло.

Мирна приготовила ему горячий пунш на роме и поставила стакан на стопку «Нью-йоркского книжного обозрения» на тумбочке между ними. Гамаш чувствовал, как тепло разливается по телу.

– Он все время сидел на трибуне рядом со мной.

– Я помню, вы об этом говорили. Но не мог ли он отойти на минуту-другую так, чтобы вы не заметили?

– А вы, когда шли сюда из старого дома Хадли, заметили бы, если бы с вас на минуту-другую свалилась куртка? – Когда она задавала этот вопрос, в глазах ее сверкали искорки.

– Может быть.

Гамаш знал, к чему она клонит, и не хотел это слышать. Не хотел слышать, что его идеальный подозреваемый, его единственный идеальный подозреваемый не мог этого сделать, потому что Мирна обратила бы внимание на внезапное исчезновение телесного тепла, излучаемого Лионом. Уже не говоря об отсутствии самого Лиона.

– Послушайте, я не испытываю никаких теплых чувств к этому человеку, – сказала она. – Кто-то на протяжении многих лет третировал Кри, довел ее чуть ли не до ступора. Поначалу я думала, что она аутист, но, проведя с ней несколько минут, я поняла, что это не так. Думаю, это своего рода бегство от самой себя. И по-моему, Ришар Лион виноват в этом.

– Расскажите мне. – Гамаш взял свою теплую кружку и вдохнул запах рома и специй.

– Что ж, я постараюсь говорить осторожно. На мой взгляд, Кри на протяжении всей жизни подвергалась эмоциональному и словесному унижению. Я думаю, унижала ее Си-Си, но обычно в таких ситуациях есть три стороны. Тот, кто унижает, тот, кого унижают, и безучастный наблюдатель. Один родитель делает это, а другой знает, что происходит, и ничему не препятствует.

– Если Си-Си эмоционально унижала свою дочь, то могла ли она унижать и своего мужа?

Гамаш вспомнил Лиона – испуганного и потерянного.

– Я в этом почти не сомневаюсь. Но все же он отец Кри, и он должен был ее защитить.

– Однако не защитил.

Мирна кивнула.

– Вы можете себе представить, что такое жить в подобном доме? – Мирна сидела спиной к окну, и ей не был виден старый дом Хадли, но она чувствовала его.

– Может, обратиться в опекунскую службу? Может, Кри будет лучше где-то в другом месте?

– Нет, я думаю, худшее уже позади. Ей сейчас необходим любящий родитель и интенсивная терапия. Кто-нибудь говорил с ее преподавателями в школе?

– Они утверждают, что она умная, и ее отметки это подтверждают. Но она не приспособлена к жизни в обществе.

– И возможно, никогда не будет приспособлена. Слишком велик ущерб. Мы становимся заложниками наших убеждений, а Кри убеждена, что она чудовище. Она слышала об этом всю свою жизнь. И теперь это преследует ее, как и голос матери. Этот голос большинство из нас слышит в минуты тишины, он нашептывает добрые слова или слова обвинения. Голос нашей матери.

– Или отца, – сказал Гамаш. – Хотя в данном случае отцовский голос молчал. Она произнесла слишком много слов, он – слишком мало. Бедняжка Кри. Неудивительно, что это кончилось убийством.

– Мы живем в век управляемых ракет и неуправляемых людей, – сказала Мирна. – Это слова доктора Мартина Лютера Кинга младшего.

Гамаш кивнул, потом вспомнил что-то еще:

Твои убеждения становятся твоими мыслями,
Твои мысли становятся твоими словами,
Твои слова становятся твоими действиями,
Твои действия становятся твоей судьбой.

– Махатма Ганди, – пояснил он. – Там есть и дальше, но я не помню.

– Не знала, что Махатма был таким болтливым, но я с ним согласна. Очень сильно сказано. Начинается с наших убеждений, и наши убеждения становятся нашими родителями, а если у нас больной родитель, то у нас больные убеждения и они заражают все, что мы думаем и что делаем.

Гамаш не знал, кто был матерью Си-Си и какие убеждения она внедрила в голову дочери. Он попивал пунш, его тело наконец согрелось. Он оглянулся.

Магазин Мирны был похож на старую библиотеку в загородном доме.

Вдоль стен стояли приятные глазу деревянные книжные шкафы, заставленные книгами. Тут и там лежали коврики, а в центре стояла чугунная плита, перед которой удобно расположился диван, с креслами-качалками по бокам. Гамаш, который любил книжные магазины, решил, что приятнее этого еще в жизни не видел.

Он пришел за несколько минут до пяти, миновав по дороге Рут. Пожилая поэтесса снова остановилась посреди деревенского луга и опустилась на покрытую ледком скамейку. Гамаш выглянул в окно Мирны и увидел, что Рут все еще сидит там, неподвижная, застывшая на фоне веселых рождественских огней на соснах.

– «Да, дети все печальны, – процитировал Гамаш, – но некоторые преодолевают это».

Мирна проследила направление его взгляда.

– Пивная прогулка, – сказала она.

– Пивная прогулка, – повторил Робер Лемье.

Он оторвался от телевизора в доме Морроу. Клара и инспектор Бовуар все еще с широко раскрытыми глазами оставались перед экраном. Единственными признаками жизни, которые замечал Лемье в инспекторе с начала фильма, были редкие ахи и охи. Лемье тоже старался смотреть, но все время ловил себя на том, что начинает задремывать. Он представил себе, как его голова падает на плечо Бовуара и из уголка рта тянется ниточка слюны. Нет, лучше встать и пройтись.

Он остановился у окна, и к нему присоединился Питер Морроу.

– Что она там делает? – спросил Лемье, указывая на старую женщину, сидевшую на скамье, в то время как остальные обитатели деревни жались к своим теплым каминам или торопились домой в этот холодный вечер, когда, казалось, замерз сам воздух.

– О, это ее пивная прогулка.

Лемье покачал головой. Смешная старая пьяница.

Когда Мирна закончила объяснять, Гамаш направился к своей куртке и общупал карманы, пока не нашел, что искал. Экземпляр книги Рут, найденный на теле Эль.

Он вернулся на прежнее место, открыл книгу и стал читать, что попадется на глаза.

– Она удивительная поэтесса, – сказала Мирна. – Жаль, что в жизни она такая невыносимая. Вы позволите? – Она протянула руку и открыла книгу на авантитуле. – Это вам Клара дала?

– Нет. А что?

– Это посвящено ей. – Мирна показала ему: – «Ты воняешь. С любовью, Рут».

– Кларе? «Ты воняешь»?

– Ну, в тот день так и было. Забавно, правда? Она сказала, что потеряла ее. Наверно, потом опять нашла. Хотя вы говорите, что не она дала вам эту книгу?

– Нет, эта книга – вещественное доказательство, которое проходит по одному делу.

– Делу об убийстве?

– Вы сказали, она потеряла ее, после того как Рут оставила ей свой автограф. Где потеряла? – Гамаш подался вперед, его проницательные глаза уставились на Мирну.

– В «Ожильви». Она купила книгу на презентации, устроенной для Рут, та дала ей свой автограф, а после мы с Кларой ушли.

Мирна ощутила, какая от него исходит энергия, и сама почувствовала нервное возбуждение, хотя и не понимала почему.

– Вы нигде не задерживались?

– Я пошла за машиной и подобрала Клару у входа. Мы никуда не заезжали.

– А она куда-нибудь заходила, после того как вы ушли за машиной?

Мирна задумалась, потом отрицательно покачала головой. Гамаш встал. Ему нужно было поговорить с Морроу.

– А, вспомнила: на следующий день она мне сказала, что купила какую-то еду для нищенки на улице. Она… – Мирна замолчала.

– Продолжайте. – Гамаш повернулся к ней от двери.

– Это все.

Гамаш продолжал смотреть на нее.

– Я не могу вам сказать. Пусть это сделает Клара.

– Эта нищенка умерла. Была убита. – Он взял книгу Рут и тихо проговорил: – Вы должны мне сказать.

Глава двадцать восьмая

Питер впустил Гамаша в дом и взял его куртку. В доме отчетливо пахло попкорном и слышались звуки средневекового хора.

– Кино вот-вот закончится, – сообщил Питер.

– Уже закончилось, – сказала Клара, заглядывая в кухню, чтобы поздороваться с Гамашем. – Во второй раз мне даже больше понравилось. И мы нашли кое-что.

Они прошли в гостиную и увидели Жана Ги Бовуара, который сидел с широко открытыми глазами, уставившись в экран, где шли завершающие титры.

– Mon Dieu, неудивительно, что вы, англичане, одержали победу на Полях Авраама[86], – сказал он. – Вы все чокнутые.

– Да, во время войны это полезное качество, – согласился Питер. – Но мы не все похожи на Алиенору Аквитанскую или Генриха. – Ему хотелось сказать, что, вообще-то, Алиенора и Генрих оба были французами, но он решил, что это будет невежливо.

– Вы так думаете? – протянул Бовуар.

Он повидал немало англичан в Квебеке, чтобы засомневаться. Его всегда пугала их таинственность. Он не мог понять, что у них на уме. А если он не мог это понять, то не мог и представить себе, что они будут делать. В обществе англичан он чувствовал себя не в своей тарелке, беззащитным. И ему это не нравилось. Если откровенно, то ему не нравились англичане и этот фильм ничуть не изменил его отношения к ним.

Ужасающе.

– Сейчас. – Клара нажала кнопку обратной перемотки, и пленка зашуршала. – Это минута семнадцатая. Там что-то странное с пленкой.

Гамаш наконец сообразил, что пыталась донести до него Клара своими невнятными объяснениями. Видеопленка вытягивается в тех местах, где ее часто останавливают. А если пленка вытягивается, то картинка становится дерганой. Клара хотела сказать, что если Питер останавливал свои кассеты в важных для него местах и пленка вытягивалась, то, возможно, Си-Си делала то же самое.

– Тут есть одно место, в котором пленка ведет себя странно, – сказал Лемье. – Но мы просмотрели это место несколько раз, и там ничего важного не происходит.

– Я думаю, если ты будешь внимателен, то увидишь, что каждый кадр этого фильма насыщен смыслом, – сказал Гамаш молодому полицейскому. – И наверняка есть причина, почему Си-Си останавливала кассету в этом месте.

Лемье зарделся. Он опять получил урок. Уроки для него были на каждом шагу. Гамаш говорил будничным тоном, но они оба знали, что он говорит об этом Лемье уже во второй раз.

– Так, вот это место. – Клара села и нажала кнопку «воспроизведение».

Лодка приближалась к мрачному берегу. Кэтрин Хепберн в роли стареющей Алиеноры, закутанная в шали, блистательная и хрупкая. Никакого диалога, просто долгая сцена – лодка, плывущая по реке в сельской местности, лодочники и прибывающая королева.

Лодка почти причалила к берегу, и тут пленка начала вести себя странным образом. На несколько мгновений она задергалась.

– Вот, – сказала Клара и нажала кнопку «пауза». – Сейчас я покажу вам еще раз.

Она перемотала пленку назад и снова нажала кнопку «воспроизведение», и снова Алиенора поплыла в лодке на изматывающее рождественское воссоединение с семьей.

Клара остановила кассету в тот самый момент, когда изображение задергалось. Нос лодки почти полностью заполнил экран. Лиц видно не было. Никаких актеров в кадре. Одни лишенные листвы, безжизненные деревья, почти мертвый пейзаж, серая вода и нос лодки. Ничего. Возможно, Лемье прав, подумал Гамаш.

Он откинулся на спинку дивана, глядя на экран. Видеомагнитофон автоматически снялся с режима «пауза», и Кларе пришлось снова отмотать пленку назад, включить «воспроизведение», а потом снова «паузу».

Проходили минуты.

– Что вы видите? – спросил Гамаш, обращаясь ко всем присутствующим.

– Лодку, – сказала Клара.

– Деревья, – добавил Питер.

– Немного воды, – выпалил Бовуар, торопясь внести свою лепту, прежде чем всё разберут.

Лемье дал бы себе пинка, если бы мог. Ему ничего не осталось. Он увидел, что Гамаш весело смотрит на него. И в его взгляде было что-то еще. Одобрение. Лучше уж ничего не говорить, чем сказать только ради того, чтобы что-то сказать. Лемье улыбнулся в ответ и успокоился.

Гамаш отвернулся от экрана. Лодка, деревья, вода. Почему Си-Си останавливала пленку на этом месте? Может, это простое совпадение? Может быть, он вкладывает в это смысл, которого там и нет? Может быть, она остановила здесь пленку, чтобы пойти выпить или ей нужно было в туалет? Но от одной паузы пленка бы так не растянулась. Чтобы возник такой дефект, пленку нужно было останавливать много раз.

Он встал, чуть размял ноги.

– Нет нужды смотреть на экран. Ты был прав, а я ошибался. Мои извинения, – кивнул он Лемье, которого это настолько ошеломило, что он и не знал, что ответить.

– Прошу прощения, – сказала Клара, выходя с ними в прихожую. – Мне показалось, что в этом что-то есть.

– И вы могли оказаться правы. У вас чутье на преступление, мадам.

– Вы мне льстите, месье.

Будь Питер псом, шерсть у него на загривке поднялась бы. Как он ни старался, но не мог преодолеть в себе ревность к Гамашу и смириться с той легкостью, с какой тот общался с Кларой. В прихожей Гамаш вытащил из кармана книгу и протянул ее Кларе. После разговора с Мирной он предвидел то, что ему придется сделать, и всей душой не хотел этого.

– Как это мило с вашей стороны. Но у меня уже есть последняя книга Рут.

– Но не эта, – почти шепотом сказал он.

Питер, как и все остальные, напрягся, слушая этот разговор.

Клара открыла книгу и широко улыбнулась:

– «Ты воняешь. С любовью, Рут». Вы нашли ее. Ту, которую я потеряла. Я ее уронила на дороге или в бистро?

– Вы ее уронили в Монреале.

Клара недоуменно посмотрела на Гамаша:

– И вы ее нашли? Но это невозможно.

– Эту книгу нашли на теле мертвой женщины. – Он произносил слова медленно, разборчиво, чтобы она хорошо услышала и поняла их. – Убитую нашли рядом с «Ожильви» перед Рождеством.

Гамаш смотрел на Клару, изучая ее лицо, ее реакцию. Но она продолжала недоуменно, удивленно смотреть на него. И ничего более.

– Она была нищенкой, бродягой.

И тут на ее лице появилось какое-то просветление. Ее глаза открылись чуть шире, она приподняла голову, откинула ее назад, словно отторгая его слова.

– Нет, – прошептала Клара, побледнев как смерть. В тишине было

слышно только ее дыхание. – Старуха, бродяжка на улице?

Молчание затягивалось, все глаза были устремлены на Клару, которая никак не могла совладать с этим известием. Клара чувствовала, что падает, но не на пол, а гораздо глубже, в бездну, наполненную разбитыми мечтами.

«Я всегда любила твое искусство, Клара».

Так, значит, бродяжка все же не была Богом. Просто несчастной старой женщиной. Такой же заблуждающейся, как Клара. Они обе считали, что ее искусство прекрасно. И обе ошибались. А Си-Си и Фортен говорили правду.

«Твое искусство – дилетантство и банальщина. Сама ты неудачница. У тебя нет ни голоса, ни мировоззрения, вообще ничего. Ты пустила свою жизнь коту под хвост».

Эти слова ударяли по Кларе, придавливали ее к земле, волокли к краю.

– Боже мой, – вот все, что она смогла произнести.

– Питер, пожалуйста, приготовьте чашечку чая. Горячего и сладкого, – обратился Гамаш к Питеру, которого взбесило, что он сам до этого не додумался, и который был благодарен за то, что ему нашлось какое-то занятие.

– Возвращайся в оперативный штаб и спроси у Лакост, какие у нее новости, – торопливо прошептал Гамаш Бовуару.

Потом снова занялся Кларой: провел ее в гостиную, еще раз выругав себя за то, что не отдал Бовуару видеокассету. Он надеялся, что не забудет ее здесь.

– Расскажите мне обо всем, – сказал он Кларе, когда они уселись в тепле у огня.

– Я увидела ее, перед тем как войти в «Ожильви». В тот вечер была презентация книги Рут. У меня настроение было неважное – все мои планы на жизнь и все такое…

Конец предложения повис в воздухе: Клара знала, что Гамаш поймет ее. Тот вечер снова разворачивался перед нею. Она снова уходила с презентации, покупала еду, шла к тому роковому эскалатору. Видела Си-Си на встречном.

«Твое искусство – дилетантство и банальщина».

Словно в полусне она вышла на холод, испытывая желание идти непонятно куда по улице, выть и рыдать, расталкивая всех радующихся празднику. Но вместо этого она склонилась над бродяжкой, над этой грудой вонючего дерьма и отчаяния, и встретила взгляд ее слезящихся глаз.

– «Я всегда любила твое искусство, Клара».

– Она так и сказала? – спросил Гамаш.

Клара кивнула.

– Вы ее знали?

– Никогда в жизни ее не видела.

– Но вы должны были ее знать, – сказал агент Лемье, впервые подав голос за все время разговора.

Эти слова непрошеными вырвались из его рта. Он замолчал и покосился на Гамаша в ожидании упрека. Но Гамаш посмотрел на него с любопытством и снова повернулся к Кларе.

Лемье с облегчением слушал продолжение разговора, но ему не сиделось на стуле. Весь этот разговор тревожил его.

– Как вы это объясняете? – спросил Гамаш, внимательно глядя на Клару.

– Я не могу это объяснить.

– Можете-можете, – подбодрил ее Гамаш. Он зондировал, пробовал, просил впустить его в ее внутренний мир. – Расскажите мне.

– Я думаю, она была Богом. Думала, что она Бог.

Клара пыталась взять себя в руки и сдержать рыдания.

Гамаш спокойно сидел и ждал. Он отвернулся, давая ей иллюзию уединения. Глядя на экран телевизора, он вдруг мысленным взором увидел остановленное изображение лодки. Нет, не лодки, а только ее носа. С резьбой. Морского змея. Змея. Нет. Птицы.

Орла.

Пронзительно клекочущего орла.

И Гамаш понял, почему Си-Си останавливала пленку на этом месте. Ему нужно успеть в оперативный штаб до отъезда Лакост. Часы на каминной полке показывали начало седьмого. Возможно, он уже опоздал. Он подал знак Лемье и шепнул ему несколько слов на ухо, после чего молодой агент быстро и тихо вышел из комнаты. Несколько секунд спустя Гамаш увидел, как тот спешит по подъездной дорожке, а потом выходит за калитку.

Гамаш опять обругал себя: забыл отдать Лемье видеокассету, чтобы тот положил ее в коробку с вещдоками. У него было неприятное предчувствие, что он уйдет, забыв кассету у Клары. Пришел Питер с чаем, и Клара немного встряхнулась.

– Я должен повторить свой вопрос, Клара. Вы уверены, что никогда прежде не видели Эль?

– Эль? Так ее звали?

– Так она названа в полицейском протоколе. Настоящего ее имени мы не знаем.

– После того вечера я много думала об этом. Мирна тоже меня спрашивала. Я не знала эту женщину. Уж вы мне поверьте.

Гамаш ей верил.

– Как она умерла? – спросила Клара. – От холода?

– Ее убили вскоре после вашего разговора с ней.

Глава двадцать девятая

Отправляясь в оперативный штаб, Арман Гамаш все же не забыл взять кассету с фильмом «Лев зимой». Он положил ее на стол и подошел к компьютеру Лакост, у которого столпились остальные. Увидев, что агент Николь сидит за своим столом, он махнул ей, чтобы тоже подошла.

– Лемье сообщил мне, что вам нужно, – сказала агент Лакост, бросив на Гамаша быстрый взгляд. – Посмотрите сюда.

Экран ее компьютера был разделен на две части, на которых Гамаш увидел почти одинаковые изображения. Стилизованная голова клекочущего орла.

– Вот это эмблема Алиеноры Аквитанской. – Лакост показала на изображение слева.

– А это? – Гамаш ткнул пальцем в другую половину экрана.

– А это логотип фирмы Си-Си. Он вроде бы есть на обложке ее книги. Тут все размыто. Разрешение не очень хорошее, но ясно видно, откуда что заимствовано.

– Вы были правы, – сказал Бовуар. – Си-Си останавливала пленку на семнадцатой минуте, чтобы получше разглядеть изображение на носу лодки. Видимо, она решила, что это эмблема Алиеноры, и захотела ее скопировать.

– Все сходится, – пробормотал Лемье.

– Как вам удалось обнаружить эту связь? – спросил Бовуар.

– У меня было незаслуженное преимущество, – признал Гамаш. – Лион показывал мне книгу Си-Си с этим логотипом. Забыть его невозможно.

«Это объясняет нелепый выбор злобного орла в качестве логотипа, – подумал он. – Она присвоила эмблему Алиеноры».

– Я должен показать вам кое-что.

Гамаш подошел к своей сумке и извлек из нее фотографии, сделанные Солом Петровым. Полицейские подтащили стулья к общему столу, а Гамаш разложил фотографии.

– Я понял, почему Си-Си ухватилась за стул, стоящий перед ней, – сказал он, кивая на фотографии. – Это все там есть.

Они стали разглядывать фотографии, и по прошествии минуты Гамаш сжалился над ними. Они все устали и проголодались, а агенту Лакост предстояла долгая поездка до Монреаля.

– Взгляните сюда. – Он постучал пальцем по одной из первых фотографий Си-Си на озере, где она наблюдает за игрой в кёрлинг. – Здесь стул вроде бы стоит нормально. Так?

Они кивнули.

– А теперь – сюда.

Он показал на один из последних снимков Си-Си.

– Господи! Это же очевидно. И как это я не заметил? – Бовуар оторвал взгляд от фотографии и удивленно посмотрел на Гамаша. – Его перекосило.

– И что? – спросила Лакост.

– Люди, которые были с ней знакомы, много раз повторяли, что у нее была такая мания – она постоянно поправляла предметы вокруг себя. Стул вроде этого, – Гамаш показал на наклоненный стул, одной стороной утонувший в снегу, – наверняка привлек бы ее внимание. Еще удивительно, что она так долго терпела.

– Но, как вы уже заметили, – сказала агент Николь, – вначале стул стоял ровно. Вероятно, кто-то накренил его.

Гамаш кивнул. Может быть, это и запечатлела пленка, сожженная Петровым? Может быть, на ней был запечатлен кто-то из обитателей деревни, который проходил мимо стула и невзначай накренил его. А потом отправился к генератору и дождался момента, когда Си-Си встала и принялась выравнивать стул. А он в этот момент подсоединил провода. И тут-то оно и случилось – убийство.

Это было блестяще, почти что изящно.

Вот только кто это сделал? Ришар Лион был идеальным подозреваемым. Он знал, что его жена непременно поправит стул.

– Этот фотограф что-то скрывает, – сказал Бовуар.

– Я согласен, – сказал Гамаш. – Он кинул пленку в камин прямо перед нашим приездом. Я думаю, на этой пленке было запечатлено убийство.

– Но зачем ему уничтожать пленку? – спросил Лемье. – Он ведь сам сказал: будь у него фотография момента убийства, она бы доказывала его невиновность.

– Уж не собирался ли он использовать ее для шантажа? – спросила Николь.

– Но зачем ее уничтожать? В таком случае нужно ее сохранять, разве не так? – спросила Лакост и в ответ получила безусловно дружескую улыбку.

«Вот сучка», – подумала Николь. Она оглянулась и увидела, что Гамаш смотрит на нее. «Возможно, он знает», – подумала она. Он стоял такой самоуверенный и дружелюбный в окружении своей команды. Она была

чужой. Всегда чужой. Что ж, это переменится.

– Зачем уничтожать фотографии, запечатлевшие убийство Си-Си? – спросил самого себя Гамаш, садясь и начиная перебирать снимки. – Есть только одно объяснение: он пытался защитить убийцу.

– А зачем ему это? Он здесь никого не знает, – заявил Лемье.

– Выясните предысторию Сола Петрова, – сказал Гамаш, обращаясь к Николь. – Узнайте о нем все, что только есть. – Он потер глаза усталой рукой.

Потом Гамаш подошел к столу, взял видеокассету и отнес ее в помещение, где хранились вещдоки. На полу стоял небольшой ящик с содержимым мусорного ведра Си-Си. Он вынул опись предметов, а кассету положил на место. Развернув опись, старший инспектор пробежался по знакомому списку. Коробки от сухих завтраков, сломанный браслет, коробка из-под обуви, рождественские обертки для подарков. Список был вполне прозаическим, если не считать видеофильма и браслета.

Гамаш надел перчатки и принялся осматривать содержимое ящика, словно микромусорщик. Через минуту ящик был пуст, если не считать чего-то маленького, свернувшегося в уголке наподобие брошенного щенка, жмущегося к теплу. Вещь была коричневая, грязная и сломанная. Но это был не браслет. Гамаш надел свои полукруглые очки и поднял этот предмет на вытянутой руке. Он резко выдохнул, поднес руку ближе к глазам и уставился на маленький предмет, висящий на кожаном шнурке.

Это был не браслет, а кулон. Маленькая, затертая грязная побрякушка. Клекочущий орел.

Гамаш знал, что Си-Си, разборчивая, одержимая Си-Си, никогда бы не надела эту грязную вещицу. Но он знал, кто ее надевал.

Арман Гамаш медленно поднялся, пытаясь разобраться с образами и мыслями, громоздящимися друг на друга. Он перенес висюльку на свой рабочий стол и вытащил два документа: картинку полицейского художника и фотографию, сделанную при вскрытии Эль.

Уже при первом взгляде на фотографии, сделанные при вскрытии, он обратил внимание на пятно у нее на груди. Оно имело форму неправильного круга и цветом отличалось от остальной грязи на теле. Это было что-то вроде отпечатка, оставленного нечистым металлом вследствие реакции с потом. Едва увидев эту фотографию, он понял, что Эль носила какое-то подобие кулона. Дешевого кулона, но почему-то дорогого для нее.

Но было и другое свидетельство того, что Эль носила кулон. Тонкий темный кровоподтек на основании ее шеи, появившийся, вероятно, вследствие того, что побрякушку сорвали с ее шеи. И порезы на руках.

Гамаш отправил агента Лемье в приют для бездомных «Олд бруэри» узнать, не помнит ли кто, носила ли Эль кулон. Про кулон они помнили, хотя никто не видел его вблизи и не знал, что на нем было изображено. Гамаш искал его в коробке с вещдоками, но не нашел. И уже тогда он понял, что если найдет кулон, то найдет и убийцу.

Что ж, кулон он нашел. В Трех Соснах, в сотне километров от стылой монреальской улицы, где был найден труп Эль, где с нее сорвали этот кулон. Как же он оказался здесь?

Арман Гамаш закрыл глаза и представил себе, как развивались события, – запустил видеопроигрыватель собственного мозга. Он представил себе убийство Эль, ее удушение. Убийца сорвал с нее кулон и порвал шнурок. Но Эль ухватилась за него, когда ее душили, зажала в руке с такой силой, что он врезался в кожу на ладони, будто лезвие. Гамаш просил художника из Квебекской полиции по окровавленным линиям пореза восстановить возможный рисунок на кулоне.

Он посмотрел на этот рисунок. Художник изобразил стилизованный круг с вырванным куском и подобием выреза. В то время для Гамаша этот рисунок не имел ни малейшего смысла, но теперь смысл появился. Вырез был клювом орла, открытым и клекочущим. Остальное было его головой и шеей.

Значит, Эль умерла, пытаясь удержать свой кулон. Почему он имел для нее такую ценность, что она даже в смерти хотела его сохранить? И зачем убийце понадобилось вырывать кулон из ее руки?

И что из этого следует? Гамаш откинулся на спинку стула и сложил руки на животе. Все звуки, какие были в этой комнате, в деревне, в провинции Квебек, смолкли. Гамаш остался в своем собственном мире – один на один с убийцей. Их было двое. Что сделал убийца и почему?

Он вырвал кулон из мертвой руки Эль и принес его домой. А потом выбросил в мусорное ведро. Мусорное ведро Си-Си. Гамаш чувствовал, что приближается к разгадке. Все по-прежнему было как в тумане, далеко от ясности, однако передние фары ярко светили, прорезая тьму ночи. Но прежде чем пытаться ответить на вопрос «кто», нужно было ответить на вопрос «почему». Почему убийца просто не убежал? Зачем ему понадобилось вырывать кулон из руки Эль?

Затем, что на нем был изображен клекочущий орел. Это был затертый, грязный, дешевый вариант того, что видел Гамаш сегодня днем. Эмблема Алиеноры Аквитанской, логотип Си-Си де Пуатье и кулон нищенки были одинаковыми.

Убийца взял его потому, что он свидетельствовал о чем-то более

ужасном, чем факт убийства Эль. Это доказывало, что между Эль и Си-Си существовала связь. У них было нечто более общее, чем символ.

Эль была матерью Си-Си.

– Да бросьте вы, – сказал Бовуар, протягивая руку в перчатке к кулону. – Какая-то мертвая бродяжка была матерью Си-Си де Пуатье?

Набирая номер телефона, Гамаш ответил:

– Именно так.

– Я пребываю в недоумении, – произнес Бовуар, и Лемье с удовольствием услышал эти слова.

Николь, сидевшая за своим компьютером, украдкой бросала взгляды на трех разговаривающих мужчин. Она увидела, что Лакост встала и присоединилась к этим троим.

– Oui, allô, – сказал старший инспектор. – Скажите, Терри Мошер на месте? Да, я подожду. – Он прикрыл микрофон рукой. – Каковы шансы на то, что у мертвой бродяжки и Си-Си случайно оказалась одна и та же эмблема? Если это бабочка – возможно. Цветочек – бога ради. Подобные эмблемы встречаются довольно часто. Но такое? – Он показал на кулон, свисающий с руки Бовуара. – Ты знаешь кого-нибудь, кто стал бы носить такое украшение?

Бовуар согласился. Купи он жене украшение с таким сумасшедшим орлом, она не была бы ему благодарна. Здесь было больше чем совпадение, но делать из этого вывод, что одна из них мать, а другая – дочь?..

– Да, месье Мошер, приветствую. Говорит старший инспектор Гамаш. У меня все хорошо, спасибо. Хочу кое о чем вас попросить. Вы говорили, что Эль несколько раз расписывалась в журнале, когда останавливалась в миссии «Олд бруэри». Не могли бы вы найти эти подписи? Да, я подожду. – Он снова повернулся к своей команде. – Мы отправим кулон в лабораторию на анализ.

– Я возьму его с собой, – сказала Лакост.

– Хорошо. Результаты будут готовы менее чем через день. У нас будет информация об отпечатках пальцев, но тут есть еще и кровь… Да-да, я вас слушаю, – снова сказал он в трубку. – Понятно. Да. Не могли бы вы переправить мне факсом копию? Я пришлю сегодня агента за этим журналом. Merci infiniment[87].

Гамаш с задумчивым видом отключил телефон.

– Что? Что он сказал? – спросил Бовуар.

– Я был идиотом. Когда на днях я просил проверить, есть ли в журнале регистраций подпись Эль, он подтвердил, что есть. По крайней мере, я

решил, что именно это он и имел в виду.

Зазвонил факс, из него мучительно медленно поползла бумага. Наконец передача закончилась, и Бовуар оторвал лист и принялся разглядывать подписи.

ТиВи Боб
Френчи
Литл Синди
Л

– Л, – тихо произнес он, передавая бумагу Гамашу. – Л, а не «она».

– Ее имя начиналось на Л, – сказал Гамаш.

Он отнес факс на свой стол, вытащил шар ли-бьен и принялся крутить его в руках, пока не стала видна подпись. Л. Точно такая же, как в журнале регистрации.

Та, что изготовила эту изящную поделку много лет назад, не так давно была вынуждена обратиться в миссию «Олд бруэри» в Монреале, чтобы спастись от убийственного холода. Она стала нищенкой, бездомной бродяжкой. И наконец телом без прошлого в отделе по расследованию убийств. Но теперь Гамаш чувствовал, что, по меньшей мере, нашел ее дом. В Трех Соснах. Он был в этом уверен. Однако это означало и кое-что еще. Л умерла. Си-Си умерла.

Кто-то убивал женщин из этой семьи.

Глава тридцатая

Гамаш и Бовуар спешили надеть куртки и ботинки. Бовуар не забыл дистанционно запустить двигатель своей машины, чтобы она хоть минуту поработала и прогрелась.

– Подожди-ка. – Гамаш стащил свою вязаную шапочку и вернулся к столу. Снял телефонную трубку, набрал номер. – Говорит старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. Это дежурный?

Подойдя к двери, Бовуар повернулся и махнул рукой Николь, приглашая присоединиться к ним. Она вскочила со стула.

– Нет. – Гамаш прикрыл ладонью микрофон. – Вы остаетесь. С нами поедет агент Лемье.

Николь словно получила пощечину – она замерла на месте, глядя на агента Лемье, который быстрым шагом прошел мимо нее и еле заметно улыбнулся, извиняясь. Она готова была его убить.

Бовуар с недоумением посмотрел на шефа и поспешил на холод. Он думал, что готов к суровости внешнего мира, но ошибался. Температура упала еще сильнее, и воздух обжигал его кожу, он пошел рысцой, а последние несколько метров до машины пробежал. Двигатель едва крутил на холостых – все его жидкости стали вязкими, почти замерзли. Окна покрылись изморозью, и Бовуар, открыв жалобно застонавшую дверь, взял два скребка. Морозная стружка выходила из-под лезвий скребков, словно Бовуар был плотником, выравнивающим стекла с помощью рубанка. К нему на помощь поспешил Лемье, и они на пару принялись очищать окна. Из глаз Бовуара текли слезы, мешая видеть; холод щипал каждый дюйм его кожи, до которой мог добраться.

– Я предупредил его, и он нас ждет, – сказал Гамаш.

Он сел в машину и автоматически пристегнулся, хотя ехать им было меньше километра. В любой другой вечер они пошли бы пешком. Но не сегодня.

Пункт их назначения находился впереди. Бовуар был настолько озабочен тем, как подготовить машину к поездке, что даже не вспомнил, куда они направляются. Но вот он нажал на тормоза, и реальность обрушилась на него. Старый дом Хадли. Когда Бовуар был там в последний раз, он кашлял кровью. Этот дом требовал крови и излучал страх. Лемье выпрыгнул из машины и преодолел полпути до двери дома, прежде чем Бовуар успел пошевелиться. Он почувствовал, как Гамаш сжал ему руку, и

посмотрел на шефа.

– Все хорошо, – сказал тот.

– Я не понимаю, о чем вы, – отрезал Бовуар.

– Ну конечно, – кивнул Гамаш.

Наконец дверь открылась, и Лион впустил их в прихожую.

– Я бы хотел поговорить с Кри. – Голос старшего инспектора звучал дружески, но твердо.

– Она в кухне. Мы как раз собирались поесть.

Лион смотрел недоумевающим, изумленным взглядом. Бовуару подумалось, что этот человек словно выпотрошен. Интересно, что сейчас происходит в его голове? Бовуар оглянулся. Когда он был здесь в прошлый раз, электричество было вырублено и он видел все в свете фонарика. То есть видел немного. Теперь он с удивлением обнаружил, что перед ним нормальный дом. Но именно в этом и состоял ужас подобных мест и подобных людей. Они казались нормальными. Они засасывали тебя внутрь, потом дверь захлопывалась, и ты оказывался в ловушке. Вместе с монстром. И в монстре.

«Прекрати думать об этом, – скомандовал его разум. – Это всего лишь обычный дом. Всего лишь обычный дом».

– Она вон там.

Они прошли за Лионом на кухню. Надо признать, здесь хорошо пахло – доброй домашней едой.

– Приходила миссис Лэндерс, принесла нам поесть, – объяснил Лион.

Кри сидела за столом, перед ней в тарелке остывала еда.

– Кри, это снова старший инспектор Гамаш.

Гамаш сел на стул рядом с девочкой. Он положил свою большую выразительную руку на ее белую, покрытую ямочками, и дружески пожал ее.

– Я хотел убедиться, что ты жива-здорова. Могу я что-нибудь для тебя сделать?

Долгую минуту он ждал ответа, но так и не дождался.

– Я хочу попросить тебя об одной услуге. – Его голос звучал ровно, дружески. – Не могла бы ты поесть? Я знаю, у тебя нет аппетита, но еда пойдет тебе на пользу, а мы хотим, чтобы ты была здоровая и красивая.

После его слов в комнате воцарилась тишина. Кри смотрела перед собой, выражение ее лица не изменилось. Наконец Гамаш поднялся.

– Доброй ночи, Кри. Мы скоро встретимся. Если тебе что-то понадобится, то я остановился внизу в гостинице.

Гамаш повернулся, кивнул своим подчиненным и Лиону и вышел из

комнаты. Все, включая и Лиона (на которого присутствие этого властного человека действовало успокаивающе), последовали за ним.

– Мы думаем, что нашли мать Си-Си, – сказал Гамаш Лиону, когда они вышли в прихожую.

– И кто она?

– Понимаете, мы не знаем ее имени, но мы думаем, что она родом из Трех Сосен. Наверняка мы знаем только, что ее убили перед самым Рождеством.

Гамаш внимательно смотрел на Лиона и почти не сомневался, что заметил, как по лицу Лиона промелькнуло что-то – промелькнуло и исчезло.

– Убили? Обеих? Си-Си и ее мать? Но что это значит?

– Это значит, что кто-то может попытаться убить вашу дочь. – Гамаш пристально посмотрел в глаза Лиону, словно призывая к осторожности. – Местная полиция присылает машину…

– Она уже здесь, сэр, – сообщил Лемье, увидевший свет фар.

– …так что здесь двадцать четыре часа в сутки будет охрана. С этой девочкой ничего не случится. Вам ясно, что я сказал?

Лион кивнул. Все происходило так быстро. Слишком быстро. Ему нужно было время, чтобы подумать.

Гамаш коротко кивнул и вышел из дома.

Оливье подбросил еще одно полено в камин бистро и помешал угли кочергой. Жан Ги Бовуар и старший инспектор Гамаш тихо разговаривали за столом у огня. Бистро было заполнено наполовину, и в зале висел гул множества голосов. Оливье взял заказанную ими бутылку красного вина и наполнил их бокалы.

– А вот и ваш обед. Bon appétit.

Он улыбнулся и оставил их. Перед Бовуаром поставили еще шипящий стейк – его только что сняли с огня; картошка фри была нарезана тонкими ломтиками и приправлена. На краю стола их ожидала маленькая тарелка с майонезом. Бовуар попивал вино, лениво раскручивал его в бокале и смотрел в огонь. Настоящий рай. Долгий холодный день закончился. Теперь они с Гамашем могли поговорить, обсудить дело. Для Бовуара это была любимая часть работы. А если к ней прилагался и стейк, приготовленный на живом огне, картошка фри, вино и веселый огонек, то чего еще можно желать?

Гамашу подали бок ягненка, от которого исходил аромат чеснока и розмарина, по краям тарелки лежали крохотные ломтики картошки и

зеленый горошек. На столе была также корзиночка с горячими булочками и маленькая тарелочка с шариками масла.

Гамаш отодвинул салфетку в сторону, чтобы можно было поставить тарелку, и Бовуар увидел начертанные Гамашем буквы. Он сумел прочесть их, хотя и вверх ногами.

КЛМ Б. Буква «Л» была несколько раз обведена кружочками.

– Это из шкатулки Л, – сказал Бовуар, узнав буквы. – Она, наверно, не один год собирала эти буквы. Страдала навязчивыми идеями, как и ее дочка. Интересно, такие вещи передаются по наследству?

– Любопытно.

Тепло, вино, огонь, еда – все это было соблазнительно для Гамаша. Он расслабился, удовлетворенный тем, как прошел день, хотя и беспокоился о Кри. И все же он знал, что она в безопасности. Лиона он предупредил. Ее берегли. Арман Гамаш по-прежнему был убежден, что Ришар Лион и есть тот, кого они ищут. Кто еще мог совершить все это? Старший инспектор вкушал ягненка, наслаждаясь вкусом.

– Зачем убийце понадобилось вырывать кулон из руки Л? Как думаешь, Жан Ги?

– Вероятно, это было важно. Может быть, этот кулон указывает на него, выдает его.

– Возможно. – Гамаш взял булочку и разломал ее, засыпав деревянный стол крошками. – Почему он убил Л? Почему убил Си-Си? Почему убил их обеих? И почему именно теперь? Что такого произошло, что заставило его убить их обеих с промежутком в пару дней?

– Си-Си собиралась подписать контракт с одной американской компанией. Может быть, преступник пытался предотвратить это?

– Но для чего? После подписания контракта она бы стоила гораздо больше. И потом, мне кажется, что этот американский контракт был одним из заблуждений Си-Си. Мы это еще узнаем. Но даже если и так, зачем убивать ее мать?

– Вы думаете, что Л была родом из Трех Сосен?

– Да. И завтра мы должны попытаться отыскать людей, которые знали ее. У меня для тебя будет задание. – Их тарелки почти опустели, и Бовуар стал подбирать подливку булочкой. – Зачем выкидывать видеокассету? Мы же видели – она была в прекрасном состоянии.

Официантка забрала их тарелки, принесла поднос с сырами.

– Все это сыры из монастыря Сен-Бенуа-дю-Лак, – сказал Оливье, проведя сырным ножом над подносом. – Призвание этих монахинь – сыры и молитвы. Все их сыры названы по именам святых. Это Сен-Андре, это

Сен-Альбре.

– А это? – Бовуар показал на большой клинышек сыра на деревянном подносе.

– Это сыр Сен-Блю, – ответил Оливье. – А это Сен-Чедер. Черт! Еще одна хорошая теория коту под хвост.

Он нарезал им сыра от каждого куска и оставил корзиночку с нарезанным багетом и крекерами.

– Я понимаю, что он чувствует, – с улыбкой сказал Гамаш, размазывая Сен-Андре по тонкому крекеру.

Некоторое время они ели молча, потом Гамаш посмотрел на своего подчиненного:

– Что тебя беспокоит?

Бовуар посмотрел на него поверх бокала, допил вино, и в этот момент им подали капучино.

– Почему вы приказали Николь оставаться в штабе?

– Ты расстроен, что я отменил твою команду?

– Нет, – ответил Бовуар, хотя и знал, что так оно и есть. – Я не люблю, когда мои команды отменяют, в особенности в присутствии агентов.

– Ты прав, Жан Ги. И в обычной ситуации я бы этого не сделал.

Бовуар знал, что Гамаш говорит правду. За все годы, что они проработали вместе, такие случаи происходили чрезвычайно редко, и то лишь в критических ситуациях.

Неужели это была критическая ситуация? Гамаш выпрямился на стуле, на его лице появилось усталое выражение. Бовуар беззвучно выругал себя: неужели он не мог заметить это раньше?

– Вы ей не доверяете? Вы не доверяете Николь?

– А ты?

Бовуар задумался на мгновение, потом сказал:

– Она произвела на меня впечатление. Вы знаете, я не испытываю симпатий к этой женщине. Ее участие в предыдущем расследовании в Трех Соснах было настоящей катастрофой, но… Возможно, с тех пор она изменилась. Однако вы так не считаете?

Гамаш слабо махнул рукой, словно отметая его предположение. Это было не очень убедительно.

– Так в чем дело? – Бовуар подался вперед. – Скажите мне.

Но Гамаш хранил молчание. Бовуар знал, что подобное молчание у его шефа могло быть связано только с одним.

– Бог мой, неужели все еще тянется дело Арно? Это невероятно!

Он почувствовал, как в нем нарастает гнев и к горлу подступает

тошнота. Такие ощущения одолевали его всякий раз, когда он думал о Пьере Арно и о том, что тот сделал. Сделал другим людям. Квебекской полиции. Гамашу. Но все это наверняка осталось в прошлом. И не может иметь никакого отношения к Николь. Или может?

– Скажите мне, – потребовал Бовуар. – Ну же! – почти прокричал он. Поймав себя на этом, оглянулся, не слышал ли его кто, и понизил голос до настойчивого рыка: – Вы не можете скрывать это от меня. Не можете брать все на себя. Вы сделали это в первый раз – и Арно чуть вас не убил. Что может связывать Николь и Арно?

– Оставь это, Жан Ги. – Гамаш похлопал Бовуара по руке. – Никакой связи здесь нет. Просто я отношусь к ней с настороженностью, только и всего. Николь, безусловно, ведет себя достойнее, чем в прошлый раз. Может быть, я слишком строг к ней.

Бовуар смотрел на него несколько мгновений.

– Ерунда. Не морочьте мне голову. Что вы думаете на самом деле?

– Это всего лишь ощущение.

Гамаш иронически улыбнулся, ожидая, когда Бовуар закатит глаза.

– Ваши ощущения не всегда вас обманывают.

– Иногда случается, что и не обманывают, да? Нет, Жан Ги, ничего серьезного.

Гамаш пригубил вино, спрашивая себя, не стал ли он циником, когда решил, что люди не могут меняться и не меняются. У него было достаточно свидетельств того, что агент Иветт Николь избавилась от своей самоуверенности, оставив в прошлом этот огромный обрубок себя. Со дня своего возвращения она постоянно доказывала, что способна подчиняться приказам, способна выслушивать советы и критику. Она много работала и проявила себя человеком инициативным, она проделала хорошую работу по Кри. И даже за свой счет остановилась в гостинице.

Воистину это была новая Николь.

Так почему же он не доверял ей?

Гамаш откинулся на спинку стула и дал знак Оливье, потом обратился к Бовуару:

– Прими мои извинения. Я не должен был отменять твою команду. Позволь предложить тебе коньяк?

Бовуар почувствовал, что это взятка, но принял ее. Оливье принес янтарный напиток в пузатых бокалах, и они принялись обсуждать дело – говорили обо всем, но думали только об одном. Об агенте Иветт Николь.

Глава тридцать первая

Тревогу подняли в два тридцать ночи. Сирена завыла в стылом воздухе, в каждом доме деревни, звук проникал сквозь стены из плиточника и цемента, через плотный слой изоляции и вагонки, разрушая сладкие сны, беспокойные сны и возвещая о кошмаре.

Пожар.

Гамаш выпрыгнул из кровати. За воем сирены он слышал быстрые шаги, крики, звонки телефона. Он накинул на себя халат, выглянул в коридор и увидел чьи-то смутные очертания в темноте.

Бовуар.

Снизу донесся женский голос, высокий, сдавленный:

– Что это? Что происходит?

Гамаш быстро спустился по лестнице, Бовуар молча последовал за ним.

– Я не чую запаха дыма, – сказал Гамаш, увидев Николь, которая стояла в дверях своего номера в розовой фланелевой пижаме. Она застыла в напряженном ожидании, широко раскрыв глаза. – Идите за мной. – Голос его звучал ровно и сдержанно.

Николь почувствовала, что снова может дышать.

Спустившись, они услышали голоса Габри и Оливье, перекрикивающихся между собой.

– Это на Старой почтовой дороге. У Рут есть адрес, – прокричал Оливье. – Я еду туда.

– Постойте, – сказал Гамаш. – Что случилось?

Оливье замер на месте, словно увидел призрака.

– Bon Dieu. Я забыл, что вы здесь. Случился пожар. Заработала сирена пожарной станции, созывая всех добровольцев. Рут позвонила мне и сказала, где пожар. Я водитель пожарной машины. Она едет туда с Габри.

Из тьмы коридора появился Габри в защитной камуфляжной одежде со светоотражательными полосками на рукавах, ногах и груди, с черной каской под мышкой.

– Я ушел.

Он поцеловал Оливье в губы, сжал его руку и выбежал на жгучий мороз.

– Чем мы можем помочь? – спросил Бовуар.

– Наденьте все самое теплое и приходите ко мне на старый

железнодорожный вокзал.

Оливье, не оглядываясь, исчез в ночи, полы его куртки развевались на бегу. В домах по всей деревне зажигался свет.

Они втроем бросились вверх по лестнице и через считаные минуты снова собрались у выходной двери. Бовуар бежал по деревенской площади, еле дыша из-за мороза. С каждым вдохом его ноздри почти смыкались от холода, а воздух был как ледяные иголки, которые вонзались во все его полости, отдаваясь болью в голове; глаза у него слезились, и слезы замерзали на щеках. Они преодолели всего полпути до вокзала, а он уже почти ничего не видел. «И надо же, чтобы пожар случился именно в такую ночь», – подумал он, через силу держа глаза открытыми и стараясь дышать ровнее. Холод уже проник внутрь его тела, словно он был обнажен, а его джинсы, свитера и теплая одежда ничем не могли помочь против этого варварского мороза. Рядом с ним, кашляя, бежали Николь и Гамаш и тоже дышали, как два паровоза. Они будто вдыхали кислоту.

Они пробежали около половины пути, когда сирена замолкла. Бовуар не знал, что хуже: вой сирены или вой земли под ногами, словно она взвывала от боли с каждым шагом, который они делали. В темноте он слышал невидимых жителей деревни – они кашляли, спотыкались, неслись, словно пехота навстречу бог знает какому аду.

Три Сосны были мобилизованы.

– Наденьте это. – Оливье показал на противопожарную одежду, аккуратно развешенную в открытых шкафчиках.

Они втроем подчинились. Вскоре пожарная часть заполнилась другими добровольцами. Явились Морроу, Мирна, месье Беливо и еще с дюжину других жителей. Все они быстро и без паники оделись в защитную одежду и разобрали оборудование.

– Эм запустила цепочку обзвона, автобусы прогреваются, – доложила Клара, и Оливье одобрительно кивнул.

С мрачными лицами стояли они у стены, глядя на громадную карту кантона.

– Пожар вот здесь. По старой почтовой дороге в направлении Сен-Реми. Километра через четыре здесь есть поворот налево. Рю Триорн, 17. Около километра направо. Едем. Вы со мной.

Он дал знак Гамашу и остальным, и все двинулись к пожарной машине.

– Это дом Петрова. Я уверен, – сказал Бовуар, садясь в машину рядом с Гамашем.

Николь втиснулась на место сзади.

– Что? – спросил Оливье, направляя огромный грузовик на Старую почтовую дорогу во главе остальных машин.

– Господи, а ведь ты прав. – Гамаш обратился к Оливье, перекрикивая шум: – В доме есть один человек. Его зовут Сол Петров. Тревога не могла быть ложной?

– В этот раз не могла. С сообщением позвонил сосед. Он увидел пламя.

Гамаш смотрел в окно – лучи фар разрезали темноту вдоль усыпанной снегом дороги. Пожарная машина почти обгоняла свет.

– Минус тридцать, – пробормотал Оливье. – Да поможет нам Господь.

В кабине наступило молчание. Машину чуть заносило на льду и снегу. Впереди поворачивали другие машины.

То, что они увидели, было ужаснее самых кошмарных предположений Гамаша. Он почувствовал себя пилигримом в аду. Только что приехала пожарная машина из Уильямсбурга, пожарные поливали горящий дом из шланга. Вода замерзала чуть ли не сразу, не успевая достичь пламени, и все тут же покрывалось слоем льда. Добровольцы, направлявшие струю воды на горящий дом, были похожи на живых ангелов, покрытых кристаллами. Мужчины и женщины всех возрастов работали согласованно, как хорошо подготовленные команды. С их касок, одежды и не тронутых огнем частей дома свисали льдинки, похожие на куски стекла. Все это действо напоминало сцену из какой-то страшной сказки, одновременно прекрасной и ужасной.

Гамаш выпрыгнул из грузовика и направился к Рут Зардо, которая стояла поблизости в защитной одежде шефа добровольной пожарной дружины и руководила действиями добровольцев.

– Нам скоро понадобится еще вода, – сказала она. – Тут где-то поблизости есть пруд.

Питер и Клара повернулись – не обнаружится ли поблизости пруда, но увидели только темноту и снег.

– И как его найти? – спросил Питер.

Рут оглянулась, махнула рукой:

– Вон, сосед вам скажет.

Питер побежал к пожарной машине, схватил моторизованный шнек, а Клара побежала к женщине, стоящей в одиночестве. Женщина смотрела, приложив руку ко рту, словно боялась вдохнуть тот ужас, что разворачивался перед ее глазами. Еще несколько мгновений, и Морроу с женщиной исчезли – только где-то вдали мелькал луч фонарика, которым они освещали путь.

Горящий дом был освещен фарами приехавших машин, стоящих на заранее отведенных для них именно с этой целью местах. Стоило Гамашу взглянуть на человека в действии, как он видел, обладает тот лидерскими качествами или нет, и теперь он понял, почему жители Трех Сосен выбрали Рут Зардо главой добровольной пожарной команды. Гамаш подозревал, что она чувствует себя в аду как в своей тарелке, а потому это зрелище не пугает ее. Она была спокойна и решительна.

– В доме есть человек, – прокричал Гамаш, чтобы его было слышно за ревом работающих машин, пламени и воды.

– Нет. Хозяева во Флориде. Я спросила у соседки.

– Она ошибается, – прокричал Гамаш. – Мы были здесь сегодня. Дом сдан человеку по имени Сол Петров.

Теперь Рут слушала его в оба уха.

– Его нужно вытащить. – Она посмотрела на дом. – Габри, вызывай скорую.

– Уже. Они едут. Рут, дом почти сгорел.

Смысл его слов был ясен.

– Мы должны попытаться. – Рут оглянулась. – Мы не можем оставить его там. – Она показала на дом.

Габри был прав. Половина дома была охвачена пламенем, оно шипело и ревело, словно пожарные поливали святой водой дом, захваченный нечистой силой. Гамаш считал, что лед и огонь вещи несовместимые, но теперь он видел, что ошибался. Ледяной дом горел на его глазах.

Пожарные проигрывали борьбу.

– Где Николь? – прокричал Бовуар в ухо Гамашу.

Шум стоял адский. Гамаш оглянулся. Она никуда не могла деться. Не настолько же она глупа!

– Я видел, как она пошла туда, – закричал месье Беливо, владелец магазина, чье лицо было в ледяных струпьях от брызг льющейся воды.

– Найди ее, – велел Гамаш Бовуару, и тот бросился в направлении, показанном месье Беливо.

Сердце его бешено колотилось. «Господи, не допусти, чтобы она сделала такую глупость, пожалуйста, Господи, не допусти!»

Но Господь не внял его молитве.

Бовуар бежал по ее следам в снегу. «Черт ее побери!» – вопил его мозг. Следы вели прямо к задней двери дома. «Черт! Черт! Черт!»

Он прокричал ее имя в дом, но ничего не услышал в ответ.

«Проклятье!» – взвыл его мозг.

– Где она? – прокричал ему в ухо Гамаш.

С этой стороны было потише, чем с другой, но не очень. Бовуар показал на дверь и увидел, как посуровело лицо Гамаша. Бовуару показалось, будто его шеф прошептал «Рейн-Мари», но решил, что это обман слуха, шум катастрофы, создающий собственные слова.

– Стой здесь, – приказал Гамаш и минуту спустя вернулся с Рут.

– Я вас поняла, – сказала Рут.

Пожилая женщина сильно хромала, голос ее звучал приглушенно, лицо замерзло. У Бовуара лицо тоже онемело, и рук он почти не чувствовал. Он смотрел на пожарных – пекаря, владельца магазина, рабочего – и не мог понять, как они делают это. Они были покрыты льдом, едва видели воду и пламя, их лица почернели от дыма. Каждую минуту им приходилось поднимать руку в огромной перчатке и сбивать сосульки с касок.

– Габри, сюда нужно полдюжины пожарных рукавов. Займетесь этой частью дома. – Рут показала на ту часть дома, которая пока была не тронута пожаром.

Габри сразу же понял команду и исчез то ли в дыму, то ли в водяных брызгах – Бовуар уже не отличал одно от другого.

– Возьмите это, – сказала Рут Гамашу, протягивая ему топор.

Гамаш с благодарностью взял топор и попытался улыбнуться, но у него онемело лицо. Глаза отчаянно слезились от дыма и невыносимого холода, и каждый раз, как он закрывал глаза, ему приходилось преодолевать сопротивление, чтобы снова разомкнуть веки. Дышал он рвано и уже совсем не чувствовал ног. Его одежда промокла от пота, вызванного притоком адреналина, стала клейкой и прилипла к телу.

– Черт бы ее подрал, – произнес он вполголоса и двинулся в дом.

– Что вы делаете? – Бовуар схватил его за руку.

– А что, по-твоему, я делаю, Жан Ги?

– Не надо!

Бовуару казалось, что его мозг сейчас взорвется. Происходящее было немыслимо, и события развивались со скоростью света. Слишком быстро – он не успевал следить за ними.

– Я не могу поступить иначе, – сказал Гамаш, глядя на Бовуара, и безумный шум как будто стих на мгновение.

Бовуар схватил шефа за руку:

– Стойте! – и забрал у Гамаша топор. – А то еще выбьете кому-нибудь глаз этой штукой. Пошли!

Он чувствовал себя так, словно собрался прыгать со скалы. Но, как и у Гамаша, у него не было выбора. Бовуар не мог допустить, чтобы его шеф

вошел в горящее здание один. Ни в коем случае.

Внутри дома было до странности спокойно. Не тихо, но по сравнению с тем, что творилось снаружи, здесь царила монастырская тишина. Электричество не работало, и они оба включили свои фонарики. По крайней мере, здесь было тепло, впрочем, о причинах этого тепла думать не хотелось. Они находились на кухне, Бовуар задел за что-то ногой, и деревянный шкаф со столовыми приборами рухнул на пол. Воспитание настолько въелось в его кровь и плоть, что он с трудом сдержался, чтобы не начать подбирать все это.

– Николь! – прокричал Гамаш.

Молчание.

– Петров! – попробовал он еще раз.

Молчание. Только глухой рев, словно рычит какой-то голодный зверь. Они оба оглянулись. Дверь в соседнюю комнату была закрыта, но под ней виднелся мерцающий свет. Огонь приближался.

– Лестница на второй этаж там, – Бовуар показал на дверь.

Гамаш не ответил. Этого и не требовалось. Они слышали доносившийся до них снаружи голос Рут – заплетающимся от мороза языком она отдавала команды.

– Сюда. – Гамаш повел Бовуара в сторону от огня.

– Я тут нашел что-то. – Бовуар распахнул дверцу люка в полу кухни и посветил фонариком вниз. – Николь?

Ничего.

Он увидел лестницу и передал фонарик Гамашу, сам не веря, что делает это. Но он знал одно: чем скорее это закончится, тем лучше. Он перекинул ноги вниз, нащупал лестницу и стал быстро спускаться. Гамаш отдал Бовуару его фонарик и подсвечивал своим.

Это был погреб. Здесь стояли ящики с пивом «Молсон» и вином, ящики с картошкой, репой и пастернаком. Здесь пахло землей, пауками и дымом. Бовуар посветил фонариком в дальний угол и увидел медленно накатывающую на него волну дыма. Это движение почти завораживало. Почти.

– Николь? Петров? – прокричал он ради формальности, пятясь к лестнице.

Он знал: их здесь нет.

– Быстрее, Жан Ги! – встревоженно позвал Гамаш.

Поднимаясь по лестнице, Бовуар увидел, что дверь в соседнюю комнату дымится. Они знали, что вскоре все взорвется ярким пламенем.

Гамаш помог ему вылезти из погреба.

Шум нарастал, и пламя приближалось. Крики снаружи становились громче и еще истеричнее.

– У старых домов почти всегда есть вторая лестница, – сказал Гамаш, пробегая лучом фонарика по кухне. – Они обычно маленькие, и нередко их заколачивают.

Бовуар распахивал стенные шкафы, а Гамаш простукивал шпунтованные стены. Бовуар забыл, каким был дом его бабушки в Шарлевуа с крохотной потайной лестницей у кухни. Он не вспоминал об этом доме долгие годы. Не хотел вспоминать. Похоронил в глубинах памяти и не собирался откапывать, но вот он оказался в незнакомом доме, охваченном пожаром, и воспоминания решили вернуться. Они неумолимо накатили на Бовуара, как дым в подвале, медленно поглотили его, и он вдруг оказался в том самом доме, на той потайной лестнице, где он прятался от брата. Или думал, что прятался, пока ему не наскучило и он не попытался выбраться. Дверь была заперта снаружи. Там не было света, и внезапно он обнаружил, что там нет и воздуха. Стены сомкнулись, навалились на него. Лестница застонала. Дом, такой уютный и знакомый, внезапно напустился на него. Когда впавшего в истерику ребенка нашли и вытащили оттуда, его брат сказал, что это ужасная случайность, но Жан Ги никогда после этого не доверял дому и не простил брата.

В возрасте шести лет Жан Ги Бовуар навсегда запомнил, что нигде не бывает безопасно и никому нельзя доверять.

– Здесь! – закричал он, бросаясь в низенькую дверь.

Поначалу он принял ее за кладовку для метелок, но теперь в свете луча фонарика увидел лестничный пролет – крутые узкие ступеньки, ведущие вверх. Он посветил туда фонариком и увидел, что там закрытая дверца люка. Господи боже, пусть она будет закрыта, но чтобы только не заперта!

– Идем. – Гамаш бросился перед Бовуаром по лестнице. – За мной. – Он недоуменно оглянулся на Бовуара, который немного помедлил, прежде чем войти в темное, узкое пространство.

Такие лестницы строились для маленьких людей, живших сто лет назад, для плохо питавшихся квебекских фермеров, а не для упитанных полицейских, какие работали в полиции сегодняшнего Квебека. По такой лестнице можно было разве что ползти. Гамаш сорвал с себя каску, и Бовуар последовал его примеру, с облегчением освободившись от этого обременительного снаряжения. Старший инспектор поспешил вверх по узкой лестнице, цепляясь курткой за стены. Впереди было темным-темно, и лучи их фонариков обшаривали закрытую дверцу люка. Сердце Бовуара колотилось, дышал он часто и неглубоко. Кажется, дым становится гуще?

Да, становится. Бовуар был уверен, что чувствует пламя, догоняющее его. Он повернулся, посмотрел назад, но увидел только темноту. Это было немалым утешением. «Пожалуйста, Господи, дай нам выйти отсюда живыми». Даже если огонь охватил весь второй этаж, это было лучше, чем оказаться заживо замурованными на узенькой лестничке.

Гамаш надавил плечом на дверцу – и ничего не случилось.

Он надавил еще сильнее, но дверца не подалась.

Бовуар посмотрел туда, откуда они пришли. Снизу под дверь проникал дым. А дверца наверху была заперта.

– Дайте-ка я. – Он попытался протиснуться мимо Гамаша, хотя там и лист бумаги нельзя было просунуть. – Попробуйте топором, – сказал он срывающимся голосом.

У него пощипывало кожу, дыхание стало учащенным. Голова закружилась, и он подумал, что может потерять сознание.

– Нам нужно выбираться отсюда! – сказал он, ударяя по стене кулаком.

Эта лестница ухватила его за горло. Он уже почти не мог дышать. Они оказались в ловушке.

– Жан Ги, – позвал Гамаш.

Он всем телом налегал на дверцу люка, прижимаясь к ней щекой. Он не мог двинуться ни вперед, ни назад, не мог успокоить Жана Ги, который начал впадать в панику.

– Сильнее, давите сильнее! – прокричал Бовуар с истерическими нотками в голосе. – Господи, дым поднимается сюда!

Гамаш чувствовал, как Бовуар напирает на него снизу в попытке хоть немного отодвинуться от ползущих вверх дыма и пламени.

Бовуар знал, что им суждено здесь погибнуть. Стены сужались вокруг него, темные и глухие, они ослепляли, душили.

– Жан Ги, прекрати! – прокричал Гамаш.

– Она не стоит того! Бога ради, уходим отсюда! – Он кричал и дергал Гамаша за руку, тащил его вниз, в темноту. – Она этого не стоит! Нам нужно выбираться отсюда!

– Прекрати! – приказал Гамаш. Он повернулся, насколько ему позволяло узкое пространство, и в лицо ему ударил ослепляющий свет фонарика в руке Бовуара. – Слушай меня. Ты слушаешь? – прорычал Гамаш.

Безумное дергание прекратилось. Лестница заполнялась дымом. Гамаш понимал, что времени почти не остается. Он напряг зрение, чтобы увидеть лицо за лучом фонаря.

– Кого ты любишь, Жан Ги?

Бовуар подумал, что у него галлюцинации. Неужели шеф собирается цитировать ему поэзию? Он не хотел умереть с жуткими словами Рут Зардо в ушах.

– Что?

– Думай о ком-нибудь, кого ты любишь.

Гамаш говорил ровным, требовательным голосом.

«Я люблю вас». Эта мысль тут же пришла в голову Бовуару. Потом он подумал о жене, о матери. Но первым был Арман Гамаш.

Бовуар представил себе, как Гамаш сгорает в этом доме, придавленный бревнами, призывая его на помощь. Внезапно узкая лестница перестала казаться такой уж узкой, тьма – такой уж угрожающей.

«Рейн-Мари», – снова и снова думал Гамаш, он думал о жене с того самого момента, как вошел в этот горящий дом. Не ради агента Иветт Николь. Не ради Сола Петрова. Ради Рейн-Мари. Мысль о том, что он должен спасти ее, прогнала все соображения о собственной безопасности. Важно было найти ее – все остальное не имело значения. Николь превратилась в Рейн-Мари, а страх – в силу духа.

Он толкал и толкал дверцу люка плечом. Он уже начал кашлять от дыма, закашлялся и Бовуар.

– Она подалась! – прокричал он Бовуару и удвоил усилия.

Теперь он понял, что, вероятно, на эту дверцу поставили какой-то предмет мебели. Судя по тяжести – холодильник.

На долю секунды он подался назад, собрался. Молча посмотрел на дверцу, закрыл глаза. А когда открыл, все свою силу вложил в удар плечом. Дверца подалась настолько, что в щель уже можно было просунуть топор. Используя его как рычаг, Гамаш приподнял дверцу, и тут на него хлынула волна дыма. Он уткнулся лицом в плечо, чтобы дышать через одежду. Потом услышал и почувствовал, как предмет мебели, блокировавший дверцу, упал на пол – и дверца распахнулась полностью.

– Николь! – взревел он.

В легкие ему попал дым, и он закашлялся, очищая горло. Он почти ничего не видел, но луч фонарика помог ему определить, что это маленькая спальня. Рядом с дверцей люка стоял комод. Следом за Гамашем наверх вылез Бовуар и сразу же понял, что дым здесь гуще, чем на лестнице. Времени у них почти не оставалось.

Бовуар слышал, как приближается огонь, чувствовал его жар. За считаные секунды он перенесся из обжигающего холода в беснующийся огонь, а ведь бабушка предвещала ему гореть в огне.

– Николь! Петров! – прокричали они.

Прислушались и перешли в коридор, где пожар захватывал все новые и новые территории. Пламя поднималось по стенам и лизало потолок, потом сжималось, словно чтобы вдохнуть воздуха. Гамаш, пригибаясь, быстро двинулся по коридору подальше от огня, заглянул в следующую комнату, споткнулся обо что-то на пороге.

– Я здесь. – Николь поднялась на колени и обхватила ноги Гамаша. – Спасибо. Спасибо. – Она словно пыталась залезть ему под кожу. – Я стою того. Правда. Простите меня.

Она цеплялась за него, как будто боялась утонуть, если отпустит.

– А Петров? Слушайте меня, где Петров?

Она отрицательно покачала головой.

– Ладно. Возьмите это. – Он передал ей свой фонарик. – Бовуар, ты первый.

Бовуар развернулся, и все трое, пригибаясь, побежали назад по коридору в направлении пламени и дыма. Нырнув в маленькую спальню, Бовуар чуть не свалился в открытую дверцу в погреб. Там было жарко. Он посветил фонариком вниз и увидел море огня и дыма.

– Там не пройти! – прокричал он.

Рев приближался. Был совсем рядом. Гамаш подошел к окну и разбил его локтем.

– Вон он! – услышал он голос Рут. – Наверху! Скорее лестницу!

Через несколько секунд в окне появилось лицо Билли Уильямса. И скоро все трое поспешили прочь от горящего здания. Гамаш повернулся и увидел дом, поглощенный ярко-оранжевым пламенем, и дым, который вместе с Солом Петровым устремлялся в небеса.

Глава тридцать вторая

На следующее утро они проснулись поздно и увидели за окном день-сказку. Кольцо холода разомкнулось, и пошел снег, он лежал толстым слоем на машинах, крышах, людях, неторопливо бредущих по своим делам. Из своего окна Гамаш увидел Питера Морроу у птичьей кормушки, в которую он засыпал зерно. Не успел он уйти, как появились синички в черных шапочках и голубые сойки, а за ними – голодные белки и бурундуки. Билли Уильямс расчищал каток – действие в лучшем случае бессмысленное, так как снег наметало сразу же. Эмили Лонгпре выгуливала Анри. Неторопливо выгуливала. Все в этот день, казалось, жили замедленно. «Странно, – думал Гамаш, принимая душ и надевая вельветовые брюки, водолазку и теплый пуловер, – деревня, кажется, гораздо больше потрясена смертью неизвестного фотографа, чем убийством Си-Си».

Было десять утра. В гостиницу они вернулись в половине седьмого. Гамаш долго принимал горячую ванну, стараясь ни о чем не думать. Но одна фраза все время вертелась в его мозгу.

«Я стою того. Правда, – сказала Николь, брызгая слюной и цепляясь за него. – Я стою того».

Неизвестно почему эти слова заставили его задуматься.

Жан Ги Бовуар, возбужденный, отправился в кровать, приняв наскоро душ. У него было такое ощущение, будто он участвовал в состязаниях по триатлону и занял первое место. Ему пришла в голову мысль: а не то ли самое чувствуют игроки в кёрлинг? Физически он был на пределе. Замерз, устал. Но внутри у него все пело.

Они потеряли Петрова, но вошли в горящее здание и спасли Николь.

Рут Зардо приняла душ, уселась за пластиковый стол в своей кухне и, попивая виски, принялась писать стихи.

И вот вопрос хороший:
на смертном ложе ты лежишь,
лишь час тебе осталось жить,
и выбор твой совсем не сложен:
кого давно простить ты должен?

Иветт Николь отправилась прямо в постель – грязная, провонявшая, изможденная, но чувства ее не соответствовали физическому состоянию. Она лежала в кровати, в тепле и безопасности.

Гамаш спас ее. В буквальном смысле. Спас из горящего дома. Она была не то что рада – счастлива. Наконец кто-то проявил заботу о ней. И не просто кто-то – старший инспектор.

Может быть, это давало ей надежду?

От этой мысли ей становилось тепло, и она погрузилась в сон, мечтая о будущей принадлежности к этим избранным, о том, что и у нее появится свое место в гостиной.

Она рассказала Гамашу о дядюшке Соле.

– Зачем вы туда пошли? – спросил он, когда они приходили в себя в школьном автобусе, где пожилые добровольцы раздавали сэндвичи и горячие напитки.

– Я хотела его спасти, – ответила Николь.

Она смотрела на него, и ей хотелось утонуть в его глазах, уютно устроиться в его объятиях. Но не как любовница, а как любимый ребенок, чтобы почувствовать себя в безопасности, почувствовать себя любимой. Он ее спас. Он прорвался сквозь огонь ради нее. А теперь он предлагал ей нечто такое, чего она желала и искала всю жизнь. Стать своей. Он не пошел бы ее спасать, будь она ему безразлична.

– Вы сказали, что фотограф в доме, и я попыталась его спасти.

Гамаш прихлебывал кофе, продолжая смотреть на нее. Он дождался момента, когда вокруг никого не было, и, понизив голос, произнес:

– Не бойтесь, Иветт. Расскажите мне.

И она рассказала. Он слушал ее внимательно, ни разу не прервал, не засмеялся, даже не улыбнулся. Временами ей казалось, что он смотрит на нее с сочувствием. Она поведала ему о том, что никогда не выносилось за стены ее безукоризненного дома. Она рассказала о глупом дядюшке Соле в Чехословакии, который не смог спасти семью, потому что его выгнали из полиции. Если бы не его неудача, то он смог бы предупредить их о путче, защитить их. Но он не смог, не сделал этого и погиб. Они все погибли.

– И вы пошли в дом из-за того, что фотографа тоже звали Сол? – спросил Гамаш без всякой издевки – ему просто хотелось знать.

Николь кивнула, не чувствуя осуждения в его словах и не ощущая потребности что-то объяснять. Она сидела в автобусе, глядя на догорающий дом, на труды пожарных, которые уже не боролись с огнем, а лишь следили, чтобы пламя не перебросилось куда-то еще.

– Вы позволите дать вам совет?

Она снова кивнула, с нетерпением ожидая его слов.

– Забудьте о прошлом. У вас своя жизнь. Это не жизнь дядюшки Сола или ваших родителей. – Лицо его стало очень серьезным, глаза внимательно смотрели на Николь. – Вы не можете жить в прошлом, и уж совершенно точно вы не можете его изменить. То, что случилось с дядюшкой Солом, не имеет к вам никакого отношения. Воспоминания могут убивать, Иветт. Прошлое может дотянуться до вас и уволочь туда, где вам не следует быть. Например, в горящий дом.

Гамаш снова посмотрел на жадное, полыхающее пламя, потом перевел взгляд на нее и подался вперед, почти соприкоснувшись с ней головами.

– Хороните своих мертвецов.

И вот теперь Николь лежала в кровати, в тепле и безопасности. «Все будет в порядке», – сказала она себе, глядя на мягкий снег, запорошивший карниз. Она натянула теплое одеяло на лицо, зарылась носом в простыни. Пахло дымом.

А вместе с этим запахом вернулась и резкая фраза, донесшаяся до нее сквозь дым. Эта фраза проникла сквозь стены и нашла ее, свернувшуюся на полу, одинокую и охваченную ужасом. Николь знала, что умрет. В одиночестве. Но нашли ее не спасатели, а их слова.

«Она не стоит того».

Она была обречена сгореть в одиночестве. Потому что не стоила того, чтобы ее спасать. Этот голос принадлежал Бовуару. И твердый голос Гамаша, произнесший: «Нет, стоит!», не прогнал эти слова сквозь едкий дым.

Она слышала только рев приближающегося огня и вопль собственного сердца.

Этот долбаный Гамаш оставил бы ее умирать в огне. Он не ее искал – он хотел найти Петрова. Именно эти слова он в первую очередь и произнес, когда нашел ее. «Где Петров?» Не «Как вы, живы?», не «Слава богу, мы вас нашли».

А потом еще обдурил ее – выудил из нее историю про дядюшку Сола. Заставил ее предать отца. Ее семью. Теперь он знал про нее все. Теперь он точно знал, что она не стоит того, чтобы ее спасать.

Черт бы подрал этого Гамаша.

– Вероятно, это был поджог, – сказал Бовуар, жадно уплетая яичницу.

– Рут так не считает, – возразил Гамаш, намазывая клубничный джем на круассан и прерываясь, чтобы отхлебнуть крепкого горячего кофе.

Они сидели в столовой гостиницы, теплой уютной комнате, где

главное место занимали огромный камин и не меньших размеров окно, выходившее на лес и горы, еле видневшиеся за сильным снегопадом.

Оба разговаривали шепотом – горло у обоих болело после вчерашнего дыма и криков. Вид у Габри был никакой, а Оливье закрыл бистро и собирался открыться только к ланчу.

– Сегодня есть только то, что есть. Никаких специальных заказов, – предупредил их Габри, как только они появились. И принес изысканный завтрак: яйца, бекон в кленовом соусе, французские тосты и сок. А к этому горячие круассаны в масле. – К вашему счастью, в состоянии стресса я на нервной почве начинаю готовить. Ну и ночка! Трагическая!

После того как Габри удалился на кухню, Бовуар продолжил разговор:

– Хотите сказать, она не считает это поджогом? А что еще это может быть? Главный подозреваемый, по меньшей мере свидетель, погибает при пожаре – и это не убийство?

– Рут говорит, что ее соседка видела пламя из печной трубы.

– И что? Пламя откуда только не вырывается. Иногда даже из моей задницы.

– Ее соседка считает, что это несчастный случай и что причиной пожара стал огонь в камине. Мы еще получим сведения от экспертов. Туда сейчас должен подъехать пожарный инспектор. Во второй половине дня он представит отчет. Иногда сигара – это всего лишь сигара, Жан Ги.

– А когда она начинает полыхать, то это что? Нет, сэр. Это был поджог. Сола Петрова убили.

Остальная часть дня прошла медленно – все отходили от вчерашнего пожара и ждали результатов расследования от пожарного инспектора. Лемье выяснил, что ближайшим родственником Сола Петрова была сестра, живущая в Квебек-сити. К ней отправили полицейского агента, чтобы сообщить печальную новость и получить дополнительную информацию.

После завтрака Бовуар потащился от одного деревенского дома к другому; снега нападало по колено, и он шел, раскидывая его перед собой. Он опрашивал жителей деревни в надежде найти кого-нибудь, кто знал женщину, чья фамилия начиналась с буквы «Л» и которая жила здесь сорок пять лет назад. Лемье просматривал церковно-приходские книги.

День был тихий, прожили его словно во сне. Все действия были приглушены усталостью и толстым слоем продолжающего падать снега. Гамаш сидел за своим столом. Рядом добровольцы-пожарные чистили пожарную машину и приводили в порядок оборудование. Время от времени Гамаш задремывал. Он сидел, положив ноги на стол, закрыв глаза и сложив

на животе руки.

«Она того не стоит».

Он вздрогнул и проснулся. Истерический голос Бовуара снова и снова возникал в его ушах, как и запах дыма в ноздрях. Гамаш сбросил ноги на пол, сердце его учащенно забилось. Добровольцы неторопливо работали в своей части большого помещения, а он в своей части оставался в одиночестве. Может, стоит присоединиться к добровольцам, выйти в отставку и купить один из старых деревенских домов? Открыть свой маленький бизнес. «A. Gamache, Détective privé»[88].

Внезапно он заметил, что все же не один здесь. За компьютером тихонько сидела агент Николь. Гамаш немного подумал, опасаясь совершить какую-нибудь глупость. Потом поднялся и подошел к ней.

– В самый разгар пожара, когда мы пытались спасти вас… – Он сел, вынуждая ее посмотреть на него.

Она была бледная, пахла дымом, словно он проник ей под кожу. Одежда на ней сидела ужасно и была нечистой, на лацкане виднелось сальное пятно, вокруг манжет темные разводья. Волосы были плохо подстрижены и падали на глаза. У него вдруг возникло желание дать ей кредитную карточку, чтобы купила себе хорошую одежду. Захотелось движением большой усталой руки убрать тусклые волосы с ее сердитых глаз. Ни того ни другого он, конечно, не сделал.

– Были сказаны кое-какие слова. Подозреваю, что вы их слышали. Один из нас крикнул: «Она не стоит того».

Николь с горечью посмотрела ему в глаза.

Гамаш выдержал этот взгляд.

– Я приношу свои извинения, – сказал он. – Для нас обоих пришло время говорить правду.

Он рассказал ей о том, что было у него на уме, о своем плане действий. Закончив, он попросил ее никому об этом не рассказывать. Она пообещала, и ей в голову пришли два соображения. Первое: он, вероятно, умнее, чем она предполагала. И второе: его падение не за горами. Когда он ушел, она достала свой сотовый и сделала быстрый, короткий звонок.

– Я решила рассказать ему про дядюшку Сола, – прошептала она. – Я знаю, знаю. Это не входило в план. Да, сэр. Но я тут действую по обстоятельствам, и мне пришлось принимать это решение в последний момент, – солгала Иветт. Она просто не могла признать, что эти слова вырвались у нее в минуту слабости. Он ведь решит, что она неженка. – Да, я согласна, риск был. Я опасалась, что он может понять меня неправильно, но теперь я вижу, что все получилось как нельзя лучше. Это вроде бы

нашло у него отклик.

По крайней мере, в этой части она не солгала. Потом она рассказала ему все, о чем поведал ей Гамаш.

К концу дня выпало не меньше восьми дюймов пушистого снега. Из такого не слепишь хорошего снеговика, но снежные ангелы из него получаются неплохие, и Гамаш видел, как ребята бросаются на снежную белизну и начинают размахивать руками и ногами.

Пожарный инспектор только что уехал.

Для окончательных выводов было пока рано, но, судя по предварительным данным, причиной пожара мог стать креозот.

– Значит, кто-то поджег креозот и убил Петрова, – сказал Бовуар.

– Именно так, – подтвердил пожарный инспектор. – Петров поджег креозот.

– Что?!

– Когда Петров разводил вчера огонь, он убивал себя, хотя и не знал об этом. Креозот – природное вещество. Его получают из каменноугольного или древесного дегтя. Я так думаю, что этот камин много лет не чистили, креозот был невысокого качества, и…

Инспектор поднял ладони к потолку, как бы свидетельствуя о неизбежном и случающемся не так уж редко явлении.

Сол Петров чиркнул спичкой и фактически убил себя. Все-таки это был несчастный случай.

Гамаш увидел из окна, как пожарный инспектор сметает снег со своего пикапа. Солнце зашло, и в свете рождественской иллюминации повсюду были заметны взлетающие вверх маленькие снежные вихри: жители деревни очищали лопатами свои тропинки или подъездные дорожки. Рут Зардо на деревенском лугу стряхнула снег со своей скамейки и уселась на нее.

«Наверное, уже пять часов», – подумал Гамаш и посмотрел на часы, после чего позвонил агенту Лакост. Она сегодня ездила в криминалистическую лабораторию полицейского управления – ждала результатов экспертизы по кулону и шару ли-бьен.

– Oui, allô?

– Говорит Гамаш.

– Я в машине, уже подъезжаю, шеф. Вы не поверите, что они нашли.

Полчаса спустя команда собралась в оперативном штабе.

– Смотрите. – Лакост передала отчет Гамашу, и тот надел свои полукруглые очки. – Я решила привезти его, а не сообщать данные по телефону. Подумала, что лучше вам увидеть это своими глазами.

Он нахмурился, словно с трудом разбирал текст на незнакомом языке.

– Что там? – спросил Бовуар, протягивая руку к документу.

Но Гамаш не отдал ему бумаги. Он продолжал изучать их, то переворачивая страницу, то возвращаясь назад. Наконец он обвел взглядом своих людей, его темно-карие глаза смотрели поверх очков недоуменно и озабоченно. Словно во сне, он передал бумаги Бовуару, тот схватил их и принялся читать.

– Да это же чушь какая-то, – выпалил он, пробежав глазами документ. – Бессмысленно. Кто проводил экспертизу? – Он посмотрел на подпись внизу и хмыкнул: – Ну, не знаю, наверно, он приболел.

– Я тоже так подумала, – сказала Лакост, наслаждаясь выражением на их лицах. У нее-то самой было полтора часа пути от Монреаля, чтобы подумать о полученных результатах. – Я попросила его перепроверить, поэтому так поздно и приехала.

Бумаги передавались из рук в руки. Последней их получила агент Николь.

В конце концов они вернулись к Гамашу, и тот положил их перед собой. Комната погрузилась в молчание – все думали. В печке потрескивал огонек, булькал кофе, помещение наполнялось благоуханным ароматом. Лакост встала и налила себе чашку.

– Ну и что, по-вашему, это означает? – спросил ее Гамаш.

– Это означает, что Кри больше не грозит опасность.

– Продолжайте. – Он подался вперед, положив локти на стол.

– Это означает, что мы знаем, кто убил Л, и этот человек больше не угрожает Кри, – сказала Лакост.

Она чувствовала, что Гамаш согласен с ней и старается своим видом поддержать ее, а двое других совершенно сбиты с толку.

– О чем ты говоришь? – нетерпеливо спросил Бовуар. – Генетический анализ свидетельствует о том, что Л была матерью Си-Си? Так нам это уже известно по образцам крови, взятым при аутопсии. – Он постучал пальцем по данным экспертизы, лежащим перед Гамашем.

– Дело не в этом, – сказал Гамаш, отделяя один листок и передавая его Бовуару. – Вот что самое интересное.

Бовуар взял листок и снова прочел его. Это были результаты анализов по кулону. Кровь на кулоне с клекочущим орлом принадлежала Л. Но им это уже было известно. Он прочитал следующий абзац. Тот, в котором

говорилось о крови на шнурке.

Кровь, конечно, та же. Бла-бла-бла. Тут он остановился. Кровь та же, но не та же. На шнурке была не кровь Л. Это была кровь Си-Си де Пуатье. Но как на шнурке оказалась кровь Си-Си?

Он взглянул на Гамаша. Тот прошел к своему столу, взял папку и принес ее на общий стол. Открыв папку, он прочитал несколько страниц, потом остановил себя и стал читать медленнее.

– Ты об этом говоришь? – Он протянул агенту Лакост отчет по аутопсии Си-Си.

Лакост прочитала абзац, отмеченный Гамашем, и, улыбнувшись, кивнула.

– Понятно. – Гамаш откинулся на спинку стула и вздохнул полной грудью: – Кри не угрожает опасность от человека, убившего Л, потому что этот человек уже мертв.

– Фотограф, – предположил Лемье.

– Нет, – ответила Лакост. – Си-Си де Пуатье. Она убила собственную мать. Только такая версия и имеет хоть какой-то смысл. Си-Си ухватила кулон на шее матери и сорвала его. От этого на шее Л сзади остался след. Но и на руке Си-Си тоже остался след. На ее ладони. Вы видели отчет по аутопсии Си-Си? Ладони ее были обожжены, но коронер упоминает еще об одном кожном повреждении ниже, частично зажившем. Си-Си убила свою мать, взяла кулон из руки убитой и выбросила в мусорное ведро в своем доме.

– Кто же тогда выбросил видеокассету и шар ли-бьен? – спросил Бовуар.

– Тоже Си-Си. На шаре найдены отпечатки пальцев трех разных людей – Питера и Клары Морроу, а также Си-Си.

– Но там и должны были обнаружиться ее отпечатки, – гнул свое Бовуар. – Это был ее шар. Никто другой его и не видел. Я уже не говорю о том, что не прикасался.

– Но если его кто-то украл, а потом выбросил, то были бы и другие отпечатки, – возразил Гамаш.

– Почему Си-Си выбросила шар ли-бьен? – спросил Лемье.

– Я только высказываю предположение, – сказала Лакост. – Но по-моему, причиной было чувство вины. Две вещи в ее доме напоминали ей о матери: видеокассета «Лев зимой» и шар ли-бьен. Я думаю, они не имеют никакого отношения к вещественным доказательствам. Она выбросила их, потому что не могла выносить одного их вида.

– Но почему видео она выкинула в мусорное ведро, а шар ли-бьен

увезла на свалку?

– Не знаю, – признала Лакост. – Возможно, она делала это в разные дни. Видео – в тот же день, что и кулон, но до шара ли-бьен руки дошли только через некоторое время.

– Видимо, он был более ценен для нее, – поддержал свою подчиненную Гамаш. – Она не спешила уничтожать его. Он стал символом ее семьи, ее философии, ее фантазий. Вот почему она не могла заставить себя просто выбросить его и тогда оставила его на свалке.

– Си-Си убила свою мать, – повторил Бовуар. – Почему?

– Деньги, – ответила Лакост, у которой было время подумать об этом. – У нее намечалась встреча с американскими покупателями – она собиралась продать им свою философию. Она хотела продать ли-бьен и заработать на этом состояние.

– Ну, с ее стороны, это, вероятно, были сплошные фантазии, – заметил Лемье.

– Возможно. Но если она в это верила, то одно это и имело значение. Все зависело от того, продаст она ли-бьен американцам или нет.

– А тут появляется пьяная бродяга – ее мать, – сказал Гамаш. – И тогда выбора у нее не остается.

Он посмотрел на шкатулку в своих руках, покрутил ее.

КЛМ Б.

Почему Л собирала эти буквы? Гамаш открыл шкатулку и порылся указательным пальцем в других прописных буквах. Во всех этих К, М, С, Л и Б.

Он медленно закрыл шкатулку, поставил ее на стол, уставился в пространство перед собой. Потом поднялся и прошелся по комнате. Он обходил комнату раз за разом неспешным, размеренным шагом, опустив голову и сцепив руки за спиной.

Через минуту он остановился.

Теперь у него был ответ.

Глава тридцать третья

– Мадам Лонгпре. – Гамаш встал и поклонился этой миниатюрной женщине.

– Месье Гамаш. – Она слегка наклонила голову и села на предложенный стул.

– Что вам заказать?

– Эспрессо, s’il vous plaît.

Они сидели в бистро чуть сбоку от камина, было десять утра, второй день после пожара. За окном падал пушистый снег. Такие явления случаются зимой в Квебеке, хотя обычными их назвать никак нельзя: шел снег и одновременно светило солнце. Гамаш посматривал в окно и удивлялся. Кристаллы и призмы, изящные и хрупкие, летели по воздуху и устилали Три Сосны. На одежде прогуливающихся жителей и на деревьях лежал снег, сверкая розовыми, голубыми и зелеными искрами.

Принесли заказанный кофе.

– Пришли в себя после пожара? – спросила Эм.

Она тоже приезжала туда вместе с Матушкой и даже Кей. Целую ночь они готовили сэндвичи и горячее питье, раздавали одеяла замерзающим добровольцам. Они все вымотались, и Гамаш решил отложить этот разговор с Эмили до сегодняшнего утра.

– Ужасная была ночь, – сказал он. – Одна из худших, какие я помню.

– Кем он был?

– Его звали Сол Петров. – Гамаш подождал, будет ли какая-нибудь реакция. Ничего, кроме вежливого интереса. – Фотограф. Он снимал Си-Си.

– Для чего?

– Для ее каталога. Она собиралась встретиться с представителями американской компании и надеялась заинтересовать их своим проектом. Она имела амбиции стать гуру в области стиля, хотя ее амбиции, похоже, завели ее туда, где стиль и не ночевал.

– Что-то вроде универсального бюро обслуживания, – предположила Эм. – Там вас вычистят внутри и подновят снаружи.

– Да, планы у Си-Си де Пуатье были наполеоновские, – подтвердил Гамаш. – Вы говорили, что несколько раз виделись с ней. А с ее семьей вы были знакомы? С ее мужем, дочерью?

– Только визуально. Никогда с ними не разговаривала. Они, конечно,

присутствовали на кёрлинге после Рождества.

– И насколько мне известно, на церковной службе в канун Рождества.

– C'est vrai. – Эмили улыбнулась тому воспоминанию. – Ее дочь способна ввести в заблуждение.

– О чем вы? – с удивлением спросил Гамаш.

– Нет-нет, ничего такого коварного в ней нет. Она ничуть не похожа на мать, хотя и Си-Си была не такой уж лгуньей, как ей хотелось бы верить. Уж слишком все это было очевидно. Нет, Кри робкая, погруженная в себя. Но голос у нее очаровательный. Мы все слушали как завороженные.

Эмили погрузилась в воспоминания о предрождественской службе в переполненной церкви. Она тогда поглядывала на Кри и видела, как преобразилась девочка. Радость сделала ее привлекательной.

– Она была похожа на Дэвида, когда он играл Чайковского.

А потом эта сцена у церкви.

– О чем вы задумались? – тихо спросил Гамаш, заметив озабоченное выражение на лице Эм.

– После службы мы стояли у церкви. А Си-Си находилась с другой стороны здания – оттуда дорога до их дома короче. Мы ее не видели, но слышали хорошо. И еще до нас доносился очень странный звук. – Эмили сложила губы трубочкой, вспоминая. – Так Анри шкрябает по полу, если у него когти не подстрижены. Такой же скрежет, только громче.

– Кажется, эту тайну я могу для вас раскрыть, – сказал Гамаш. – Я думаю, так скрежетали ее сапожки. Она купила себе в подарок на Рождество сапожки, вернее, унты из кожи младенцев-тюленей. У них на подошвах металлические зацепки.

Во взгляде Эм было удивление, смешанное с отвращением.

– Mon Dieu, что думает о нас Господь?

– Вы сказали, что слышали и еще что-то, кроме сапожек?

– Она кричала на дочь. Набросилась на нее. Это было ужасно.

– По какому поводу?

– Из-за того, как Кри была одета. Да, одежда на ней была необычная. Розовое платье без рукавов, кажется, но больше всего Си-Си упрекала ее за голос, за пение. А голос у нее был божественный. Не в том смысле, в каком это слово использует Габри, а по-настоящему божественный. Но Си-Си высмеивала ее, унижала. Даже больше. Она издевалась над ней. Это было ужасно. Я все это слышала, но ничего не предприняла. Промолчала.

Гамаш ничего не сказал.

– Нужно было за нее заступиться. – Голос Эмили звучал тихо, спокойно. – Мы все стояли там в канун Рождества и были свидетелями

убийства – иначе это и назвать нельзя, старший инспектор. Я не заблуждаюсь на сей счет. Си-Си в ту ночь убила свою дочь, а я этому способствовала.

– Вы слишком суровы к себе, мадам. Я знаю, вы переживаете из-за того, что случилось, и я согласен: что-то нужно было сделать. Но помимо этого, я знаю, что случившееся у стен церкви не было отдельным, изолированным эпизодом. Трагедия Кри состоит в том, что ничего иного она в жизни и не видела. Это было как нынешний снег. – Они оба выглянули в окно. – Оскорбления накапливались, пока Кри полностью не исчезла под ними.

– Я должна была что-то сделать.

Оба ненадолго замолчали. Эмили смотрела на улицу, а Гамаш смотрел на нее.

– Говорят, завтра будет метель, – сказала Эм. – Я слышала штормовое предупреждение.

Для Гамаша это было новостью.

– И сколько снега ожидается?

– Метеорологический канал сообщил, что выпадет до тридцати сантиметров. Вы никогда не попадали в снежную бурю? – спросила Эм.

– Один раз попал – ехал по Абитиби. Было темно, на дороге ни одной машины. Я потерял ориентацию. – Он снова увидел рой снежинок в свете его фар, мир сузился до этой сверкающей воронки. – Я сделал неверный поворот и попал в тупик. Дорога все время сужалась. Разумеется, я сам был виноват. – Он подался вперед и прошептал: – Я был упрямцем. Только ш-ш-ш!

Он оглянулся.

Эмили улыбнулась:

– Это останется нашим маленьким секретом. И к тому же я уверена, что в эту историю никто не поверит. Что же случилось дальше?

– Дорога все сужалась и сужалась. – Гамаш показал это руками, сложив ладони, будто в молитве. – Затем стала практически невидимой. Превратилась в тропинку. – Он повернул руки ладонями вверх. – А потом – вообще ничего. Остались только лес и снег. Высота сугробов доходила до дверей машины. И мне никуда не деться – ни назад, ни вперед.

– Как же вы выпутались?

Он помолчал, не зная, какой ответ ей дать. Все ответы, которые просились на язык, были правдивыми, но у правды имеются разные уровни. Ему предстояло задать ей непростой вопрос, а потому он решил, что должен проявить к ней максимум уважения.

– Я молился.

Она посмотрела на этого большого человека, уверенного, привыкшего командовать людьми, и кивнула.

– О чем вы молились? – Она не собиралась снимать его с крючка.

– Перед тем как это случилось, мы с инспектором Бовуаром расследовали одно дело в рыбацкой деревеньке Бе-де-Мутон на Нижнем Северном побережье.

– Эту землю Господь отдал Каину, – вдруг перебила его Эм.

Гамаш знал эту цитату, вот только ему редко попадались люди, которые ее тоже знали. Когда в XVII веке землепроходец Жак Картье первым из европейцев увидел это пустынное обнажение породы в устье реки Святого Лаврентия, он написал в своем дневнике: «Вероятно, Господь отдал эту землю Каину».

– Может быть, меня тянет к про́клятым, – улыбнулся Гамаш. – Наверное, поэтому я гоняюсь за убийцами вроде Каина. Эта земля голая и пустынная, там практически ничего не растет, но для меня она необыкновенно прекрасна. Нужно только знать, как смотреть. Здесь это просто. Здесь красота повсюду. Реки, горы, деревни, в особенности Три Сосны. Но в Маттон-Бей[89] это не так очевидно. Там красоту нужно искать. Она в лишайниках на камнях и в крохотных алых цветах, почти невидимых. Нужно встать на колени, чтобы увидеть. Красота там в весеннем цветении морошки.

– Вы нашли вашего убийцу?

– Нашел.

Но по его интонации она поняла, что это было не все. Она помолчала, но, когда за этим ничего не последовало, решила спросить:

– А что еще вы нашли?

– Бога, – просто ответил Гамаш. – В столовой.

– И что же он ел?

Вопрос был настолько неожиданным, что Гамаш ответил не сразу.

– Торт из безе с лимоном, – со смехом сказал он.

– Почему вы думаете, что это был Бог?

Разговор шел совсем не в том русле, какое он наметил.

– Я не думаю, – признал он. – Возможно, это был обычный рыбак. Одет он был точно как рыбак. Но он посмотрел на меня из другого угла зала с такой нежностью, с такой любовью, что я замер на месте.

Ему хотелось отвести взгляд, посмотреть на теплую деревянную поверхность, на которой покоились сейчас его руки. Но Арман Гамаш не отвел глаза. Он смотрел прямо на Эмили.

– И что же сделал Бог? – спросила она приглушенным голосом.

– Он доел торт и отвернулся к стене. Какое-то время казалось, что он трет стену, затем он снова повернулся ко мне с самой сияющей улыбкой, какую я видел. Радость переполняла меня.

– Мне кажется, радость часто вас наполняет.

– Я счастливый человек, мадам. Мне очень везет, и я это знаю.

– C’est ça[90], – кивнула она. – Тут все дело в знании. Я стала по-настоящему счастлива, только когда погибла моя семья. Ужасно.

– Кажется, я вас понимаю, – сказал Гамаш.

– Их смерть меня изменила. В какой-то момент я обнаружила, что стою в своей гостиной и не могу двинуться ни назад, ни вперед. Вмерзла в пол. Вот почему я спросила про снежную бурю. Именно это я тогда и чувствовала. И это продолжалось долгие месяцы. Я думала, что потерялась в белой мгле. Все запуталось, все стонало. Я не могла двигаться дальше. Я собиралась умереть. Не знала как, но знала, что эта утрата мне невыносима. Я запнулась и остановилась. Как вы в снежную бурю. Потерялась, не знала, куда идти, оказалась в тупике. В моем случае это, конечно, был фигуральный тупик. Мой тупик был моей собственной гостиной. Я потерялась в самом знакомом для меня, в самом удобном месте.

– И что случилось?

– Раздался звонок в дверь. Я помню, как решала, что мне делать: то ли открыть дверь, то ли покончить с собой. Но звонок прозвучал еще раз, и тут я не знаю, наверно, сработало мое воспитание. Я поднялась и пошла. И увидела Бога. У него в уголках рта были крошки торта-безе с лимоном.

Темно-карие глаза Гамаша широко раскрылись.

– Я шучу. – Она притронулась пальцами к его запястью, и Гамаш рассмеялся над собой. – Оказалось, что это дорожный рабочий, – продолжила она. – Он хотел воспользоваться моим телефоном. В руках у него был дорожный знак.

Она остановилась на несколько секунд, прежде чем продолжить. Гамаш ждал. Он надеялся, что на этом знаке не было написано «Конец близок»[91]. Зал бистро словно погрузился в туман. В мире остались только маленькая, хрупкая Эмили Лонгпре и Арман Гамаш.

– На нем было написано: «Осторожно, гололед».

Несколько мгновений они молчали.

– Как вы поняли, что он Бог? – спросил Гамаш.

– Когда горящий куст становится неопалимой купиной? – спросила в

ответ Эм, и Гамаш понимающе кивнул. – От моего отчаяния не осталось и следа. Скорбь, конечно, никуда не делась, но в тот момент я поняла, что мир – это не темное, безнадежное место. Я испытала огромное облегчение. В то мгновение я обрела надежду. И ее подарил мне этот незнакомец с дорожным знаком. Я понимаю, мои слова могут показаться вам смешными, но для меня мгла вдруг рассеялась.

Она ненадолго замолчала, вспоминая, на ее лице застыла улыбка.

– Матушка была зла, как тысяча чертей. Ей пришлось отправиться на поиски Бога в Индию, а Он все это время был здесь. Она отправилась в Кашмир, а я просто пошла открывать дверь.

– Оба путешествия дальние, – сказал Гамаш. – А Кей?

– Кей? Нет, не думаю, чтобы она совершила такое же путешествие. Мне кажется, ее это пугает. Я думаю, Кей многое пугает.

– Клара Морроу нарисовала вас в виде трех граций.

– Вот сейчас? Когда-нибудь мир откроет для себя эту женщину и удивится, какая же она замечательная художница. Она видит то, что недоступно другим. Она видит в людях их лучшие качества.

– Она определенно видит, как вы трое любите друг друга.

Эм кивнула:

– Я их очень люблю. Я люблю все это.

Она оглядела весело украшенный зал, посмотрела на огонь, потрескивающий в каминах, на Оливье и Габри, которые разговаривали с клиентами, скользнула взглядом по ценникам, висящим на стульях, столах и канделябрах. Габри, когда его вдруг особенно начали раздражать эти ценники, в один прекрасный день стал обслуживать клиентов, повесив ценник и себе на шею.

– После того как я открыла дверь, моя жизнь коренным образом изменилась. Теперь я счастлива. Удовлетворена. Забавно, правда? Чтобы найти счастье, мне понадобилось побывать в аду.

– Люди считают, что я должен быть циничным – такая, мол, у меня работа, – услышал собственный голос Гамаш. – Но они не понимают. Все точно так, как вы сказали. Я провожу дни в последней комнате дома – в той, которую мы запирали и прятали даже от себя самих. В той, где обитают наши монстры, зловонные, гниющие и поджидающие нас. Моя работа состоит в том, чтобы находить тех, кто забирает жизни других людей. А чтобы их находить, я должен понимать их мотивы. Для этого мне нужно забираться в их мозги и открывать последнюю дверь. Но когда я выхожу оттуда, – он распахнул руки энергичным движением, – я вдруг вижу, что мир живее и прекраснее, чем всегда. Чем чаще видишь худшее,

тем больше ценишь лучшее.

– Все так, – кивнула Эмили. – Вы любите людей.

– Я люблю людей, – признал он.

– А что ваш Бог делал с той стеной в столовой?

– Писа́л на ней.

– Бог писа́л на стене столовой?

Эм удивилась, хотя и не поняла почему. Ведь ее Бог пришел к ней с дорожным знаком фабричного изготовления.

Гамаш кивнул, вспоминая седого красивого рыбака у москитной двери в жужжащей мухами и наполненной запахом моря столовой. Рыбак смотрел на Гамаша и улыбался. Не той сияющей улыбкой во весь рот, которую он видел несколько минут назад, но дружеской и успокаивающей, которая словно говорила: Он все понимает и все будет хорошо.

Гамаш поднялся, прошел в выгородку, где сидел рыбак, и прочел надпись на стене. Вытащил свой блокнот, напичканный фактами о смертях, убийствах и скорби, и переписал четыре простые строки.

Теперь он знал, что должен делать. Не потому, что он смелый человек или хороший человек, а потому, что у него нет выбора. Он должен вернуться в Монреаль, в управление Квебекской полиции и разобраться с делом Арно. Он уже несколько месяцев знал, что должен сделать это, но бежал от неизбежного, прятался за ежедневной работой. Прятался за мертвыми телами и важнейшей благородной задачей найти убийц, словно он был единственный в управлении, кто мог справиться с этим.

Надпись на стене не сказала ему, что он должен сделать. Он и сам знал. Просто эта надпись дала ему мужество сделать то, что нужно.

– Но откуда вы знаете, что сделали то, что нужно? – спросила Эм, и Гамаш понял, что сказал все это вслух.

Голубые глаза неотрывно смотрели на него. Но что-то сдвинулось. Разговор, казалось, приобрел другую цель. В Эмили чувствовалась какая-то энергия, которой он не замечал раньше.

– Не знаю. Даже теперь я не уверен на все сто процентов. Многие убеждены, что я совершил ошибку. Вы это знаете. Уверен, вы читали об этом в газетах.

Эмили кивнула:

– Вы предотвратили убийство – суперинтендант Арно и двое его коллег больше никого не убили.

– Я предотвратил их самоубийство, – сказал Гамаш.

Он отчетливо помнил то заседание. Тогда он входил в верхушку полиции Квебека – верхушку, которая принимала решения. Пьер Арно был

уважаемым старшим офицером, хотя Гамаш среди уважающих его не числился. Он знал Арно еще с первых дней работы в полиции, и они всегда не ладили. Гамаш подозревал, что Арно считает его слабаком, а сам он считал Арно задирой и грубияном.

Когда стало ясно, *что* совершили Арно и двое его подчиненных высокого ранга, и когда даже его друзья не могли отрицать очевидное, Арно просил только об одном – не арестовывать их. Пока. У Арно был охотничий домик в районе Абитиби к северу от Монреаля. Они уехали туда и не вернулись. Было решено, что так оно и лучше – для Арно, для его подельников и для их семей.

Все с этим согласились.

Кроме Гамаша.

– Почему вы их остановили? – спросила Эмили.

– Смертей и без того уже хватало. Пора было пустить в ход правосудие. Старомодное понятие. – Он поднял голову и улыбнулся, глядя ей в глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем он продолжил: – Думаю, я был прав, но иногда меня все же одолевают сомнения. Я похож на викторианского проповедника. Я всегда сомневаюсь.

– Правда?

Гамаш снова посмотрел на языки пламени в камине и задумался – надолго, обстоятельно.

– Я бы снова сделал то же самое. Это было справедливо. По крайней мере, для меня.

После паузы он спросил:

– Кто такая была Л?

– Эль?

Гамаш вытащил из сумки деревянную шкатулку, перевернул ее низом вверх и показал на буквы, приделанные к днищу.

– Л, мадам Лонгпре.

Она все еще не отрывала от него взгляда, но в то же время ее глаза были устремлены куда-то далеко-далеко.

«Осторожно, гололед». Они почти добрались до места.

Глава тридцать четвертая

– Она была нашей подругой, – заговорила Эмили, глядя в глаза Гамашу. – Мы называли ее Эль, но она подписывалась одной буквой – «Л». – Впервые за много дней Эмили ощутила душевное спокойствие. – Она жила по соседству со мной. – Эм показала на маленький дом в квебекском стиле, с крутой металлической крышей и крохотными спальнями. – Ее семья продала его много лет назад и уехала отсюда. Это произошло после исчезновения Эль.

– А что случилось?

– Она была моложе нас. Очень миленькая, очень добрая. Такие дети часто становятся объектом насмешек. Но с Эль было иначе. Она была девочкой, которая пробуждала в других лучшие качества. Она была яркой, как ни посмотри. Золотая девочка во всех отношениях. Блестящая. Когда она входила в комнату, загорался свет и начинало сиять солнце.

Эм живо представляла ее – такая чудная девочка, что ей никто даже не завидовал. Может быть, еще и потому, что они чувствовали: с такими прекрасными качествами долго не протянешь. Она была словно драгоценный камень – Эль.

– Ее звали Элеонора, верно? – спросил Гамаш, хотя и был уверен в ответе.

– Элеонора Аллер.

Гамаш вздохнул и закрыл глаза. Вот оно. Он добрался до первопричины.

– Эль – уменьшительное от Элеонора или Алиенора, – прошептал он.

Эмили кивнула.

– Позвольте? – Она протянула свои миниатюрные руки к шкатулке и подняла ее на открытых ладонях, словно приглашая ее взлететь. – Я ее много лет не видела. Матушка подарила ее Эль, когда та оставила обитель в Индии. Ведь они туда вместе уехали.

– Она была Л в КЛМ Б, верно?

Эм кивнула.

– Матушка Беа – это Б, Кей – это К, а вы – М. Беа, Кей, Эль и Эм.

– Вы очень умны, старший инспектор. Мы все равно были обречены подружиться, но то, что наши имена расположились в алфавитном порядке, тоже сыграло немалую роль. В особенности еще и потому, что мы любили читать. Это тоже казалось романтическим, каким-то тайным кодом.

– Отсюда же появилось и «КЛейМите Беспокойство»?

– Вы и об этом догадались? Как?

– Ну, в этом деле слишком часто появлялось это «Клеймите беспокойство». А потом я посетил медитационный центр Матушки.

– «Клеймите беспокойство».

– Да. Но надпись на стене говорила сама за себя.

– Похоже, такое случается с вами довольно часто. Наверное, в вашей профессии важно иметь ответы, написанные на стене.

– Штука в том, что их нужно узнать. Меня насторожило неправильное цитирование. Матушка производит впечатление человека не от мира сего, но я подозреваю, она очень даже от сего. Она бы никогда не написала «Клеймите беспокойство и познайте, что Я Бог», если бы не вкладывала в это определенный смысл.

– «Остановитесь и познайте, что Я Бог», – правильно процитировала Эм. – Вот в чем была проблема Эль. Она не могла остановиться. Кей заметила, что из наших инициалов можно составить что-то вроде анаграммы. КЛМ Б. «Клеймите беспокойство». Для нас все было понятно, но поди кто посторонний разгадай нашу тайну. Нашу тайну. А вот вы ее разгадали, старший инспектор.

– Слишком много времени это у меня заняло.

– На подобные вещи устанавливается какой-то временной лимит?

Гамаш рассмеялся:

– Нет, думаю, временного лимита нет, но я иногда готов сам себя высечь за собственную слепоту. Сколько дней я смотрел на эти буквы, зная, что они несли какой-то смысл для Эль. У меня даже был для примера сборников стихов Рут. «У меня все ОТЛИЧНО». Прописные буквы здесь заменяют слова.

– Mais non[92]. Какие же?

– Отвратительно, Тошнотворно, Лейкозно, Истерично, Чахоточно, Нудно, Омерзительно, – произнес он, смущенный тем, что вынужден использовать такие слова перед этой достойной женщиной.

Но ее это ничуть не смутило. Напротив, она рассмеялась.

– J’adore Ruth[93]. Когда я начинаю думать, что она невыносима, она сочиняет что-нибудь вроде этого. Parfait[94].

– Я разглядывал буквы на шкатулке и пришел к выводу, что пробел между КЛМ и Б имеет какой-то смысл. Так оно и было на самом деле. В нем и содержался ответ. Ответ был в том, чего не было в этом пробеле. В этом крохотном расстоянии между буквами.

– Как в тех диких цветках на земле, что Господь подарил Каину, – сказала Эм. – Нужно было смотреть очень внимательно, чтобы увидеть это.

– Я решил, что этот пробел не случаен. Что это место остановлено для буквы С, – сказал Гамаш.

– Для буквы С?

– Откройте шкатулку.

Эм открыла и долго изучала ее содержимое. Наконец вытащила крохотную буковку. Положив ее на палец, показала Гамашу. Буква «С».

– Она и свою дочь уложила в шкатулку, – сказала Эм. – Вот что такое любовь.

– А что же все-таки случилось?

Эм мыслями вернулась в те дни, когда они были молоды.

– Эль была бродячей душой. Если остальные из нас осели на своих местах, то Эль становилась все более непоседливой. Она казалась хрупкой, субтильной. Чувствительной. Мы умоляли ее прекратить бояться.

– Вы даже свою команду по кёрлингу называли «Клеймите беспокойство», – сказал Гамаш. – Это стало для меня еще одной зацепкой. Вы всегда говорили только о трех членах, стоявших у истоков команды. Но команда кёрлингистов состоит из четверых. Значит, кто-то отсутствовал. Когда я увидел картину Клары Морроу, на которой вы изображены в виде трех граций, мне показалось, что там кого-то не хватает. В композиции имелось незаполненное пространство.

– Но Клара никогда не видела Эль, – возразила Эмили. – Даже никогда о ней не слышала, насколько мне известно.

– Это верно, но, как вы сами говорили, Клара умеет видеть вещи, недоступные взгляду других людей. Она написала вас троих так, что ваши фигуры образовали форму вазы, сосуда, как она сказала. Но в нем отсутствовал один элемент, образовалась трещина. Ее-то и должна была заполнить Эль.

Звони в колокола, что еще не мертвы,
Забудь свою идеальную жертву.
Нет таких мест, где трещины нет,
Через нее и проникает свет.

– Какие чудесные стихи. Это Рут Зардо?

– Леонард Коэн. Клара воспользовалась ими в своей работе. Она написала эти слова на стене, перед которой изображены вы втроем. Это

что-то вроде граффити.

– «Нет таких мест, где трещины нет, через нее и проникает свет», – повторила Эмили.

– И что же случилось с Эль?

Он вспомнил фотографии, сделанные во время вскрытия. Грязная, худая старая пьянчужка на рабочем столе коронера. Ничего общего с той блестящей молодой женщиной, о которой рассказывала Эм.

– Она хотела уехать в Индию. Надеялась, что там страхи отпустят ее и разум обретет покой. Остальные из нас тянули спички, и судьба решила, что с ней поедет Матушка. По иронии судьбы Эль в Индии не понравилось, а Матушка нашла ответы на вопросы, о существовании которых прежде даже не подозревала.

– Матушка, – сказал Гамаш. – Беатрис Мейер. Тоже очень неглупо. Я спросил Клару, почему все называют Беа Матушкой, а Клара предложила мне самому догадаться.

– И вы догадались.

– Далеко не сразу. Ответ я нашел, только когда смотрел «Лев зимой».

– Как же вы его нашли?

– Фильм снят на студии МГМ – «Метро Голдвин Мейер». Мейер. Произносится почти так же, как французское mère – мать. Беатрис Мейер превратилась в матушку Беа. Я знал, что нахожусь в обществе людей, которые любят не только книги, но и слова. Произнесенные, написанные. Любят силу слова.

– Когда Кей спросила, почему ее отец и другие ребята, идя на смерть, кричали «В жопу папу римского», вы сказали, что, возможно, они знали: слова могут убивать. Кей отвергла ваше предположение, но я думаю, вы были правы. Вам это может показаться мелодраматическим, старший инспектор, но я видела, как Си-Си словами убивает свою дочь.

– Так что же случилось с Эль? – снова спросил он.

Бовуар остановил машину и несколько секунд просидел, не двигаясь. Отопитель был включен, как и обогрев сидений. На проигрывателе стоял «La complainte du phoque en Alaska»[95] группы «Бо Доммаж». В школе он обнимал девчонок на танцах под эту музыку. Эта песня всегда была последней, и девочки плакали под нее.

Ему не хотелось выходить из машины. Не потому, что в машине было так удобно, тепло, и не потому, что она была наполнена воспоминаниями. Он не хотел выходить, потому что ему не нравилось то, что его ждало. Центр медитации купался в ярких лучах утреннего солнца.

– Bonjour, Inspecteur.

Матушка улыбнулась – она открыла дверь еще до того, как он постучал. Но улыбка не затронула ее глаза. Она едва вышла за пределы ее губ, а те были натянутые, побелевшие. Бовуар почувствовал, что она напряжена, и в этот момент расслабился. Теперь у него было преимущество, и он знал об этом.

– Вы позволите мне войти?

Он скорее провалился бы сквозь землю, чем сказал: «Матушка, вы позволите мне войти?» Еще он скорее предпочел бы провалиться сквозь землю, чем спросить у нее, почему все называют ее Матушкой, хотя ему до смерти хотелось это узнать.

– У меня создалось впечатление, что это не самое ваше любимое место, – сказала она, вынуждая его несколько отступить.

Бовуар не знал, что с этой женщиной. Она была коренастая и непривлекательная. Она не ходила, а двигалась вперевалку, как утка, а волосы у нее торчали во все стороны. И носила она полотнища, или занавески, или футляры. Как ни посмотри, она была смешна. И все же в ней что-то было.

– Когда я в последний раз находился здесь, у меня был грипп. Извините, если я вел себя не должным образом.

Хотя все его нутро протестовало против всевозможных извинений, Гамаш указывал ему, что извинения дают преимущество. И за долгие годы он имел возможность убедиться, что Гамаш прав. Люди чувствовали некоторое превосходство, если им казалось, что ты виноват перед ними. Но как только ты извинялся, это преимущество исчезало. Выбивало из-под них опору.

И теперь Бовуар чувствовал, что может говорить с мадам Мейер на равных.

– Намасте, – сказала она, молитвенно складывая руки и кланяясь.

Черт побери, он снова оказался в невыигрышном положении. Он знал, что должен спросить, что это значит, но не стал. Снял ботинки и прошел в большой медитационный зал с его успокаивающими стенами цвета морской волны и теплым полом, устланным зеленым ковром.

– Я хочу задать вам несколько вопросов. – Он повернулся к мадам Мейер, которая по-утиному шла к нему. – Что вы думаете о Си-Си де Пуатье?

– Я уже говорила об этом старшему инспектору. И кстати, вы при этом присутствовали, хотя, вероятно, были совсем не в себе и вряд ли что-то слышали.

Она была на пределе сил. В ней больше не осталось места для сострадания. Ей уже было все равно. Она знала, что долго этого не выдержит, и теперь жаждала одного: чтобы это поскорее кончилось. Она больше не просыпалась от беспокойства посреди ночи. Теперь она вообще не спала.

Матушка смертельно устала.

– Си-Си просто спятила. Вся ее философия – чушь свинячья. Она взяла несколько учений, перемешала их и сочинила бредовую идею, будто люди должны сдерживать эмоции. Это нелепица. Мы сотканы из эмоций. Эмоции делают нас такими, какие мы есть. Да, мы хотим быть сдержанными, но это не значит, что мы не должны чувствовать или демонстрировать эмоций. Это значит ровно противоположное. Это значит… – Матушка была вся на нервах, слишком возбуждена, чтобы сдерживаться и дальше. – Это значит, что мы воспринимаем происходящее во всей полноте, со всей страстью. Это означает воспринимать все происходящее. А потом расставаться с ним – жить своей жизнью. Она считала себя такой важной персоной, приехала сюда и принялась тут командовать. Тут у нее ли-бьен. Там – «Клеймите беспокойство». Вся эта ее стильная белая одежда, украшения, постельное белье, и дурацкие подушки с аурой, и успокаивающие детские одеяла, и бог еще знает какая дрянь. Она была чокнутая. Отказывала себе в эмоциях, приглушала их, скручивала, превращала во что-то гротескное. Объявляла себя такой сдержанной, такой приземленной. Ну да, она была такая приземленная, что это ее и убило. Карма.

Бовуар подумал, уж не имеет ли карма по-индийски значение «ирония».

Матушка излучала ярость. В таком состоянии подозреваемые устраивали его больше всего: не управляющие собой, способные сказать и сделать что угодно.

– И тем не менее и вы, и Си-Си назвали свои бизнесы «Клеймите беспокойство». Разве это не призыв к спокойствию? Разве это ни о чем не говорит?

– Я думаю, что между боязнью и фобией существует различие.

– Мне кажется, вы просто играете со словами. Как вот здесь. – Он показал на стену, где было написано искореженное изречение. Потом он подошел к этому месту. – «Клеймите беспокойство и познайте, что Я Бог». Вы сказали старшему инспектору, что это цитата из Исаии, но на самом деле это слова из псалма. Разве нет?

Ему нравилась эта составляющая его работы. Он видел, как она

сдувается на его глазах, и даже удивлялся, что не слышит звука, какой издает воздух, выходя из шарика. Он медленно вытащил блокнот.

– Псалом сорок шестой, стих одиннадцатый. «Остановитесь и познайте, что Я Бог». Вы солгали и сознательно исказили цитату на стене. Зачем? Что на самом деле означает «Клеймите беспокойство»?

После этого они оба замолчали на некоторое время. Бовуар слышал ее дыхание.

А потом что-то случилось. Бовуар понял, что он сделал. Он стал причиной того, что в этой пожилой женщине что-то надломилось. Что-то произошло – и он увидел перед собой усталую, толстую, едва держащуюся на ногах старуху с торчащими во все стороны волосами. Ее морщинистое, дряблое лицо побледнело как снег, костлявые, покрытые прожилками руки дрожали.

Голова ее склонилась.

Он сделал это. Сделал целенаправленно. Сделал весело.

– Элеонора с Матушкой полгода оставались в коммуне, – сказала Эм Гамашу, беспокойными пальцами ощупывая ручку кофейной чашечки. – Матушка погружалась в это все глубже и глубже, но Эль снова стала нервничать. В итоге она уехала, вернулась в Канаду, но не домой. На какое-то время мы потеряли ее след.

– Когда вы поняли, что она неуравновешенная? – спросил Гамаш.

– Мы это всегда знали. Мысли ее постоянно метались. Она ни на чем не могла сосредоточиться, предлагала то один блестящий проект, то другой. Но нужно отдать ей должное: если она находила что-то такое, что ей нравилось, то становилась как одержимая. Она отдавала этому все свои таланты, всю свою энергию. И когда такое случалось, ее уже было не остановить.

– Как с ли-бьен?

Гамаш из своей сумки извлек картонную коробку.

– Что там у вас еще есть? – Эм наклонилась в сторону и посмотрела на его кожаную сумку. – «Монреаль Канадиенс»?

– Надеюсь, что нет. У них сегодня игра.

Эм уставилась на его огромные бережные руки, которые сняли обертку с предмета из коробки и медленно извлекли содержимое. Он положил этот предмет на стол рядом с деревянной шкатулкой, и на какое-то золотое мгновение Эмили Лонгпре вернулась в свое молодое тело, когда она впервые увидела шар ли-бьен. Он светился изнутри и казался каким-то нереальным, красота была заключена в нем под слоем невидимого стекла.

Шар был прекрасен и ужасен.

Это была Элеонора Аллер.

Молодая Эмили Лонгпре уже тогда знала, что они потеряют Элеонору. Знала, что их блестящая подруга не сможет выжить в этом мире. И вот шар ли-бьен вернулся в Три Сосны, но без своего создателя.

– Можно мне его подержать?

Гамаш положил шар в ее руку, как только что положил коробочку, и опять она взяла эту вещицу, только теперь плотно обхватила ее, словно обнимая и защищая что-то ценное.

Он еще раз – в последний – залез в свою сумку и вытащил длинный кожаный шнурок, грязный, запачканный жиром и кровью. На нем висел кулон с изображением орлиной головы.

Бовуар сидел рядом с Матушкой и внимательно слушал, как слушал когда-то ребенком собственную мать, когда она читала ему истории про приключения и страшные случаи.

– Когда Си-Си впервые объявилась в этих местах, она проявила к нам почти неестественный интерес.

Бовуар инстинктивно знал, что, говоря «к нам», она имеет в виду Эмили, Кей и себя.

– Она заходила к нам и чуть ли не допрашивала. Это было ненормальное поведение даже для такой невоспитанной особы, как Си-Си.

– Когда вы поняли, что она дочь Эль?

Матушка задумалась. Глядя на нее, Бовуар чувствовал, что она вспоминает, а не сочиняет ложь.

– Это произошло постепенно. Для меня не осталось сомнений, когда я увидела упоминание о Рамене Дасе в ее книге.

Матушка кивнула, показывая на небольшой алтарь у стены с ароматизированными вонючими палочками в держателях на ярком полотнище с симметричным рисунком. К стене над алтарем был прикреплен постер, а под ним – фотография в рамочке. Бовуар подошел, чтобы получше разглядеть то и другое. На постере был изображен тощий индиец в брюках из узорчатой ткани, он стоял у каменной стены, в руке держал длинную трость и улыбался. Он напоминал Бена Кингсли в роли Ганди; правда, Бовуару любой пожилой индиец казался похожим на Бена Кингсли. Именно этот плакат и поглотил его внимание в прошлый раз. На фотографии размером поменьше тот же человек сидел с двумя молодыми худенькими девушками европейской наружности, они тоже улыбались, на них были объемистые ночные рубашки. А может, занавески. Или накидки с

дивана. Он удивленно повернулся к Матушке. Измученной, исхудавшей Матушке с торчащими во все стороны волосами.

– Неужели это вы?

Он показал на одну из молодых женщин. Матушка подошла к нему, улыбаясь его удивлению и неспособности скрыть это чувство. Ее это не оскорбило. Ее это тоже часто удивляло.

– А это Эль. – Она показала на другую женщину.

Если и гуру, и Матушка просто улыбались, то другая женщина излучала счастье. Бовуар с трудом оторвал от нее глаза. Потом ему на ум пришли фотографии вскрытия от коронера, что показывал ему Гамаш. Да, Матушка изменилась, но естественным и узнаваемым, если не сказать привлекательным, образом. Другая женщина уже ушла. Ушло сияние, померкло, потускнело и вовсе исчезло под слоями грязи и отчаяния.

– Мало кто знает о Рамене Дасе. Но было и еще кое-что. – Матушка плюхнулась на свое сиденье. – Си-Си назвала свою философию ли-бьен. Я прожила больше семидесяти лет, но слышала это сочетание слов всего от одного человека. От Эль. Си-Си назвала свой бизнес и свою книгу «Клеймите беспокойство». И использовала логотип, который был известен только нам.

– Орла?

– Символ Элеоноры Аквитанской. Ее называли еще Алиенора.

– Объясните это мне, Матушка.

Бовуар не мог поверить, что назвал ее Матушкой, но назвал, и это прозвучало естественно. Он надеялся, что не станет в ближайшем будущем грудничком.

– В школе мы изучали английскую и французскую историю, – сказала Матушка. – У Канады явно нет никакой истории. Так вот, когда мы дошли до Элеоноры Аквитанской, Эль стала как одержимая. Она решила, что она и есть Элеонора, или Алиенора, Аквитанская. Не смотрите с таким высокомерием, инспектор. Ведь вы мальчишкой играли в ковбоев и индейцев. А то и воображали себя Суперменом или Бэтманом.

Бовуар фыркнул. Ничего подобного за ним не водилось. С его стороны это было бы сумасшествием. Он был Жаном Клодом Килли, величайшим лыжником мира, олимпийским чемпионом. Он даже матери сказал, что она должна переименовать его в Жана Клода. Она отказалась. И все же в своих снах он участвовал в удивительных гонках, выигрывал олимпийское золото, нередко уходил от катастрофических лавин, спасая по пути монахинь и благодарных миллионеров.

Эль уже тогда была в поисках. Она понимала: что-то с ней не так,

словно она родилась в чужой коже. Ее утешали мысли о том, что она Алиенора Аквитанская, и Эм даже заказала для нее кулон с геральдическом символом Алиеноры. С орлом. Очень агрессивным орлом.

– И когда Си-Си переехала сюда, вы свели все это воедино и поняли, что Си-Си – дочь Эль.

– Верно. Мы знали, что у Эль есть ребенок. Эль исчезла на несколько лет, а потом мы вдруг получили открытку из Торонто. Она вступила в связь с каким-то человеком, который быстро исчез, но прежде Эль забеременела. Она не была замужем, а в то время, в конце пятидесятых, такое считалось недопустимым. Когда она уезжала из Индии, я знала, что она эмоционально неустойчива. Ум у нее был блестящий, тонкий и переменчивый. Бедняжка Си-Си, она росла в такой вот обстановке. Неудивительно, что мысль об уравновешенности была так важна для нее. – Матушка ошеломленно посмотрела на Бовуара, видимо, ей это только что пришло в голову. – Я не испытывала к Си-Си ни симпатии, ни сострадания. Поначалу, когда мы поняли, что она дочь нашей любимой подружки Эль, мы пытались вовлечь ее в нашу жизнь. Не могу сказать, что мы испытывали к ней теплое чувство. Она была поразительно несимпатичной. Эль была как солнышко, яркая, любящая и добрая. Но родила она тьму. Си-Си не жила в тени матери, она была тенью своей матери.

– Это было найдено в руке Эль. – Гамаш пытался сказать это мягко, но понимал, что невозможно скрыть кошмар случившегося. – Может быть, Эль и была неуравновешенная разумом, но сердце ее оставалось постоянным. Она знала, что важно. Она столько лет бродяжничала, но две эти вещи сохранила. – Он прикоснулся к шкатулке и кивнул на кулон. – И вас троих. Она окружила себя друзьями.

– Мы пытались следить за ней, но она попадала из одной больницы в другую, а потом вообще занялась бродяжничеством. Мы и представить себе не могли, чтобы наша Эль жила на улице. Мы пытались поместить ее в приют, но она всегда убегала. Пришлось научиться уважать ее желания.

– А когда у нее забрали Си-Си? – спросил Гамаш.

– Точно я не знаю. Я думаю, девочке было около десяти, когда Эль попала в больницу.

Они помолчали какое-то время, каждый представлял себе маленькую девочку, которую взяли из единственного дома, что у нее был. Да, это было грязное, нездоровое место, но все равно оно называлось ее домом.

– И когда вы снова увидели Эль?

– Матушка, Кей и я часто садимся в автобус и ездим в Монреаль, и вот

два года назад мы обнаружили на вокзале Эль. Для нас было потрясением увидеть ее в таком виде, но потом мы к этому привыкли.

– Вы показывали ей какие-нибудь картины Клары?

– Клары? Зачем бы мы стали это делать? – Этот вопрос явно поставил Эм в тупик. – Мы никогда не оставались с ней больше чем на несколько минут – давали ей одеяла, одежду, еду и немного денег. Но никаких картин Клары мы ей не показывали. Да и с какой стати?

– Может быть, вы показывали ей фотографию Клары?

– Нет. – Этот вопрос тоже озадачил Эм.

«И в самом деле, с какой стати», – подумал Гамаш.

«Я всегда любила твое искусство, Клара», – сказала Эль, когда Клара была повержена и в отчаянии.

«Я всегда любила твое искусство».

Гамаш лицом ощущал тепло из камина. Он спрашивал себя, не было ли у Эль квоты на отлов трески или собственной строительной фирмы.

– Как вы узнали, что Эль убита?

Смягчить этот вопрос было невозможно.

Эм явно готовилась к этому вопросу и практически ничем не выдала своих эмоций, услышав его.

– Мы вернулись в Монреаль двадцать третьего сентября, чтобы сделать ей подарок на Рождество.

– А зачем возвращаться? Почему не сделать ей подарок после презентации книги Рут?

– Эль была человеком привычек. Если что-то выходило за рамки ее заведенного бытия, это выводило Эль из себя. Несколько лет назад мы попытались сделать ей подарок раньше обычного, и она плохо прореагировала, – это стало для нас уроком. С подарками – двадцать третьего. У вас какое-то недоуменное выражение.

Выражение у него действительно было недоуменное. Он не мог поверить, что женщина, живущая на улице, пользовалась ежедневником. Да откуда она вообще могла знать, какой когда день?

– Анри знает, когда пора обедать и когда пора гулять, – сказала Эм, когда Гамаш признался ей, что его беспокоит. – Я не хочу сравнивать Эль с моим щенком, но все же она была чем-то на него похожа. Почти всё на инстинктах. Эль жила на улице. Она свихнулась. Вся была в собственных экскрементах, не в своем уме, пьяная. И все же она была чистейшей из душ, какие мне доводилось встречать. Мы искали ее у «Ожильви», потом у автобусной станции. Наконец мы пошли в полицию. Так мы и узнали, что она убита.

Эм отвела взгляд, самообладание изменило ей. Но Гамаш знал, что ей придется выдержать еще один вопрос.

– А когда вы узнали, что ее убила собственная дочь?

Глаза Эмили широко раскрылись.

– Sacré[96], – прошептала она.

Глава тридцать пятая

– Нет! – закричал Бовуар в телевизионный экран. – Остановите его! Защитники, где защитники?!

– Смотрите, смотрите! – подхватил Робер Лемье, который рядом с ним ерзал на диване, пытаясь остановить рейнджера из Нью-Йорка, который несся по льду стадиона.

– Он бросает по воротам! – прокричал комментатор.

Бовуар и Лемье подались к экрану, но только хлопнули руками, когда маленькая черная шайба на их глазах сорвалась с клюшки рейнджера. Габри чуть не оторвал ручки своего кресла, а вилка Оливье замерла на полпути к тарелке с сыром.

– Гол! – заорал комментатор.

– Томас. Этот гребаный Томас! – Лемье посмотрел на Бовуара. – Сколько они платят ему в год? Шестнадцать триндильонов, а он шайбу не может остановить! – Лемье сердито махнул в сторону экрана.

– Ему платят всего около пяти миллионов, – сказал Габри, аккуратно распределяя своими огромными пальцами сыр Сен-Альбре по куску французского батона и чуточку приправляя его джемом. – Еще вина?

– Будьте добры.

Бовуар протянул бокал. Он впервые смотрел хоккейный матч без пива и чипсов, замена которых на сыр и вино его вполне устраивала. И еще он понимал, что агент Лемье ему очень даже симпатичен. До этого момента он смотрел на Лемье как на самоходную мебель – этакое кресло на колесиках. Прок от него какой-то был, но ни до каких дружеских отношений дело не доходило. А вот теперь они сопереживали это унизительное поражение от сраных нью-йоркских рейнджеров, и тут Лемье оказался неколебимым и знающим союзником. К счастью, такими же оказались Габри и Оливье.

Зазвучала музыка «Хоккейный вечер Канады», и Бовуар поднялся, чтобы размять ноги и пройти по общей комнате гостиницы. Гамаш на другом стуле набирал номер телефона.

– Томас пропустил еще одну, – сказал Бовуар.

– Я видел. Он слишком далеко отходит от ворот, – ответил Гамаш.

– Это его стиль. Он устрашает противника, вынуждает его делать бросок.

– И что, это действует?

– Сегодня – нет, – вынужден был согласиться Бовуар.

Он взял пустой стакан шефа и удалился. «Долбаный Томас. Я бы лучше стоял». И пока шла реклама, Жан Ги Бовуар воображал себя в воротах «Канадиенс». Правда, Бовуар не был голкипером. Он был форвардом. Он любил свет прожекторов, игру с шайбой, тяжелое дыхание, стремительное движение по льду и бросок. Любил услышать, как охает противник, когда ты прижимаешь его к бортику. И может, для острастки еще суешь ему локтем под ребра.

Нет, он слишком хорошо себя знал: вратаря из него никогда бы не получилось.

Вот Гамаш – другое дело. Они все могли положиться на него – он бы всех спас.

Бовуар принес полный бокал вина и поставил на стол рядом с телефоном. Гамаш благодарно улыбнулся ему.

– Bonjour?

Сердце Гамаша сжалось, когда он услышал знакомый голос.

– Oui, bonjour, это мадам Гамаш, библиотекарь? До меня дошел слух, что один читатель не вернул вам книгу – просрочил?

– Это муж у меня просрочил с возвращением. И он большой книжник, – сказала она со смехом. – Привет, Арман. Как у тебя дела?

– Элеонора Аллер.

Последовала пауза.

– Спасибо, Арман. Элеонора Аллер. – Рейн-Мари произнесла это имя, словно оно было частью молитвы. – Красивое имя.

– И красивая женщина, как мне сказали.

И тогда он поведал ей всё. Об Элеоноре и ее друзьях, об Индии и дочери. О Си-Си, которую забрали из дома Элеоноры. О том, что воспитывал ее неведомо кто, что она искала мать и в ходе этих поисков оказалась в Трех Соснах.

– А почему она решила, что найдет там свою мать? – спросила Рейн-Мари.

– Потому что именно эту деревню ее мать изобразила на рождественском украшении. На шарике ли-бьен. Единственное, что Си-Си досталось в наследство от Эль. Ей либо сказали, либо она сама догадалась, что три сосны на шарике означают деревню, где родилась и выросла ее мать. Мы сегодня разговаривали со старожилами деревни, и они помнят Аллеров. Всего одна дочь – Элеонора. Они уехали отсюда почти пятьдесят лет назад.

– И Си-Си купила дом в Трех Соснах, чтобы найти мать? Занятно, почему она сделала это теперь, а не много лет назад?

– Думаю, наверняка мы этого никогда не узнаем, – сказал Гамаш, сделав глоток вина. На заднем фоне он слышал музыку «Хоккейного вечера Канады». Рейн-Мари в этот субботний вечер тоже смотрела хоккей. – У Томаса сегодня не лучший день.

– Я думаю, ему не нужно так далеко выходить из ворот, – откликнулась Рейн-Мари. – Рейнджеры просто знают его слабое место.

– У тебя есть теория, почему Си-Си вдруг сейчас решила найти свою мать?

– Ты сказал, что Си-Си обратилась к одной американской компании по поводу каталога.

– И что ты в связи с этим думаешь?

– Возможно, Си-Си ждала, пока у нее не появится ощущение, что она добилась успеха.

Гамаш задумался, глядя на игроков на экране телевизора: они перепасовывали друг другу шайбу, теряли ее, откатывались на скорости назад, когда атаковала команда противника. Бовуар и Лемье со стонами откинулись на спинку дивана.

– Американский контракт, – сказал Гамаш. – И книга. Мы думаем, что именно поэтому Эль переехала с автобусной станции в «Ожильви». Си-Си вывесила постеры, рекламирующие ее книгу. Один из них висел как раз у автобусной станции. Эль, вероятно, увидела его и поняла, что Си-Си де Пуатье – ее дочь. Поэтому она отправилась к «Ожильви» – чтобы найти ее.

– А Си-Си отправилась в Три Сосны, чтобы найти мать, – сказала Рейн-Мари.

При мысли о том, что две эти битые жизнью женщины искали друг друга, скребло на сердце.

Перед мысленным взором Гамаша возник образ Эль, маленькой, хрупкой, старой и замерзающей: как она плетется из другого конца города, оставив там ценное место у решетки метрополитена в надежде найти дочь.

– Бросай! Бросай! – заорали болельщики перед телевизором.

– Ура! Гол! – закричал комментатор под бешеные аплодисменты стадиона и чуть ли не истерические крики Бовуара, Лемье, Габри и Оливье, которые обнимались и танцевали по комнате.

– Ковальски! – крикнул Бовуар Гамашу. – Наконец-то. Теперь три – один.

– А что делала Си-Си в деревне? – спросила Рейн-Мари.

Она выключила телевизор в гостиной, чтобы сосредоточиться на разговоре.

– Она, видимо, решила, что одна из этих пожилых женщин – ее мать, и

поэтому поговорила со всеми ими.

– А потом нашла свою мать у «Ожильви», – сказала Рейн-Мари.

– Эль, вероятно, узнала Си-Си. Я думаю, она к ней обратилась, но Си-Си не обратила на нее внимания, решила, что это одна из уличных бродяжек. Но Эль проявляла настойчивость. Пошла за ней. Может быть, даже назвала ее по имени. Но и тогда Си-Си могла объяснить это тем, что бродяжка видела ее рекламные постеры. Наконец Эль впала в отчаяние, распахнула одежду на груди и показала свой кулон. И тут Си-Си должна была остановиться как вкопанная. Она должна была помнить этот кулон с детства. Его заказала Эмили Лонгпре. Другого такого не существовало.

– И тогда Си-Си, видимо, поняла, что эта женщина – ее мать, – мягко сказала Рейн-Мари, представляя себе эту сцену и пытаясь представить, что при этом чувствовала Си-Си.

Си-Си, которая жаждала найти мать. Которая желала не только найти мать, но и услышать ее одобрение. Почувствовать объятие этих старых рук.

А тут она увидела Эль. Вонючую, пьяную, глупую бродяжку. Ее мать.

И что сделала Си-Си?

Она потеряла разум. Рейн-Мари догадалась, что произошло. Си-Си сграбастала кулон и сорвала его с шеи матери. Потом ухватила длинный шарф за концы и стала тянуть, тянуть все сильнее.

Она убила собственную мать. Чтобы скрыть истину, как делала это всю жизнь. Что еще могло произойти? Си-Си сделала это, чтобы спасти свой американский контракт, – испугалась, что может его потерять, если американцы узнают, что создатель ли-бьен и «Клеймите беспокойство» – бродяга-алкоголичка, которая к тому же является ее матерью. Или же она сделала это, предполагая, что покупатели будут над ней смеяться.

Но скорее всего, ей ничто из этого и в голову не пришло. Она действовала инстинктивно, как и ее мать. А инстинкт Си-Си состоял в том, чтобы всегда избавляться от всего неприятного. Стирать из памяти, уничтожать. Так она поступила со своим безвольным и уступчивым мужем и своей необычной неразговорчивой дочерью.

А Эль была для нее громадной, жуткой неприятностью.

Элеонора Аллер умерла от рук своего единственного ребенка.

А потом умер и этот ребенок. Рейн-Мари вздохнула. Эти мысли наводили на нее грусть.

– Если Си-Си убила свою мать, то кто убил Си-Си? – спросила Рейн-Мари.

Гамаш помолчал. Потом сказал ей.

Наверху в гостинице лежала в своей кровати Иветт Николь, слушая музыку «Хоккейного вечера Канады» и изредка доносившиеся крики из общей комнаты внизу. Ей хотелось присоединиться к ним. Поговорить о новом контракте Томаса, о том, можно ли винить тренера в ужасном сезоне команды, о том, знали ли в Торонто, продавая Паже «Канадиенс», что тот травмирован.

Она испытывала какую-то симпатию к Бовуару в ту ночь, когда он болел и она ухаживала за ним, и на следующее утро, когда они вместе завтракали. Никакой розни. Взаимная симпатия. Облегчение, будто с ее плеч сняли груз, о существовании которого она и не подозревала.

А потом этот пожар и ее глупость – что ее понесло в здание? Еще один повод ненавидеть глупого дядюшку Сола. Это, конечно, была ее вина. Первопричиной всего, что случалось с ее семьей, был он. Он был червоточиной в их семейном древе.

«Она не стоит того». Эти слова ранили и жгли. Поначалу она даже не понимала, насколько глубока эта рана. Поначалу этого никогда не понимаешь. Ты словно немеешь. Но со временем ей это стало ясно. Она была глубоко уязвлена.

Гамаш поговорил с ней, и это было интересно. Это ей действительно помогло. Хотя бы в том, что ей стало понятно, как вести себя дальше. Она набрала номер на своем сотовом. Ответил мужской голос, на заднем фоне слышался звук хоккейного матча.

– У меня есть к тебе вопрос, – сказал Гамаш, и изменение интонации его голоса насторожило Рейн-Мари. – Правильно ли я поступил в деле Арно?

Сердце Рейн-Мари ёкнуло, когда она услышала этот вопрос от мужа. Только она знала, какую цену он заплатил. На публике он держался мужественно и твердо. Ни Жан Ги, ни Мишель Бребёф, ни даже его лучшие друзья не знали, как мучительно переживал он все это. Знала только она.

– Почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

– Из-за этого дела. Оно не только об убийстве. Оно в некотором роде еще и о вере.

– Все дела, которые ты расследовал, так или иначе имели в своей основе веру. Во что верит убийца, во что веришь ты.

Это было правдой. Мы – то, во что мы верим. И единственным делом, в котором он был очень близок к тому, чтобы предать свою веру, было дело Арно.

– Может быть, нужно было позволить им умереть.

Вот оно. Не руководствовался ли он в деле Арно эгоистическими соображениями? Своей гордыней? Своей уверенностью в том, что он прав, а все остальные заблуждаются?

Гамаш помнил проведенное без огласки и в спешке совещание в управлении Квебекской полиции. Решение позволить этим людям совершить самоубийство ради сохранения репутации полиции. Он помнил свои возражения, помнил, что большинство голосов было против него. А после этого он ушел. Он все еще ощущал уколы стыда, вспоминая о том, что случилось после. Он взялся расследовать дело в Маттон-Бее, как можно дальше от управления. Там он собирался прочистить мозги. Но он с самого начала знал, что́ должен сделать.

А встреча с рыбаком рассеяла последние сомнения.

Гамаш купил билет на первый самолет и вернулся в Монреаль. Это был тот самый уик-энд, когда Арно решил отправиться в Абитиби. Гамашу пришлось проделать долгий путь на машине. И чем ближе он подъезжал к пункту назначения, тем хуже становилась погода. Первая снежная буря этой зимой обрушилась на землю быстро и коварно. Гамаш потерялся, а машина его застряла.

Но он молился и дергал машину, и в конечном счете покрышки сцепились с дорогой, ему удалось выбраться из заноса, и он пробрался назад до главной дороги. До правильной дороги. Нашел домик и прибыл вовремя.

Когда вошел Гамаш, Арно на миг застыл, а затем прыгнул туда, где лежал его пистолет. И в то мгновение, когда Арно сделал прыжок, Гамаш понял кое-что про него. Он собирался дождаться, когда другие покончат с собой, а потом – исчезнуть.

Гамаш метнулся в угол комнаты и первым схватил пистолет. И внезапно все закончилось. Всех троих отвезли в Монреаль, где их ждал суд. Суд, которого никто, кроме Армана Гамаша, не хотел.

Процесс привлек внимание общественности, мнения разделились не только в полиции, но и среди простых граждан. Многие винили Гамаша. Он совершил немыслимое. Вынес на всеобщее обозрение грязное белье.

Гамаш предвидел это, и потому решение далось ему с немалым трудом. Потерять уважение коллег – дело страшное. Трудно было стать парией.

И в час, когда уверен наш счастливец,
Что наступил расцвет его величья,
Мороз изгложет корни, и падет

Он так же, как и я.

– «И вот он пал, он пал, как Люцифер», – шепотом сказал Гамаш.

– «Навеки, без надежд», – закончила без него цитату Рейн-Мари. – Неужели ты настолько велик, Арман, что твое падение станет легендой?

Он издал короткий смешок:

– Просто я жалею себя. Тоскую по тебе.

– А я по тебе, мой дорогой. И да, Арман, я думаю, ты поступил правильно. Но я понимаю твои сомнения. Они-то и делают тебя великим человеком, а вовсе не твоя уверенность.

– Этот долбаный Томас – ты видел это? – Бовуар стоял перед телевизором, обхватив голову. – Продайте его! – прокричал он в экран.

– Так кем бы ты предпочел быть сегодня – Арманом Гамашем или Карлом Томасом? – спросила Рейн-Мари.

Гамаш рассмеялся. Он не часто говорил о своих сомнениях, но в этот вечер они вынудили его.

– Значит, дело Арно еще не закончилось? – спросила Рейн-Мари.

Агент Николь спустилась по лестнице, встретилась с ним взглядом, улыбнулась. Она кивнула и присоединилась к группе, которая была так занята, что даже не заметила этого.

– Non, ce n’est pas fini[97].

Глава тридцать шестая

В домах Трех Сосен один за другим гас свет, погасли все огни и на огромной сосне, и деревня погрузилась в тишину. Когда все ушли спать, Гамаш выключил свет в гостиной и остался сидеть там в тишине, наслаждаясь покоем, с удовольствием представляя, как деревня укладывает голову на подушку. Но вот он встал со стула, тихо надел куртку и ботинки и вышел на улицу. Снег заскрипел под его ногами. Эмили Лонгпре сказала, что на следующий день дано штормовое предупреждение, но верилось в это с трудом. Он вышел на середину дороги.

Все погрузилось в тишину. Все сияло. Гамаш поднял голову и уставился на звезды. Все небо было усыпано ими. Он подумал, что это, наверное, его любимая часть дня. Стоять под зимним небом. Вид у звезд был такой, будто Господь отменил бурю и подвесил в небе миллионы хлопьев. Ярких и веселых.

Ему не хотелось идти, не было потребности прогуляться. Он знал все ответы. Он вышел, чтобы побыть наедине с самим собой посреди Трех Сосен и посреди ночи. Здесь было так покойно.

Когда они проснулись на следующее утро, за окном бушевала снежная буря. Гамаш увидел ее из кровати. Точнее сказать, он не увидел ничего. Снег залепил окно, и даже на деревянном полу образовался небольшой нанос, где снежинки через открытое окно задуло внутрь. Полная тишина. Он обратил внимание, что его будильник выключен. Попробовал включить свет – не работает.

Ничего.

Напряжения в сети не было. Он выбрался из кровати, закрыл окно, надел халат и открыл дверь. Снизу до него доносились приглушенные голоса. На главном этаже он увидел волшебное зрелище: Габри и Оливье зажгли масляные лампы и штормовые свечи. В комнате были разлиты лужицы янтарного света. Это было нечто удивительное, мир, состоящий из одного огня. Огонь горел и в камине, от которого расходились световые и тепловые лучи. Гамаш подошел поближе. Котел, вероятно, не работал уже несколько часов, и в помещении было прохладно.

– Bonjour, monsieur l’inspecteur, – раздался веселый голос Оливье. – Тепло включили – слава богу, у нас есть генератор для таких случаев. Но дом прогреется не раньше чем через час.

В этот миг дом задрожал.

– Mon Dieu, – сказал Оливье. – На улице и в самом деле черт знает что творится. Вчера передавали прогноз – до пятидесяти сантиметров снега. Это почти два фута.

– А который теперь час? – спросил Гамаш, стараясь поднести свои часы поближе к масляной лампе.

– Без десяти шесть.

Гамаш разбудил остальных, и они позавтракали, как, вероятно, завтракали в давние времен путники, останавливавшиеся на почтовой станции. В свете огня из камина. Им подали горячие сдобные булочки, джем и кофе с молоком.

– Габри подключил плитку и кофе-машину к генератору, – объяснил Оливье. – На свет мощности не хватает, но для основных нужд – вполне.

Когда они с трудом добрались до оперативного штаба, ток подали в сеть, правда, освещение мигало. Снег хлестал их. Они шли, наклонившись, пряча голову в плечи и одновременно стараясь не потерять дорогу, а потеряться было легко даже на таком коротком и знакомом пути. Снег атаковал их, добирался до тела через рукава и воротники, забивался в уши, в любую щель, словно его цель состояла в том, чтобы искать их кожу. И найти ее.

В оперативном штабе они сняли шарфы, стряхнули горки снега с шапочек, обстучали ботинки о цоколь, чтобы основную массу снега сбросить на улице.

Лакост из-за пурги осталась в Монреале и вынуждена была целый день провести в управлении. Бовуар все утро просидел за телефоном и наконец нашел в Кауансвилле фармаколога, у которого были данные о продаже никотиновой кислоты за последние несколько недель. Бовуар решил направиться туда, хотя дороги из-за снега практически стали непроходимыми.

– Ничего страшного, – сказал он, воодушевленный идеей раскрыть преступление, и вышел в пургу.

Герой, охотник, готовый рисковать, встретиться с врагом лицом к лицу, пробиться через такую снежную бурю, какую и канадские старожилы не видели. Он был удивителен.

Он вышел из дома, но обнаружил, что снега намело еще больше – до самых его колен. Бовуар с трудом добрался до машины и следующие полчаса выгребал ее из сугроба. И все же снег был легкий, пушистый и напоминал о тех вожделенных днях, когда из-за снежной бури в школе отменяли занятия.

Пурга не заставила жителей остаться дома, и некоторые, едва видимые за снегопадом, направлялись по своим делам на снегоступах или широких лыжах. Машина Бовуара была единственной на дороге.

– Сэр. – Около часа спустя Лемье подошел к Гамашу. – Я нашел это под дверью.

Гамаш взял конверт, длинный и толстый. Сырой от растаявшего снега.

– А кто его принес, ты не видел? – Гамаш перевел взгляд с Лемье на Николь.

Она пожала плечами и уставилась в свой компьютер.

– Нет, сэр, в такую пургу кто угодно мог подойти к зданию, а мы бы и не заметили.

– Но кто-то все же подошел, – заметил Гамаш.

На конверте четким, изящным почерком было написано: «Старшему инспектору Гамашу, Квебекская полиция». Он разорвал конверт, чувствуя, как на него накатывает волна страха. Пробежав две страницы, он вскочил и бросился к своей куртке, натянул ее и, даже не потрудившись застегнуть, выбежал в жестокую пургу.

– Вам помочь? – крикнул ему вслед Лемье.

– Одевайся. Агент Николь, ко мне. Наденьте куртку и помогите мне очистить машину.

Она посмотрела на него сердитым взглядом, даже не пряча своих чувств. Однако приказу подчинилась. Втроем, трудясь не покладая рук, они за десять минут очистили его «вольво», хотя снег продолжал падать и падать.

– Этого хватит, – сказал Гамаш, распахнул дверь машины и швырнул внутрь скребок и лопату.

Лемье и Николь бросились к передней пассажирской двери, спеша занять это место.

– Оставайтесь здесь, – велел Гамаш.

Он захлопнул дверь и включил передачу. Покрышки забуксовали, но в конечном счете обрели сцепление с дорогой. Машина резко рванулась вперед. Гамаш посмотрел в заднее зеркало и увидел, что Лемье даже еще разогнуться не успел – он выталкивал его машину. Николь без дела стояла у него за спиной, уперев руки в боки.

Сердце Гамаша бешено колотилось, но он смирял себя и не давил на газ. Снега выпало столько, что отличить дорогу от обочины был практически невозможно. На вершине дю-Мулен он сбросил газ. Дворники работали с бешеной скоростью, но при этом едва справлялись с сыплющим

снегом. Снег все падал и падал, и Гамаш знал: если его машина простоит слишком долго, то застрянет. Но в какую сторону ехать?

Он выскочил из машины, встал на дороге, посмотрел в одну сторону, в другую. Куда ехать? В Сен-Реми? В Уильямсбург? Куда?

Он взял себя в руки, заставил успокоиться. Он слышал, как воет ветер, чувствовал, как налипает на его куртку холодный снег. Ничего не случилось. Не было ни стены с надписью, ни голоса, подсказывающего ему шепотком на ветру. Но зато голос звучал в его памяти. Ломкий, полный горечи голос Рут Зардо.

И когда нас смерть моя разделит,
и снова встретимся, прощенные и простившие,
не будет ли и тогда, как прежде, слишком поздно?

Вернувшись в машину, он с максимальной скоростью, на какую осмелился, поехал в Уильямсбург, где должны снова встретиться прощенные и простившие. Вот только не будет ли слишком поздно?

Сколько пролежало под дверью это письмо?

Прошла целая вечность, прежде чем он увидел здание «Легиона». Проехав за него, он повернул направо. И там увидел машину. Гамаш не знал, что чувствовать – облегчение или ужас. Он подъехал к стоящей машине, вылез из «вольво».

Стоя на вершине невысокого холма, он посмотрел на Лак-Брюм; снег ударял ему в лицо и чуть не ослеплял. В промежутках между порывами снега он видел три фигуры, с трудом двигающиеся по льду.

– Намасте, намасте, – бесконечно повторяла Матушка своими сухими, потрескавшимися, кровоточащими губами, и наконец стало ясно, что она уже не может произнести больше ничего иного.

Это слово будто застряло в ней, и она произносила и произносила его, как патефон. Но оно помогало прогонять страх из ее сердца и не могло найти себе замены. Матушка замолчала, и только ужас и недоумение остались при ней.

Кей еле шла в середине, ноги почти отказывали ей; две подружки из последних сил поддерживали ее, как и в течение всей ее жизни – она понимала это. Почему для понимания этого должно было пройти столько лет? И теперь, в конце, – а это был конец – она целиком и полностью зависела от них. Они поддерживали ее, не позволяли упасть, вели ее в

следующую жизнь.

Теперь она знала ответ на свою загадку. Почему ее отец и его друзья, когда шли на смерть, кричали: «В жопу папу римского».

Ответа на это не было. То были его слова, его жизнь, его путь и его смерть.

Теперь это были ее слова. Он всю жизнь потратила на то, чтобы разгадать что-то, не имевшее к ней отношения. Что-то такое, чего она не в силах была понять. Да и не нужно было ей понимать это. Ей нужно было понимать только свою жизнь и свою смерть.

– Я вас люблю, – прохрипела она, но эти слова были унесены ветром и не дошли до старых ушей.

Эм поддерживала Кей, и втроем они уходили все дальше и дальше в озеро. Матушка остановилась – то ли ее трясло, то ли она дрожала от холода, и даже плакать она прекратила, только издавала какой-то вой, но, может, это был вой ветра.

Они уже почти дошли до конца. Эм не ощущала ни рук, ни ног. И утешало ее только одно: ей уже не придется чувствовать мучительной боли, когда в тело ее вонзятся тысячи иголок, если она вернется в тепло. Ветер дул, и за его завываниями она слышала что-то еще. Над озером звучали звуки скрипки.

Эм открыла глаза, но не увидела ничего, кроме белизны.

Сплошной лед.

Арман Гамаш стоял на сугробе. Безумный ветер срывался с гор, мчался по озеру мимо трех женщин, мимо заметенной площадки для кёрлинга и того места, где умерла Си-Си, набирал силу, жесткость, непримиримость и ударял Гамаша в лицо. Гамаш хватал ртом воздух, сжимая в руке письмо Эм, белую бумагу, невидимую на фоне белого снега за ним, перед ним и повсюду вокруг него. Как и эти три женщины, он был окутан белизной.

Он сделал шаг вперед, обуянный желанием броситься бегом по озеру следом за ними. Все его существо требовало от него, чтобы он спас их, но он остановился и чуть не разрыдался – так тяжело далось ему это усилие над собой. Эмили в своем письме умоляла его позволить им умереть, как умирают легендарные старики-эскимосы, которые уходят на дрейфующий лед и плывут к своей смерти.

Конечно, это они убили Си-Си. Он понял это еще день назад, но подозревал, что чувствовал это значительно дольше. Он все время знал: невозможно, чтобы никто не увидел убийцу. Кей не могла сидеть рядом с

Си-Си и не увидеть того, кто это сделал.

И кроме этого, был и сам убийца. Слишком уж сложно все было. Никотиновая кислота, расплавленный снег, наклоненный стул, провода под напряжением. И наконец, удар током, точно рассчитанный по времени к тому моменту, когда Матушка очищает дом и все глаза и уши направлены на нее.

А после этого нужно еще было убрать провода.

Никто не мог сделать это незаметно.

Горькая никотиновая кислота была в чае, который подала Матушка во время завтрака. Эм, принеся стулья на место, разлила антифриз. Она сама села на стул, чтобы Си-Си не оказалась на нем до времени.

Ключевую роль играла Кей. Гамаш предположил, что тот, кто убил Си-Си, сначала прикрепил провода к ее стулу, потом ошивался около пикапа Билли, дожидаясь подходящего момента, чтобы подключить их к генератору. Но в письме Эм было написано иное. Они заранее подключили провода к генератору Билли, а потом Кей ждала сигнала от Эм, которая должна была дать знак, что Матушка собирается очистить дом. Когда Эм подала знак, Кей подошла к пустому стулу, наклонила его, нарушив симметрию, и подключила провода. С этого момента стул был под напряжением.

К этому времени начала действовать никотиновая кислота, и Си-Си сняла перчатки.

Матушка готовилась к тому, чтобы очистить дом. Все взгляды были устремлены на нее.

Она запустила камень, который загрохотал по льду, на трибуне раздались подбадривающие крики, все поднялись на ноги, и Си-Си тоже. Она прошла вперед, встала в лужу, обеими голыми руками ухватилась за металлическую спинку стула – и готово.

Они, конечно, рисковали. Кей должна была отсоединить провода и убрать их – ярко-оранжевый провод привлек бы к себе внимание в том месте, где ему нечего делать. Но они рискнули, посчитав, что все будут заняты Си-Си и никто не заметит, как убирают провода. Это сделала Эм, она зашвырнула их в кузов пикапа Билли, который прибежал к своей машине, чтобы очистить кузов для Си-Си и ехать в больницу, – и в этот момент Эм чуть не попалась. Она сочинила историю, будто ей в голову пришла та же идея и она хотела приготовить кузов для Си-Си и реанимационной команды.

Единственное, что оставалось тайной для Гамаша, был мотив. Но Эм и Матушка раскрыли его.

Кри.

Они должны были спасти внучку Эль от чудовища, которое было ее матерью. Они слышали, как пела Кри, слышали, как отчитывала и унижала ее за это Си-Си. И они собственными глазами видели девочку.

Кри явно погибала, задыхалась под слоями жира, страха и молчания. Она так глубоко ушла в собственный мир, что вряд ли имела шанс выбраться из него. Си-Си убивала собственную дочь.

Гамаш увидел, как средняя, самая маленькая из них, упала на снег. Другие остановились и попытались ее поднять. Чтобы пройти еще чуть дальше. Гамаш чувствовал, как дрожат его колени, ему хотелось рухнуть в снег, спрятать охвативший его ужас в ладонях. Отвернуться и не видеть конца Трех Граций.

Но он стоял прямо, снег забивался ему под воротник, в рукава, налипал на лицо и неморгающие глаза. Он заставлял себя смотреть, как упала первая из них, потом встали на колени остальные. Он оставался с ними, на его растрескавшихся губах застыла безмолвная молитва, которую он повторял снова и снова.

Но тут в его голове родилась еще одна мысль.

Гамаш посмотрел на письмо, смятое в его руке, и на крохотные фигурки на снегу. На мгновение он потерял способность двигаться, был оглушен.

– Нет! – закричал он и бросился вперед. – Нет! – крикнул он, развернулся и посмотрел на свою машину – она была наполовину занесена снегом, как и три женщины.

В безумной спешке он бросился к «вольво».

Было слишком поздно, и он понимал это. Однако должен был попытаться.

Глава тридцать седьмая

Гамаш развернул машину и понесся к Уильямсбургу, к столовой на рю Принсипаль.

– Мне нужна помощь, – сказал он у дверей.

Все глаза повернулись в его сторону: крупного сложения незнакомец, весь покрытый снегом, и еще с какими-то просьбами.

– Я старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции. На Лак-Брюм в снегу застряли три женщины. Нам нужны снегоходы, чтобы их спасти.

После секундной паузы из-за стола поднялся человек и сказал:

– Глупые утки. – Это произнес Билли Уильямс, как всегда неразборчиво.

– Я с тобой. – Встал еще один человек.

Вскоре заведение почти опустело, и не прошло и нескольких минут, как Гамаш сидел за спиной Билли, а целый флот снегоходов несся по рю Принсипаль к озеру Лак-Брюм.

Завывала снежная буря, и Гамаш напрягал зрение, стараясь разглядеть упавших женщин и направить к ним Билли.

– Они где-то здесь! – прокричал Гамаш канадской вязаной шапочке Билли.

Билли замедлил скорость. Вокруг них осторожно, чтобы не наехать на женщин, двигались другие снегоходы. Билли, стоя, аккуратно вел свою машину по глубокому снегу в поисках бугра, возвышенности, тела.

– Катер зашибись! – прокричал Билли, показывая на какую-то точку, невидимую Гамашу.

Вокруг них была полная белизна. Уильямсбург исчез, берег исчез, в снежной буре исчезли другие автомобили. Билли развернул машину и направился к месту, которое, на взгляд Гамаша, ничем не отличалось от других на озере. Но по мере их приближения стали вырисовываться контуры.

Женщины упали, держась друг за друга, и теперь они были почти целиком занесены снегом. Но Билли Уильямс нашел их. Он стянул с рук перчатки, и, пока Гамаш пробирался через глубокий снег, Билли сунул пальцы в рот и свистнул. Этот звук врезался в вой бури. Гамаш опустился на колени и принялся откапывать Эм, Матушку и Кей, а Билли продолжал свистеть, и к тому времени, когда Гамаш откопал женщин, к ним уже тянулись руки других спасателей. Люди спешно отнесли трех женщин на

снегоходы, и через несколько минут все уже мчались к берегу.

Гамаш цеплялся за Билли. Все вокруг было белым. Снег проникал в них – было невозможно не только дышать, но и видеть. Откуда Билли знал, где находится берег, было загадкой. У Гамаша возникло впечатление, что они едут в другую сторону – вглубь озера. Он открыл было рот, чтобы сообщить об этом Билли, но решил, что лучше промолчать.

Он знал, что потерял ориентацию. И еще знал, что должен доверять чутью Билли. Он вцепился в Билли и ждал, когда снегоход уткнется в берег, поднимется вверх по склону и окажется на рю Принсипаль. Но этого не случилось. Прошли пять минут, потом десять, и Гамаш понял, что они посреди Лак-Брюм. Потерялись. В пургу.

– Где мы? – прокричал Гамаш в шапочку Билла.

– Будь спок, не мельтеши! – прокричал Билли и продолжил движение.

Три минуты спустя – хотя Гамашу и показалось, что прошла целая вечность, – снегоход поднялся на небольшое возвышение, и Билли повернул налево. Неожиданно они оказались в сосновом лесу. Берег. Они выбрались на берег, с удивлением думал Гамаш. Он оглянулся и увидел, что за ними протянулась цепочка снегоходов.

Билли направил снегоход по тропинке на улицу, еще не очищенную от снега, впрочем, машин на ней не было. Гамаш оглянулся, пытаясь отыскать свою машину: он знал, что ему предстоит неблизкая поездка в больницу Кауансвилла. Но Билли повез их другим путем.

«Черт бы его подрал, – подумал Гамаш. – Он потерялся на озере, и теперь один Господь знает, где мы оказались».

– Громкоговоритель! – прокричал Билли, показывая вперед.

Гамаш увидел громадный синий подсвеченный знак. Больница.

Билли Уильямс провез их в пургу через озеро прямо к больнице.

– Откуда вы узнали? – спросил Бовуар Гамаша.

Они оба сидели и смотрели на Кей Томпсон. Она была подключена к всевозможным приборам и капельницам, завернута в термоодеяло для обогрева. Похожа она была на печеную картофелину. Как и ее отец много лет назад, она заглянула в глаза неминуемой смерти и осталась живой, хотя шансов у нее практически не было.

Гамаш вытащил из кармана скомканный мокрый лист бумаги. Протянул его Бовуару, потом посмотрел на Кей, думая, в каком, вероятно, аду прожила она последние дни – ведь она знала, как они почти наверняка поступят.

Бовуар сел и аккуратно разделил бумаги, после чего снова соединил их

в письмо. Оно было написано рукой Эмили, четким, старомодным почерком на прекрасном французском. В нем объяснялось все. То, что Кри напомнила Эмили ее сына Дэвида. Такого талантливого, такого радостного, когда дело касалось музыки. И, услышав после церковной службы, как Си-Си третирует своего ребенка, они поняли, что выбора у них нет. Они должны были убить Си-Си, чтобы спасти Кри.

– Это многое объясняет, – сказал Бовуар, дочитав письмо. – И техническую сложность преступления, и почему Кей заявляла, что ничего не видела. Теперь все становится ясно. Для совершения преступления требовалось участие всех троих. Никотиновая кислота была в чае Матушки, Эмили регулировала, когда Матушке нужно устроить весь этот шум на площадке, чтобы отвлечь внимание зрителей от Си-Си. Кей оперлась на стул, нарушила его симметрию. Они знали, что Си-Си непременно выправит его. – Бовуар показал на письмо, лежащее на его коленях. – Мадам Лонгпре умоляет вас позволить им покончить с собой, и вы соглашаетесь.

Господь не дал Бовуару дара деликатности, и все же он постарался, чтобы его слова звучали не слишком резко.

Гамаш вышел из реанимационной в толчею коридора. Доктора и медсестры сновали туда-сюда, в реанимационной было полно жертв автокатастроф, лыжников со сломанными костями, людей с переохлаждением и обморожениями. Гамаш и Бовуар нашли два пустых стула и сели.

– Ты прав: я думал позволить им умереть. – Он едва верил, что произносит эти слова. – Еще вчера я знал, что, кроме них, убить Си-Си было некому. Письмо Эм только подтвердило мои догадки. Но, глядя, как они уходят все дальше, я вдруг подумал об эскимосских стариках, которые уходят на дрейфующий лед и плывут к смерти, чтобы в голодные времена не становиться лишним ртом и обузой. Они отдавали свои жизни, чтобы жили другие. Потом я вспомнил про сапожки Си-Си.

– Унты. Эскимосские сапожки. Вы хотите сказать, что к этому делу каким-то образом причастны эскимосы? – недоуменно спросил Бовуар.

– Нет, – Гамаш слегка улыбнулся ему в ответ.

– Слава богу. В этом участвовали только трое. А то я уж думал, что вся деревня.

К ним по коридору спешил молодой доктор, вытирая на ходу руки.

– Старший инспектор Гамаш? Я только что от мадам Мейер. Похоже, она будет жить. По виду хрупкая, но здоровье железное. У нее, конечно, отморожения и умеренное переохлаждение. Любопытно, что снег,

вероятно, спас всех троих. Он создал что-то вроде одеяла, которое защитило их. Но что касается другой женщины, Эмили Лонгпре…

Гамаш на мгновение закрыл глаза.

– Боюсь, мы ее потеряли.

Гамаш знал это. Когда он поднял ее, она была невероятно легкой. Он чувствовал, что должен помогать ей, иначе она умрет прямо у него на руках. Он держал ее и нашептывал ей все молитвы, какие знал. Но трещина в сосуде была слишком велика.

Теперь Эмили Лонгпре свернулась калачиком в руках Гаса, в тепле и безопасности. Она была счастлива, слушая, как Дэвид играет Концерт для скрипки Чайковского. Эм была дома.

– Мадам Мейер в сознании, если вы хотите поговорить с ней.

– Очень хочу.

Гамаш двинулся следом за доктором по коридору.

– Да, хотел у вас спросить, – сказал доктор у двери. – Мадам Мейер все время повторяет что-то, и я подумал, может, вы знаете.

– Намасте, – кивнул Бовуар. – Это означает, что Бог во мне приветствует Бога в вас. – И пояснил Гамашу, который удивленно посмотрел на него: – Я это выяснил.

– Нет, про намасте я знаю, – возразил доктор, открывая дверь.

– Эскимосские сапожки, – сказал Гамаш Бовуару. – Эмили Лонгпре не упомянула их в письме. Она не знала про них, пока я ей не сказал. Но даже и тогда она не поняла значения моих слов.

Гамаш исчез в палате Беатрис Мейер.

Бовуар остался на пороге один. О чем это толкует шеф?

И тут до него дошло. Три Грации, как эскимосы, пытались покончить с собой, чтобы спасти кого-то другого. Спасти настоящего убийцу.

Они не убивали Си-Си. Это сделал кто-то другой.

Из палаты до него донесся голос Беатрис Мейер:

– В жопу папу римского!

Бовуар снова подвел машину к дому. Когда он нажал на тормоза, ее занесло, словно и машина не хотела здесь останавливаться.

Старый дом Хадли был почти полностью погружен в темноту, дорожка к дому не расчищена, но на ней никаких следов. Целый день никто не входил в дом и не выходил из него.

– Вызвать помощь?

– Нет, я думаю, он не удивится, увидев нас. Может, даже почувствует облегчение.

– Я так и не могу понять, почему Си-Си вышла за него, – пробормотал Бовуар, глядя на закрытую дверь.

– Из-за его имени, – ответил Гамаш. – Этот ответ мне подсказала Николь.

– А она-то как поняла?

– Вообще-то, она не поняла. Но она сказала мне, что пошла спасать Сола Петрова из-за его имени. Сол. У нее был дядюшка Сол, и считается, что он виноват в том, что бо`льшая часть семьи погибла в Чехословакии. Включая и самого дядюшку Сола. Это сработало на инстинктивном уровне. Ничего рационального в ее поступке не было.

– Что бы она ни делала, в этом нет ничего рационального.

Гамаш остановился на полпути к дому и повернулся к Бовуару:

– Во всем есть рациональное зерно. Не недооценивай ее, Жан Ги. – Он смотрел в глаза Бовуара немного дольше, чем это было необходимо. – Все это дело связано с верой и силой слова. Си-Си де Пуатье вышла за единственного человека, за которого могла выйти. Она вышла замуж за отпрыска королевской крови. Любимым сыном Алиеноры Аквитанской был Ришар Кёр де Лион. По-английски – Ричард Львиное Сердце. Ришар Лион.

– Ее привлекло имя, а не сам человек?

– Это случается довольно часто. Если тебе нравится имя Рожер, ты вдруг обнаруживаешь, что испытываешь симпатию ко всем Рожерам.

Бовуар фыркнул. Он не мог вспомнить никаких симпатий к Рожерам со своей стороны. И точка.

– И противоположное тоже верно, – продолжил Гамаш. – Ты, например, ненавидишь Жоржей, а потому велика вероятность того, что, встретив Жоржа, ты будешь испытывать к нему антипатию. Я и про себя это знаю. Ничуть этим не горжусь, но так случается. Один из моих лучших друзей – суперинтендант Мишель Бребёф. Каждый раз, знакомясь с человеком по имени Мишель, я думаю о Бребёфе и тут же проникаюсь симпатией к новому знакомцу.

– Вы тут же проникаетесь симпатией к незнакомому человеку. Это не в счет. Дайте мне отрицательный пример.

– Ну хорошо. Сюзанна. В младшей школе девочка по имени Сюзанна каких только подлостей мне не делала.

– Так она делала вам подлости? – Лицо Бовуара сморщилось от смеха.

– Ужасно низкие подлости.

– И что именно? Вонзала вам нож в спину?

– Обзывала меня по-всякому четыре года. Столько лет преследовала

меня по коридорам, под арками, по лабиринтам моего собственного разума.

– Эти последние ваши слова были цитатой, если не ошибаюсь.

– Боюсь, что так. «Райская гончая» английского поэта Фрэнсиса Томпсона. А может, она и была гончей. Она научила меня, что слова ранят, а иногда убивают. А случается, что исцеляют.

Они подошли к двери и нажали кнопку звонка. Дверь открылась.

– Месье Лион, – сказал Бовуар, переступая через порог. – Нам нужно поговорить.

Гамаш опустился на колени перед Кри. Ее руки и ноги стягивал алый купальный халат.

– Кто же будет присматривать за ней? – спросил Лион. – Как она будет без меня?

Бовуар чуть ли не вскрикнул: а с чего это вдруг Ришар Лион озаботился судьбой дочери? Вот до чего ее довела жизнь под «присмотром» отца! И теперь она, эта жизнь, может только улучшиться. Но Бовуар придержал язык, увидев лицо Лиона – робкое, испуганное, смирившееся с поражением.

– Можете не беспокоиться, – сказал Гамаш, медленно распрямляясь. – За ней присмотрят.

– Я должен был раньше остановить Си-Си. Не допустить этого. Си-Си вела к этому с самого рождения Кри. Несколько раз я пытался поговорить с ней. – Лион посмотрел на Гамаша, умоляя взглядом о понимании. – Но ничего не получилось.

Все трое посмотрели на Кри, которая сидела на своей кровати среди конфет и оберток, словно здесь разразилась шоколадная буря. Она – конечное звено в цепочке всех страхов и фантазий ее матери и бабки. Вот их творение. Подобие монстра, созданного Франкенштейном. Лоскутное одеяло их собственных страхов.

Старший инспектор Гамаш взял ее за руку и посмотрел ей в глаза:

– Кри, почему ты убила свою мать?

Лежа на берегу, Кри чувствовала лучи горячего солнца на своем лице и длинном, гибком теле. Ее бойфренд протянул руку и коснулся ее, с невыносимой нежностью заглянул в глаза. Его юное тело светилось и сияло, словно насыщенное светом, и он притянул ее к себе, нежно поцеловал, прижался к ней.

– Я люблю тебя, Кри, – прошептал он. – В тебе есть все, что только можно желать. Я думаю, ты сама не понимаешь, как ты прекрасна,

талантлива, блестяща. Ты самая замечательная девушка в мире. Ты не споешь мне?

И Кри спела. И, услышав ее голос, молодой человек в ее объятиях вздохнул и улыбнулся от счастья.

– Я тебя никогда не оставлю, Кри. И никому больше не позволю сделать тебе больно.

И она поверила ему.

Глава тридцать восьмая

Дверь открылась еще до того, как Гамаш и Рейн-Мари успели постучать.

– Мы вас ждали, – сказал Питер.

– Это ложь! – закричала Рут, устроившаяся в этом уютном доме. – Мы начали есть и пить без вас.

– По правде говоря, она ни на минуту не прекращала ни того ни другого, – прошептал Питер.

– Я все слышала! – прокричала Рут. – Оттого что это правда, она не становится менее оскорбительной.

– Bonne année[98], – сказала Клара.

Она расцеловала Гамашей в обе щеки и взяла их куртки.

Это была ее первая встреча с Рейн-Мари, и та оказалась именно такой, какой представляла себе Клара. Улыбающаяся и дружелюбная, добрая и изящная, в сшитых на заказ и удобных юбке и блузе, в свитере из верблюжьей шерсти и шелковом шарфике. На Гамаше был твидовый пиджак, галстук, спортивного типа брюки. И Гамаш умел носить эти красивые вещи с легким изяществом.

– С Новым годом.

Рейн-Мари улыбнулась. Ее представили Оливье и Габри, Мирне и Рут.

Питер провел их в гостиную и спросил:

– Как поживают Матушка и Кей?

– Поправляются, – ответил Гамаш. – Все еще очень слабы и тоскуют по Эм.

– Невероятно, – сказал Оливье, присаживаясь на подлокотник кресла Габри.

В камине потрескивал огонь, на рояле стоял поднос с напитками. Всегда гостеприимная комната выглядела еще приветливее с новогодней елкой.

– Устрицы на рояле, подальше от Люси, – объяснила Клара. – Только у Морроу может быть собака, которая любит устрицы.

– Мы видели бочонок при входе, – сказала Рейн-Мари, вспомнив деревянную емкость, полную устриц, в снегу перед дверью в дом Морроу.

Она не ела устриц с детства. В деревне, где она росла, на Новый год тоже привозили бочонки устриц. Квебекская традиция.

Взяв тарелки с устрицами на половинке раковины, с тонкими

ломтиками ржаного хлеба под тонким слоем масла и кусочками лимона, двое новоприбывших гостей присоединились к остальным перед камином.

– Как поживает Кри? – спросила Клара, устраиваясь рядом с Питером.

– Она сейчас в психиатрическом отделении. В ее нынешнем состоянии суд ей не грозит. А может, и вообще не грозит, – ответил Гамаш.

– А как вы поняли, что она убила мать? – спросила Мирна.

– Вообще-то я думал, что это сделали три женщины – они просто обвели меня вокруг пальца, – признался Гамаш, отхлебнув вино. – Но потом я вспомнил эти унты из кожи новорожденного тюленя.

– Злодейство, – заметила Рут, делая очередной звучный глоток.

– Эмили в своем письме сообщала о никотиновой кислоте, антифризе, проводах. Но одну важнейшую деталь она упустила.

Все навострили уши.

– Если бы они сделали все то, о чем сказано в письме, то Си-Си осталась бы жива. Эмили в своем письме ни слова не сказала о сапожках. Но если бы на Си-Си не было эскимосских сапожек с металлическими зацепками, то ничего бы не произошло. Эти металлические зацепки – ключ к убийству. Я сказал вчера об этом Эмили, и ей стало худо. Более того, она удивилась. Она слышала, как Си-Си идет, поцокивая этими крючками после предрождественской службы, но не видела ее. Она понятия не имела об источнике этого звука.

– Никто из нас не имел об этом понятия, – сказала Клара. – Впечатление было такое, будто идет какое-то чудовище с когтями.

Пока она слушала Гамаша, ей на память пришла известная рождественская песенка: «Скорбя и мучаясь, в крови и ранах ляжет он в холодный гроб». И тут Клара вспомнила, что песня эта называется «Мы, три волхва».

– Я понял, что эти женщины не могли убить Си-Си. Но они знали, кто это сделал, – сказал Гамаш. Его слушатели, даже Люси, молча взирали на него. – Матушка все нам рассказала. Кей назвала только свое имя и номер социального страхования, который оказался номером ее телефона. Так я и не добился от нее прямого ответа.

– Я тоже не даю ему прямых ответов, – сказал Габри, обращаясь к Рейн-Мари.

– И не должны, mon beau Gabri, – откликнулась Рейн-Мари.

– Как сказала Матушка, Кей видела все, а то, чего она не видела, они домыслили позднее. Например, они не видели, как Кри подсыпала никотиновую кислоту в чай матери. Но они видели, как она разлила жидкость для омывателя лобового стекла за стулом. И еще Эмили видела,

как Кри ходит вокруг машины Билли Уильямса. Поначалу все эти факты ничего им не говорили, но, когда Кей увидела, как Кри намеренно поставила стул наперекосяк и замкнула на него провода, ее одолело любопытство, хотя она никак не ожидала, что это кончится убийством. Си-Си, конечно, целиком была поглощена тем, что происходит на льду, но, как только она ухватилась за стул и получила удар током, Кей тут же стали ясны все предыдущие действия Кри. Ведь она сама всю жизнь проработала с лесорубами и понимала кое-что в генераторах и проводах. Прежде чем помогать Си-Си, Кей отсоединила провода и отшвырнула их в сторону. Тут поднялась суета, народ толпился вокруг Си-Си, и провода просто затоптали – они исчезли под снегом. Пока вы все суетились вокруг Си-Си, Кей стала собирать провода. Эм увидела ее и спросила, что она делает. У Кей не было времени рассказывать ей все – она только сказала, что ей нужно убрать провода в машину Билли. Эмили и не требовалось других объяснений.

– Значит, им было известно, что Кри убила свою мать, – заговорила Мирна. – Но знали ли они, что Си-Си убила *свою* мать?

– Нет. Пока я не сообщил об этом Эм. Нет, смерть Си-Си никак не связана с тем, что она убила свою мать. По крайней мере, в буквальном смысле. Матушка, вероятно, сказала бы, что это карма.

– И я бы тоже.

– То, что Кри убила свою мать, можно квалифицировать как самозащиту. Чаша ее обид переполнилась – она больше не могла это выносить. С детьми такое иногда случается. Они убивают либо себя, либо своих обидчиков. Эмили говорила, что Кри способна ввести в заблуждение, хотя и без всякого коварства. Она имела в виду, что Кри кажется глуповатой, без искры или таланта. На самом деле это не так.

– Мы слышали, как она пела в церкви, – вспомнил Оливье. – Это было великолепно.

Все кивнули.

– И еще она круглая отличница. Блестящая ученица, особенно в естественных науках. Достаточно сказать, что в последние годы именно она отвечала за освещение на школьных спектаклях.

– Все неудачники такие, – сказала Рут. – Я тоже такой была.

– В этом году у них в программе среди прочего были витамины и минералы. Комплекс B. Никотиновая кислота. На рождественском экзамене Кри получила девяносто четыре процента. Кри обладала всеми необходимыми знаниями, чтобы убить свою мать.

– Интересно, была ли у нее в голове идея электрического стула, – сказала Мирна.

– Возможно. Мы, наверно, никогда об этом не узнаем. Она почти в кататоническом состоянии.

– Так вы знали, что это не Три Грации. Но как вы поняли, что это Кри? – спросил Питер.

– Сапожки Си-Си. Про них знали только два человека. Ришар и Кри. Мне хотелось считать, что это сделал Ришар. Ведь, как ни крути, он был идеальным подозреваемым.

– Почему вы так сказали? – В голосе Мирны слышалась легкая обида, и остальные с любопытством посмотрели на нее. – Он сегодня зашел ко мне в магазин вот с этим. – Она извлекла из своей сумки нечто похожее на тонкую перчатку. – Это просто чудо какое-то. Дайте-ка мне ее. – Она показала на раскрытую книгу в твердом переплете, лежавшую на подушечке, надела перчатку и взяла книгу. – Смотрите. Держать легко. Он что-то сделал с этой перчаткой. Как-то ее усилил. Когда вы надеваете эту перчатку, книги в твердом переплете кажутся легче, чем в бумажном.

– Дай-ка я попробую, – сказала Клара. И верно: рука в перчатке надежно и без всякого напряжения держала книгу. – Здорово.

– Он узнал, что мы не любим книги в твердых переплетах, поэтому работал над этим.

Мирна передала перчатку Рейн-Мари, которая подумала, что Ришар Лион, вероятно, создал наконец что-то полезное и даже, может, коммерчески перспективное.

– Он в тебя влюблен, – пропел Габри.

Мирна не стала ему возражать.

– Но вы утверждали, что Лион все время сидел рядом с вами, – сказал Гамаш Мирне.

– Верно.

– И я вам поверил. Получается, если не Ришар Лион, то его дочь.

– Кри очень рисковала, – сказал Питер.

– Согласен, – кивнул Гамаш. – Но у нее было преимущество. Ей было все равно. Некуда пойти и нечего терять. У нее не было иных планов в жизни – только убийство матери.

– Пять часов. Пора идти. – Рут встала и обратилась к Рейн-Мари: – Пока я не увидела вас, у меня были все основания думать, что ваш муж абсолютно слабоумный.

– Merci, madame. – Рейн-Мари наклонила голову движением, напомнившим манеры Эмили. – Et bonne année[99].

– В этом я сомневаюсь.

Рут похромала из комнаты.

Ришар Лион сидел в своей рабочей комнате в подвале, работая над усовершенствованием того, что он стал называть Книжная рука. Рядом с ним на рабочем столике лежала рождественская открытка, полученная этим утром по почте. Открытка была от Сола Петрова – извинения за его роман с Си-Си. Дальше он писал, что у него есть пленка с фотографиями, компрометирующими Си-Си, но он сжег ее. Он хранил эту пленку, предполагая, что когда-нибудь, если Си-Си разбогатеет, он сможет шантажировать ее этими снимками. Он даже не исключал, что будет шантажировать этими пленками и Ришара. Но у него недавно проснулась совесть, которая, как он думал, уже в нем умерла, и теперь он хочет сказать Лиону, что сожалеет. Петров заканчивал это письмо словами о том, что, возможно, они когда-нибудь станут если не друзьями, то знакомыми, потому что почти наверняка будут соседями.

Лион удивился тому, что письмо оказалось для него таким важным, и он подумал, что они с Петровым вполне могли бы стать друзьями.

Гамаш и Рейн-Мари, направляясь к своей машине у бистро, столкнулись с агентом Робером Лемье.

– Я собираюсь встретиться с суперинтендантом Бребёфом, – сказал Гамаш, пожав руку молодому человеку и представив его Рейн-Мари, – и просить его перевести вас в наш отдел.

На лице Лемье появилось искренне удивленное выражение.

– Боже мой, сэр. Спасибо. Спасибо вам. Я вас не подведу.

– Знаю, что не подведешь.

Лемье помог ему очистить машину, а Рейн-Мари тем временем зашла в туалет бистро.

– Бедная мадам Зардо. – Лемье показал скребком на Рут, которая сидела на скамейке на деревенской площади.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что она пьяна. Один из местных сказал, что это ее пивная прогулка.

– А ты знаешь, что такое пивная прогулка?

Лемье хотел было ответить «да», но задумался. Может быть, он что-то не так понял. Пришел к поспешному выводу. Поэтому он отрицательно покачал головой.

– И я тоже не знал. – Гамаш улыбнулся. – Мирна Ландерс мне объяснила. У Рут Зардо была собака по кличке Дейзи. Я знал Дейзи. Они были неразлучны. Две дурно пахнущие старые дамы, ворчащие и

хромающие по жизни. Прошлой осенью Дейзи ослабела, совсем потеряла разум, и стало ясно, что конец близок. Рут отправилась со своей старой подругой на последнюю дневную прогулку. Было пять часов, и они зашли в лес, куда ходили каждый день. Рут взяла с собой пистолет и, когда Дейзи не смотрела, пристрелила ее.

– Но это ужасно.

– Это называется пивной прогулкой, потому что большинство фермеров, когда приходит время избавить от страданий их домашних любимцев, берут на последнюю прогулку упаковку из двенадцати банок пива и напиваются, чтобы сделать это в пьяном состоянии. Рут сделала это трезвой. Это был поступок любви, милосердия и необыкновенного мужества. Уже позже Оливье и Габри помогли ей похоронить собачонку здесь на площади, под скамейкой. И Рут каждый вечер в пять часов посещает Дейзи. Как Грейфрайерс Бобби[100].

Лемье не знал про этого шотландского пса, но понял, что был не прав.

– Ты должен быть внимательнее, – сказал Гамаш. – Я на тебя рассчитываю.

– Извините, сэр. Я буду стараться.

В управлении Квебекской полиции раздался звонок, и суперинтендант сразу же снял трубку. Он ждал этого звонка. Выслушав отчет, он сказал:

– Хорошая работа.

– У меня нет такого ощущения, сэр.

– А у меня, ты думаешь, есть? Меня от этого тошнит. Но тут ничего не поделаешь – это нужно сделать.

Это было правдой. У суперинтенданта лежала тяжесть на сердце из-за положения, в котором он оказался. Но он был единственным человеком, способным «утопить» Гамаша.

– Да, сэр, я понимаю.

– Ладно, – сказал Мишель Бребёф. – С этим все ясно. У меня еще звонок. Держи меня в курсе.

Он отключил агента Робера Лемье и принял следующий звонок.

– Bonjour, суперинтендант, – услышал он в трубке низкий дружеский голос Гамаша.

– Bonne année, Armand, – откликнулся Бребёф. – Чем могу тебе помочь, mon ami?

– У нас проблема. Мне нужно поговорить с тобой об агенте Николь.

Вернувшись домой, Иветт Николь распаковала чемодан, затолкала в ящики грязную одежду. Ее отец стоял в дверях, набираясь мужества, перед

тем как заговорить. Начать новый год с правды о вымышленном дядюшке Соле.

– Иветт.

– Да?

Она повернулась.

Засаленный серый свитер превратился в комок в ее руках. Говорила она недовольным голосом; прежде он не без некоторого удовлетворения отмечал, что таким тоном она разговаривает только с другими, но никогда – с ним. Теперь он почуял запах дыма, который усилился, когда он подошел ближе к дочери, – впечатление такое, будто ее жгли пламенем.

– Я горжусь тобой, – сказал он.

Она, конечно, рассказала ему про пожар. Но описание этого происшествия по телефону из Трех Сосен казалось нереальным. А сейчас, ощутив этот запах, представив ее в опасной близости к огню, он почувствовал страх. Неужели он мог потерять ее? Из-за лжи? Из-за вымышленного дядюшки Сола?

– Я больше не хочу об этом говорить. Я тебе уже все рассказала.

Она повернулась к нему спиной. В первый раз. Одним неторопливым, злобным, рассчитанным движением она навсегда изменила его жизнь. Отвернулась от него.

Опустошенный, потерявший дар речи Ари Николев пытался найти в себе смелость сказать дочери, что чуть не потерял ее из-за лжи, которую он ей скормил. И повторял много раз. Всю ее жизнь.

Она, конечно же, возненавидит его. Глядя на спину дочери, Николев представил себе свою жизнь на много лет вперед, серую и холодную. Все тепло, смех и любовь превратились в лед, были похоронены под годами лжи и сожаления. Стоило ли говорить правду, зная, что так оно будет?

– Я хочу…

– Чего ты хочешь?

Она снова повернулась к нему, силой воли побуждая его попросить ее еще раз. Пусть-ка еще раз вызовет ее на откровенность. Вызовет еще и еще раз этот рассказ о губительном пожаре, чтобы он вошел в семейную легенду, а бесчисленные повторы сгладили бы все нестыковки.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – безмолвно молила она отца. – Пожалуйста, спроси меня еще раз».

– Я хочу дать тебе это.

Он вытащил из кармана и уронил в ее ладонь конфетку в целлофановой обертке, которая зашуршала, как пламя в начале пожара. Он вышел и исчез в темном коридоре, дым цеплялся к нему, как когда-то

цеплялась дочь.

– С кем ты говорил? – спросила Рейн-Мари, вернувшись в машину.

– С Мишелем Бребёфом.

Гамаш включил передачу. «План задействован», – подумал он. На выезде из Трех Сосен они увидели стоявшего у машины человека, который помахал им.

– Это не Дени Фортен? – спросил Гамаш, знакомый с известным галеристом.

– Я толком не видела, но похоже, что он, – ответила Рейн-Мари. – Я встретила в бистро твоего приятеля. Он говорит, что рад был тебя повидать.

– Правда? Кто это?

– Билли Уильямс.

– И ты поняла, что он говорит? – удивленно спросил Гамаш.

– До последнего слова. Он просил меня передать тебе это.

У нее на коленях лежал маленький бумажный пакетик, и она защищала его от нового члена их семейства – пса Анри, развалившегося на заднем сиденье. Он внимательно слушал их разговор, помахивая хвостом. Рейн-Мари открыла пакетик и показала Гамашу кусок торта из безе с лимоном. У Гамаша мурашки побежали по коже.

– Слушай, тут есть салфетка, и на ней что-то написано, – сказала Рейн-Мари. Она засунула руку в пакет и вытащила салфетку. – Ну не забавно ли?

Гамаш притормозил у обочины на вершине дю-Мулен.

– Дай-ка я попытаюсь догадаться, – сказал он, чувствуя, как сердце бьется в груди.

Там, где есть любовь, есть и отвага,
Где есть отвага, есть и мир,
Где есть мир, там есть Бог.
А когда у вас есть Бог, у вас есть всё.

– Откуда ты знаешь? – спросила Рейн-Мари, глядя на него расширившимися от удивления глазами.

В зеркало заднего вида Арман Гамаш видел Три Сосны. Он вышел из машины и посмотрел на деревню, каждый дом которой гостеприимно светился теплом, обещая защиту от слишком холодного порой мира. Он закрыл глаза, чувствуя, как успокаивается его сердце.

– У тебя все в порядке?

Одетая в варежку рука Рейн-Мари оказалась в его руке.
– Более чем. – Он улыбнулся. – У меня есть всё.

Благодарности

Неизменно и, как всегда, в первую очередь мои благодарности Майклу, моему удивительному, прекрасному, блестящему и терпеливому мужу.

Спасибо Гэри Мэтьюсу и Джеймсу Кларку за прояснение важных вопросов об электричестве. Спасибо Лили де Гранпре за то, что французский язык выверен, в особенности в сфере лексики, не принятой в хорошем обществе, которой я, конечно, не пользуюсь, явно в отличие от нее. Спасибо Марку Бро за то, что позволил мне воспользоваться его чудесным именем. Спасибо доктору Роберту Сеймуру и доктору Джанет Уилсон за советы по медицине и за те необходимые мне ответы по медицинским вопросам, что я от них получила.

Немалая часть «Смертельного холода» посвящена кёрлингу, спорту, который я – так уж случилось – люблю. Я немного играла в кёрлинг в Тандер-Бее и Монреале и с уважением отношусь к мастерству и самообладанию, свойственным игрокам. Я уже не говорю об их способности делать поразительные броски в условиях колоссального напряжения. Это удивительный спорт, что бы ни думал о нем инспектор Бовуар. Я побывала в Клубе кёрлинга в Саттоне и говорила там с Уэйном Кларксоном, Ральфом Дэвидсоном и Бобом Дугласом, которые объяснили мне стратегию. Спасибо им за время, уделенное мне, и терпение.

Перед выходом моей первой книги я познакомилась на канадской конференции авторов детективных романов с Энн Перри. Она согласилась прочесть мой роман и стала первым признанным писателем, согласившимся дать рецензию для обложки, а это огромное событие в жизни писателя начинающего. Энн Перри прекрасна внешне и внутренне, и я глубоко признательна ей за то, что она уделила мне свое время. Я уж не говорю о рецензии. Я чрезвычайно признательна всем другим писателям, которые тоже дали положительную рецензию. Ведь это огромный труд – прочитать целый роман, когда еще миллион начинающих писателей просят тебя о том же. Но Маргарет Йорк, Реджинальд Хилл, Энн Грейнджер, Питер Лавси, Дебора Кромби и Джулия Спенсер-Флеминг – все они уделили мне свое время. И если меня кто-то попросит, я сделаю это для других.

Мои благодарности Ким Макартур и ее команде.

И наконец, я благодарна Терезе Крис, моему агенту, за ее мудрость и грубоватый юмор, Шериз Хоббс из «Хедлайн» и Бену Севьеру из «Сен

Мартинс пресс» за то, что улучшили эту книгу, и за то, что делали это с добротой и вдумчивостью.

Мне повезло в жизни, и я это знаю.

---

notes

Примечания

1

Утиной грудкой (*фр.*).

2

Кондитерские изделия, пирожные (*фр.*).

3

«Тинсюлата» – канадская фирма, специализирующаяся на производстве синтетической термоодежды.

4

«Курье энд Айвз» – американская печатная фирма 2-й половины XIX века, специализировавшаяся на изготовлении черно-белых литографий известных художников. Литографии раскрашивались вручную.

5

«Форчун 500» – ежегодный список 500 ведущих американских корпораций, публикуемый журналом «Форчун».

6

Парка – длинная теплая куртка с капюшоном.

7

«Ожильви» – известный в Монреале магазин, в последнее время специализирующийся на продаже дорогих вещей.

8

«Бригадун» – музыкальный фильм киностудии «Метро-Голдвин-Майер» (1954, сценарий Алана Джея Лернера), в котором фигурирует таинственная шотландская деревня, появляющаяся всего на один день каждые сто лет.

9

Растаман – последователь религиозного движения растафарианства, возникшего на Ямайке. Основа растафарианства – любовь к ближнему и отказ от западного общества. Растаманы считают богом императора Эфиопии Хайле Селассие I, носят дреды и курят коноплю.

10

Бри – название сыра, имеющего вид пухлой лепешки.

11

Дас – часто встречающееся имя среди приверженцев индуизма, буддизма и некоторых других восточных религий. Имеет значение «слуга бога».

12

Индийское приветствие.

13

Ягнячьей ножкой (*фр.*).

14

Сассун Зигфрид (1886–1967) – английский поэт и писатель, участник Первой мировой войны. Как выясняется из дальнейшего разговора, Клара имеет в виду Видала Сассуна, английского парикмахера-модельера.

15

Привет, моя дорогая (*фр.*).

16

Привет, моя любовь (*фр.*).

17

Добрый день (*фр.*).

18

Моя красавица (*фр.*).

19

Битва при Вими – сражение между канадскими и германскими войсками в апреле 1917 года, в ходе Первой мировой войны. Ценой тяжелых потерь канадцы сумели захватить район хребта Вими близ Арраса (Франция).

20

Рождество (*фр.*).

21

Магазин «Мир музыки» (*фр.*).

22

Имеется в виду капитан Ахав, персонаж романа Г. Мелвилла «Моби Дик».

23

Абу Бен Адхем (VIII в.) – легендарный исламский проповедник и герой одного из самых известных стихотворений английского поэта Ли Ханта (1784–1859).

24

Оден Уистен Хью (1907–1973) – англо-американский поэт.

25

Хект Энтони (1923–2004) – американский поэт.

26

Из стихотворения канадской писательницы Маргарет Этвуд «Печальный ребенок».

27

Пер Ноэль (Père Noël, в дословном переводе Отец Рождество) – фольклорный французский рождественский персонаж, ближайший аналог деда Мороза и Санта-Клауса.

28

Всем счастливого Рождества (*фр.*).

29

Рождественское полено (*фр.*).

30

Название марки мороженого.

31

«Подводная лодка» (*нем.*).

32

«Шестое чувство» – американский мистический фильм 1999 года с Брюсом Уиллисом в главной роли.

33

Иегуди – Иегуди Менухин (1916–1999), американский скрипач и дирижер.

34

Название пива.

35

Ваше здоровье (*фр.*).

36

Спасибо (*фр.*).

37

Не стоит благодарности (*фр.*).

38

По-французски «она» – elle.

39

Королевская канадская конная полиция.

40

Намек на то, что законодательством штата Техас разрешена смертная казнь на электрическом стуле.

41

Малыш (*фр.*).

42

Очень приятно (*фр.*).

43

Рада познакомиться (*фр.*).

44

Королевский канадский легион – канадская некоммерческая организация для ветеранов.

45

Если откровенно (*фр.*).

46

Это верно (*фр.*).

47

Дэвис Элизабет (Бетт) (1908–1989) – американская киноактриса, охотно играла антипатичных, язвительных персонажей.

48

Чудесно (*фр.*).

49

Такой вариант развязки наблюдается в классическом фильме ужасов «Франкенштейн» (1931). В романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», послужившем основой для этой и других многочисленных экранизаций, чудовище, порожденное Франкенштейном, навсегда исчезает в северных льдах.

50

Из стихотворения Джонатана Свифта «Сатирическая элегия на смерть знаменитого генерала», перевод В. Николаева.

51

Говядина по-бургундски (*фр.*).

52

К сожалению, нет, мадам Гамаш (*фр.*).

53

Ну вот (*фр.*).

54

Из стихотворения Маргарет Этвуд «Полуповешенная Мэри».

55

Здесь: канадско-французское ругательство, эквивалент «черт побери» (*фр.*).

56

А у тебя? (*фр*.)

57

Да, но, если откровенно (*фр.*).

58

Ладно, хорошо (*фр.*).

59

Шарах (*фр.*).

60

Да, это я (*фр.*).

61

Как дела, Арман? (*фр.*)

62

«Алкоа» – американская металлургическая компания, один из крупнейших производителей алюминия в мире.

63

Точно (*фр.*).

64

Здесь: ерунда (*фр.*).

65

Простите, но что вы хотели сказать? (*фр.*)

66

Ну да (*фр.*).

67

Мистер Картофельная Голова – американская игрушка, пластиковая картофелина, к которой прилагается множество дополнений, одним из таковых стала и миссис Картофельная Голова.

68

Войдите (*фр.*).

69

Гамаш цитирует выдающегося американского писателя Ральфа Уолдо Эмерсона, тогда как Бовуар говорит о британской рок-группе «Эмерсон, Лейк энд Палмер».

70

Название приюта для бездомных в Монреале.

71

Да, будьте добры (*фр.*).

72

Вы говорите, Аквитания? Мне нужно поговорить с кем-то там? Но почему? (*фр.*)

73

Перевод В. Томашевского.

74

Это невероятно (*фр.*).

75

Стюарт Марта (р. 1941) – американская предпринимательница, писательница, телеведущая, получившая известность благодаря своим советам по домоводству.

76

Одна из историй об этом древнегреческом философе гласит, что он днем с огнем искал человека.

77

Этельред II Неразумный (968–1016) – король Англии с 978 по 1013 и в 1014–1016 гг.

78

Совершенно верно (*фр.*).

79

Из стихотворения Леонарда Коэна «Гимн». *Коэн Леонард Норман* (р. 1934) – канадский поэт, писатель, певец и автор песен.

80

Здесь имеются в виду волшебные башмачки Дороти Гейл – героини книги Ф. Баума «Волшебник страны Оз». Эти башмачки имеют свойство телепортации. С помощью этого волшебства девочка Дороти возвращается в родной Канзас.

81

Анри, к ноге (*фр.*).

82

Примите мои поздравления (*фр.*).

83

Tabernacle, Sacré, Chalice, Merde – канадско-французские ругательства.

84

Но вы очень добры (*фр.*).

85

Персонаж из телесериала «Звездный путь».

86

В 1759 г. на Полях Авраама (в то время это было пастбище, принадлежавшее местному фермеру Аврааму) состоялось сражение между английской и французской армиями. Победу одержали англичане, и город Квебек, а затем и вся французская колония перешли под контроль Великобритании.

87

Тысяча благодарностей (*фр.*).

88

Частный детектив (*фр.*).

89

Маттон-Бей – английский вариант французского названия Бе-де-Мутон.

90

Да уж, это точно (*фр.*).

91

Название последнего из серии документальных фильмов о жизни Малкольма Икс, влиятельного активиста борьбы за гражданские права, убитого в 1965 году.

92

Да что вы? (*фр.*)

93

Я восхищаюсь Рут (*фр.*).

94

Идеально (*фр.*).

95

Плач аляскинского тюленя (*фр.*).

96

Черт побери (*фр.*).

97

Нет, еще не закончилось (*фр.*).

98

С Новым годом (*фр.*).

99

В дословном переводе это выражение означает «Урожайный год».

100

Грейфрайерс Бобби – собака, получившая известность в XIX столетии, символ верности: на протяжении 14 лет этот пес охранял могилу своего умершего хозяина в Эдинбурге (Шотландия).